

ДЖОН ХАРТ

БЕЗМОЛВИЕ

Бестселлер
NEW YORK
TIMES

Грандиозно и удивительно... захватывающее, тревожное повествование, коктейль из убийства, магии, безумия и безграничной любви, над которой не властна смерть.

The Washington Post

Annotation

Десять лет назад жизнь Джонни Мерримона бесповоротно изменилась. Раскрыв тайну серийного убийцы, терроризировавшего округу, он стал национальной знаменитостью. Однако Джонни не хочет славы. Больше всего ему по душе уединение в Пустоши, на земле своих предков, которой они владели более двухсот лет. Здесь, в этой безмолвии, он обретает особую силу. Единственная его связь с внешним миром – старый друг Джек. Частенько он заходит в гости к Джонни в сердце заповедного леса. Однако его пугают и это место, и та сила, которая вселяется в друга. Джек чувствует: в этой безмолвии притаилось что-то по-настоящему жуткое. И если он не спасет Джонни, его не спасет ничто...

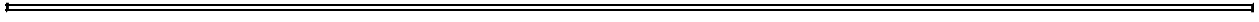
- [Джон Харт](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

Джон Харт

Безмолвие

Сейлору и Софи – потому что есть в мире такая магия и есть для нее такие сильные сердца

Глава 1

Джонни проснулся в развилке дерева под бриллиантовой россыпью звезд. Он лежал в потертом нейлоновом гамаке, подвешенном на огромном стофутовом дубе. Даже здесь, в шестидесяти футах от земли, ствол был толще Джонни, а сучья, пусть и гнутые, оставались крепкими и сильными. Каждый из них он знал на ощупь: потертости от его ног и рук, угол, под которым они уходили от ствола и разветвлялись, как пальцы. Джонни мог вскарабкаться на дерево в полной темноте, прокрасться мимо гамака и соскользнуть на тонкие, прогибающиеся под его весом ветви. Оттуда ему были видны луна и лес, а еще вытянувшееся к югу болото. Это была его земля – все шесть тысяч акров, – и он знал здесь каждый ручеек и холмик, каждый темный омут и прячущуюся полянку.

Джонни не всегда спал на дереве. Была еще хижина, но в ней порой тяжело дышалось. Он построил ее сам, так что не форма и не размеры толкали его, как ветер в спину, к старому дубу на расколоте холме. Не сны, не воспоминания, не какие-то темные силы, как, может быть, подозревали некоторые. На дерево он забирался, чтобы увидеть свою землю, почувствовать связь с ней.

Дуб вырос из каменистого холмика, вставшего из болота и занявшего место в ряду ему подобных, обозначивших разделительную линию между заболоченной пустошью и бесплодной возвышенностью, врезавшейся в дальний, северный, угол округа Рейвен. Из гамака взгляд Джонни простирался за трясину и через реку. Поднявшись еще на тридцать футов, он мог увидеть свет самого высокого здания в городе. По прямой – восемнадцать миль, а на машине все тридцать семь. Дороги на севере округа были запутанные и разбитые, и Джонни такое положение дел вполне устраивало. Чужих на своей земле он видеть не хотел и однажды даже стрелял в охотников, не пожелавших уйти, когда их попросили об этом вежливо. Он не планировал бить на поражение – в противном случае они были бы мертвы, – но черный медведь занимал особое место в сердце Джонни, и к тому же двух медведиц с медвежатами уже убили прямо в берлоге. Вот почему он отметил границы и преследовал охотников с непреклонной решительностью, не позволяя себе сна. Полиция, разумеется, его точку зрения не разделяла. Как, впрочем, и суды. За той стрельбой последовали месяцы в тюрьме и настоящая буря в газетах и на телевидении. А все потому, что репортеры ничего не забыли, и для многих

он так и остался темноглазым мальчуганом, прославившимся десять лет тому назад^[1].

Считают ли его опасным или чудным, на то Джонни было наплевать. Другое дело – видеть тревогу на лицах родителей. Они хотели бы вернуть его в город и запереть в четырех стенах, но в глубине души понимали, что сама жизнь смела его с темных страниц юности и перенесла сюда, в это особенное место. Оно и впрямь было особенным. Джонни чувствовал это во вкусе ветра, видел в тяжелом от звезд небе, а когда вглядывался ввысь, дивясь его неумолимой глубине, к глазам подступали слезы. Под всем этим ясным и чистым белым светом лежал пурпурный лес, живший в ритме, таком же знакомом теперь Джонни, как и биение его собственного сердца.

Это место.

Его жизнь.

Выбравшись из гамака, он пробрался, доверившись рукам и ногам, к тем самым тонким ветвям, которые еще держали его вес. Ствол на этой высоте был тонкий, и горизонт растянулся багровой линией, более темной на фоне всего остального. Внимательно осмотрев крону, Джонни поднялся еще выше – туда, где ствол был толщиной в два обхвата, а потом и вовсе в один. Забираться так высоко было опасно, но у Джонни имелась на то причина.

Он высматривал огонь.

* * *

Огонь в лесу вспыхивал и раньше: от лагерных костров, ударов молнии, даже от брошенной охотником сигареты. Но огни вроде этого были особенными, потому что на следующий день Джонни не находил и следа от них – ни обуглившегося прутика, ни обгоревшей травинки.

А смотрел он внимательно.

В первый раз это случилось вот так: безоблачное небо и тонкая струйка дыма. Поднявшись повыше, Джонни заметил слабое мерцание на полпути к дальнему холму, второму в ряду вершин, протянувшихся на север и запад. Три стороны склона лежали под мягким покровом сосен и невысокого кустарника; четвертая, открытая ему, являла обветренный каменный лик. Ближе к подножию, участок размером с городской квартал занимали булыжники и галька, и вот из этого отвала поднимались отвесные стены и засыпанные щебнем склоны, потом шли нагромождения камней и куртины деревьев, а еще дальше, вырвавшись на волю, возносилась

покореженная гранитная стена. Вот там, на исхлестанных непогодой гранях, и мерцали огоньки.

За три года он видел их одиннадцать раз. Этот был двенадцатый, и теперь Джонни вел наблюдение. Между камнями и булыжниками вверх по разбитому склону бежали, пересекаясь, раздваиваясь и теряясь, тропинки. Запутаться здесь было нетрудно, так что он мысленно промерил углы и направления и проложил маршрут, после чего быстро и уверенно спустился вниз, пролетел последние восемь футов и, выпрямившись, побежал. Босой, в обрезанных джинсах, без рубашки. Но подошвы давно задубели, а годы в темном лесу отточили зрение. Да и ночь выдалась не такой уж темной. В небе мигали звезды, а за рекой, вдалеке, поднялся полумесяц. И все равно для большинства людей передвижение с такой скоростью оказалось бы невозможным, но когда Джонни бежал, он бежал по-настоящему.

Быстро, не жалея сил.

Тропинка привела к реке, а за ней Джонни продолжил путь вдоль гребня, который привел его ко второму холму, подъем на который потребовал усилий, но не занял много времени. На вершине он остановился и взглядом поискал дымок. Ветер дул в нужную сторону, и в какой-то момент Джонни подумал, что опоздал, что огонь погас, а тот, кто развел его, ушел. Такое случалось и раньше – внезапная потеря следа, – и каждый раз им овладевало желание отбросить осторожность и ринуться куда глаза глядят, вслепую, наугад. Огонь казался загадкой, а разведший его – призраком. Но жизнь в лесу приучает не только к быстроте и постоянной готовности. Терпение, скрытность, простая вера – Джонни доверял своим чувствам.

И тот, кто развел огонь, призраком не был.

* * *

Дымок поднимался из последней долины; ветер нес запах древесной золы и горелой смолы. Подобравшись к краю деревьев, Джонни увидел открытую площадку и нагромождения скатившихся камней у подножия холма. Местами эти камни образовывали причудливые формы, напоминающие купола соборов. Между и за ними пробегали узкие и путаные тропинки; он несколько раз прошелся взглядом по темным линиям, прорезанным между деревьями и через завалы щебня в нижней части склона. Другие тропинки, выше, были едва заметны в лунном свете и могли быть не тропинками даже, а просто выступами. Джонни поискал

огонь на склоне, но ничего не обнаружил.

«Выше, – подумал он, – ближе к восточной стороне, чем к западной».

Проблема заключалась в том, что огонь как будто перемещался. В прошлом месяце он был выше и дальше к западу, а до этого обосновался в самом центре, над оползнем, формой напоминавшим перевернутую букву V. Джонни преодолел последний участок пересеченного рельефа и выбрал для подъема главную тропу между камнями. Миновав три развилки, он едва не уткнулся в камень. Тропинка сузилась, стало тесно. Джонни втянул плечи и провел пальцами по стенам, покрытым тонким, как пергамент, слоем шерстинок, оставленных здесь за многие годы медведями, койотами и оленями. За последним поворотом камень уходил вверх, образуя укромное местечко, возможно существовавшее в неизменном виде со времен зари человечества. Джонни посмотрел вверх и через узкую щель увидел полосу бледных звезд. Дальше он взял вправо и вверх и оказался на гребне под последним поясом леса. Никаких признаков огня.

– Ну ладно.

Джонни прошел через деревья к каменистой осыпи у основания холма. Поднимаясь по оползающему щебню, дважды падал. А когда минут через десять посмотрел вниз, голова закружилась от внезапно нахлынувшего ощущения – что-то не так. Слишком много пространства, слишком много багровых камней и пустого воздуха. Присмотревшись, Джонни заметил, что полоска леса, которой следовало быть под ним, каким-то непонятным образом сместилась влево, словно на него нашло вдруг затмение и он, сам того не сознавая, поднялся на сотню ярдов. Еще раз огляделся по сторонам, пытаясь точнее определить свое местоположение. Получилось выше и правее, чем по его расчетам.

Ладно, пусть так. Какие проблемы.

Так, да не так. Склон был слишком крутой, щебень уходил из-под ног, и Джонни шел словно по чешуе. Выше, примерно в сотне футов, виднелась роща из дубов и сосен. Тропинка за ней тянулась вдоль основания отвесной скалы и уходила, петляя, к следующим один за другим уступам и едва виднеющейся за ними вершине. Поднявшись слишком высоко и отклонившись слишком далеко вправо, Джонни оказался на том участке склона, который был опасен и который он хотел обойти. «Обычное дело, – сказал он себе. – Просто ошибся. Поторопился на подъеме, не учел, что в четыре часа утра не все выглядит так, как днем». Джонни повторил это объяснение, но и сам себе не поверил. Потому что поднимался по этому склону семь раз – и не сталкивался ни с какими проблемами.

И вот те на...

Осторожно, шаг за шагом, Джонни попытался убраться с откоса, высматривая камни покрупнее как более надежную опору. Двигаясь поперек склона, он продвинулся на двенадцать футов, когда нога поскользнулась, и из-под нее ушли двадцать футов камня. Джонни почувствовал это – и в следующий момент сам ухнул вниз. Грохот, какой бывает от грузового поезда, ударил в уши, а воображение подбросило картину: сотни футов почти вертикального склона, потом деревья и камни, лавина щебня, достаточно тяжелая, чтобы похоронить его заживо.

Но Джонни не умер...

Пролетев пятьдесят футов, он врезался во что-то и остановился, побитый, окровавленный и наполовину засыпанный. Не сразу, через боль, попытался определить, есть ли у него еще шанс умереть. Склон вверху вымело начисто. Груда камней вокруг наткнулась на преграду – мощный скальный выступ высотой в два фута, за которым ждал смертельно отвесный обрыв.

Джонни посмотрел влево-вправо. Ему не хватило совсем немного, фута или, может быть, нескольких дюймов.

* * *

Рассвет румянил деревья, когда Джонни приковывался к крохотной приземистой хижине. Кровать стояла возле сложенного из камня камина, и он свалился на нее мешком боли.

Проснулся Джонни через три часа и, бросив в угол одежду, пошел к ручью – смыть грязь и кровь. Потом перевязал самые глубокие порезы, надел джинсы и рубашку и натянул ботинки. Возле двери заглянул в зеркало размером четыре на четыре дюйма. Глаза, смотревшие на него оттуда, были неподвижны, как стекло, а взгляд так тверд, что лишь немногие выдерживали его более-менее долго. В свои двадцать три года он не улыбался без причины и не тратил время на людей, которых находил неискренними. Сколько можно слушать одни и те же вопросы?

Ты как, сынок?

В порядке? Держишься?

Десять лет он терпел тот или иной вариант одной и той же бессмысленной фразы, зная, что люди выискивают течения более темные, невидимые, глубинные.

Что ты видел в тех жутких местах?

А у тебя мозги там не перевернулись?

То были люди, которые шли на риск увидеть тьму в глазах Джонни, люди, которые задавали вопросы и всматривались в самую глубину этих глаз, надеясь увидеть, пусть на мгновение, того мальчишку, каким он был, ту неукротимость, боевую раскраску и пыл.

Тридцать минут спустя Джонни вышел из хижины и повернул на юг, через болото, а оттуда – по узким сухим тропинкам, к развалинам поселения, принадлежавшего когда-то освобожденным рабам и их потомкам. Большая часть построек сгнили и развалились, но несколько все еще держались. Когда люди спрашивали о Хаш Арбор, они имели в виду именно это: кладбище, старые дома, висельное дерево. Лишь немногие представляли действительные размеры поселка.

Открыв замок на одном из сараев, Джонни выкатил оттуда на грузовичке полувековой давности, выкрашенном белой краской и изрядно помятом. От сарая до металлических ворот было две мили. Проехав дальше, он свернул на шоссе, включил радио и покрутил ручку настройки. Ни госпел, ни радиошоу, ни местные спортивные новости его не заинтересовали. В самом низу частотной шкалы обнаружилась классическая станция из Дэвидсонского колледжа, которую он и слушал до тех пор, пока за холмистой грядой не появился город. Джонни знал в нем каждый уголок, каждый район, каждый памятник, каждую мостовую и даже каждую трещину в асфальте. За три сотни лет своего существования округ Рейвен видел немало конфликтов и пережил немало потерь. Его сыновья уходили на войну и умирали. Он получил свою долю волнений и депрессий; некоторые части города поглотил огонь.

Проехав мимо здания суда, Джонни остановился перед светофором. Люди за окном держались за руки, смеялись и любовались собственным отражением в полированном стекле. За следующим кварталом он прижался к бордюру напротив прилепившегося к тротуару старого скобяного магазинчика. Собравшиеся у витрины женщины рассматривали цветы в горшочках, помидоры и деревянные подносы с выложенными на них бобами, кукурузными початками и персиками. Никто не заметил Джонни, пока тот не вышел из кабины. Потом увидевшая его первой молодая женщина удивленно моргнула, а за ней внимание на него обратила еще одна. Когда Джонни проходил мимо, его сопровождали уже четыре пары глаз. Может быть, дело было в том, как он выглядел, а может быть, в его с городом истории. Так или иначе, Джонни прошел мимо, ни на кого не глядя, толкнул дверь и посмотрел на старика за накрытым стеклом прилавком в задней части магазина.

– Джонни Мерримон... Доброе утро.

– Доброе утро, Дэниел.

– Извини, тебя там целый комитет встречает... Как героя. – Дэниел наклонил голову в сторону витрины. – Две из них очень даже симпатичные и твоего возраста. Может, не стоило так решительно проноситься мимо?

Джонни кивнул, но не ответил. Не то чтобы ему не нравились красивые девушки – нравились, – но покидать Хаш Арбор он не собирался, а женщин, которым интересна жизнь без электричества, телефона и воды из крана, не очень-то много. Впрочем, Дэниелу, похоже, не было до этого никакого дела. Помахав дамам за стеклом, он перенаправил свою восьмидесятиваттную улыбку на Джонни.

– Итак, юный мистер Мерримон, чем могу помочь вам в этот чудесный день?

– Только патронами.

– У меня на заднем дворе новенький внедорожник. Могу предложить хорошую сделку.

– Мне нужны только патроны.

– Что ж, вполне справедливо. Хорошо, когда мужчина точно знает, что ему требуется. – Старик открыл замок и достал коробку с двадцатью патронами «Винчестер» калибра.270.

– Двенадцатый калибр тоже?

– Как всегда.

– Так, теперь птичья дробь... Номер семь.

Дэниел поставил на стекло две коробки, и на макушке у него взметнулся хохолок белых волос.

– Что еще?

– Этого достаточно.

Джонни, по давней привычке, заплатил ровно столько, сколько требовалось, и уже взял обе коробки, когда Дэниел заговорил снова.

– Тут твоя мать о тебе спрашивала. – Джонни остановился и повернулся вполборота. – Знает, что ты заходишь, что бываешь каждый месяц. Не мое, конечно, дело...

– Верно.

Старик поднял руки и качнул головой из стороны в сторону.

– Знаю, сынок, и я не из тех, кто вмешивается, – надеюсь, с этим ты согласен, – но она приходит, спрашивает о тебе и, черт возьми... – Дэниел не договорил, но потом, собравшись, все же добавил: – Ты бы навестил мать.

– Она попросила сказать мне это?

– Нет, не просила. Но я тебя с шести лет знаю, и эгоистом ты никогда не был.

Джонни поставил коробки на прилавок. Злиться он не хотел, но когда заговорил, получилось сердито.

– У нас ведь все хорошо, Дэниел. Ты так не думаешь?

– Да, но...

– Большую часть того, что трачу, я трачу в твоём магазине. Знаю, это немного – патроны да соль, рыболовные снасти да инструменты... Я прихожу сюда, потому что ты местный, и с тобой приятно иметь дело, а еще потому, что мне это нравится. Правда. Мы улыбаемся, болтаем о том о сем... Ты спрашиваешь, как я там, в глуши, а я отвечаю, как могу. Мы и пошутить можем.

– Джонни, послушай...

– Я прихожу сюда не за советом насчет девушек или моей матери. – Голос его зазвучал еще жестче, глаза потемнели. Выплескивать все на Дэниела было несправедливо, но воли отступить не нашлось. – Увидимся через месяц, о'кей?

– Конечно, Джонни. – Старик кивнул, но глаза не поднял. – Через месяц.

Выйдя из магазина, Джонни, так и не взглянув на все еще стоявших на тротуаре женщин, направился к машине. Забравшись в кабину, закрыл глаза и крепко сжал пальцами руль.

Вот дерьмо.

Он забывал – и сам это чувствовал. Забывал, как общаться с людьми, как быть частью... всего вот этого.

Джонни открыл глаза и посмотрел на старика и магазин, на дорогу и симпатичных девушек, все еще смотрящих в его сторону, хихикающих и перешептывающихся между собой. Одна из них, двадцатидвухлетняя внучка Дэниела, была красива как картинка. Месяцев шесть назад старик попытался как-то свести их.

Об этом Джонни тоже забыл.

Итак, выбор он сделал, и выбор этот не был легким. Вопреки тому, что говорил старина Дэниел, долгие отлучки из материнского дома объяснялись вовсе не эгоизмом. Глядя сыну в лицо, мать видела дочь, которую убили совсем еще юной, и мужа, который погиб, пытаясь ее спасти. Джонни знал эту правду, потому что и сам сталкивался с ней каждый раз, когда решался заглянуть в зеркало.

Вот так же стоял и мой отец.

Вот такой же была бы моя сестра.

Все так, все понятно, но время шло, и Джонни забывал не только, что такое нормальная жизнь; он забывал голос Алиссы, забывал те особенные взгляды, понятные только близнецам. Прошлое шло рядом, как тень, и с каждым днем эта тень вытягивалась и истончалась; воспоминания о детстве и семье, как хорошо им было вместе, – все блекло. Когда-нибудь, по прошествии дней, тень исчахнет, растает и просто исчезнет – вот чего боялся Джонни. Боялся больше всего на свете, а потому в конце концов и сделал то, о чем говорил старик.

Он отправился навестить мать.

* * *

Кэтрин Хант жила со своим вторым мужем в небольшом домике за оградой из штакетника. Расположенный в двух кварталах от библиотеки и бывшего суда, домик занимал тенистый участок на углу Джексон-стрит. Хорошая веранда, хорошие соседи. Прижавшись грузовичком к бордюру, Джонни прошелся внимательным взглядом по ярким окнам, сияющим свежей краской.

– Присматриваешься к участку?

Отчим вышел из-за пристройки размером с небольшой автомобиль. В джинсах и кожаных перчатках, он тащил за собой брезент с кучкой срезанной травы.

– А тебе разве не положено ловить плохих парней?

– Только не сегодня. – Клайд Хант опустил на землю брезент и открыл калитку в заборе. За пятьдесят, в хорошей форме, короткая стрижка.

Прислонившись к правой дверце, он просунул руку в открытое окно.

– Ты как, сынок? Давненько не заглядывал. – Детектив наклонился, прищурился. – Черт, Джонни... Что случилось?

– Ничего. Так, пустяки. Ты же знаешь...

Джонни высвободил руку, но укрыться от цепкого взгляда бывалого копа было негде. Хант взял на заметку и царапины, и ссадины, и то, как Джонни сидит, неловко повернув плечо.

– Вылезай-ка, парень.

– Я только маму повидать...

– Твоей мамы здесь нет. Давай, сынок, быстренько. Выходи.

Недолго подумав, Джонни заглушил мотор и выбрался из кабины. Клайд, стянув перчатки, пристально наблюдал за ним.

– Выглядишь малость побитым. Что произошло?

– Ничего.

– Не похоже, что ничего. Ребра?

– Ты почему спрашиваешь?

– Не надо со мной так, сынок. Я же видел, как ты сидишь, как идешь...

Думаешь, я никогда ребра не ломал? Ну, хватит. Давай-ка посмотрим. – Джонни бросил взгляд на улицу и подтянул рубашку на боку. Клайд негромко свистнул. – Вот так так... Да у тебя все разбито. Подрался?

– Упал.

Клайд задумчиво и с нескрываемым недоверием посмотрел на Джонни. Драки уже случались: с нарушителями, с двумя охотниками. Результат – четыре месяца в тюрьме. Джонни был упрям и на попятный шел редко. Отсюда и проблемы.

– Иди в дом, я тебя подлатаю.

Джонни опустил рубашку.

– Ни к чему это.

– Я к тебе не с просьбой обращаюсь.

Привыкший к тому, что его приказам подчиняются, коп повернулся и, не оглядываясь, направился к дому. Джонни замялся, глядя ему в спину, и, отстав на три шага, потянулся следом – по гравийной дорожке, к затененной веранде.

Войдя в дом, они прошли по широкому коридору к ванной.

– Снимай рубашку. Садись. – Клайд показал на табуретку перед раковиной и зеркалом. Не поднимая глаз, Джонни стянул рубашку. Его отчим, порывшись в шкафчике, достал перекись водорода, мазь и лейкопластырь. Выпрямившись, несколько секунд молча наблюдал за Джонни, сидевшим с опущенной головой и смотревшим куда угодно – на стену, пол, собственные руки, – но только не в зеркало. – Вот и твоя мать иногда то же самое делает. Не так часто, как раньше, но случается.

– Ты о чем?

Клайд сел, и, когда заговорил, голос его звучал уже мягче.

– О том, как она собирается с силами, прежде чем посмотреть в зеркало. Обычно по утрам; ей двух-трех секунд хватает.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Не понимаешь? Разве?

Джонни посмотрел в зеркало и в своем отражении увидел лицо мертвой сестры-близняшки.

– На следующей неделе будет десять лет, как мы ее нашли.

– Знаю. В четверг.

– Ты вообще об этом разговариваешь?

– С твоей матерью? Иногда. Не скажу, что часто.

Джонни отвел взгляд от зеркала.

– Где она?

– На побережье с какими-то приятельницами. Оно и к лучшему. У нее бы точно удар случился, если б увидела сейчас твою спину.

– Что, плохо?

– А ты не смотрел?

Джонни покачал головой.

– Ну так взгляни.

Не поднимаясь со стула, он повернулся – и увидел, синяки, ссадины и порезы.

– Рубашка в крови, – сказал Клайд. – Дам другую.

– Спасибо.

– Дальше будет больно. – Он потрогал ребра, спину. – Сиди смирно. – Джонни постарался, хотя давалось это с трудом. – Порядок. Ребра, думаю, целы. Может, только трещины... А вот ушибов хватает.

– Мы закончили?

– Еще нет.

На все ушло минут десять. Закончив, Клайд достал из шкафа рубашку и бросил Джонни.

– Не мешало бы швы наложить, но, думаю, и лейкопластыря достаточно. Ты только не напрягайся несколько дней. Понятно? Топором не работай и на это чертово дерево не лазь. – Джонни кое-как натянул рубашку. Клайд стоял, прислонившись к стене. – Хочешь поговорить об этом?

– Просто упал. Ошибся по невнимательности.

– Я видел, как ты ошибаешься, – но только не по невнимательности.

– В этот раз именно так. Сглупил.

– Как жизнь вообще? Всё в порядке?

– Да, нормально.

– Что с деньгами?

– С деньгами тоже.

– Да как так можно, Джонни? Ты же не работаешь. И не собираешься.

– Папина страховка...

– Да, отцовская страховка, есть такое дело... Давай-ка об этом поговорим. В тринадцать лет ты получил по отцовской страховке сто тысяч долларов. К восемнадцати годам сумма увеличилась до... примерно ста двадцати, так? Сколько потратил на адвокатов? Всё?

– Я в порядке, Клайд. Честно.

- У тебя есть мы, сынок. Давай поможем.
- Я же сказал, мне деньги не нужны.
- Только потому, что живешь на ягодах, корешках да змеях...
- Все не так, и ты сам это знаешь.
- Ладно, пусть у тебя есть огород. Хорошо. А если не сможешь охотиться и работать в поле? Если это болото возьмет да и проглотит тебя целиком?
- До сих пор не проглотило. И не проглотит.
- Ты не сможешь прожить так всю жизнь.
- Это кто сказал? – Джонни поднялся. – Послушай, спасибо за перевязку и все такое, но мне пора.

Он шагнул в коридор, но Клайд удержал его раньше, чем он дошел до двери.

– Ну же, Джонни. Подожди, подожди. – Тот на секунду остановился, но Клайду хватило и этого. Он развернул пасынка к себе, осторожно обнял. – Мы же любим тебя, сынок. Скучаем. Беспokoимся. – Отступил на полшага, но положил руки ему на плечи. – Здесь тебя никто не осуждает. Посмотри на меня. – Джонни посмотрел и почувствовал, как откуда-то волной накатывает злость. – Все, что только надо. Если захочешь вернуться. Если потребуются деньги.

– Слушай, Клайд...

– Ты хочешь уйти, знаю. Сам вижу и понимаю. У тебя на первом месте Хаш Арбор, всегда. Только прежде чем уйдешь, скажи мне кое-что. Помоги понять.

– Что?

– Почему ты так это любишь?

Хант имел в виду молчание и болото, одинокие холмы и бесконечные деревья. На первый взгляд простой вопрос, но прошлое пометило Джонни так, что не замечать этого могли лишь слепцы. Если б он заговорил сейчас о магии, люди подумали бы, что у него не всё в порядке с головой, что он тронулся или запутался в иллюзиях трудного прошлого. Не живя там, они не могли постичь правду Хаш Арбор.

А если б и могли, Джонни этого не хотел бы.

Глава 2

Офисы юридической фирмы занимали три верхних этажа десятиэтажного административного здания. Само здание считалось вторым по высоте в округе Рейвен, и из вестибюля верхнего этажа Джонни видел суд и тюрьму, банки, прохожих и дорожки из красного кирпича. Что-то металлическое блеснуло на улице. Джонни шагнул ближе, почувствовал, как через стекло дохнуло жаром, и посмотрел вдаль, туда, где под кронами деревьев прятались крыши домов.

– Извините, сэр. Я могу вам чем-то помочь?

По части глянца секретарша могла соперничать с полированным мраморным полом. Улыбка ее казалась вполне естественной, но было ясно, что клиенты в линялых джинсах и обшарпанных ботинках являлись сюда нечасто.

– Мне нужен Джек Кросс.

– Извините, кто?

– Джек Кросс. Он работает у вас адвокатом.

– Не думаю.

– Приступил на этой неделе.

– Сэр, я бы знала...

– Пятый сверху, тридцать третий снизу. – Джонни кивнул в сторону информационного табло на дальней стене. – Тридцать семь специалистов. Мой друг у вас новенький.

Женщина бросила взгляд влево и коротко кивнула.

– Извините. Вы раньше здесь бывали?

– Нет, впервые.

– Как вы... – Она указала на список и, не договорив, вопрошающе вскинула бровь.

– Как я увидел имя моего друга?

– Да. И еще посчитали, сколько юристов в этой фирме.

– У меня очень хорошее зрение.

– Понятно.

– Он на седьмом этаже. Мне можно спуститься?

– Дайте мне минутку разобраться, ладно? Вам нужно что-нибудь, пока будете ждать?

– Обойдусь.

– Хорошо. Я быстро.

Глядя ей вслед, Джонни отметил облегающую юбку и дорогие туфли. Отметил он и детали более тонкие. Под ароматом парфюма улавливался запах кофе, тонера и мужского лосьона после бритья. Один из ногтей был обгрызен до мяса. Вернулась она через минуту.

– Извините за путаницу. У нас действительно есть Джек Кросс. Принят в фирму на этой неделе. Не понимаю, как, но я его пропустила. Он в отделе по банкротствам. Седьмой этаж, как вы и сказали.

– Можно спуститься?

– Он сейчас в суде с одним из наших партнеров. Что ему передать?

Джонни даже моргнул от неожиданности. Хотя что тут особенного? В конце концов, его лучший друг – юрист. Поэтому Джонни к нему и пришел.

– Я хотел бы оставить записку.

– С удовольствием передам.

– Можно оставить записку на столе? Он – мой старый друг, и дело личное.

– Конечно. – Секретарша прижала пальцы к коже под шеей, а когда отняла их, на коже проступали бледные овалы. – Седьмой этаж. Спросите Сэнди. Она занимается делами новеньких компаньонов.

Джонни спустился по ступенькам и нашел Сэнди, являвшую собой полную противоположность секретарше на десятом этаже. Импульсивная. Растрепанная. Малопривлекательная.

– Мистера Кросса сейчас нет.

– Да, мне так и сказали.

Джонни проследовал за ней из одного коридора в другой, останавливаясь каждый раз, когда она вторгалась в тот или другой офис, раздавая файлы и короткие, отрывистые указания. «Вы расписались не в том месте!» «Это для судьи Форда, а не для судьи Рэндольфа. Будьте внимательны!»

После четвертого офиса Сэнди остановилась, повернулась к Джонни и пригладила убранный за ухо седую прядь.

– Извините. Назовите еще раз ваше имя.

– Мерримон. Джонни.

На мгновение ее черты накрыло облачко растерянности. Она слышала это имя, но не могла вспомнить в какой связи.

– Вы его друг? Родственник?

– Клиент.

– У мистера Кросса пока еще нет клиентов.

– Значит, я буду первым.

Аргумент не подействовал. Вокруг нее щелкали клавиши и шуршали

бумаги. Все занимались делом, и только им.

– Я в состоянии передать ваше сообщение.

– Я предпочел бы сделать это сам.

– Есть какие-то проблемы?

– Вовсе нет. Я хотел бы увидеть его офис, если такое возможно, и оставить записку в таком месте, чтобы он увидел ее сразу же по возвращении из суда.

– Ваше имя – Джонни Мерримон?

Оно все еще отзывалось слишком глубоким эхом. Джонни видел это в ее глазах и поджатых губах.

– Почему оно кажется мне знакомым?

– Не имею ни малейшего представления.

Она еще раз осмотрела посетителя, явно озабоченная тем, что этот отнимающий ее время неряшливый молодой человек, при всей непритязательности его внешности, возможно, важен в каком-то смысле. Это заняло у нее три секунды. Решение было принято, и оно оказалось не в пользу Джонни.

– Я не могу оставить вас одного в офисе адвоката.

* * *

Офис превзошел ожидания Джонни. Двойные окна предлагали вид на здание суда и парк за ним. На стене висели заключенные в рамочки дипломы. Мебель была дорогая и новая.

– Ну вот. Бумага на столе.

Джонни не спешил.

Никто не ждал многого от заблудшего мальчишки с больной левой рукой. Джек видел, как погибла девочка, и солгал насчет того, из-за чего это случилось. Некоторое время он провел в исправительном учреждении для несовершеннолетних, и еще больше – в тени Джонни Мерримона. Но Джек избежал того, что ему предрекали. Не попал в тюрьму, не работал на автомойке, не скатился в пьянство и вообще не свернул на дорогу к саморазрушению. По мнению Джонни, это заслуживало поощрения. Он провел пальцем по корешкам выстроившихся в ряд книг, потом взял со стола фотографию. В офисе она была единственная: два мальчишки у реки – Джонни и Джек, как братья.

В любое удобное время.

Джонни чувствовал раздражение и напряженность седоволосой

женщины, но снимок притягивал взгляд. Ребята на фотографии были без рубашек, оба загорелые до черноты, и оба улыбались. Позади них, недвижная, как камень, лежала река, а дальше, за ней, – только тень. Казалось, солнце высветило лишь их двоих, и в каком-то смысле так оно и было. В том возрасте секретов между друзьями не было совсем, а различий мало: «Люди Икс» или «Мстители», стикбол или бейсбол. Там Джонни впервые попробовал пиво, теплое, нагревшееся на большом плоском камне. Пиво Джек украл у отца и принес на реку угостить друга. «От мальчишек к мужчинам», – сказал он. *Первое пиво...*

– Сэр, вынуждена напомнить...

Джонни подержал фотографию еще секунду, потом положил на стол. Пододвинув лежавший в центре стола блокнот с отрывными страницами, написал свою записку, а когда выпрямился, Сэнди прочитала ее без колебаний и стеснения.

Горжусь тобой, Джек. Молодец.

А теперь сделай все правильно, или я сломаю эту твою девчоночью руку по-настоящему.

Женщина перечитала записку, и по ее шее растекся румянец.

– С этим дефектом мистер Кросс ничего поделать не может.

– Я в курсе.

– Это какая-то шутка?

Впервые после того, как спустился из вестибюля наверху, Джонни улыбнулся искренне.

– Позаботьтесь, чтобы он это увидел.

* * *

Часом позже город уже был ярким пятном в зеркале заднего вида. Рядом, на сиденье, стояла сумка, и в ней лежало то, что требовалось Джонни от города: шампунь и сигары, твердый сыр и бурбон. Представив, что ждет впереди, он улыбнулся, и с этой улыбкой продолжил путь – между деревьев и вдоль черной реки, мимо сгоревшего амбара и одиноко стоящей старой кухни на вырубке.

Оставив грузовичок под навесом, Джонни взял курс на холмы по другую сторону топи, следуя маршрутом, складывающимся в паутинку едва заметных тропинок. Путь пролегал мимо кладбища и еще сорока пяти маркеров, по большей части старинных. Самые старые, без всяких отметин

камни лежали под раскидистым, кривым дубом. И они снились Джонни чаще, чем ему бы хотелось.

Повешенные рабы под висельным деревом...

История округа.

И история его семьи.

* * *

Дорога к хижине заняла тридцать минут, но любому другому понадобилось бы больше. Один неверный шаг – и болото засосет твои ботинки. Секундная невнимательность может стоить жизни. А еще мокасиновая змея. Медянка. Отчасти и поэтому Джонни построил хижину там, где построил. Никаких дорог с севера, востока и запада. За границей его участка лежали еще сорок тысяч акров неводеланной земли, по большей части принадлежащих штату лесов и заповедников. Попастъ сюда можно было пешком – тропинок хватало, – а вот машина доезжала только до старого невольничьего поселка. Чтобы пройти оттуда к холмам, требовалось пересечь топь, а на это духу хватало далеко не всем. И дело не только в болоте и змеях. Тропинки путались и пропадали, так что заблудиться было проще простого.

Конечно, топь и черная вода захватили не всю пустошь. Местами земля приподнималась настолько, что на ней вырастали деревья. Островки площадью от пяти до тридцати акров выпячивались из топи, словно спина какого-то громадного, погрузившегося наполовину существа. Тропинки между ними напоминали скользкую губку и зачастую представляли собой всего лишь цепочку бугорков и кочек. Сама хижина оседлала каменистый пятачок, торчащий к северу от холмов. Обрубал поляну скальный откос, и когда солнце мазало хижину желтыми пятнами, его отвесная грань напоминала сверкающий бронзовый щит. Место было прекрасное, и Джонни не распространялся насчет его местонахождения. Мать и отчим навещали сына дважды, но интереса к необжитым землям на севере округа не проявили. Кроме них хижину видел лишь один человек. Он помог Джонни выбрать место и построить дом.

Джонни взглянул на солнце, потом на часы.

И рассмеялся, представив Джека посредине болота.

* * *

– Черт! Господи... Вот дерьмо.

Джек уже третий раз ступил в грязь. И дело не в том, что он не знал дорогу – знал! – но не был ни Тарзаном, ни Доком Сэвиджем, ни каким-то другим вымышленным персонажем, предпочитавшим жить в заднице джунглей.

– Джонни...

Нога снова соскользнула с тропинки.

– Чтоб тебя...

Отдуваясь и сопя, Джек заставил себя подняться и осторожно двинулся дальше. Он был в костюме и ботинках с заправленными в них штанинами. Галстук отсутствовал, пиджак и брюки украшали грязные пятна. Выругавшись в очередной раз, Джек подивился тому, почему москиты так любят его и пренебрегают Джонни Мерримом.

– Тебе же нравится, да? – ворчал он, хватаясь за жесткие, режущие пальцы стебли прутьевидного проса. – Сидишь, наверное, на каком-нибудь дереве и наблюдаешь...

Нога с чавкающим звуком вырвалась из топи, и Джек побрел дальше, стараясь ступать там, где трава высокая и с хохолком. Он знал Джонни с семи лет и даже теперь не мог принять тот факт, что его лучший друг владеет всем этим.

И почему ему так этого хочется...

Грязь, мошкара и...

Джек вскарабкался на последний сухой бугорок перед широким разливом воды, и солнце, опустившись пониже, залило все идеальным светом: оранжевую воду и далекие холмы, зеленые деревья и землю, и медно-красный гранит. В этом свете он увидел Хаш Арбор таким, каким видел его друг, таким, каким увидел сам, когда они впервые пересекли болото. Им было тогда по четырнадцать, и забираться в такую глушь не имело никакого смысла. Но они забрались – и, остановившись на этом самом месте, увидели то же, что и Джек сейчас.

– Боже мой. – Отдуваясь, он вытер ладонью пот со лба. – Как же я мог забыть?

* * *

К 6:40 у Джонни все было готово. Складной стол и стулья стояли на утрамбованной площадке в конце поляны. На столе красовалась бутылка бурбона. На эмалированных тарелках лежали сыр и копченая оленина;

девятифунтовый сом дожидался своей очереди идти на вертел. Сигары выходили за пределы его возможностей, но ими ни он, ни Джек не баловались. Просто однажды, давным-давно, они пообещали друг другу.

Дешевая выпивка, дешевые сигары...

Сначала они нагуляют аппетит.

Глупое обещание, мальчишеская похвальба, но они жили по этому правилу со времен средней школы, и Джонни не собирался что-то менять.

Вытянув ноги, он закинул руки за голову, сплел пальцы, улыбнулся и закрыл глаза. Теплый воздух, легкий ветерок.

На болоте Джек снова сделал неверный шаг.

* * *

Тропинка уже не уходила из-под ног, открытая вода отступила, сикоморы и кипарисы склонились так, что их можно было коснуться рукой. Джек хотел сделать все правильно, поэтому замедлил шаг и осторожно двинулся через заросли меч-травы и невысокий кустарник.

Хотя бы в этот раз...

Беззвучной тенью он ступил на сухую землю. Между деревьями мелькнула хижина. Джонни сидел у стола, за папоротником – босой, в линялых джинсах, закрыв глаза и повернув лицо к солнцу. Волосы у него были длиннее, чем в прошлый раз, и в какой-то миг Джека кольнула застарелая зависть. Худой, угловатый, жилистый, Джонни притягивал внимание даже мужчин. Он не был по-киношному красив, но и такие слова, как *изумительный* и *поразительный*, характеризовали его лишь в небольшой степени. Загорелый и темноглазый, Джонни напоминал героя из старых романов, воина-рубачу и покорителя женщин.

Взгляд Джека машинально упал на его собственную изуродованную руку. Свисая с левого плеча, она выглядела бесполезным придатком, доставшимся от десятилетнего мальчишки. Рукав проглотил ее полностью, даже пальцы оказались не видны. Таким его и знали в школе. *А, тот парнишка с недоделанной рукой...* Только Джонни понимал, что говорить о ней открыто и даже вышучивать этот дефект лучше, чем притворно ничего не замечать.

Ближе, еще ближе... Джонни сидел в той же позе, вытянув ноги и закрыв глаза. Джек остановился под последним деревом, подбросил на ладони камешек. Бросить следовало правильно – не попасть в лицо и не поранить до крови, но ударить так, чтобы чувствовалось, чтобы было

больно, как от материнской оплеухи. Так у них повелось с тех, мальчишеских времен.

Кто неслышней подойдет?

У кого верней рука?

Джек погладил камень подушечкой большого пальца и уже отвел руку для броска, но тут Джонни подал голос.

– Не надо.

– Чтоб тебя... – Джек опустил руку. Он даже не удивился, но огорчился всерьез. – Как у тебя это получается? Каждый раз. Это несправедливо.

Джонни открыл один глаз.

– Ты слишком шумный.

– Я всего лишь поднял руку.

Джонни встал и взял со стола бутылку бурбона.

– Не переживай. Давай-ка выпей. Тебе это, похоже, не помешает.

Джек выступил из тени. В этом было что-то противоестественное – Джонни всегда знал. Шорох шагов? Ну да, конечно. Треск сучка под ногой, чавкающий звук трясины... С этим можно согласиться. Но как Джонни догадался, что Джек поднял руку и вот-вот бросит камешек?

«Каждый раз, – подумал Джек и тут же уточнил: – Семнадцать раз за последние три года».

Раньше застичь его врасплох получалось по крайней мере в половине случаев, и такое соотношение сохранялось с детских лет. Иногда Джонни ловил Джека, иногда Джек ловил Джонни.

Так что же изменилось теперь?

Выйдя на поляну, Джек обозрел стол и стоящую на нем еду, а потом присмотрелся к своему ухмыляющемуся другу. Пронзительные, но ясные глаза, волнистые растрепанные волосы, уже касающиеся сзади воротника рубашки.

– Джек Кросс, лицензированный адвокат. – Джонни крепко обнял Джека. – Черт, я горжусь тобой.

Джек прижал к себе друга и тут же, смутившись, отступил. Джонни редко выказывал теплые чувства, и то, что он сделал это сейчас, тронуло в душе Джека разные струны.

– Спасибо. Долго шел.

Дорога и впрямь была долгой; они оба знали это, и правда отдавала горечью. Из порушенного детства Джек выбрался, стиснув зубы, срывая ногти, всего за шесть месяцев, и Джонни был одним из немногих, кто понимал, что являлось двигателем этой быстрой и необратимой перемены.

Признание вины. Раскаяние. Исправительное учреждение.

– Добро пожаловать. Садись, садись. – Джонни подтолкнул друга к столу, а когда Джек сел, налил бурбона и протянул ему стакан. – За яркие огни и лучшие деньки. Рад, что ты пришел.

Они чокнулись.

– А у меня был выбор?

– Выбор есть всегда, – сказал Джонни, хотя на самом деле никакого выбора не было. Они встречались дважды в месяц, раз – у Джека, раз – здесь. Так уж сложилось, и ни тот ни другой этот порядок не нарушал. – А почему в костюме?

– А?

Джонни сел по другую сторону стола. Поболтал бурбон в стакане.

– Ты почему не переоделся?

– Заседание закончилось поздно. Забежать домой не успевал, а идти через болото после захода солнца не хотелось. Я бы точно заблудился, и тогда даже ты меня не нашел бы.

– Ничего, ты бы выбрался.

Джек отпил из стакана и отвел глаза. Он всегда чувствовал себя неловко, когда приходилось лгать.

– Итак. – Джонни откинулся на спинку стула. – Суд.

Напоминание прозвучало вполне невинно, но Джек знал, что за ним стоит.

– Ладно. Звонил твой отчим. Просил заглянуть к ним, прежде чем ехать сюда.

– Попробую угадать. Он беспокоится обо мне.

– Сказал, что ты появился там, весь избитый и порезанный, что вполне мог бы умереть в этой глуши, и никто не узнал бы... Сказал, что в этот раз не хватило совсем чуть-чуть. – Джек вытянул два пальца, большой и указательный, и свел их вместе, оставив небольшой промежуток. – Что ты был весь в крови и едва не сломал свою чертову спину.

– Я действительно так плохо выглядел?

Джонни повертел стакан, и Джек нахмурился, потому что его друг был вроде бы в порядке. Легкая, ненатужная улыбка, вскинутая бровь.

– Клайд хочет, чтобы я убедил тебя вернуться домой или по крайней мере в город. Говорит, все это слишком уж затянулось. Говорит, твоя мать...

– Не втягивай в это мою мать.

Джек, однако, не уступил.

– Говорит, у твоей матери кошмары... боится, что потеряет еще и сына.

– Она только *думает*, что хочет, чтобы я был рядом. Ты же сам видел, как оно бывает, когда она смотрит на меня.

– Может быть...

– Знаешь же, что так оно и есть.

– Пора домой, Джонни.

– Думаешь, сможешь убедить меня?

– Думаю, тебе нужна моя помощь, и поэтому ты должен выслушать меня внимательнее, чем обычно.

Что-то шевельнулось у Джонни в глазах. Что-то жестокое, опасное и быстрое.

– Ты меня шантажируешь?

– Тебе нужна моя помощь или нет?

Джонни поставил на стол стакан, и посуровевший было взгляд смягчился.

– Может быть.

– Поэтому ты без предупреждения объявился у меня в офисе? Зачем испугал и обидел мою помощницу? Может быть, потому, что тебе нужна моя помощь?

Джонни пожал плечами.

– Просто болтался в тех краях.

– Она хотела позвонить в полицию.

– Да перестань...

– Ты пригрозил сломать мне руку. Она сказала – я цитирую: «Он самый опасный мужчина из всех, кого я знаю». А знает она многих. Судей. Директоров компаний. Председателей советов. Из-за того, что ты сказал или сделал, ей теперь тревожно.

– Да это же смешно. Ты – мой лучший друг.

– Да. Я это знаю. Она – нет.

– Что тебе от меня надо? Что ты хочешь мне сказать?

– Я хочу, чтобы ты был честен.

– А разве я не всегда честен?

– Насчет этого места – нет. О нем ты говоришь не всё.

Джонни увел взгляд к темнеющему лесу и далекой воде.

– Ты поможешь или нет?

Джек задумался. Противоречия в словах и поведении друга бросались в глаза. Джонни был самым независимым из всех, кого знал Джек, но сейчас ему требовалась помощь, и это было видно по его напряженным плечам, неподвижному взгляду и неестественному спокойствию.

– Насколько плохо с финансами?

Джонни снова пожал плечами, сделал глоток бурбона и изобразил улыбку.

– Нанять другого адвоката я не могу.

– Что-то еще осталось?

Он имел в виду деньги от страховки. Джонни сунул руку в карман и бросил на стол несколько скомканных банкнот. Джек поднял их, подержал и положил.

– Здесь триста долларов.

– Триста семь.

– А остальное?

– Ушло на адвокатов.

– Всё?

– Да.

– Господи, Джонни, есть же другие варианты...

– Только не говори, что надо продать землю.

– У тебя шесть тысяч акров.

– Я не продам их, Джек. Ни акра. Ни пол-акра.

– Я слышу, что ты говоришь, но задача проста. Ты можешь ничего не предпринимать и жить, рискуя потерять все, – или можешь продать тысячу акров, чтобы сохранить оставшиеся пять. Даже при срочной продаже по пониженной цене тебе хватит денег, чтобы нанять другого адвоката. Да что там, трех адвокатов. У тебя будут деньги в банке, и при этом ты останешься четвертым крупнейшим землевладельцем в штате Северная Каролина.

– Стоило учиться на юриста, чтобы дать такой совет? Продавать?

– Да.

– Для чего? – Джонни опустил стакан, и его черные глаза полыхнули. – Чтобы там осушили болото и вырубил лес? Чтобы какой-нибудь богатый банкир мог привозить туда своих друзей и охотиться с машины, пренебрегая всем, что я здесь люблю?

Видеть отразившиеся на его лице злость и отчаяние было тяжело. Джонни унаследовал землю в свой восемнадцатый день рождения, но на нее нашлись другие претенденты, и отмахнуться от их претензий было не так-то просто. Суд по существу дела Джонни выиграл, но риск оставался, поскольку проигравшая сторона имела законные основания для апелляции. Чтобы сохранить землю, ему требовалась поддержка опытного и влиятельного юриста из крупной, уважаемой фирмы. А это означало пятьсот, а то и шестьсот долларов в час.

– Эта земля моей семьи, Джек, – последнее, что не порубили, не продали и не испоганили. Без борьбы я ее не отдам.

– О'кей, давай забудем на минутку об апелляции. Как ты будешь жить без денег? А если ушибешься, поранишься и не сможешь охотиться? Как насчет бензина? Налоги на собственность? Медицинское обслуживание?

– Все, что мне нужно, это адвокат.

– Да пойми ты, я на работе всего лишь пятый день! Тебе потребуется специалист по апелляциям высшего уровня.

– Эта работа тебе по плечу.

– Как ты можешь такое говорить?

– Ты прошел программу колледжа за три года и закончил юридическую школу за два. К тому же ты – мой единственный друг.

– Это несправедливо.

– Ничего другого у меня нет.

– Черт бы тебя побрал. – Джек поднялся, прошел к зарослям папоротника и повернулся к Джонни спиной. – А нельзя просто выпить? Выпить бурбона, съесть сома, а остальное отложить на завтра?

– За тобой должок, Джек. – Произнесено это было с той же осторожностью, с какой вынимают металл из незалеченной раны. – За все десять лет я ни разу не дал прошлому встать между нами. Я ни во что тебя не впутывал.

– Знаю, так и было.

– Кроме тебя, мне никто больше не поможет.

Джек кивнул. Стакан он держал пятью здоровыми пальцами – пять маленьких бессильно сжались в кулачок.

– Ставки велики. Твоя земля, твоя жизнь. – Он сделал широкий жест. – Лес. Река. Даже не знаю, хочу ли я все это на свою голову.

– Боишься? – спросил Джонни.

– Шутишь? Я в ужасе.

Молодежь сыпала этим «в ужасе» направо и налево, и Джонни вдруг криво, но неожиданно сочувственно улыбнулся.

– Ну, тогда и не переживай. Отложим проблемы на завтра.

– Точно?

– Конечно. Садись. Выпей.

Джек так и сделал. Джонни налил еще.

Джек снова выпил.

* * *

Джек проснулся среди ночи – один, в мертвой тишине – и сразу же сел.

Глухо стучало сердце.

Что его разбудило?

Он не знал, но испытывал жуткий страх, как будто в голове у него чьи-то ногти скребли по стеклу.

Сон?

Джек спустил ноги на голый пол, и как только поднялся, голова закружилась, и его повело в сторону. Он прислонился к стене, но для устойчивости этого оказалось мало. Он согнулся, схватился за полы рубашки, потом медленно выпрямился, ощупью добрался до стула у окна и свалился на него, прижимая руку к груди. По лицу и шее катился липкий пот. Жидкий бледный свет растекался по столу, но все прочее оставалось в серой тени: углы, пол, пространство под стулом. Глядя через стекло, Джек увидел окутавший деревья туман и чахлый свет утренних сумерек.

– Джонни?

Открыв дверь, Джек ступил в мир – такой притихший, такой безмолвный, что он казался нарисованным. Не слышно было ни насекомых, ни лягушек. Пройдя вперед, Джек наткнулся на тропинку, которая вела через папоротники к некоему местечку под деревьями. Там было сумрачнее и прохладнее. Дальше лежало болото, напоминавшее о себе запахом черной грязи и гнили. Идти туда было незачем, но в снах смысла вообще мало, а происходящее ощущалось именно как сон: серебристая дымка, чувство тяжести в груди. Джек хотел проснуться в своей постели, но туман поредел, и на краю болота вырисовалась чья-то фигура.

Джонни?

Слетело слово с губ или осталось на них? Звук утонул во мгле, а Джонни не шевельнулся. Он стоял в черной воде, без рубашки, в мокрых до колена джинсах. На плечах под кожей перекачивались и подрагивали мышцы. Подойдя ближе, к самому краю воды, Джек обхватил себя руками и попытался проследить за взглядом друга. Тишина висела такая, словно само болото затаило дыхание.

– Ты что тут делаешь? – Ни ответа, ни даже жеста. – Джонни?

– Видишь?

Джек присмотрелся – вода... тьма... вдалеке островок.

– Ты о чем?

Джонни вытянул руку.

– Неужели не видишь?

– Там ничего нет. Идем.

Но Джонни и не ответил, и даже руку не опустил. Присмотревшись, Джек увидел болотную траву и деревья, а дальше, за ними, что-то вроде

растущей припухлости. Восходящая луна? Войдя в воду, он заглянул другу в глаза, остекленевшие и едва открытые.

– Джонни? Эй? Ты в порядке? – Джек тронул его за плечо. Джонни вздрогнул и моргнул.

– Джек? Что происходит?

– По-моему, ты ходишь во сне.

– Холодно. – И действительно, губы у него посинели, кожа была как лед. Ее чувствовал даже Джек: стылость сгустившегося воздуха, взявшегося неведь откуда и повисшего над жарким и влажным августовским болотом.

– Помнишь, как оказался здесь?

Джонни не ответил.

– Ты разговаривал со мной. Помнишь?

Джонни медленно кивнул и провел пальцами по лицу, как будто снимая невидимые клочья паутины.

– Всё в порядке. – Джек взял его за руку. – Ты просто спишь. Давай вернемся в дом.

Джонни поначалу сопротивлялся, потом вытащил ногу из трясины, повернулся к берегу и даже позволил себя вести, так что Джек на минуту поверил собственной лжи, поверил, что лишь случай привел их обоих на край болота. Но с каждым шагом фальшь этого объяснения ощущалась все острее. Мир затих и налился тяжестью, воздух был холоден, как что-то мертвое, и температура падала с каждой секундой. В какой-то момент дыхание вдруг вырвалось изо рта у Джека белым перышком пара.

– Дом, – словно молитвенное заклинание, произнес он, и тому было объяснение: вместе с холодом шел страх. Джек чувствовал его кожей как пощипывание на спине, будто из темноты надвигалось что-то ужасное, пугающее. – Идем, Джонни. – Джек потянул друга за собой, но тот застыл на месте, как коряга в иле, с вытянутой рукой, указывая на появившееся в тумане нечто. Бесформенное, ни на что не похожее, пустое пятно висело на фоне поднимающейся луны. Глядя на него, Джек не смог бы, наверное, сказать, что чувствует, но ощущение было такое, словно весь холод и весь страх истекают оттуда, из этого мутного мазка пустоты.

– Видишь? – спросил Джонни.

Джек не слушал и тянул друга все сильнее. Тянул к свету и теплу, куда-нибудь, но только подальше от проклятого болота.

– Черт возьми, Джонни! Давай же! – Он даже пустил в ход слабую руку; вырвал из топи одну ногу, потом другую. Сначала получалось медленно, потом быстрее, темная вода разлеталась брызгами, грязь

тащила за ногами. Джек выбрался из воды первым, Джонни за ним. Пошатнувшись, рванулся к папоротнику, и когда нога ступила на твердую землю, холод и ужас схлопнулись.

Застрекотали под деревьями сверчки.

В тростнике запели лягушки.

* * *

Джек повел друга в хижину, но тот двигался так медленно и неуклюже, словно его удерживали невидимые веревки, а потом вдруг свалился на кровать, будто веревки разом обрезали. Джек оставил его, а сам проверил окна и дверь. Ветер покачивал деревья. Туман рассеивался.

Что же это было?

Память уже расплывалась, страх рассеивался, как туман. Джек посмотрел на ноги – между пальцами темнела грязь. Настоящая. Значит, все было наяву. Как и кровь на руках и ногах. Как и царапины – он помнил, как падал, бежал и снова падал. Замка в двери не было. Джек забил клин и сел, прислонившись к двери спиной. На рассвете он проверил Джонни и окна. Потом, минут через десять, открыл дверь и вышел. Часы показывали 6:25. Свет был бледный, водянистый, но утро выдалось жаркое, и температура поднималась.

Что было не так?

Воспоминания сохранились фрагментами. Он помнил холодный как лед воздух и туман своего дыхания.

Вглядываясь между деревьями, Джек направился по тропинке к болоту. Земля под ногами была сырая, а прикосновение к дереву будто отозвалось эхом сна.

У края воды он попытался удержать тревожные образы, но чем сильнее напрягался, тем проворнее они ускользали. Он стоял на том самом месте. И Джонни тоже.

Почему же они так испугались?

Чем больше Джек думал, тем сильнее тревожил его этот вопрос. Нет, они не испугались. *Страх* – не вполне подходящее слово. Его обуял *ужас*.

Глядя на болото сейчас, в это верилось с трудом. В утреннем свете все выглядело мягким и спокойным; вдали виднелись островки, пятнышки света мелькали на воде.

Да приходили ли они сюда?

Джек долго стоял на берегу, но, как бывало со всеми его снами, образы

меркли и стирались, пока от них не осталось только слабое мерцание.

Кошмар или реальность?

Вернувшись к хижине, Джек застал Джонни за работой: он подкладывал веточки на вчерашние угли.

– Доброе утро, советник. Кофе через пять минут.

Наблюдая за другом, Джек искал какого-то указания на то, что тот помнит о случившемся накануне. Искал и не находил. Занятый делом, Джонни выглядел точно так же, как в любое другое утро, – расслабленным и полусонным. Разведя огонь, он поставил на решетку старый кофейник.

– Бери хлеб. Сейчас нарежу бекон.

– Ты в порядке, Джонни?

– Шутишь? Я отлично себя чувствую.

Он поворошил угли, вытер щеку, оставив пятно сажи, но голову так и не поднял. Джек сел на стул по другую сторону огня.

– Как спалось?

– Без задних ног.

– Посмотри на меня. Вчера вечером ты ушел спать на дерево. А проснулся в хижине.

Глаза у Джонни на мгновение затуманились; потом он пожал плечами.

– Сомнамбулизм, наверное. Бывает.

– Тебя это не пугает?

– Я же здесь. Всё в порядке.

– И о прошлом вечере ты ничего не помнишь?

– Помню, что засиделись. Перебрали с выпивкой.

– Что еще?

– Говорили о том, что твой отец в тюрьме, а мама живет в том дерьмовом трейлере. Ты рассказывал про свою работу. Один раз свалился и обмочился.

– Не смешно.

– Да уж...

Джонни рассмеялся, но Джек остался серьезен.

– И всё? Ничего больше?

– Конечно не всё. – Джонни перестал возиться с костром. – Помню, что манчего^[2] мы прикончили еще до бурбона. Сом тебе понравился, но, по-моему, ты проглотил кость. Мы курили, рассказывали анекдоты, решали загадки вселенной. Обычный ужин, Джек, как и любой другой.

– Что было потом?

– Никакого «потом» не было. Я пошел спать. Проснулся. И вот мы здесь.

Пытать друга дальше Джек не стал. Минуты через две он, поразмыслив, сказал:

– Послушай, я ухожу.

– Что? Ты серьезно?

Он поднялся, разгладил ладонями брюки.

– Нет настроения.

– Ладно. Дерьмово, однако. – Джонни тоже поднялся. – Мне тебя проводить?

– Нет, я в порядке.

Джек поискал ботинки, нашел и стал обуваться. Джонни смотрел, не зная, как быть. Такие дни всегда были для них обоих особенными. Обычно они рыбачили, охотились или стреляли по тарелочкам, и завтрак всегда становился чем-то вроде пиршества. Он дважды открывал рот – и наконец решился.

– Насчет моего дела...

– Оно тут ни при чем.

– Тогда почему уходишь?

Джек подобрал пиджак и оглядел поляну. Он никогда не понимал желания Джонни обосноваться в этом месте, но раз уж друг решил жить отшельником, то его, Джека, место – быть рядом. Отчасти это шло еще из детства, из взаимных обязательств; отчасти объяснялось тем, что они жили как братья. А это означало доверять, поддерживать, понимать. Но сегодня так не получалось, и Джек чувствовал случившуюся перемену так же ясно, как запах кофе в утреннем воздухе.

Джонни лгал.

* * *

К тому времени когда он вернулся в маленькую квартирку над булочной, которую снимал в центре города, его подозрения только укрепились. Было что-то такое в смехе Джонни, в его взгляде. Заперев дверь и выключив свет, Джек стащил грязную одежду, лег на кровать и предался размышлениям. Возможно ли, что лучший друг на самом деле лжец? Мысль эта серьезно его обеспокоила, и, как неприятна она ни была, Джек долго ворочал ее и так и этак, не желая принимать. Но потом, уже во сне, ему открылась еще более тревожная правда. Он стоял в черной воде, и рядом, в блеклом свете, стоял без рубашки Джонни. Глаза его были полузакрыты, руки повернуты ладонями вверх, как будто он ловил

падающий дождь. Все было словно наяву: вода у голеней, холодный воздух и страх. Джонни указывал на что-то, но Джек не смотрел – боялся.

Видишь?

Джек не видел, не хотел видеть.

Джек...

Теперь он посмотрел, но не туда, куда показывал Джонни. Увидел остекленевшие черные глаза и напряженные, подрагивающие мышцы. Может, Джонни тоже боялся. Может, ему, как и Джеку, было страшно.

Скажи, что ты видишь.

Но страх ощущался слишком реально, и Джеку стало стыдно за себя. Он закрыл глаза, а когда открыл их, то проснулся в своей квартире, пропахшей свежей выпечкой. За окном висело тусклое небо, простыни сбились.

Невозможно.

Однако же...

Хант упоминал какое-то падение, ссадины, черные, как чернила, синяки, глубокие, чуть ли не до кости, порезы. Он и позвонил Джеку, потому что Джонни упал и едва не погиб. Из-за бурбона и тумана Джек забыл об этом, но теперь вспомнил. Он и хотел бы отринуть внезапно открывшуюся правду, но перед глазами стоял Джонни, тот Джонни, каким он видел его накануне – наяву, а не во сне. Джонни был без рубашки, цел и невредим.

Ни синяков, ни порезов.

Глава 3

В тот вечер – второй подряд – Джек выпил больше, чем следовало бы. Началось с упаковки пива, а закончилось бутылкой бурбона у парапета ограждения на крыше здания. Он злился на себя и не мог отделаться от страха, снова и снова глядя на север, где над далеким болотом собирались темные тучи. Даже здесь Джек ощущал влажность тяжелого, насыщенного электричеством воздуха. На город надвигалась гроза, и он думал, что встретит ее на крыше – и пусть она подхватит его или расплющит о крышу.

Мысль была нелогичная, но Джек уже начал сомневаться в реальности – и, как следствие, в себе самом. Вырваться из тюрьмы детских страхов ему помогли осознанное восприятие действительности и сосредоточенность. Если он начнет сомневаться в себе, что останется?

– Черт бы тебя побрал, Джонни.

Джек поднял бутылку и отхлебнул бурбона, который тут же проложил огненный путь внутри. Не надо бы так. Он теперь адвокат, взрослый мужчина...

Джек еще раз приложился к горлышку, закашлялся. Внизу сияли городские огни, оттуда доносились звуки субботнего вечера. Было уже поздно, и ему следовало бы лечь спать. Именно это и требовалось от новичков: спать, работать и питать машину. После смерти Алиссы ничего другого, кроме нормальности и определенности, он и не хотел. В этом состояла суть права, и к этому ему надлежало склонять людей. В ушах звучали голоса профессоров:

Факт, закон, прецедент...

Джек рассмеялся, и звук напугал его самого, потому что в нем не было той самой рациональности. Смех получился ломаным, отрывистым, захлебывающимся; так же закончилось и детство Джека – не в покое и тиши, а в круговороте раскрытых тайн, смерти и суеверного ужаса. В его понимании это и был прецедент. Он мог бы поделиться своей мыслью с Джонни, и тот согласился бы с ним и кивнул, потому что ту дорогу они прошли вместе: исчезновение Алиссы, долгие поиски, ее тело в шахте и тела других. Джонни сказал бы: *да, помню, и да, есть черта между добром и злом*. Но другие люди могли пройти по той же дороге и увидеть иное. За годы после детства Джонни постепенно склонился к той прагматической точке зрения, что люди жестоки, эгоистичны и примитивны. Джек соглашался с ним – потому-то закон и важен, – но его потребность в

порядке проходила глубже, чем понимал даже Джонни. На той самой дороге Джек узнал много разного, и не все было рационально и реально. Там, где Джонни видел причину и следствие, Джек угадывал руку Господа или самого дьявола. И это не была гипербола или ложная вера; он точно, как то, что на руке у него пять пальцев, знал, что в мире есть и тень, и глубина, что зло реально и у него есть лицо. Потому-то Джек и стремился к порядку, прочности и контролю.

Да только где они?

Если то, что случилось на болоте, реально, то о порядке, прочности и контроле не приходилось и говорить.

Страшная мысль осела в нем давящим грузом. Глупости, сказал Джек – и сам себе не поверил. Тогда правду говорил Джонни? Тоже нет. Что-то произошло на том треклятом болоте, и убежденность в этом крепла и не поддавалась алкоголю. Вот почему Джек оставался у парашюта, подгоняя бурю, надеясь, что она сметет пыль, духоту и тревоги. Но гроза, не дойдя до города, повернула к востоку, помигала желтым, прыснула дождиком и удалилась, оставив его там, где он и был. Джек смотрел ей вслед, и к тому времени, когда небо очистилось и опустело, опустела и бутылка.

* * *

Проснулся он через несколько часов. В окне еще только серело. Привычка рано вставать и приниматься за работу выработалась в колледже и юридической школе. В жертву расточительности предлагались считанные часы, и Джек знал ценность согласованных усилий. Уэйк-Форестский университет он окончил первым в своем классе, школу права Дьюка – вторым. Он мог поехать в большой город, на большие деньги, но остался, потому что хотел доказать что-то городу, обгадившему все его детство.

К тому же здесь был Джонни.

Джек повернулся на кровати, поднял часы и, прищурился налитые кровью глаза, уставился на циферблат. Семнадцать минут седьмого. Проспал.

– Чудесно.

Воскресное утро? Неважно. Быть адвокатом хорошо, если ты партнер, а стать партнером нелегко и недешево. Обычно, как ему говорили, этот путь занимает девять лет. Джек планировал уложиться в пять, для чего заключил сам с собой сделку. Две субботы в месяц он проводит с Джонни. Все остальные дни – работает. И не как-то, а так, как работал в

юридической школе. По пятнадцать часов в день. По шестнадцать, если перекусывать на рабочем месте.

К без десяти семь Джек принял душ и оделся. Дорога до офиса занимала восемь минут, и по пути он сделал остановку – купил кофе с рогаликом. В здании никого не было, но его это не смущало. Джеку нравились пустые коридоры и запах наведенной чистоты. Расположившись за столом с кофе, он задумался над выбором практики. Фирма не отличалась размером, но пользовалась заслуженным уважением. Рынок округа Рейвен был невелик, но она привлекала клиентов со всего Юга. Чтобы сохранить такое положение, требовались время, усилия и жесткие, умные, ловкие юристы. Даже сейчас ходили разговоры о расширении – открыть офис в Шарлотт и, может быть, в Роли. В конце концов, всякое может случиться. Вашингтон. Атланта.

Джек подвинулся к выходящему на восток окну. Тюрьма была отсюда не видна, но он представил ее там, и в ней – своего отца. Повлияло ли это обстоятельство на решение остаться в округе Рейвен? Тот же вопрос относился и к матери, которая была сейчас либо в церкви, либо дома, на коленях. Она жила теперь в старом трейлере под засохшим деревом и винила Джека за все, что пошло не так в ее жизни. Молитвы ее звенели злобой и недоброжелательством, и другие верующие видели это в ней. На нее пытались подействовать – не получилось, ее перепихивали из одной церкви в другую, и каждая последующая была беднее и безнадежнее предыдущей. В последний раз ее видели на службе под навесом у берега реки. Приехавший из Южной Алабамы проповедник обильно потел и срывался на визг. Ничего больше Джек о ней не знал, да и знать не хотел. И пусть этот проповедник возрожденец, заклинатель змей или шарлатан – Джеку было все равно. Он верил, что Бог, когда пожелает, обращается к человеку лично. Иногда его это устраивало. Иногда нет. Да так «нет», что хоть волком вой.

Поразмышляв еще минуту о грехе и прошлом, Джек взялся за работу. А работая, он входил в состояние полной концентрации. Звуки приглушались, окружающая обстановка туманилась. На единственный файл Джек потратил пять часов. Заполнение. Регистрация. Резюме. Материалы по делу. Голова болела с похмелья, но он пробивался через боль, потому что делал то, что умел, в чем был хорош. Детали. Стратегия. Мелочи. Он пропустил ланч, а к двум в здании появились другие. Джек услышал приглушенные разговоры, звонки лифта в коридоре. Один раз он встал, размял спину и понаблюдал за въезжающим на стоянку длинным серебристым автомобилем. Когда дверца открылась, из машины

вышла женщина. Угол зрения внес забавные искажения, но Джек знал – она изящна, мила и опасно умна. Звали ее Лесли Грин, она была партнером, носила дорогую одежду, и таких, как у нее, пронзительных и красивых глаз, он еще не видел. Она вошла в здание, и Джек потерял ее из виду.

Он попытался продолжить работу, но, прочитав параграф шесть раз, не понял ни слова, а на седьмой попытке сдался. Все признаки были налицо. Мозг переключился на другую передачу, и виноват в этом был Джонни.

– Чтоб тебя.

Секунд десять Джек обдумывал варианты, потом вошел в кабину лифта и нажал кнопку третьего этажа.

На третьем этаже находился отдел апелляций.

И офис Лесли Грин.

Джек думал о ней, пока лифт шел вниз. Не то чтобы она ему не нравилась – возможно, она была прекрасным человеком, – но в трех случаях Лесли Грин загоняла его в угол и каждый раз хотела одного и того же: историю жизни Джонни.

Лесли хотела знать, правда ли все это.

В первый раз она пришла к Джеку в офис и изложила свою просьбу ясно и напрямик. В руке у нее была книга, на лице – улыбка. «Лесли Грин, – представилась она. – Партнер. Отдел апелляций. А ты тот самый Джек Кросс, о котором написано в книге?»

Она повернула книгу так, чтобы Джек увидел супер-обложку, и ее лицо отразило тот жадный интерес, который он видел много раз прежде. История Джонни, его детских приключений, история трагедии и насилия цепляла людское любопытство. Играли свою роль и фотографии. В тринадцать лет он производил сильное впечатление – скуластый, с черными как смоль волосами и диковатыми темными глазами. На самой знаменитой фотографии Джонни сидел в машине перед городской больницей – весь в кровавых царапинах, золе и липком ягодном соке. За рулем он выглядел совсем еще ребенком. Как и спасенная им, вцепившаяся ему в руку девочка. Порезов на нем было с дюжину, на груди глубокая рана, лицо в темных отметинах. На свисавших с шеи на грудь кожаных шнурках болтались перья, трещотка гремучей змеи и череп медноголовки. Газеты называли его *Диким индейцем*, *Воином*, *Маленьким вождем*. Некоторые говорили, что у него не всё в порядке с психикой, что он душевнобольной и представляет опасность для окружающих. Другие отзывались о нем как о самом храбром мальчике в истории округа Рейвен. После исчезновения сестры Джонни разыскивал ее целый год. Он выслеживал педофилов и убийц, бывал в местах таких опасных, что даже копы не решались

заглядывать туда. Джонни нашел не только сестру, но и останки еще семи жертв, включая своего отца. Попутно он выявил кружок похитителей и убийц, сошелся с беглым заключенным и сделал то, что не смогла сделать полиция.

Эта история стала сенсацией, и социальные сети разнесли ее от побережья до побережья. Одно время поговаривали даже о фильме. Книга не могла не появиться. Вышла она в один из вторников и продержалась в списке бестселлеров около двух лет. Но и тогда всех деталей не знал никто – ни репортеры, ни полицейские, ни даже тот парень, который написал книгу. Прошло почти десять лет; Джонни, как и Джек, хранил свои секреты. Друзья не рассказывали о том, что с ними случилось и почему они выжили. Самые главные вопросы остались без ответа.

Так что, да, Джек привык к тому, что посторонние проявляют к нему интерес. И в колледже, и в юридической школе люди легко складывали два и два: фамилию Джека и его родной город, истории десятилетней давности и дефективную руку. И всё из-за книги. Читателям нравятся рассказы о реальных преступлениях, и книга о Джонни попадала во все списки по лучшим продажам. Благодаря этому история оставалась в центре внимания, и теперь, с приближением десятой годовщины событий, издатель готовил повторное издание и рассчитывал на большой спрос. К Джеку уже обращались с просьбой принять в этом участие, и он догадывался, что подходы ищут и к Джонни. Издателям нужен был тур, интервью, ток-шоу. Как и все прочие, они чувствовали, что за перьями, трещотками и черепами таится история намного бо́льшая, и им хотелось знать причины и подробности того, что случилось, когда Джонни и Джек ушли на болото и вышли с полуживым убийцей в кузове грузовика. К добру ли, к худу ли, эта история была частью его, Джека, жизни. Так что когда Лесли Грин появилась у двери, он откинулся на спинку стула, посмотрел в ее прелестные глаза и сказал то небольшое, что мог себе позволить.

«Да. В книге написано обо мне».

Она села напротив него за стол, скрестила красивые ножки и одарила улыбкой, способной склонять волю мужчин. «Расскажи мне все», – сказала Лесли Грин, но Джек не поддался. Правда, которую она хотела получить, принадлежала Джонни и Джеку, и никому больше. Его ответ или способ, каким этот ответ был подан – бесстрастно и смело, – ей не понравился. Она ушла, рассерженная и недовольная, и в двух других похожих случаях загоняла его в угол теми же вопросами. За первую неделю пребывания Джека в офисе Лесли Грин предприняла три попытки. И трижды Джеку удавалось рассердить партнера.

Не самое хорошее начало.

А теперь и того хуже.

Свет на третьем этаже не горел, и все двери, кроме одной, были закрыты. Там, в самом конце коридора, в угловом офисе, сидела Лесли. Он постучал. Она подняла голову и на секунду нахмурилась, но потом уголки рта выгнулись в другую сторону.

– Есть минутка? – спросил Джек.

– Смотря для чего.

– Можно?

Она кивнула:

– Садись.

Джек сел, и Лесли прошла взглядом по его лицу, костюму, маленьким пальцам, спрятавшимся в пустоте рукава. Она не торопилась, и Джек терпел. Назвать ее милой, симпатичной было бы преуменьшением, думал он. Лет, наверное, тридцать пять – тридцать шесть, кожа цвета слоновой кости, блондинистые волосы. На запястье татуировка, манеры дерзкие, вызывающие, партнером стала за семь лет. Умна, трудолюбива, холодна. Интересно, что она видит напротив себя. Уродливую руку, мешковатый костюм, постаревшего паренька из книги...

– Когда в фирме узнали, кто ты такой, это вызвало немалый ажиотаж. Комитет по найму не предупредил, что новый компаньон – знаменитость.

– Я не знаменитость.

– Твой друг – наверняка знаменитость.

Улыбка подтянула уголки рта еще на четверть дюйма, и Джек добавил еще одну черту к списку ее характеристик: *непреклонная*.

– Хочу, чтобы ты взяла одно дело, – сказал он. – *Pro bono*^[3].

– Я сама выбираю себе дела.

– Понимаю.

– Так почему ты отнимаешь у меня время? Есть какая-то причина?

– Мне нужен адвокат по апелляционным делам. Хороший адвокат.

Она рассмеялась и подалась вперед.

– Господь с тобой, и убирайся отсюда ко всем чертям.

– Если выслушаешь...

– Пожалуйста, перестань. Я дала тебе три шанса стать моим другом.

– Лесли...

– Вообще-то, мисс Грин. А теперь иди. – Она указала на дверь. – Освободи мой стул. Убирайся.

Ни то ни другое Джек делать не стал. Скользнув взглядом по комнате, он нашел книгу на полке позади ее стола. Корешок потрескался, обложка

затерлась. Джек знал, что у Джонни есть поклонницы. Многие из них были не вполне в себе – вроде тех, что когда-то писали восторженные письма Чарльзу Мэнсону, – но не все. Одних восхищало бесстрашие Джонни, других трогала трагедия его юности и любовь к сестре. Многие из тех, кто ходил в школу, когда все случилось, стали теперь взрослыми и живо интересовались диковатым мальчишкой, надолго привлечшим внимание и захватившим воображение всей страны. «Как он выглядит теперь, уже мужчиной? – спрашивали они. – Кем он стал?» Были и такие, кто понимал значение перьев. Они знакомились с индейской мудростью и обрядами поиска видений. Чувствуя свое бессилие в жизни, в тишине отчаяния спрашивали себя, не нашел ли юный Джонни Мерримон нечто вроде ключа. Иначе как он взял верх над такими опасными людьми? Как еще заслужить честь и славу?

– Ты передумаешь, если я скажу, что клиент – Джонни Мерримон? – спросил Джек.

– Шутишь.

– Тебе интересно?

– Это зависит...

– От чего?

– От двух вещей. О какого рода деле идет речь?

– Ты знаешь, что у него есть земля?

– Знаю, что ее у него много.

– В тысяча восемьсот пятидесятих годах его семья владела сорока тысячами акров на севере округа. Виноградники за городской чертой, все, что было построено в той части за последние двадцать лет. Его предки были одними из крупнейших землевладельцев в этом штате.

– Об этом сказано в книге. Я читала.

– Тогда ты знаешь и о Хаш Арбор.

– Я знаю, что рабы проводили там свои тайные богослужения и что некоторые из них поселились там после Гражданской войны.

– Вообще-то, еще до войны. Теперь эта земля принадлежит Джонни: шесть тысяч акров, половина которых – болото. Другая половина сухая, но каменистая и труднодоступная. В тысяча восемьсот пятидесятих предок Джонни освободил раба и отдал ему шесть тысяч акров. Айзек Фримантл. Первый освобожденный раб в округе Рейвен. Это тоже есть в книге.

– Я помню эту главу. Джон Пендлтон Мерримон остановил толпу линчевателей, держа в одной руке револьвер, а в другой – Библию. Вот только в книге ни слова не сказано о том, почему он взялся защищать рабов.

– Не уверен, что кто-то знает ответ на этот вопрос.

– А сам Джонни?

– Если и знает, со мной не поделился.

Не спуская с него взгляда, Лесли как будто обдумывала что-то, прикидывала.

– И как это связано с апелляцией?

– В документе по передаче Хаш Арбор Айзеку Фримантлу есть отдельный пункт, согласно которому земля возвращается Мерримонам после смерти последнего мужчины из семейства Фримантлов. Десять лет назад именно так и случилось, и земля перешла к Джонни. Это решение оспорила наследница Айзека, Луана Фримантл, которая вроде как его двоюродная внучка. Луана попыталась прибрать землю к рукам, но судебное разбирательство выиграл Джонни. Сейчас она собирается подавать апелляцию.

– На каком основании?

– Не знаю. Я не знакомился с документами.

– А почему не знакомился? Ты же его друг.

– Как раз потому, что я его друг...

– Ты не хочешь брать на себя ответственность за возможный проигрыш. Если намерен стать партнером в этой фирме, нужно быть жестче и тверже. Я видела твои академические справки. Парень ты умный. Возьмись за это дело сам.

– Не могу.

Ее губы дрогнули, и Джек понял, что она видит его насквозь и все понимает: и огромный риск, и то обязательство, отказаться от которого Джек не может, и ту кошмарную боязнь проиграть и подвести единственного в целом мире близкого человека.

– Так ты pomoжешь или нет?

Она сплела пальцы, явно наслаждаясь ситуацией, которая была полностью под ее контролем.

– Я говорила, что есть две вещи.

– Так.

– У меня есть знакомые, которые видели его в городе, твоего друга Джонни. Да, он – призрак, но они видели его и в скобяном, и в бакалейном, и на Мейн-стрит в конце дня. Видели на старом грузовичке. Когда он появляется, они связываются друг с другом, передают информацию. У них это называется визуальное наблюдение. Так вот, мистер Кросс, просветите меня. Этот молодой человек, о котором так много говорят мои знакомые, он действительно такой замечательный, такой особенный, каким они его

считают?

– Извини?

– Симпатичный – да, но ведь далеко не законопослушный и на других не похожий. Если это все правда, тогда я возьмусь за дело.

– Почему это так важно?

– Я занимаюсь апелляциями и корпоративным правом. – Лесли Грин откинулась на спинку кресла – невозмутимая и собранная. – Как думаешь, сколько таких мужчин я вижу в течение дня?

Глава 4

Следующие пять дней пролетели для Джонни незаметно. Он спал на дереве и просыпался отдохнувшим. Никаких огней, никаких хождений во сне, никакой путаницы. Еще стоял сентябрь, но зима уже была где-то там, за грядой облаков, и Джонни хорошо знал, как быстро уходят теплые месяцы. Посвежеют ночи, опадут листья. В Хаш Арбор нагрянет зима, а денег на покупки – кроме разве что муки, соли и сухой пасты – у Джонни не было. Тем не менее он не беспокоился. Площадь огорода увеличилась вдвое против обычного, и он едва успевал консервировать созревшие томаты, горошек и фасоль, молоть кукурузу для тортилий и солить рыбу. Приближался сезон охоты на оленей, так что проблем с мясом Джонни не ждал. Тем не менее он регулярно проверял запасы семян, ежедневно переворачивал компост и планировал зимний сад.

Оставался еще вопрос с дровами. В пристройке за лачугой уже лежали шесть кордов^[4], но дрова требовались и на следующий сезон, и Джонни подолгу пропадал в лесу с цепной пилой и топором. В первую очередь он искал сухостой, предпочтительно дуб или ясень, что-нибудь твердое. Такая работа была ему в удовольствие, в отличие от транспортировки, волочения тонн дерева по пересеченной местности. Он привязывал дерево к спине и таскал, как мул, – в гору и под гору, через болота и ручьи.

К полудню пятого дня Джонни понял – Джек близко. Он проследил его путь от одного островка к другому, а потом и последний отрезок через открытую топь. На полянке гость сделал круг и, осторожно поднимая ветки, ступая медленно и бесшумно, подобрался к лачуге с невидимой стороны. Когда Джек отпустил последнюю ветку, Джонни улыбнулся про себя и сказал:

– Не надо.

Джек выступил из-за деревьев и сунул камешек в карман.

– Меня пугает, как ты это делаешь.

Джонни приставил топор к пню и вытер руки.

– Все дело в твоём запахе.

– Чушь.

– Ты с девятнадцати лет пользуешься одним и тем же лосьоном. Шесть месяцев назад переключился на ароматизированное средство. Вопрос в том, как я мог бы не учуять тебя. – Джонни улыбнулся, но Джек оставался невеселым и даже несчастным. – Что ты здесь делаешь? До нашего

следующего обеда еще девять дней, и он будет у тебя.

– Надо поговорить.

– Ладно. Давай поговорим. – Джонни снял с ветки рубашку и повел друга к стоящим за домиком складным стульям.

Джек садиться не стал, но прошелся взглядом по хижине, дровам, соленой рыбе и голубому небу, и, остановившись на Джонни, какое-то время смотрел на него.

– Знаешь что, я бы порыбачить сходил...

Джонни коротко кивнул, зашел на минуту в лачугу и вышел со спиннингами и коробкой для рыболовной снасти. Потом проводил друга к воде, положил снаряжение в алюминиевый «Джонбоут» и вставил весла.

– Ты идешь?

Джек неуклюже забрался в лодку, сел и как будто замер. Джонни выгреб на глубокую воду и взял курс на ближайшей остров, а подойдя ближе, двинулся по границе мелководья.

– Кого хочешь поймать?

– Неважно.

Джонни привязал леску и протянул руку.

– Держись тени, иди вдоль вот той линии. – Он протянул удочку, но Джек как будто приклеился взглядом к засохшей глине на днище лодки. Джонни опустил удочку.

– Ты поговорить хочешь, в конце-то концов?

– Пока еще нет.

– Тогда здесь.

Джек взял удочку. Джонни бросил леску. Со второй попытки Джек подцепил большеротого окуня и благополучно его вытащил. Джонни взял его в руки, поднял – по чешуе пробежали блики солнца – и подержал на ладонях.

– Семь фунтов. – Он вытащил крючок через жабры и опустил рыбу в воду. – Ты ловишь или нет?

Джек насадил наживку, но на нее никто не клюнул. В наступившем молчании Джонни поймал красноперого щуренка.

– Бросаешь слишком далеко вправо. Бери футов на десять в сторону от того обрубка и не спеши. Выжди секунд пятнадцать и медленно подводи. – Джек посмотрел на друга пустыми глазами. Джонни вытянул руку. – Вон туда. Десять футов. Бросай.

Джек нахмурился, бросил леску и принялся отсчитывать пятнадцать секунд. Окунь взял с первого захода: в глубине мелькнуло что-то серебристо-зеленое, и вода вскинулась на десять дюймов. Рыбина отмотала

с катушки футов двадцать, прежде чем Джеку удалось наконец ее перебороть. И тем не менее схватка продолжалась еще пять минут.

– Ну вот. – Джонни поднял отчаянно бьющуюся в его руках добычу. – Фунтов двенадцать, не меньше.

– Отпусти. Мне она не нужна.

– Ты серьезно?

– Я же сказал, отпусти.

Джонни опустил рыбу за борт, и она, ударив хвостом, резко ушла в глубину.

– Ладно. В чем дело?

– Вот в этом. – Джек повысил голос и развел руками. – Вот в этом во всем. Как ты узнаешь, что я иду, и как, даже если стоишь ко мне спиной, узнаешь, что я собираюсь бросить камень. Как у тебя получается ловить рыбу так, будто она сама хочет, чтобы ее поймали. И вот это. – Он ткнул пальцем в воду. – Эта чертова рыбина. Десять футов от обрубка. Пятнадцать секунд. Я за всю жизнь не видел окуня на двенадцать фунтов. Господи, да рекордный для штата результат – всего-то пятнадцать^[5].

Джонни внимательно посмотрел на друга. Джек был бледен и тяжело дышал, а по его лицу катился пот.

– Ты закончил?

– Где синяки?

– Что?

– Клайд сказал, ты был весь черный от синяков, а порезы были глубокие, чуть ли не до кости.

– Ну, не так все плохо...

– Значит, Клайд соврал?

– Есть такое слово – *преувеличение*.

Джек с несчастным видом покачал головой.

– Что ты вообще здесь делаешь? Почему так живешь? Чем тебе так нравится это место? Что в нем особенного?

– Земля моя. Ею владела моя семья.

– Этого недостаточно.

– Тогда просто потому.

– Это твой ответ?

– Да, просто потому. – Ответ прозвучал сердито, но смягчать его Джонни не стал. – Мы можем просто порыбачить? Потрепаться, посмеяться... как всегда?

– Нет, не можем.

– Это из-за пятничного вечера?

– Конечно из-за пятничного вечера! Господи, Джонни... Как ты можешь задавать такой глупый вопрос?

– Итак, я ходил во сне...

– Дело не в этом.

– Послушай, такое иногда случается...

– Сколько раз?

– Три.

– Не верю.

– Ладно, семь или восемь. – Джонни снова опустил удочку. – Иногда я ложусь спать, а просыпаюсь в другом месте.

– Где, например?

– Один или два раза в доме. Иногда – в лесу.

– А на болоте?

– Что ты имеешь в виду?

– Вот это самое. Бывает ли так, что ты просыпаешься и обнаруживаешь, что стоишь посередине этого треклятого болота?

Джонни даже отступил от друга. Злость была не напускная – настоящая, но настоящими были также и боль, и беспокойство.

– Ты хоть представляешь, как трудно мне было прийти сюда? – спросил Джек. – Стоит закрыть глаза, и я вижу тебя на болоте. Вижу туман и собственное дыхание. Чувствую холод. Что-то не так, что-то случилось. Что-то плохое.

– А потом? Говори.

– Не знаю. – Джек невесело рассмеялся и пошевелил пальцами. – Так, какие-то проблески...

– Тогда о чем мы здесь разговариваем? Давай будем ловить рыбу. Давай выпьем.

– Мне страшно, Джонни. Понимаешь? День, светло, а мне страшно.

– Ну хватит, Джек...

– Хватит или не хватит – не о том речь. Ты – мой лучший друг, но здесь случилось что-то, чего я не понимаю.

– Джек...

– Отвези меня на берег.

Джек указал на островок, и Джонни подгреб к его северной оконечности. Лодка скользнула в камыши. Джонни сидел молча, не представляя, что сказать. Хаш Арбор был его жизнью, а Джек – единственным другом. Когда же он открыл наконец рот, Джек остановил его, подняв руку.

– Дай мне секунду, ладно?

– Конечно, Джек. Все, что надо.

Наблюдая за другом, Джонни видел на его лице отражение внутренней борьбы, неуверенности, растерянности и страха. Приподнявшись с неохотой со скамьи, он сунул руку в задний карман и вытащил визитку, помятую, с загнутым уголком. Секунду-другую Джек смотрел на нее, потом вздохнул и протянул Джонни.

– Тебе.

Джонни взял карточку.

– Что это?

– Лесли Грин, адвокат по апелляционным делам. Она хороша.

– У меня нет денег на адвоката.

– Она сделает это бесплатно. Но тебе нужно договориться с ней о встрече. На этой неделе или следующей. Затягивать не дам.

Джонни повертел карточку. Нахмурился.

– Почему она берется за мое дело бесплатно?

– Ты просто улыбайся почаще и постарайся выглядеть красавчиком.

Джек шагнул из лодки, но Джонни остался на месте.

– Почему ты мне помогаешь?

– Сам знаешь почему.

Джонни отвернулся – долг между ними всегда был тем, о чем никогда не говорили.

– Спасибо. Для меня это много значит.

– Не благодари и не напоминай. Встреться с ней. Займись делом. Я о нем знать ничего не хочу. С меня хватит того, что есть.

– Ладно. – Джонни сунул карточку в задний карман брюк. – Хочешь, чтобы я тебя проводил?

– Я знаю дорогу.

– Ужин в программе остается?

– На следующей неделе. У меня.

– Насчет этой адвокатши... Она и впрямь хороша?

– Да, – грустно подтвердил Джек. – И впрямь.

* * *

Проводив друга взглядом, пока тот не исчез в лесу, Джонни попытался вспомнить, что случилось и что перепугало Джека, но события того вечера смешались в мутное пятно. Остались какие-то ощущения, обрывки мыслей. Джек назвал их проблесками. Подходящее слово. И все-таки что он

помнит?

Что-то далекое и холодное.

Пустота, в центре которой он сам.

Проблема существовала, этого Джонни отрицать не мог. Он вставал по ночам и бродил по лесу, так что озабоченность Джека была обоснованна и понятна. И случалось такое не семь или восемь раз, а по меньшей мере двадцать. Иногда он просыпался у края воды или на каком-нибудь далеком холме. Иногда, поднявшись с кровати, видел на ногах грязь и понимал, что это случилось снова. Время от времени, изредка, из потревоженной памяти выползал тот или иной едва уловимый, неясный образ. Но все исчезало, стоило лишь подняться солнцу. Кроме того, было в ночи что-то еще, но не пугающее, не жестокое, не злое. Вот этого в Хаш Арбор Джек никогда не понимал.

Магии Безмолвия.

Его силы.

Добравшись до дальнего берега, Джонни вынул весла из уключин и перевернул лодку. Идя между деревьями, он замечал насекомых в лесной подстилке, ощущал трепетание крылышек в дуплистом дереве. Звуки были ясные, образы четкие.

Ярдов через двадцать он остановился и наклонил голову, слушая, как разбегается рябь по воде и шевелятся котята в норе за холмом. В четверти мили к востоку бежала через лес лиса. Потершись о кедр, она нырнула в овражек, оставляя на земле пахнущие красной глиной следы. Джонни наклонил голову в другую сторону, услышал, как трется о кору чешуя и, не глядя, понял, что под бревном, футах в десяти от него, разворачивает кольца медянка. Не свиноносая змея, не гремучник.

Медянка.

Самка.

Змея выскользнула на тропу и почти бесшумно исчезла. Это было особенное чувство, оно появлялось и исчезало. *Обостренная восприимчивость*. В некоторые, *особенные*, дни Джонни мог лежать в гамаке и слышать, как бобры грызут иву в двух милях вниз по реке. Он знал, где и когда в гнездах вылупливаются птенцы, чувствуют ли приближение грозы суесящиеся под ногами муравьи. Уловив движение животного в лесу, не глядя определял, койот это или норка, болотный кролик, красная рысь или ласка. В дни *слабого приема* он чувствовал себя полуслепым, но даже полная тьма не мешала ему выследить медведя. Полное отключение случалось только тогда, когда Джонни покидал Хаш Арбор, но и тогда происходило это не одномоментно. Связь начинала

слабеть, когда он приближался к воротам, потом когда подходил к дороге. Потом она убывала постепенно, и по истечении примерно часа наступало *безмолвие*.

Открыв глаза, Джонни еще долго смотрел на мигающие на воде, за деревьями, солнечные блики. Он знал, где найти болотного окуня и подкаменщика, угря и амию. Когда из воды высывалась черепаха, чуть подсказывало Джонни, кто это – мускусная черепаха или красноухая. Об этом говорили круги на воде, мелькнувший краешек панциря и тысяча других мелочей. Но было и кое-что еще.

Находясь возле болота, Джонни знал, что и как.

Просто *знал*.

Глава 5

Адвокатесса согласилась встретиться во вторник, в час пополудни. Когда время подошло, Джонни причесался, надел чистые джинсы и рубашку с воротником. План был прост.

Встретиться с женщиной.

Убедиться, что она поможет.

Джонни знал, о каких ставках идет речь, и не питал иллюзий. Джек то ли не мог, то ли не желал взяться за дело. И получалось так, что предстоящая встреча с Лесли Грин становилась самой важной в его жизни. Но и при всем этом, уезжая из Пустоши, он как будто переступал через себя. Джонни не покидало чувство, что он оставляет ее беззащитной, обрывает нить, протянутую через некий тайный орган и обеспечивающую их физическую связь. *Восприимчивость* притупилась, когда он прошел через ворота, но на протяжении еще десяти примерно миль он ощущал разницу между здоровыми деревьями и умирающими изнутри. Он ловил шевеления в траве, присутствие жизни вокруг. А потом пошли дома, газонокосилки и бетон.

И все быстро померкло.

* * *

В высоком здании в центре города адвокатесса заставила его ждать. Пять минут превратились в пятнадцать, и Джонни сидел неподвижно рядом с бледнокожим мужчиной, нетерпеливо постукивавшим пальцами по подъему лакированной туфли. Наконец секретарь произнесла его имя, и Джонни проследовал за ней через двойные двери в зал открытой планировки, поделенный на коридоры, коморки и офисы.

– Мисс Грин приносит извинение за задержку. Как видите, у нас здесь все заняты. – Последний комментарий мог показаться бессмысленным, но Джонни уловил глубинную правду. Ей не понравились его потрепанные манжеты и пятна грязи на туфлях. – Вот ее офис.

Секретарша остановилась перед закрытой дверью, и Джонни ощутил за ней движение: пальцы разгладили ткань, кровь бросилась к щекам.

– Мисс Грин, – произнесла секретарша, открывая дверь и отступая в сторону. – По назначению на час пополудни.

Джонни переступил порог и остановился. За письменным столом стояла элегантно одетая женщина с кожей цвета слоновой кости и ясными глазами под идеальными арками бровей.

– Мистер Мерримон, добро пожаловать. Меня зовут Лесли Грин. – Адвокатесса протянула руку, и Джек пожал ее. – Пожалуйста, садитесь. – Она указала на стул и села сама. – Джек Кросс говорит, что вам нужен адвокат по апелляционным делам. Он также говорит, что вы не в состоянии оплатить мои услуги.

– Ага, сразу к делу.

Джонни улыбнулся, но его не поддержали.

– У меня шестиминутная тарификация. Некоторым это не нравится, а я считаю такой способ эффективным.

– Тогда – да. Джек прав.

– Тем не менее вы владеете шестью тысячами акров земли, необремененной и свободной от долгов.

– Моя земля дохода не приносит.

– Не такая уж уникальная ситуация. То же было и у моих родителей.

– Фермеры?

– Ранчero. В Техасе. – Ее взгляд задержался на его губах, скользнул по линии подбородка. – Вы могли бы продать землю и оплатить услуги адвоката.

– Этого не будет.

Ответ прозвучал твердо и решительно, и, как ни странно, женщине за столом эта жесткость даже понравилась. Кожа порозовела от прилива крови. Зрачки расширились. Она наклонилась вперед и пристально посмотрела на него. Но не рассердилась.

– Почему я должна вам помочь?

– Мне казалось, вы уже согласились взяться за мое дело.

– Нет. Пока еще нет.

– Тогда почему я здесь?

Она пожала плечами.

– Мы с мистером Кроссом коллеги. Считайте, что это любезность с моей стороны.

Это было не совсем так, что понял и Джонни.

– Хорошо. Что я могу сделать, чтобы убедить вас?

– Вы понимаете, почему Луана Фримантл подала апелляцию?

– В суде выиграл я. Ей это не понравилось.

– Я имею в виду юридическую суть ее апелляции, нюансы. Вам известно, на каком основании она строит апелляцию?

– Вы читали записку по делу, переданную в апелляционный суд?

– И протоколы судебных заседаний. Наша встреча, может быть, и любезность с моей стороны, но я никогда не согласилась бы встретиться, не подготовившись заранее. Кроме того, в этом деле есть определенный интерес.

– Какой же?

Адвокатесса скрестила ноги, мимолетно мелькнув коленкой.

– Суд первой инстанции, мистер Мерримон, исследует факты, тогда как апелляционный суд рассматривает правовые ошибки. Вы сохраняли право собственности в отношении Хаш Арбор, поскольку в оригинальном документе о передаче прав собственности содержалось условие, согласно которому право владения этой землей возвращалось семье Мерримонов в случае смерти последнего мужчины семейства Фримантлов. Таковым был Ливай Фримантл, умерший десять лет назад. Эти факты установлены в ходе судебного разбирательства. Ввиду отсутствия явных правовых ошибок, миссис Фримантл пришлось обжаловать данное решение, ссылаясь на нарушения государственной политики, права справедливости и гендерного равенства. Приведенные аргументы достаточно убедительны, чтобы представить дело на рассмотрение Верховного суда штата. Возможно, теперь вы понимаете мой интерес.

– Вы согласны с аргументами миссис Фримантл?

– А почему вы спрашиваете? Потому что я – женщина?

– Отчасти.

– Вы меня допрашиваете, мистер Мерримон? Так дела не делаются.

– Государственная политика. Гендерное неравенство. Я просто спрашиваю себя, насколько заинтересованы вы можете быть в моем деле.

– Убеждения вашего предка были продуктом того времени. В тысяча восемьсот пятьдесят третьем году мужчины владели девяносто девятью процентами недвижимости в стране. Это общеизвестный факт. Сейчас значение имеет закон и его теоретические обоснования. Суды не склонны переосмысливать разговорный язык документов о передаче собственности, но такое все же случается, если дело касается государственной политики и равенства. И вот тогда вам нужен надежный советчик.

– Вы – надежный советчик?

– Я – профессионал.

– Другие женщины могут с вами не согласиться.

– У дурной славы своя награда, особенно в сфере правовой практики. Я не против попасть в заголовки, если это пойдет на пользу делу.

Внешне она оставалась невозмутимой и контролировала себя, но

макияж не мог скрыть ни пульсирующую жилку на горле, ни запах разогревшейся кожи. Джонни хотел бы объяснить это их спором, но нет, она была такой с самого начала.

– Я присутствую в ваших представлениях о дурной славе?

– Именно вы как личность? – Лесли Грин сплела пальцы и заговорила так, словно излагала заранее известное решение. – Адвокатская практика – это бизнес, как и любой другой. Я обязана думать о репутации, о том, как меня воспринимают. Внимание средств массовой информации не есть безусловное зло.

– И из-за меня вы привлечете больше этого внимания.

Она сделала вид, что не заметила колкости.

– Телевидение. Газеты. Книги. Правильное или ошибочное, но у людей сложилось о вас определенное представление. На основании собственного опыта могу сказать, что плохой рекламы почти не бывает. Буду говорить откровенно, чтобы не возникло заблуждений в отношении мотива: я ничего не делаю бесплатно.

Лицо Джонни затвердело.

– Я не стану обсуждать ни мою сестру, ни события десятилетней давности.

– Ливай Фримантл умер в доме вашей матери. Случившееся десять лет назад имеет прямое отношение к вашему делу.

– Я не стану обсуждать мою сестру или ее исчезновение и не стану обсуждать, каким меня изображают в газетах и на телевидении. Да, обо мне говорили всякое. Некоторые посчитали то, что я сделал, заслуживающим внимания. Были и фотографии... провокационные.

– Но сказано было не обо всем. Вы молчали, а молчание вело к спекуляциям, благодаря которым ваше имя оставалось на слуху. Вы действительно отвергли предложение сделать фильм?

Джонни поднялся.

– Мистер Мерримон...

– Ливай Фримантл мертв. Факты установлены. Вы сами так сказали. Что касается Голливуда, то нет, денег за мою историю мне никто не предлагал. А если бы и предложили, я бы отказался.

Скрывать злость Джонни уже не мог. Он смотрел в расширенные зрачки, на влажные губы. Слишком многих влекла дорога, пройденная им мальчишкой, страдания и темные места, растоптанные цветы детства.

– Мой интерес чисто профессиональный.

– Сомневаюсь.

– Мистер Мерримон, пожалуйста...

– У вас там книга, на полке. – Адвокатесса повернулась к книжному шкафу у нее за спиной. Остановилась. – Под файлом. Вы ее спрятали.

– Как вам...

– Я не стану говорить о моей сестре. Не стану говорить, как нашел ее. Не стану говорить о погибших. Я хочу, чтобы это было ясно.

– Очень хорошо. – Лесли Грин откашлялась и наклонилась к столу. – Тогда давайте говорить вот об этом.

Она положила фотографию. На ней волосы у Джонни были короче. Он не улыбался и был одет в оранжевое.

– Это тюремная, – сказал Джонни. – Двухлетней давности.

– Уильям Бойд и Рэндал Паркс утверждали, что вы пытались убить их. Джонни сел. Ответ требовал взвешенных слов.

– Если б я хотел убить их, они уже были бы мертвы. Я лишь намеревался напугать их.

Она достала стопку других фотографий. Разоренный палаточный лагерь, расстрелянные из крупнокалиберного оружия личные вещи. Фляги. Походная газовая плитка. Ружейная ложа.

– Вы всегда попадаете в то, во что стреляете?

Джонни промолчал, но в его ушах уже звучали крики и треск выстрелов, визг пуль, одна за другой впивавшихся в опорные шесты палаток, оружие и снаряжение.

– Вас могли обвинить в покушении на убийство.

– Они убили медведя в закрытый для охоты сезон.

Лесли Грин откинулась на спинку кресла и поджала губы. Она уже переключилась на деловые рельсы и рассматривала вопрос со всех сторон.

– Уильям Бойд – богатый человек.

– Если считаете, что представлять меня небезопасно, позвольте успокоить вас. Уильям Бойд живет в Нью-Йорке. Сюда приезжает только ради охоты.

– Да, у него есть охотничий домик, знаю. Какие у вас сейчас отношения с мистером Бойдом?

– По запретительному судебному приказу мне нельзя приближаться к нему.

– Вы нарушали запретительный приказ?

– Пока еще нет.

Адвокатесса с недовольным видом поджала губы.

– Окружной прокурор вполне мог посадить вас за решетку и, как говорится, выбросить ключ, но вместо этого предложил признать вас виновным в мисдиминоре^[6] и ограничиться четырьмя месяцами

заклучения. Можете объяснить, почему он так сделал?

– Спросите лучше у мистера Бойда.

– Мистер Мерримон, вы на самом деле хотите получить мою помощь?

– Да.

– Тогда постарайтесь понять мою позицию. Вы на виду. Вы непредсказуемы и открыто демонстрируете склонность к насилию. Дурная слава – это одно, криминальное поведение – совсем другое. Мне нужно знать, что вы не станете стрелять в нью-йоркских менеджеров миллиардного хедж-фонда. Если не можете этого обещать, я не смогу помочь вам.

– Готов поклясться на мизинчиках.

Она выжидающе подняла бровь.

– Ладно, – сказал Джонни. – Я не стану стрелять в нью-йоркских менеджеров миллиардного хедж-фонда.

Несколько долгих секунд Лесли Грин пристально смотрела на него, потом поднялась из-за стола и подошла к окну. «Годков, наверное, тридцать три – тридцать четыре, – прикинул Джонни. – Образованная, привыкла, чтобы ее принимали серьезно».

– Почему он это сделал?

– Что?

Она прислонилась к подоконнику.

– Ваш предок владел сорока тысячами акров в округе Рейвен. Был одним из богатейших людей штата, однако освободил сотню рабов и отдал им шесть тысяч акров. Потерял землю, состояние, место в обществе. И ни в одной книге не объясняется, почему он это сделал.

– Не знаю, что и сказать.

– Никаких семейных преданий?

– Ничего такого, чем я готов поделиться.

Она напряглась, глаза ее блеснули злостью.

– Может быть, позже.

– По обстоятельствам.

Женщина промолчала и только потянулась пальцами к цепочке на шее.

– Так вы поможете мне или нет?

– Я подумаю. Позвоните на следующей неделе.

Лицо ее оставалось бесстрастным, но Джонни не спускал с нее глаз. Он ждал чего-то, какого-то знака, намека.

Но болото было слишком далеко, и он так и не смог ничего прочесть.

Лишь после того, как Джонни вышел из офиса, Лесли позволила себе расслабиться и, тяжело опустившись в кресло, медленно и ровно выдохнула. Она знала немало привлекательных мужчин и со многими из них встречалась. И все же в Джонни Мерримоне было что-то особенное – тут ее друзья не ошибались. Внешность? Карие глаза и спокойствие? Или дело в его истории, в том, что один из ее знакомых назвал *темной славой сюрреалистичности*? Лесли встречалась со знаменитостями: с футболистом в Шарлотт, с сенатором в округе Колумбия. Для них слава была чем-то вроде костюма, и, может быть, разница определялась этим. Джонни ничего этого не признавал. Он был растрепанным, неотесанным и грубым.

– Джойс. – Лесли позвонила помощнику по интеркому.

– Да?

– Будь добр, принеси мне файл рейнмейкера ^[7] на Уильяма Бойда.

– Две минуты.

В ожидании досье она побарабанила пальцами по столу. Как и в любой амбициозной фирме, здесь собрались партнеры, знавшие, что лучше работать умом, чем задницей. Это означает привлечение крупных клиентов, приносящих миллионные гонорары. На перспективных клиентов, одним из которых был Уильям Бойд, составлялись досье. Из своего офиса на Уолл-стрит Бойд управлял хедж-фондом стоимостью в девять миллиардов долларов. Своим нью-йоркским поверенным фонд платил по девятьсот долларов в час. Его собственный доход составлял, по слухам, тридцать миллионов в год.

Прогулявшись в центральную регистратуру, Джойс вернулся с пустыми руками.

– Досье на Уильяма Бойда взяли три дня назад.

– Кто взял?

– Джек Кросс. Мне его поискать?

Лесли на секунду задумалась.

– Нет, Джойс, спасибо. Я сама об этом позабочусь.

Подождав, пока помощник уйдет, она набросила блейзер и поднялась на лифте на седьмой этаж. Дела о банкротстве составляли значительную часть всех дел, которые вела фирма, но Лесли предпочитала работать с победителями, людьми успешными, а потому обычно обходила седьмой этаж стороной. Но сейчас вопрос стоял иначе, и проблема заключалась не

только в Джонни Мерримоне.

Миновав выложенный мрамором вестибюль, она прошла по коридорам в центр здания, протиснулась между кабинками для индивидуальной работы и картотечными отсеками и добралась наконец до нормальных офисов. Открыв первую дверь, просунула в комнату голову и спросила:

– Джек Кросс?

Адвокат, чье лицо было ей знакомо, но имя вылетело из памяти, кивком указал вглубь отдела банкротств.

– Шестая дверь по коридору, вторая от угла.

В офис Джека Кросса адвокатесса вторглась без стука.

– Где оно?

Джек, с растрепанными волосами и желтым маркером в руке, сидел, склонившись над столом.

– Что?

– Файлы рейнмейкеров выдаются только партнерам. Досье на Уильяма Бойда – не твоя компетенция.

– Извини, не знал.

– Это знает каждый ассоциат^[8]. С правилами ты ознакомлен. Досье.

Она протянула руку, и Джек повернулся к стоящему за письменным столом низкому офисному шкафчику. Передавая папку, смущенно пожал плечами.

– Я вовсе не пытаюсь привлечь его в клиенты.

Мысль о том, что ассоциат-первогодок пытается убедить такого человека, как Уильям Бойд, доверить ему что-то более ценное, чем парковочный талон, вызвала у Лесли Грин усмешку. Она знала, зачем Джеку понадобилось досье.

– Ты показывал его своему другу. – Джек промолчал. – Джонни Мерримон только что был здесь. Ты показывал ему файл?

– Эти документы не конфиденциальные.

– Они – собственность владельца.

Лесли не заглядывала в файл несколько лет, но знала, что в нем имеется не только информация, найти которую можно в открытых документах. Файлы рейнмейкеров включали в себя газетные вырезки, интервью, сведения о зарегистрированных бизнесах, но также содержали оценки финансовой состоятельности, данные о политических связях и предпочтениях, общественных контактах и семейном положении. Морален потенциальный клиент или безнравственен? Есть ли у него любовницы, вредные привычки, затаившие обиду бывшие партнеры? В случаях с особо

важными кандидатами фирма пользовалась услугами частных детективов, обращалась к платным осведомителям, специалистам судебно-бухгалтерской экспертизы. Нелегальные методы сбора информации не использовались, и сами полученные сведения никогда не использовались в противозаконной практике. Чтобы быть рейнмейкером, нужно много работать, но знание – сила.

Лесли подержала файл на ладони.

– Я могла бы уволить тебя за это.

– Пожалуйста, не надо.

* * *

Лесли села на стул напротив стола. Злилась она скорее для виду. Зацепить на крючок Уильяма Бойда пытались в разное время шесть партнеров, и она понимала, что из этого ничего не получится. В Нью-Йорке Бойд работал с топовой фирмой и все прочие считал провинциальными. В округ Рейвен он приезжал с единственной целью: поохотиться в заповеднике площадью в девятнадцать сотен акров, бывшем некогда частью земельных владений Мерримонов. На участке стоял охотничий домик, в котором, когда приезжал Бойд, собиралась полная компания клиентов, убитых зверей и, обычно, молодых женщин. В округе, куда ни плюнь, обязательно попадешь в юную красотку с готовой историей о вине из самой Франции и бледнолицых мужчинах из большого города.

Не обращая внимания на Джека, Лесли полистала страницы – посмотреть, появилось ли что новое с тех пор, как она просматривала досье в последний раз. Бойду исполнилось сорок два. Выпускник Йеля и Уортон, разведен, бывшая супруга принесла с собой калифорнийские деньги. Наверное, разбогатели на виноградниках. Напа. Сонома. Фотографии показывали Бойда в разной обстановке: в офисах на Уолл-стрит, в особняке в Коннектикуте. Данные о финансовом положении были недавно уточнены. Теперь его фонд распоряжался тринадцатью миллиардами долларов и требовал минимальных инвестиций в размере двадцати миллионов. Годовой доход Бойда превышал эту сумму в два раза. Пролистав досье до середины, Лесли наткнулась на налоговую карту, показывающую заповедник и его местоположение в округе. Северный угол находился менее чем в миле от южного края Хаш Арбор. Она захлопнула папку.

– Полагаю, мистер Мерримон заглянул сюда до встречи со мной.

– Послушай, Лесли...

– Что ему было нужно?

Она взяла досье, и Джек тяжело вздохнул.

– Он просто хотел... Ну, знаешь, посмотреть. Из любопытства.

– Не вижу ничего, что убедило бы меня помочь тебе или твоему другу.

– Понимаю.

– Он все еще злится на мистера Бойда?

– Ты имеешь в виду *злится активно*?

– Не надо играть со мной, Кросс. Я еще могу уволить тебя. – Угроза подействовала – Джек качнулся назад. Впрочем, выгонять его Лесли не собиралась, да и власти такой не имела. – Почему Джонни стрелял в Бойда? Назови мне настоящую причину.

– Он рассказывал тебе про медвежат.

– Так просто? Не может быть.

– Джонни и раньше выслеживал Бойда, по меньшей мере пару раз. Олень. Медведь. Рысь. Убивали без разбору. У них и прежде стычки случались.

– С насильственными действиями?

– Близко к тому.

– Мог бы обратиться в полицию.

– У Джонни свои понятия.

Лесли постучала папкой по колену. Ее мысли вертелись вокруг бесплатных дел и миллиардных хедж-фондов.

– Ты этой своей рукой рычаг коробки передач передвинуть можешь?

Джек смутился, но кивнул.

– Вот и хорошо. – Она бросила на стол ключи. – Потому что поведешь ты.

* * *

Пока ехали, Лесли просмотрела файл до конца. Бойд представлялся ей высоким, симпатичным мужчиной – не таким симпатичным, как Мерримон, но вполне приличным. Играет в гольф и сквош, но настоящая его страсть – охота. Африка. Дальний Восток. Убивал все, что можно убить ради спортивного интереса.

– Откуда ты знаешь, что он в городе?

Первые слова за пять минут. Лесли скосила глаза влево. Посаженный за руль столь агрессивной машины, как «Ягуар ХКР», Джек явно

чувствовал себя не в своей тарелке. Его правая, здоровая, рука работала с коробкой передач; левая едва дотягивалась до руля.

– Я и не знаю. Но если хочешь, чтобы я помогла твоему другу, мне нужно знать эту историю с обеих сторон.

Лесли не стала упоминать о том, что день все еще может пойти по одному из путей: либо она узнает Джонни Мерримона, либо зацепит самого дорогого за всю карьеру клиента. Как следовало из имевшихся в досье документов, за минувший финансовый год хедж-фонд Уильяма Бойда потратил на гонорары юристам двенадцать миллионов долларов. Десяти процентов от этой суммы достаточно, чтобы сделать ее старшим партнером. Двадцать процентов вознесут ее до статуса рок-звезды.

– Похоже, с оружием твой друг обращаться умеет?

– Да.

– Его могли обвинить в покушении на убийство. Ты ведь знаешь об этом?

Джек стиснул зубы, переключился на пониженную передачу перед широким изгибом шоссе и прибавил газу на прямом, открытом участке.

Лесли только улыбнулась, видя его замешательство.

– Я спросила насчет их прошлой стычки, и он отказался выдвигать свои версии, как-то объяснять причины. Думаю, такой человек, как Бойд, с его влиянием и связями, мог бы просто закопать твоего друга. По-твоему, почему этого не случилось?

Джек пожал плечами.

– Потребовалось бы судебное разбирательство, а Уильям Бойд меньше всего хотел, чтобы Джонни дал показания и рассказал, как все было.

– Почему?

– Потому что он обоссался от страха, когда Джонни открыл огонь. А еще потому, что в палатке был целый мешок свежих окровавленных шкур, снятых с животных, убитых в закрытый сезон. Бойд – фигура публичная. Его распяли бы.

Лесли попыталась представить, каково это, когда в тебя стреляют в лесу.

– Как считаешь, твой друг легко отделался?

– Вот уж нет.

– Ты так говоришь, словно выступаешь адвокатом от защиты.

– Им было пять месяцев.

– Что?

– Медвежата остались умирать от голода. Им было всего пять месяцев.

От поворота до охотничьего домика было две мили. Сначала дорога шла вдоль речушки, потом взбегала на вершину холма, откуда открывался вид на долину. Все вокруг выглядело как на картинке: трава, живая изгородь, вьющийся плющ. Сам охотничий домик, построенный из дуба, камня и кедра, стоял в окружении старинных деревьев на самой вершине холма. Рядом с ним располагался гараж на десять машин, и на бетонированной площадке красовались «Рейнджровер» и серебристый «Ауди». Тем не менее, выйдя из машины, Лесли обратила внимание на другое.

– Невероятно.

Взгляд ее был обращен в сторону долины и открывающегося за ней вида. По дну долину, поблескивая серебром, бежала река, на горизонте высились далекие холмы, деревья напоминали густую тень, и суровый гранит золотился в послеполуденных лучах.

– Это и есть Хаш Арбор, – сказал Джек. – Первая, ближняя, гряда холмов и три тысячи акров под ними. Речка течет с нагорья, питает болото и бежит еще сотню миль к Атлантике.

– А этот участок?

– От дороги к северу на одну или две мили. Охотничий домик в самом его центре.

Лесли повернулась к дому, прошла взглядом по крытой кровельной плиткой крыше, каменным колоннам, крыльцу.

– Теперь понятно, почему он выбрал для домика именно это место. Вид с холма потрясающий. – Джек отвернулся, и она почувствовала что-то невысказанное в этом жесте. – Что?

– Здесь стоял первый особняк. А вон там, за деревьями, похоронены предки Джонни.

– Разыгрываешь.

Джек показал подбородком, и Лесли увидела скрытые травой гранитные и мраморные плиты, обвитые плющом.

– Понятно, почему Джонни начал стрелять.

– Все было не так.

– Ну конечно... Идем.

На крыльце, выложенном голубовато-серым песчаником, их встретила высокая двойная дверь. Лесли потянулась к железному молоточку, но правая половина двери открылась раньше, чем она успела прикоснуться к

нему, и на пороге появилась женщина. За сорок, с приятным лицом и мягкой фигурой, втиснутой в джинсы и фланелевую рубашку.

– Чем могу помочь?

Лесли, взяв инициативу на себя, шагнула вперед.

– Привет. Я – Лесли Грин. Мой помощник – Джек Кросс. Знаю, мы без приглашения, но, надеюсь, мистер Бойд уделит нам минутку. Мы ничего не продаем и не кусаемся.

Женщина улыбнулась для убедительности, но приманка была излишней.

– Конечно. Я – Марта Гудмен. Кухарка. Домработница. И все остальное. – Она протянула руку. Лесли и Джек поздоровались. – Посетителей у нас здесь немного, и я, честно говоря, всегда рада отвлечься. Проходите, пожалуйста. Мистер Бойд где-то здесь.

Сразу за порогом потолок поднимался к огромному своду. Центральной опорой служил ствол дерева, украшенный резными сценами охоты.

– Чудесно, правда? – Марта коснулась дерева рукой. – Резчики из Польши. Над одной опорой работали втроем девять недель. – Она посмотрела вверх. – На балки ушел еще год.

Почти такие же толстые, как столб, балки, каждая в десять футов длиной, расходились от него во все стороны комнаты. Стены под ними были увешаны охотничьими трофеями со всего света. Лесли узнала антилопу, куду и водяного буйвола. Над камином застыло чучело гризли. По обе стороны от ведущей вглубь дома двери красовались слоновьи бивни.

– Подождите минутку, я его поищу, – сказала Марта. – Он, наверное, в ружейной комнате. Чувствуйте себя как дома.

Она удалилась. Джек провел ладонью по одному из бивней у двери. Кость, длиной в восемь футов, была желтоватая и гладкая.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросила Лесли.

– О бивне в восемь футов? Думаю, это психологическая компенсация.

Джек открыл дверь и шагнул в коридор, проходивший мимо широкой лестницы и нескольких дверей. Теплые ковры под ногами добавляли цвета дереву. На стенах, между мушкетами, копьями и старинными арбалетами, висели портреты.

– Парень не мелочится, – заметила Лесли.

Джек толкнул приоткрытую дверь и оказался в роскошно обставленной комнате с креслами, обитыми мягкой коричневой и словно сочащейся медом кожей, и массивным письменным столом, также

отделанным кожей. На полке над встроенным в правую стену камином выстроились фотографии Бойда – со львом, лосем и тушей мертвого носорога. На стене, еще выше, висела огромная голова оленя. Животное было, по-видимому, старым – стеклянные глаза помутнели, – но размах рогов, толщиной в здоровую руку Джека, достигал примерно шести футов. Он насчитал восемнадцать отростков и отметил идеальную симметрию. Под оленьей головой заметил потускневшую табличку и, подойдя ближе, прочел вслух:

– «Повелитель Леса, убит выстрелом в сердце Рэндольфом Бойдом, 14 лет, зимой 1931 года».

– Вы охотитесь?

Голос шел от двери, и в нем прозвучало недовольство. Джек узнал Бойда по фотографии, но раньше заговорила Лесли.

– Надеюсь, вы не против. Марта сказала, что мы можем чувствовать себя как дома.

– Уж Марте следовало бы знать, что вход в эту комнату запрещен.

– Мистер Бойд...

– Я спросил, охотитесь ли вы.

Он смотрел на Джека в упор холодными голубыми глазами.

– Нет, – подумав, осторожно ответил тот и в подтверждение этого заявления поднял больную руку. – Я не охочусь.

– А вы знаете, на что смотрите?

– Полагаю, это какой-то олень.

Бойд окинул его оценивающим взглядом, задержался на больной руке и кивнул. Напряжение спало.

– Мой дед убил этого оленя в тридцать первом году. Он был тогда мальчишкой и жил в Иллинойсе. То ли из-за суровых зим, то ли из-за каких-то генетических особенностей белохвостых оленей там больше, чем где-либо еще. Знаете что-нибудь об иллинойском олене? – Джек покачал головой, и Бойд заметно расслабился. – Вы ведь друг Джонни Мерримона?

– Узнали?

– Мистер Мерримон расстрелял мой лагерь. Выпустил двенадцать пуль и едва не убил меня. Я видел вас на предварительных слушаниях.

– Это было два года назад.

– Тогда я видел вас где-то еще. Я – Уильям Бойд. – Они обменялись рукопожатием. – А вы – Лесли Грин. Знаком с вашей фирмой.

– Вот как? – удивилась Лесли. – Можно спросить почему?

– Откровенно говоря, это связано с ним. – Бойд указал на Джека. – Точнее, с землей его друга.

– А какое вам дело до Хаш Арбор? – спросил Джек.

Бойд вскинул бровь.

– А... ваш друг не сказал вам.

– Не сказал что?

– Давайте-ка, садитесь. – Бойд указал на кожаные кресла. – Хотите выпить? Вода? Вино? Что-нибудь покрепче? – Оба отказались. Хозяин отошел к комоду, налил в стакан из графина. – Извините за недавнюю резкость. – Он кивнул в сторону двери. – Это мое личное пространство, и посетителей я сюда допускаю редко.

– Нам следовало подождать вас в холле, – сказала Лесли.

Бойд пожал плечами, показывая, что тема закрыта.

– Позвольте вопрос?

– Конечно.

– Вы представляете Джонни Мерримона в каком-либо качестве?

– Я рассматриваю возможность представлять его интересы в деле по апелляции.

– Ну конечно. Апелляция на решение суда первой инстанции в пользу мистера Мерримона.

– Вы знаете об этом?

– Разумеется. Вы поможете ему?

– Я еще не приняла решения.

Бойд присел на край стола.

– Он обратился к вам по какому-то другому делу? Может быть, упомянул мое имя?

– Нет.

– Не уверен, что мне нравится это обсуждение, – вмешался Джек. – Ты, может быть, не считаешь Джонни клиентом, но я считаю.

– Он тебе заплатил? – спросила Лесли. – Подписал что-нибудь?

– Послушай...

– Терпение, пожалуйста. – Бойд жестом заставил Джека замолчать. – Вы защищаете друга. Я это уважаю. Хотите верьте, хотите нет, но я пытаюсь ему помочь. И, если уж на то пошло, я хотел бы помочь и вам.

– Каким образом?

– Я хочу купить у вашего друга землю. Он отказывается продавать. Я готов отблагодарить любого, кто сумеет убедить его. Вы – его друг и советчик. Тридцать миллионов – справедливая цена. Передайте ему это.

Джек едва не задохнулся.

– Тридцать миллионов долларов?

– Мое четвертое предложение за шесть месяцев. Я посылал других

юристов, в том числе местных. Найти его трудно, но не невозможно. Время от времени он все же покидает болото.

Джек никак не мог успокоиться. Все, что имел Джонни, – это три пары штанов и единственная приличная пара обуви.

– Тридцать миллионов долларов?

– Предложение более чем справедливое.

– Это в десять раз больше реальной стоимости.

– Стоимость – понятие субъективное. Я хорошо заплачу и вам, если вы убедите в этом своего друга. – Бойд улыбнулся за стеклами очков. – Сколько зарабатывает партнер в год? Я заплачу вдвойне. – Он посмотрел на Лесли. – Вам обоим.

Никого не спрашивая, Джек пересек комнату и налил себе из графина.

Тридцать миллионов...

Какого черта?

– Предложение хорошее, – продолжал Бойд. – Мистер Мерримон может потерять землю, если проиграет дело в апелляционном суде. Ему лучше взять деньги сейчас и оставить риск судебной тяжбы мне. Мисс Грин, я с удовольствием воспользуюсь вашими услугами для разбора любых апелляций. Мои юрисконсульты в Нью-Йорке получают девятьсот долларов в час. Могу предложить вам столько же.

– Вы очень щедры, – только и смогла пробормотать Лесли.

– Давайте на минутку остановимся. – Джек стоял спиной к остальным, но Бойд тут же переключился на него. Даже Лесли, похоже, поняла, что сейчас все зависит от Джека. – Джонни выстрелил в вас одиннадцать раз. И грозил выстрелить вам в горло, если вы вернетесь.

– Неважно, мистер Кросс. Скажите, мисс Грин, сколько зарабатывает партнер в вашей фирме?

Лесли открыла было рот, но Джек снова опередил ее.

– Никто не дает в десять раз больше рыночной стоимости.

– Вы уверены, мистер Кросс? Мой чистый доход более миллиарда. Извините за прямоту, но так бывает. Если я хочу что-то, то покупаю. Это относится и к помощи со стороны знающих людей. Я дам столько, сколько вы получите за три года, плюс оплачу любые судебные издержки по апелляционным делам.

– Возможно, если б я понял, почему это так важно для вас...

– Ясно. Вы боитесь, что мое единственное желание заключается в том, чтобы лишить человека, к которому я испытываю неприязнь, того, что ему дороже всего. Позвольте рассеять ваше беспокойство. Подойдите сюда. И вы тоже, мисс Грин.

Бойд провел гостей по коридору в комнату без окон, где на обтянутых бархатом стойках мореного дерева лежали ружья и винтовки. Джек коснулся пальцами одного, потом другого. «Пёрде». «Холланд-и-Холланд». Большинство образцов стоили больше, чем он зарабатывал за год.

– Знакомы с этим оружием? – спросил Бойд.

– Нет, – соврал Джек. – Не особенно.

– Охота – моя страсть. Вот почему я купил этот участок и построил домик. Здесь я развлекаю клиентов со всего света: девелоперов, саудовских шейхов, актеров, тexasских нефтедобытчиков. Это расходы на бизнес. Проблема в том, что площадь участка всего лишь девятнадцать сотен акров. Вот. – Бойд посмотрел на топографическую карту на стене. – Это Хаш Арбор. Видите? Шесть тысяч акров плюс доступ к лежащим дальше охотничьим угодьям штата. – Он показал на широкую зеленую полосу на карте. – Между землей вашего друга и моей – три фермы. Две я уже приобрел, по третьей идут переговоры. После закрытия всех сделок мне будут принадлежать тридцать четыре сотни акров, прилегающих к Хаш Арбор.

– И вы хотите получить всё.

– Девять тысяч четыреста акров – это много даже по стандартам Техаса. Плюс охотничьи угодья к северу, и мы уже говорим о чем-то близком к пятидесяти тысячам акров.

– Сорок девять тысяч четыреста двенадцать.

– Ну вот. – Бойд поднял руки. – Вы знаете землю, знаете цифры. – Он попытался улыбнуться, но Джек не купился. – Тридцать миллионов. Все еще думаете, что я хочу прищемить вашего друга?

– Чего вы хотите от меня?

– Я хочу, чтобы вы убедили его.

– Он не продаст.

– Перестаньте, мистер Кросс. Через два года он потеряет все из-за невыплаченных налогов. Ваш друг разорен. У его матери есть какие-то деньги, но этого мало. Его отчим – полицейский, у которого семьдесят восемь тысяч на ИПС^[9] и вдвое больший долг по ипотеке. Вы – его единственный друг. Да, я не сомневаюсь, что вы хороший юрист, но на вас тоже долг перед школой права – девяносто семь тысяч. – У Джека отвалилась челюсть; Бойд даже не моргнул. – Частные детективы обходятся на удивление дешево.

– Так, значит?.. – Джек сумел совладать с нервами. – Я убеждаю Джонни продать землю и становлюсь богачом?

– Мне нужна земля. Цена – вопрос вторичный.

– Почему?
– Я уже объяснил почему. Рысь и медведь, олень, перепелка и гусь.
– Но почему наш округ? Вы живете в Коннектикуте, работаете в Нью-Йорке...
– Долететь нетрудно.
– И всё?
– Земля в таких местах дешевая, даже по пять тысяч за акр. – Бойд заговорил резко, как будто с издевкой. – Деньги за четыре года, если поможете. – Он посмотрел на Лесли: – Итак, сколько получает партнер в вашей фирме?

* * *

Джек вел машину и держал рот на замке.
– Ты сердисься, – сказала Лесли. – Понимаю.
Он переключился на третью передачу, потом на четвертую.
– Бойд лжет.
– Возможно.
Джек покачал головой. Он не сомневался.
– Нам надо поговорить о его предложении, – произнесла Лесли.
– О чем говорить? Мы не можем представлять Джонни, если фирма представляет Бойда. Это конфликт интересов.
– Решение принимаешь не ты.
– Вообще-то я. Думаешь, Бойд обратился бы в фирму, если б я не был частью сделки? – Джек знал, что излишне резок, но ему было наплевать. Он чувствовал, что его разыграли. И что Лесли – часть розыгрыша. – Откуда ты знала, что он будет там?
– Я и не знала. Сыграла вслепую.
– Чертовски удобное объяснение.
– Перестань, Кросс. И расстраиваться тебе не из-за чего. Твой лучший друг живет на болоте. Как это сказывается на нем?
Джек задумался. Неужели Лесли каким-то образом почувствовала его страх перед болотом, его тревогу за Джонни? В конце концов, важно было только одно.
– Джонни сам знает, что делать. Это не мой выбор.
– В любом случае тебе нужно обдумать предложение Бойда. Лучшее, что ты можешь сделать для нас, – это убедить Джонни продать землю. Тридцать миллионов ему, еще по два каждому из нас.

- Два миллиона долларов?
- По самым скромным подсчетам.

От этой суммы у Джека голова пошла кругом. Его зарплата составляла шестьдесят тысяч долларов в год, и эти деньги еще нужно было заработать.

- Бойд – лжец.
- Почему ты постоянно повторяешь это?

– Его дед рос не в Иллинойсе. Рэндольф Бойд родился здесь и прожил в округе Рейвен до самой смерти. Он погиб в двадцать один год, на Второй мировой войне. Семейная история изложена в досье.

Джек кивком указал на папку, но Лесли не стала проверять.

– Ты имеешь в виду мальчишку, который застрелил лося в тридцать первом? Да кому какое дело? Мы все лжем. Господи, Кросс...

Она была права. Джек сам говорил неправду при необходимости, но на чувства это никак не влияло.

– Бойд сказал, что приехал сюда, потому что здесь дешевая земля и сюда легко прилететь из Нью-Йорка. Про то, что его дед жил в округе Рейвен и его отец родился здесь, он ничего не сказал. Почему умолчал?

– Может, посчитал, что это неважно. Может, ему наплевать.

Лесли хотела верить, и Джек не винил ее. Деньги большие и легкие. Как бы ни был интересен ей Джонни, этот интерес стремился к нулю в сравнении с огромной выгодой. Проблема заключалась в том, что ей нужен был Джек.

Он готовился к тому, что вначале она опробует мягкий вариант, пустит в ход мягкие слова, уговоры и логику, положит руку ему на запястье, поморгает своими красивыми честными глазами. Но в конце концов ей придется показать зубы. Когда из этого ничего не выйдет, прибегнет к помощи партнеров, постарается надавить через них. Что они применяют, кнут или пряник? Джек не знал. Но злость, тревога и ползучее ощущение чего-то совершенно сюрреалистического определенно присутствовало. Не незатейливая ложь Бойда, не риск угроз или опасность остаться без работы и даже не вполне реальная возможность подвести лучшего и единственного друга вязали узлы недоверия в груди Джека. Бойд солгал не однажды, а дважды, и вторая ложь была столь велика, что Джек даже не представлял, что с ней делать.

– Полегче, – сказала Лесли.

Джек не услышал.

– Черт бы тебя побрал, Кросс...

Джек добавил газу. Он хотел поскорее выйти из машины, ему нужно было подумать – не о работе, не о Джонни, не о злости, закипающей в

глазах сидящей рядом с ним красивой женщины. Джек тоже солгал. Пусть у него и была больная рука, он вырос сыном копа и сыном Юга. С оружием Джек познакомился, едва начав ходить, и об охотниках, охоте и обитателях дикой природы знал все, что можно было знать. И вот здесь-то была самая большая проблема. Потому что какие бы обстоятельства ни привели к выстрелу в оленя в 1931 году, произошло это не так, как описал Уильям Бойд. Пуля в сердце – да, этому Джек верил. Но все остальное, сказанное Бойдом, правдой не было. Огромная голова, шея толщиной с шею гризли и широкие сияющие рога – ничего подобного Джек не видел. И уже одно лишь это бросало тень лжи на всю историю Бойда. Потому что ни в Иллинойсе, ни в Висконсине, ни в каком-либо другом месте на сотворенной Господом земле ни одного столь величественного животного никто никогда не убивал.

Такого оленя просто не существовало.

Глава 6

Выйдя на крыльцо, Уильям Бойд проводил взглядом уезжающую машину. Она пересекла ручей, забралась на вершину второго холма и исчезла из вида. Но и тогда он не сразу вернулся в дом, а постоял еще несколько долгих минут, усилием воли сдерживая себя.

Попадись на глаза Марта, Бойд ударил бы ее.

Вот как он был зол.

Мысленно прокручивая разговор с гостями, Уильям убеждал себя в том, что сумел скрыть беспокойство и гнев. Если б эти двое заметили его эмоции, то, несомненно, задумались бы о вызвавших их причинах, а это породило бы вопросы. Вопросы Бойд не любил, а когда отвечать все же приходилось, предпочитал делать это в Нью-Йорке или Вашингтоне, а не на окраине какого-то зачуханного городишки. Успокоив себя нехитрым объяснением, он проанализировал и вывел заключение о людях, с которыми придется иметь дело. Джек Кросс вполне соответствовал ожиданиям: умен, предан другу и безнадежно искренен. Лесли тоже ничем не удивила. Она – игрок. На мгновение он даже представил ее: облегающая юбка, блондинистые волосы...

– Марта!

Она была где-то близко. Бойд уловил запах ее парфюма.

– Да.

Повернувшись, он увидел ее у открытой двери.

– Идем со мной. – Бойд прошел мимо домработницы, и она последовала за ним. У двери в кабинет он остановился. – Что я говорил тебе насчет этой комнаты?

– Сюда никто не должен входить без вашего разрешения.

– И?..

– Так получилось, мистер Бойд. Я пошла искать вас и не подумала...

– Мне нужно ставить замки в собственном доме?

– Нет, сэр. Конечно нет.

– Посетителей нужно инструктировать. Я достаточно ясно выразился?

В следующий раз укажи, где можно подождать, и убедись, что они все поняли.

– Да, сэр.

– Где мистер Киркпатрик?

– Был в спортзале. Наверное, вернулся в свою комнату.

– Узнай, принял ли он душ и оделся. Если да, попроси прийти в мой кабинет.

– Вы имеете в виду?..

– Да, в этот кабинет. Ступай.

Марта ушла, а Бойд, отойдя к комоду, налил себе из графина. Расположившись за письменным столом и потягивая скотч тридцатилетней выдержки, он мысленно перебрал известные ему факты биографии Джеймса Киркпатрика, угольного миллиардера, упорным трудом поднявшегося наверх из забоев Западной Вирджинии. Ему нравилось драться, охотиться и делать деньги, и этим он вызывал у Бойда искреннюю симпатию. Но сюда его привели другие причины. Киркпатрик искал подходящее место, куда можно было пристроить двести миллионов долларов, и Уильям Бойд хотел заполучить их. Но для этого нужно было поработать и произвести впечатление. Они вместе охотились на буйволов в Африке и на тигров в Индии. Вместе выпивали, делились секретами и гонялись за свеженькими, только что из колледжа, девушками.

И вот теперь встретились здесь.

Покрутив в руке стакан, Бойд произвел несложный подсчет: 2 процента комиссионных за управление финансами плюс 20 процентов от всех видов прибыли.

– Риск определенно того стоит, – произнес он вслух.

– Ты это обо мне?

– Господи, Джеймс... – Бойд с натянутой улыбкой поднялся из-за стола. – Такой здоровяк, а подбираешься – не услышать. Как тебе это удается?

– Ты не ответил на мой вопрос.

Киркпатрик пересек комнату в несколько шагов. Пятьдесят пять лет, высокий – шесть футов и три дюйма, – тяжеловесный, широкоплечий, со шрамами на толстенных запястьях. На голове и щеках – седая щетина, отчего глаза казались ярче, чем были на самом деле. Бойд подождал, пока он сядет, после чего отошел к комоду, плеснул в стакан виски и протянул гостю.

– Говорил об охоте.

– Беспокоишься?

– Вообще-то нет.

– Еще раз, как его зовут?

– Джонни Мерримон. Мы с ним управимся.

– С твоим прошлым клиентом вышло по-другому. Этот Джонни Мерримон разгромил ваш лагерь и едва тебя не подстрелил.

– Риск того стоит. Твое здоровье.

Они чокнулись, и Бойд сел. Их можно было назвать друзьями, но Киркпатрик понимал правила игры.

– Как рынок?

– Я не слежу за рынками, когда охочусь. У меня для этого есть люди.

Киркпатрик хмыкнул – он и сам придерживался такого же мнения. Нанимай надежных помощников. Распределяй полномочия. Он помолчал с минуту и, даже не взглянув на голову громадного оленя, сказал:

– Так это он?

– Он.

– Шесть месяцев, Уильям. Вот сколько ты заставил меня ждать.

Бойд пожал плечами.

– Я показываю его немногим избранным.

– Можно?

– Для этого мы здесь.

Киркпатрик поставил на стол стакан, и они вместе – один чуть впереди, другой чуть позади – подошли к чучелу на стене. Гость шел ровно, но Бойд ощущал его недоверие. Он уже приводил в эту комнату двух потенциальных клиентов. И все реагировали одинаково.

– Можно потрогать?

– Только осторожно. Он очень старый.

Гость протянул здоровенную руку, прикоснулся пальцами к грубой шерсти на шее животного.

– Я всегда думал, что ты лжешь, преувеличиваешь. Господи... – Киркпатрик слегка охрип. – Ничего подобного не видел. Даже не слышал. – Он повернулся к хозяину. – Твой дед застрелил его здесь?

– Это особенное место.

– Здесь и другие такие же есть?

– Я уж думал, ты не согласишься.

Бойд провел гостя во вторую комнату в задней части кабинета. Книжный шкаф, два кресла, кожаная софа. На двух стенах помещались фотографии и карты. На третьей висела огромная шкура медведя.

– Бог ты мой, – пробормотал изумленный Киркпатрик.

– Я подстрелил этого медведя в тот самый день, когда мальчишка Мерримон расстрелял мой лагерь.

– Невероятно. Это... Это... Какая громадина!

Остальной частью истории Бойд делиться не стал: в тот день они действительно убили двух медведей, и шкура второго горделиво украшала стену его последнего клиента.

- Впечатляет, не правда ли?
- Впечатляет? Боже мой... – Киркпатрик развел руки, словно пытаюсь обхватить нечто неосязаемое. – Это не укладывается в голове. Такие животные... Как ты это объясняешь?
- У меня нет объяснений.
- А твой дед?
- Вот он. – Бойд снял со стены заключенную в рамку газетную вырезку и показал ее Киркпатрику. Заголовок гласил: ПОТЕРЯВШИЙСЯ МАЛЬЧИК ВЕРНУЛСЯ К МАТЕРИ. Фотография под заголовком демонстрировала худенького паренька с подбитым глазом, перебинтованными руками и темными пятнами на щеках. За спиной у него на жалкую некрашеную лачугу падал снег. Рядом с ребенком стояла его мать, серьезная, не улыбкающая.
- Киркпатрик указал на лицо мальчика.
- Это обморожение?
- Да. Говорят, та зима была самой холодной за сто лет.
- А олень?
- Мой дед блуждал по болоту три дня. Когда его нашли, мертвый олень лежал у его ног, а ружье примерзло к дереву.
- Киркпатрик повернул фотографию, наклонился ближе.
- Что с ним случилось?
- Бойд пожал плечами.
- Отправился поохотиться с двумя друзьями. Друзья вернулись домой через сутки. Мой дед не пришел. Сто человек искали его два дня.
- Расскажи мне его историю.
- Бойд улыбнулся.
- История – для клиентов.
- И все-таки?
- Бойд снова пожал плечами, но не извинился.
- Дед не рассказывал о том, что случилось с ним на болоте. После того как его нашли, он вообще почти не разговаривал и, даже женившись, по большей части молчал. – Бойд достал из книжного шкафа журнал в кожаном переплете, старый, потрепанный, замызганный. Сел в кресло; Киркпатрик занял другое. – Это его дневник.
- Написанный уже после болота?
- Да.
- Позволь взглянуть?
- Сначала мне нужно твое решение.
- Двести миллионов – это очень большие деньги.

– Инвестиции, охота, дневник. Жизнь – вот что важно, мой друг. Жизнь и люди, с которыми мы ее делим.

Несколько долгих секунд Киркпатрик изучающе всматривался в лицо Бойда, потом перевел взгляд на газетную вырезку. Рамка красного дерева, шлифованное стекло. Что-то такое было в мальчике, в строгой четкости старой фотографии...

– У него белые волосы.

– Знаю.

– Почему?

– Что-то случилось с ним на болоте. Таким его нашли, седым.

Киркпатрик побарабанил пальцами, взглянул на дневник на подлокотнике кресла.

– Многие знают эту историю?

– Не считая меня, ты – третий.

– А те двое?

– Мои клиенты. Они тебе понравились бы.

Киркпатрик поднялся, прошел вдоль двух стен с фотографиями. Старые, выцветшие, они демонстрировали седоволосого мальчика в разном возрасте. Тинэйджером. Юношей. Молодым человеком. На одной он налегал на плуг за мулом, на другой стоял рядом с невзрачной девушкой в цветастом платье. Девушка улыбалась, юноша – нет. На всех снимках он выглядел худощавым и несчастным, и остался таким до конца. Самая последняя фотография показывала его в военной форме. Нацарапанная в углу дата сообщала, что снимок сделан в марте 1942 года.

– Дед умер на «Омаха-Бич»^[10]; так и остался на песке. Это лежало у него в кармане. – Бойд положил ладонь на дневник. – В ночь перед высадкой он сделал запись о болоте. Как будто знал.

– Знал что? Что погибнет?

– Думаю, он хотел, чтобы о той истории узнали другие. По крайней мере, его жена.

– Признание травмированного молчуна в ночь перед битвой... Не самый убедительный документ.

– Эти страницы говорят сами за себя.

Бойд положил дневник на столик, и Киркпатрик, до того расхаживавший по комнате, остановился.

– Двести миллионов долларов?

– Хорошее начало.

Киркпатрик сел. Они смотрели друг на друга. Большие люди. Большие деньги. Результат, однако, сомнения не вызывал – только не в этой комнате

с запачканным кровью, закрытым дневником покойника на столе между ними.

– Но и история должна быть чертовски хороша.

Глава 7

1931 год

Повелитель Леса

Как и многие мальчишки того трудного времени, Рэндольф Бойд слишком хорошо знал, что такое холод и голод. Старики винили экономику, Большую войну^[11] или то, что они по привычке называли Крахом 29-го, но все это было пустым звуком для Рэндольфа и двух его лучших друзей или других мальчишек округа, чьи дома опустели больше, чем другие. Конечно, война оставила без отца не только Рэндольфа, но ему пришлось труднее, чем, например, Чарли с той же улицы, чей отец успел заслужить медаль перед смертью, или Герберту, родитель которого поймал пулю, сражаясь с французами на Сомме. Отец Рэндольфа вернулся с войны живым, но в конце концов война все же убила его. Германская пуля снесла ему пол-лица в октябре 1918-го, за три недели до того, как все кончилось, и другие отцы возвратились домой целыми, а не с раной такой глубокой, что никакая любовь не могла залечить ее.

Именно так и случилось с отцом Рэндольфа. Не помогла ни милая жена, ни родители, гордившиеся сыном, но и переживавшие за него в душе. И даже ясная улыбка сына, слишком юного и невинного, чтобы увидеть и осознать ужас отцовского лица, не могла рассеять тень, затаившуюся в его глазах. По словам Герберта, слышавшего это от своей матери, возвращение домой затянулось на три месяца, прежде чем ружье появилось из-под кровати, которую муж и жена отчаянно пытались использовать по назначению. *Но какая женщина сможет целовать такое лицо?* Эти слова прошептала темной ночью мать того же Герберта, когда думала, что дети давно спят. Рэндольфу было тогда девять, но даже и теперь, через пять лет, мысль о том, что последний, роковой, шаг сделала его мать, терпеливая женщина, рубившая дрова и таскавшая лед, пока щеки ее не впали, как пробитый торпедой борт военного корабля. Глядя на нее теперь, Рэндольф думал: «А ведь ей всего тридцать один». В сером свете у холодной плиты мать выглядела полумертвой, и ее тонкие, как палки, руки дрожали, когда она, чиркнув спичкой, пыталась поджечь растопку.

– Дай-ка мне.

Рэндольф взял спички, чиркнул и поднес спичку к скомканной бумаге. Старые часы на полке показывали 4:55 утра. По оконному стеклу стучал

снег.

– Приготовлю завтрак, пока не ушел.

Мать выпрямилась и принялась искать что-то в пустых шкафчиках. Она сказала *завтрак*, но имела в виду муку, свиной жир и последние обрезки бекона.

– Они вот-вот придут, – сказал Рэндольф.

– Но пока-то не пришли.

Мать словно не заметила проступившего на лице сына нетерпения, и он снова прильнул к окну – и только потом сел за маленький стол, сервированный двузубыми вилками и поцарапанными металлическими тарелками. Отцовский стул давно убрали, так что их осталось два. Возле второго стоял тот самый «Спрингфилд», с которым отец пришел с войны и которым двенадцать лет назад воспользовался в последний раз, чтобы снести себе остатки черепа. Стрелять Рэндольф умел лучше многих. Он выигрывал соревнования на окружной ярмарке, а два года назад принес домой индюшку на тридцать фунтов, перестреляв самого мэра. С винтовкой Рэндольф обращался с семи лет. Теперь он еще раз проверил, все ли в порядке. Лязгнул металл, в воздух поднялся запах машинного масла. Щелкнув последний раз затвором, он зарядил пять оставшихся патронов и, взглянув на мать, прислонил оружие к стене. Год назад она сказала сыну найти для винтовки другое место, но холод и голод не оставили сил, чтобы настоять на своем.

«Слабеет», – подумал Рэндольф.

Слабели они оба.

– На вот тебе. – Мать шлепнула на тарелку ложку кукурузной каши. – Ешь, пока горячая.

– А ты не будешь?

– Неголодная.

Усталая, натужная улыбка словно расцепила ее лицо. Рэндольф посмотрел матери в глаза. Там была жизнь, и там была любовь. А на его тарелке лежала последняя в доме еда.

– Поешь немножко, – сказал он. – Чтобы я не беспокоился.

– Ладно, малыш. Может быть, чуточку.

Мать села рядом с ним, и они поели с одной тарелки. Каша была местами черная, но это же самое лучшее – подгоревший жир. Оставив на тарелке последний черный комочек, Рэндольф толкнул ее через стол.

– Я сыт, – сказал он и поднялся раньше, чем она успела возразить.

– Пора?

– А ты не слышишь?

– Что?

– Как скрипит левый сапог Герберта.

– Ты в самом деле это слышишь? А я нет. И... – Она остановилась, увидев, что он улыбается. – Дурачишься.

– Совсем чуть-чуть. – Рэндольф взял ружье и поцеловал ее в щеку. – Встречу ребят на дорожке. Доедай. – Он показал на последний комочек каши на тарелке и увидел, что мать плачет. – Все будет хорошо. Со мной идут Герберт и Чарли. У нас оружие.

– Ты же знаешь, что говорят об этом месте.

Ее глаза блеснули в тусклом свете, и в наступившей за ее словами тишине снег застучал сильнее по стеклу.

– Эти цветные – вполне приличные люди. Не думаю, что они нас обидят.

– Я не о них говорю, и ты это знаешь.

– Нам нужна еда.

– Знаю, что нужна. Но разве обязательно охотиться там?

Она выпрямилась, и в ней на мгновение проступила прежняя твердость. Рэндольф хотел ответить, успокоить, но они оба знали правду.

– Больше охотиться негде. Даже кроликов и тех почти не осталось, а ты знаешь, что говорят про кроликов. – Он думал, что шутка заставит ее снова улыбнуться или отчитать его за мальчишескую дерзость. Но ей было не до этого из-за голода и страха. – Дело не только в нас. Надо думать и о других.

Рэндольф имел в виду Чарли и Герберта, старых друзей, чьи семьи тоже голодали. В таком же положении был весь округ – из-за безработицы, бедности и холодной зимы, которая никак не кончалась.

– На болоте легко заблудиться, – сказала мать. – Некоторые возвращаются едва живые, полоумные, а другие до сих пор шарахаются от тени и рассказывают такое, что жуть берет.

– Знаю. Но со мной ничего не случится.

– Обещай, что будешь осторожен.

– Буду.

Она взяла его за руку. В кухне горел огонь, но рука у него все равно была холодная.

– Держись подальше от цветных. И берегись тонкого льда.

– Все промерзло. Никакого тонкого льда уже нет.

Он думал, что логика поможет, но в ее глазах и морщинках снова блеснули слезы.

– Чарли может заблудиться, – напомнила мать. – Он все время

путається, а Герберт неловок с ружьем, так что держись позади него или сбоку.

– Знаю. Я о них позабочусь.

– И еще одно. – Мать сунула руку в карман фартука, достала латунную зажигалку и протянула сыну. – Твой отец принес ее с войны, и она была очень дорога ему. – Она поправила на сыне куртку, разгладила, обтянула. – На прошлой неделе я заправила ее в городе, думала отдать тебе. Он был хороший человек, твой отец. Если б не война, если б не то, что она сделала с ним, он никогда не оставил бы нас. Хочу, чтобы ты верил, когда я это говорю. Ты можешь сделать это для меня? Можешь верить мне, когда я говорю, что так оно и есть? Что он был хорошим человеком?

Рэндольф смотрел на металлический цилиндр, недавно отполированный, но старый, в царапинах и вмятинах. Зажигалку он помнил смутно – какие-то воспоминания сохранились, но они были скорее воспоминаниями о давней мечте. В любом случае он мог представить отца, каким тот был ближе к концу; помнил, как отец сидел перед камином с зажигалкой в руке, в вязаном шарфе, скрывавшем изуродованную половину лица. Он крутил зажигалку в длинных пальцах, наблюдая за отсветом пламени на металле. Да, отец, наверное, дорожил этой штуковиной – тут мать была права, – но в какие бы места ни уводили его эти блики, какие бы воспоминания ни пробуждали, ничто не остановило его, когда он встал на колени у реки и вышиб себе мозги вместе с макушкой.

* * *

Во дворе Рэндольф поднял воротник, защищаясь от снега, прошел к дорожке и, оглянувшись, посмотрел на дом. Маленький, некрашенный, он был одного цвета со снегом, слякотью, старым амбаром и замерзшим железом. Ветер подхватывал выходящий из трубы дым, и Рэндольф помахал матери, неясной фигурке за замерзшим стеклом. Она помахала в ответ. Глядя на нее сквозь падающий снег, он чувствовал, как снежинки ложатся на плечи и шапку. За два месяца ветер намел сугробы к стене дома и старой, ржавеющей во дворе машине. Рэндольф поднял руку повыше и направился к дороге, зная, что если задержится, мать так и будет стоять у окна, пока не потухнет огонь и из кухни снова уйдет тепло.

Спрятав под шарф подбородок, он неслышно зашагал по снегу. За спиной у него висел рюкзак, а в нем – брезент, одеяла и куски вощеного холста, завернуть мясо и не дать просочиться крови. Винтовка – прикладом

вверх, чтобы снег не попал в дуло, – оттягивала левое плечо. У края дороги он оглянулся в последний раз, но дом скрылся за белой пеленой, что было только к лучшему.

Герберт и Чарли уже ждали его, и представшая глазам Рэндольфа картина не вписывалась в рамки здравого смысла.

– И всё? Это всё, что вы взяли?

Он ткнул пальцем в Чарли, щуплого, обидчивого мальчишку с узким лицом и карими глазами. Шустрый и сообразительный, но беззаботный и рассеянный, он совсем утонул в отцовской воценой куртке.

– Я справлюсь, – сказал Чарли. – Ты же сам знаешь.

– Дай сюда. – Рэндольф забрал у него ружье, осмотрел со всех сторон и с недовольной миной вернул владельцу. – Двадцать второй. Мелкашка.

– Думаешь, я сам не знаю? Ну ты даешь...

– И кого ты собираешься убивать из этой штуки? Белок?

Чарли закинул ружье на плечо.

– Отец спит, а карабин у него возле кровати. Сам знаешь, он от малейшего шума просыпается. Он и так взъярится, что я у него куртку и флягу взял. А если б поймал с его любимым стволом, исполосовал бы ремнем вдоль и поперек, и что бы вы тогда делали?

Чарли был прав. Джакс Картер славился буйным нравом и однажды избил человека до полусмерти лишь за то, что тот нечаянно задел его чашку с кофе. Причем случилось это воскресным утром возле баптистской церкви. Из-за позаимствованной куртки у Чарли могли возникнуть проблемы. Из-за карабина его могли убить.

– И вообще, ты посмотри лучше на этого придурка. – Чарли показал на Герберта, у которого не было вообще ничего, кроме фляги и почти пустого рюкзака.

– Что такое? – спросил Рэндольф. – Где твой дробовик?

Его явное неудовольствие и разочарование не повергли Герберта в трепет. Рэндольф был старше, но в прочих отношениях и в драке они не уступали друг другу. Стычки между ними случались, но по большому счету эти двое были почти братьями. Оба родились в одной и той же больнице, только с разницей в две недели, оба одинаково крепкие и голубоглазые. Рэндольф был, наверное, чуть сильнее, но Герберт смысленнее, и все это знали. Учителя. Родители. Спокойный голос и ровный взгляд – так он познавал мир.

– Патронов нет. Что толку тащить ружье без патронов.

Спорить Рэндольф не стал. Патроны к дробовику попадались так же редко, как и деньги, и те, у кого водились лишние, дорожили ими, словно

золотыми монетами. Он сам видел, как за один патрон купили шерстяные варежки, кадку масла и пару старых очков. Без патронов невозможно охотиться, а без охоты бедно на столе. У Рэндольфа осталось пять патронов для «Спрингфилда», и он представить не мог, что будет делать, когда они кончатся. По ночам он молился, чтобы поскорей пришла весна, чтобы лето принесло урожай и какую-нибудь работу. Он мог писать, и считать, и делать все то же самое, что и любой взрослый мужчина из местных. Вот только работа в здешних местах встречалась так же редко, как патроны, кролики и шоколадки.

Чарли топнул ногой по снегу.

– Так мы идем или как?

Рэндольф бросил взгляд на дом, надеясь, что мать слишком далеко и не видит, с каким вооружением они выступают. Она бы разволновалась, но давать задний ход было уже поздно. Он пожал плечами.

– Тут еще и голыми на охоту ходят.

– Может, и так, да только Уиллис Дред с сыном не вернулись до сих пор с чертова болота. А те парни, что вернулись, сидят у окон в дурдоме и слюни пускают.

Рэндольф понимал все, о чем говорил Чарли. Люди уходили и пропадали без вести, а некоторые из тех, что возвращались, рассказывали о неграх, глубоких заводях и пльвунах. Восемьдесят лет назад в тех лесах вешали рабов, и кое-кто считал, что злые духи до сих пор бродят по пустоши из конца в конец. А как еще объяснить исчезновение Уиллиса Дреда и его сына? Как объяснить, что парни Миллеров блуждали пять дней, а когда вышли из болота, только мычали и роняли слюни? Каждый предлагал свою теорию, но правда заключалась в том, что правду не знал никто. Может быть, на болоте водились олени, а может быть, нет; может быть, Уиллис Дред покончил с собой в отчаянии, прихватив сына, и, может быть, парни Миллеров еще раньше тронулись рассудком и лишь искали повод заявить об этом миру. Рэндольф размышлял об этом долго и упорно и пришел к выводу, что эти объяснения ничем не хуже других. Люди глупы и суеверны. А кроме того, была и правда попроще.

– Моя мать больше месяца не протянет, и у Герберта дома положение не лучше. А что у тебя, Чарли? Как твоя мама? Сыта и довольна? Лопают булочки с ветчиной? – Друзья уставились друг на друга, но игру в гляделки выиграл Рэндольф. Он дернул плечом, поправил ружье. – Ничего другого не остается. Ни у кого из нас.

Когда топаешь по снегу, дорога кажется длиннее. Она цеплялась за ноги, волочилась, приглушая звук. Растянувшиеся в линию заборы едва виднелись вдалеке, как и три последних дома; и те и другие растворялись в тусклой серой мути. Все трое мальчишек жили в северной части округа, на границе обжитого края, там, где заканчивалась дорога и начиналась болотистая пустошь, тянущаяся к далеким холмам. В округе этот район считался беднейшим, и только жившие там находили основания для какой-то гордости. Для городских они были грязной, невежественной беднотой. Цветные, белая шваль – для тех, у кого отцы, машины и теплые дома, они были одинаковы. Рэндольф понимал свое место в раскладе вещей, но, как и другие, оказавшиеся в северной глуши округа Рейвен по собственному выбору или занесенные туда силой обстоятельств, он гордился как самим этим местом, так и теми, с кем его делил. Грубоватые, немногословные, терпеливые, они считали городских – с их электричеством, ледниками и купленным в магазине мясом – народом мягким, изнеженным. Если зависть и присутствовала в характере Рэндольфа, он предпочитал ее не слушать. У него были друзья, была мать. К тому же в городах голодали тоже.

Так повелел великий уравнитель.

И как его ни назови, он обрушил всю страну.

Даже здесь, в этой глуши, жестокая правда являла себя со всей очевидностью. Не спасали даже громадные состояния; мужчины в больших северных городах выбрасывались из окон. Довольно долгое время дело не шло дальше разговоров, но потом нагрянула беда. Раскатившиеся из Нью-Йорка волны погребли под собой все хорошее. Пропали деньги. Закрылись магазины. Лишь у немногих в городах сохранился здоровый румянец, но границы различий стирались, и Рэндольф считал, что так и надо. Пусть попробуют, что значит ложиться в холодную постель, а проснувшись, получать на завтрак подгоревшую кашу... В груди распустилось какое-то теплое чувство, и он понял – да, наверное, зависть. Ему едва исполнилось четырнадцать, но он уже потерял два зуба. *Скорбут*, так это называлось. Еще одно модное словечко вместо другого, понятного всем, – «голодуха».

На несколько долгих минут эта мысль придавила его тяжелой тенью, но тень рассеялась, когда они приблизились к тому месту, где кончалось шоссе. Дальше проселочная дорога вела к Хаш Арбор, где с 1853 года жили освобожденные рабы и их потомки. Рэндольф бывал там лишь однажды, когда мать ездила менять нитки и иголки на семена и мед.

Жившие в Хаш Арбор разговаривали по-особому, так что понять их было трудно. Дома представляли собой некрашенные лачуги, но у них были огороды, церковь, коптильня. Держались они вполне дружелюбно, но тогда и время было другое, лучше нынешнего. Теперь доверие стало редкостью, и в последнее время – в тех редких случаях, когда он видел цветных на дороге или в лесу на границе болота – они держались настороженно и на чужих смотрели исподлобья. Это Рэндольф тоже понимал. Заботиться о своих. Держаться вместе. Он сам чувствовал то же самое в отношении Чарли и Герберта.

– Что будем делать?

Чарли задал вопрос, который был на уме у каждого. Дорога вела в Хаш Арбор, и белых мальчишек, собравшихся поохотиться на болоте, никто из живущих там с распростертыми объятиями не ждал. На востоке была река. Они могли бы повернуть вправо, пройти две мили через лес и продолжить путь на север вдоль берега. Но потом река все равно сворачивала к Хаш Арбор. Рэндольф посмотрел туда, потом повернулся налево. На западе лежали развалины плантации Мерримонов. Дом сгорел в 1854-м, но каменный фундамент сохранился, как сохранились и развалины давно обрушившегося амбара, колодец и темные контуры стоявших там когда-то жилищ для рабов. Этот маршрут вглубь болота был длиннее первого, но когда Рэндольф выбрал его, остальные присоединились. Пройдя примерно милю, они миновали руины и направились через поле к краю леса, а потом повернули на север. Еще три мили шли вдоль леса, а когда позади остался последний холм, Рэндольф почувствовал под снегом крепкий, скользкий лед. То был край болота, занимавшего площадь более пятидесяти квадратных миль. За ним, к востоку, были река и равнина, а к северу не было ничего, кроме леса, камня и ветра.

– Замерзаю...

Рэндольф посмотрел влево и нахмурился. Прозвучавшая в голосе Чарли ноющая нотка резанула по нервам.

– Конечно. Сейчас зима, а зимой холодно.

– Не, тут кое-что еще. Вот смотрю туда, и яйца съезживаются.

Чарли говорил о том месте, где лес встречался с болотом. Деревья стояли серые и голые, и кое-где между ними из-под снега черными полосами проглядывал сковавший лесную подстилку лед. Здесь был край болота. Дальше от края мелкая поросль разрасталась и сгущалась настолько, что местами сплеталась в плотную стену из вьющихся стеблей и колючек. В теплые месяцы твердь раскисала; грязь и стоячая вода образовывали лабиринт, столь запутанный, что затеряться в нем мог любой.

Ребята приходили сюда порыбачить, пострелять белок. Визиты эти бывали короткими и походили на флирт, танец у края, и болото отвечало им тем же. Мальчишки видели рысей и королевских аспидов, а однажды даже углядели мелькнувшего за кустами ежевики медведя. Ради этого они сюда приходили, в этом был весь смак. Но теперь дело обстояло иначе. Не тяга к приключениям выманила их из дома и привела сюда – их пригнали отчаяние и нужда. Громадное, суровое, пустынное, болото лежало перед ними, и каждый чувствовал себя щепкой на его фоне. Рэндольф посмотрел по очереди на каждого из приятелей. Явно напуганный Чарли притих и лишь переминался с ноги на ногу да вытирал текущий нос заледенелой рукавичкой. Герберт держался лучше, и взгляд его оставался решительным, хотя привычной уверенности ему, может быть, и не доставало.

– Герберт?

Рэндольф обратился к другу, потому что не хотел брать всю ответственность на себя. Пока они стояли, снег пошел сильнее, и температура заметно упала. Прошло три часа, а они уже замерзли, и Рэндольф знал, что дальше будет только хуже. Поднимался ветер, и болото не сулило ничего хорошего. В голову настойчиво лезли мысли о пропавших мужчинах и потерявших рассудок мальчишках, и вопросы, ставшие внезапно реальными, давили своей тяжестью. Но Герберт, если у него и завелись подобные опасения, ограничился, как обычно, беззаботной улыбкой и, повернувшись, подставил лицо под падающие снежинки.

– Отличный денек для прогулки, – только и сказал он. Рэндольф кивнул и шагнул под деревья. Друзья последовали его примеру.

* * *

К двум часам беспокойство накрыло их, словно промерзшее одеяло. Обнаружить не удалось даже малейшие признаки какой-либо живности. Тишиной и покоем болото напоминало кладбище – лишь шум ветра да скрип снега под ногами.

– Это ненормально, – в пятый уже раз повторил Чарли. – Уж что-то должно было на глаза попасться.

Слова его утонули в снегу. Никто не ответил. По прикидкам Рэндольфа, они углубились в болото на три мили, и от дома, если считать по прямой, их отделяло около семи миль. На самом деле прошли намного больше, поворачивая то на север, то на юг, рыская по молчаливой пустоши в поисках следа. За столько времени они уже должны были увидеть какой-

то знак. Чарли был прав. Даже в тех частях округа, где охотники истребили все живое, наверняка встретились бы следы или помет.

– Ни хрена ничего.

– Закрой варежку, Чарли.

Но держать рот на замке тот не умел, и каждые несколько минут с его губ срывались слова.

Дерьмо сраное.

Ни хера себе.

Да чтоб...

Рэндольф не обращал внимания на его бормотание, пока не наступила тишина. Минут через десять он оглянулся.

– Где Чарли?

Герберт, шедший в двух футах от него, остановился. Деревья за спиной у них сомкнулись, заслонили свет, и лишь тогда до Рэндольфа дошло, насколько уже поздно.

Почти темно.

– Герберт? – Глаза у того остекленели, губы посинели, с торчащих из-под шапочки волос свисали сосульки. Рэндольф сжал его руку, но Герберт только моргнул. – Господи. Стой здесь. Не уходи. Я серьезно.

Шагов через двадцать он оглянулся, из последних сил сопротивляясь внезапно овладевшему им беспокойству. Чарли пропал. Герберт не в себе. Вдобавок ко всему привычный серый свет уже сгущался, сползал в синюю часть спектра. На часах вряд ли могло быть больше четырех, но, по ощущениям, время приближалось к шести, и свет, казалось, сохранялся только потому, что его удерживал снег.

– Чарли!

Рэндольф поспешил назад, отыскивая на снегу их собственные следы. Все выглядело незнакомым. Деревья раздалились, уплотнились и почернели. И отпечатки их ног тоже почернели. Со всех сторон – ни звука, только шорох дыхания и безмолвие снега.

Чарли нашелся через четверть мили. Он стоял под склонившимся дубом, опустив руки и разинув рот. На плечах и шапке виселись холмики снега. Как и Герберт, Чарли смотрел в никуда.

– Господи. – Рэндольф остановился рядом с другом, но тот лишь моргнул. Проследив за его взглядом, Рэндольф увидел деревья, тени и падающий снег. Ложа ружья примерзла к деревяшке у ног. Он наклонился и оторвал приклад, ощутив через рукавицы холод стали.

– Ты что делаешь, а? Идем.

Чарли вздрогнул, словно его вырвали из сна, и едва слышно произнес:

– Я умираю.

– Нет, ты не умираешь.

– Мне холодно. Так холодно, что ног не чувствую.

Говорил он медленно, словно едва ворочал языком. «Наверное, у него тоже замерзли губы», – подумал Рэндольф.

– Держись поближе. Не отставай. Я тебя не брошу. – Он сунул ружье в руки другу.

– Я, честно, не могу идти.

– Можешь. Давай.

Он потащил друга за собой. Сначала Чарли спотыкался и едва не падал, но Рэндольф каждый раз подхватывал его. Дальше – легче. Чарли разговаривал с собой, шевеля синими, как лед, губами, но ноги все же переставлял. Дважды он падал, а поднимаясь, тер глаза обледенелой рукавицей. Рэндольф шел рядом, стараясь не сбиться с едва заметного следа. Уже в сумерках они добрались до Герберта, который сидел на снегу, прислонившись спиной к дереву.

– Вставай. Замерзнешь. – Герберт не шевелился. Не дойдя до него, Рэндольф опустил на колени. – Вот дерьмо...

Он плохо представлял, как быть дальше, но знал, что, если не разведет огонь, все они замерзнут. Вообще-то он планировал сделать это за час до заката: достать брезент и развести костер. Теперь же быстро темнело, и Рэндольф понимал, что уже через пять минут не увидит собственных рук, даже если поднесет их к лицу.

Два часа.

Вот сколько он потерял.

– Оставайтесь здесь, оба.

Не теряя времени, Рэндольф принялся собирать валежник, скользкие от снега, но не сгнившие ветки. На болоте росли березы, и он обдирал кору, складывал ее возле рюкзака, накрывал и лез в кусты за сухостоем. Для начала нужно было немного, ровно столько, чтобы развести огонь и оглядеться. Разбросав ногами снег, Рэндольф расчистил небольшой участок. Никто из друзей помощи не предложил. Они даже не смотрели на него. Чарли сидел на снегу, и его била дрожь.

Рэндольф похлопал себя по карману, но нащупать ничего не смог – пальцы распухли и плохо слушались. Он стащил рукавицу зубами и повторил попытку: расстегнул, повозившись, пуговицу, сунул руку внутрь, нащупал спички и огниво, приготовленное из деревянной стружки, керосин и свечную стружку. Шарик размером с персик загорелся быстро, испуская черный дым и разбрасывая голубые искры. Рэндольф поджег кору, добавил

прутики и кусочки дерева. Растопка зашипела, затрещала, но потом подсохла и загорелась ровным пламенем. Рэндольф подбросил веточек и прикрыл огонь ладонями. Когда костер окреп, он растянул на деревьях брезент, разгреб снег, повесил одеяла и, создав защищенную от снега площадку, притащил к огню друзей. Те уже едва шевелились и ничего не говорили.

– Сейчас вернусь.

Выбравшись из теплого уголка, Рэндольф окунулся в темноту. На этот раз ему потребовалось больше времени, но он хотел собрать столько валежника, чтобы продержаться всю ночь. Когда вернулся наконец к костру, он так устал, что едва мог поднять руку. Температура продолжала опускаться и дошла, наверное, градусов до десяти^[12].

– Только б не было ветра.

Пока все складывалось в его пользу. Снег падал крупными хлопьями, соскальзывал с брезента и высоких веток с тихим шорохом, напоминающим шепот в темноте.

Придвинувшись к огню и протянув руку, Рэндольф молча наблюдал за друзьями в танцующих отсветах костра. Они выглядели заметно лучше, кожа обрела более естественный цвет, в глазах появилась осмысленность. Первым голос подал Герберт:

– Странно...

– Что? – спросил Рэндольф, но тот только покачал головой.

Чарли вскинул голову и тут же отвел глаза в сторону, стащил рукавицы и протянул руки к огню.

– Чарли?

– Я замерзаю, вот и всё. Больше ничего не знаю.

Где-то здесь была ложь. Рэндольф слышал ее в голосе друга, видел в глубине глаз.

– И всё? Ты больше ничего не чувствуешь?

– Холод, наверное, – сказал Герберт.

– Да, точно, – тут же согласился Чарли. – Холод.

Рэндольф повернулся туда, где, за костром, лежало молчаливое, полностью накрытое тьмой болото. Еще чуть-чуть, совсем немного, и ночь застала бы их там, разделила, развела и запутала. Сто раз он ночевал в лесу. Сто раз, во все времена года. И никогда ничего подобного с ним не случилось. Ни с ним, ни с Гербертом, ни с Чарли.

Неужели мы и в самом деле потеряли два часа?

– Есть кто-нибудь хочет? – спросил Герберт, и Рэндольф увидел, как Чарли вздрогнул. Проголодались все, и Рэндольф знал, что у них в

рюкзак так же пусто, как и в его собственном. Только одеяла да вощеньый холст – он сам проверял. Поужинать надеялись олениной – и сейчас уже сидели бы сытые и довольные, с набитыми животами...

– Не надо так шутить, ладно? Я же заглядывал в твой рюкзак.

Герберт сунул руку за пазуху и вытащил брусок вяленого мяса, завернутого в толстую оберточную бумагу.

– Мама дала. Это последнее.

Рот наполнился слюной. В последний раз Рэндольф видел мясо три недели назад.

– Ты точно?..

Герберт взял кусочек оленины, сунул в рот и передал остальное друзьям. Пусть мало, пусть жесткое и соленое, но это было мясо. Ели молча. Мерзлая земля под ними понемногу оттаивала, и от одеял шел пар.

– Завтра, – сказал Чарли. – Завтра кого-нибудь убьем.

Никто не ответил.

За гранью света падал и падал снег.

* * *

Утро выдалось холодным, но ясным. Рэндольф проснулся и поднялся раньше других. Подошел к костру. Между деревьями просачивался бледный, жидкий свет. Похоже, они находились на каменистом выступе, окруженном с трех сторон замерзшим болотом. За деревьями ощущалось присутствие пустоты, раскинувшейся во все стороны молчаливого пространства. Снег шел почти до утра и теперь лежал вокруг лагеря глубокой белой целиной.

Подбросив в огонь валежника, Рэндольф накинул на плечи одеяло, прошел между деревьями и остановился у края казавшейся бесконечной равнины с замерзшей водой под снегом. Тут и там на ровной поверхности темнели пятна глубоких омутов. Возле одного из них, в полмили шириной, и разместился лагерь. Дальний край лежал в тени; ближний, тронутый ранним солнцем, отдавал бледной желтизной. Рэндольф искал взглядом следы, но не обнаружил признаков вторжения на белую гладь. Тишина была такая, что он слышал, как воздух проходит в горле. Дыхание срывалось с губ облачками пара.

Когда Рэндольф разбудил друзей, говорить о вчерашних проблемах никто не стал. Мясо съели, впереди был долгий день, а голод уже давал о себе знать. Молча собрав лагерь, Рэндольф забросал снегом костер и по

давней привычке проверил винтовку. Все понимали главное: мясо нужно найти сегодня. В противном случае они либо замерзнут, либо вернутся домой с пустыми руками.

– Готовы?

Герберт кивнул, и они выстроились в том же, что и накануне, порядке: Рэндольф впереди, потом Герберт и замыкающим Чарли. При таком строе тяжелее всего приходится первому. Снег местами доходил до бедер, и прокладывание тропы отнимало немало сил. Но болото было его идеей, его планом, и он вел друзей строго на восток, потому что именно в том направлении лежало сердце пустоши.

– Как насчет Фримантлов? – спросил Чарли.

Рэндольф не ответил. Он уже едва дышал.

– Так что насчет цветных? – повторил Чарли.

– Думаю, мили на две севернее и прилично далеко к западу. – Рэндольф махнул наугад рукой. – Если к полудню ничего не увидим, пройдем дальше на север. Так или иначе к ним мы не приблизимся.

– Обратный путь получается долгий, – сказал Герберт.

– Мясо где-то здесь. Должно быть.

Они остановились на краю той же плоской равнины.

– Ты уверен, что оно замерзло? – спросил Чарли.

– Замерзло.

– Откуда знаешь?

Вопрос был глупый, и Рэндольф задумчиво посмотрел на того, кто его задал. В отцовской куртке он казался даже меньше, чем был в действительности. Кожа натянулась на скулах, губы втянулись, и он опять дрожал от холода. Стоявший рядом с ним Герберт выглядел не лучше – понурый, бледный, испуганный.

– Если кто хочет повернуть назад, сейчас самое время.

Они потупились. До сих пор никто ни словом не упомянул вчерашний день – как они заблудились, потеряли друг друга в сумерках и едва не замерзли, – но оно не прошло без следа, оно осталось с ними: ощущение того, что что-то не так.

– Чарли?

Тот покачал головой.

– Герберт?

– От разговоров мясо на столе не появится.

– Значит, идем охотиться. Как решили, так и сделаем.

Момент нерешительности затянулся еще на секунду-другую, но никто не сказал ни слова. И когда Рэндольф двинулся дальше, мальчишки

потянулись за ним – через замерзшую воду в лес. Прошел еще час, и Чарли снова забормотал себе под нос.

Ничего...

Ни хрена ничего...

* * *

К середине утра все указывало на то, что Чарли прав. Споткнувшись в очередной раз, Рэндольф понял – это голод.

– Сколько мы прошли? – подал голос Герберт.

– Мили три. Может, четыре.

Определить точнее было невозможно. Каждый шаг давался с трудом. Солнце стояло уже высоко, но температура держалась около десяти. Снег как будто становился лишь глубже, и Рэндольф уже не чувствовал ног.

– Отступи, я пойду первым.

Рэндольф не стал упираться и отступил в сторону, но никто вперед не вышел. Ребята стояли по пояс в снегу. Чарли повис на плече у Герберта.

– Отдохнем минутку.

Чарли кивнул и попытался напиться, но вода во фляге замерзла.

– Вот же черт.

– Еще немного, – сказал Рэндольф. – Что-нибудь найдем. – Чарли согласно кивнул, но окружавшая их тишь ответила молчанием. – На восток. – Рэндольф махнул рукой. – Пройдем еще милю, а потом повернем на север.

Дальше двинулись уже в новом порядке: тропу прокладывал Герберт, Рэндольф шел замыкающим.

Холодало.

И по-прежнему полная неподвижность.

– Чувствуете? – подал голос Чарли. – Тяжесть. Чувствуете?

– Ерунда, – отозвался Рэндольф, хотя тоже это чувствовал. Оно, это ощущение тяжести, нарастало весь день, с самого утра, поначалу едва заметно, потом явственно. Ошибки быть не могло. Все потяжелело. Солнечный свет. Воздух. Они постепенно отклонялись в сторону и шли теперь под стеной деревьев. Еще через полмили ощущение тяжести лишь усилилось. Споткнулся и упал Герберт. Подняться ему помогли Чарли и Рэндольф.

– Я в порядке... в порядке... – повторял он, но кожа на лице уже приобрела синюшный оттенок, а глаза наполовину закрылись из-за

замерзших слезинок.

Им всем нужно было поесть и отогреться.

– По-твоему, все нормально?

В горле у него заклокотало. Он выпрямился, наклонил голову, будто пытался рассмотреть что-то. Сначала Рэндольф ничего такого не заметил, но потом вдруг понял. Деревья вокруг, голые и согнутые. Ни одно не отбрасывало тени.

– Какого... – начал было Чарли.

– Ш-ш-ш, помолчи минутку.

– Ты мне рот не затыкай. Господи, что за чертовщина?

Он хотел было добавить что-то еще, но его опередил Рэндольф.

– Иди, Чарли, ладно? Просто иди. Потихоньку, по шажочку. И глаза не закрывай.

Они двинулись дальше, но теперь разницу чувствовал каждый. Воздух дышал злобой. В какой-то момент появилось и тут же пропало ощущение движения; что-то серое, неуловимое, как дымка, мелькнуло в уголке глаза. Рэндольф резко повернул голову вправо, но не увидел ничего, кроме деревьев, снега и слепящего света. Они шли и шли, пробивая тропу, спотыкаясь; пот выступал, замерзал и снова выступал. Чарли уже не умолкал, но говорил тихо, неразборчиво, быстро и без пауз. Как и остальные, он тоже падал, а иногда почти бежал. Рэндольф понимал, что нужно сбавить ход – иначе они просто изнемогут, – но безымянный страх гнал дальше и дальше, заставлял двигаться на пределе.

Герберт пробился через еще один сугроб. Они скатились в овражек, выбрались на другую сторону. И все это время оно не оставляло их, торопило, подталкивало – *осознание присутствия чего-то*. И Рэндольф был не единственным, кто чувствовал *это*. Герберт то и дело бросал взгляды по сторонам. И Чарли крутил головой. С каждой минутой они шли как будто быстрее, хрипя и задыхаясь.

Вырвавшись из-под деревьев, обнаружили вдалеке открытую, продуваемую ветром поляну, своего рода островок. Снег на льду лежал тонким слоем, и ребята, не сговариваясь, устремились к нему, скользя и падая, поддерживая друг друга и помогая подняться. Они чувствовали одно и то же – Рэндольф знал это: там что-то есть, и оно противится им.

– Туда, – сказал Герберт. – К деревьям.

Он указал на ближайшее укрытие, и с ним никто не стал спорить. На льду они были открыты со всех сторон, прежде всего ветру, налетавшему колючими слепящими порывами. В роще Рэндольф снова вышел вперед и повел друзей в сторону от озера – через кусты и мелколесье. Подальше от

давящей тяжести; по пути меньшего сопротивления. Брешь здесь. Низина там. Он скатился под громадную ель, но тут же выбрался из-под нее с другой стороны.

Оно было там.

Оно приближалось.

Паника гвоздем воткнулась в сердце. Давящая тяжесть... боль... Он упал на дерево, ободрав кожу о жесткую кору. Никто не сбавил шаг. Никто не нарушил строй. Короткой цепочкой они бежали через лес и снег, пока Рэндольф не остановился вдруг как вкопанный.

Следы.

Путаница следов.

Рэндольф сам принял решение и повернул влево, туда, куда вели следы. Их оставил человек, а это обещало помощь и, может быть, еду. Стоило свернуть на тропинку, и давление моментально ослабло. Идти стало легче. Рэндольф вел друзей между деревьями и через замерзшие ручьи. И застыл как вкопанный на крохотной полянке. Сердце подскочило к горлу. Подступила тошнота. Герберт и Чарли остановились, отдуваясь, рядом. Их глазам открылась невероятная картина.

Потухший костер.

Брошенная стоянка.

– Это не... – Чарли не договорил, но и без него все было ясно.

Они вернулись к собственному лагерю.

К своему костру.

– Но как?

Они прошли несколько миль, держа курс на восток. Лагерь должен был остаться позади. Далеко позади.

– Невозможно. – Чарли трясло от холода, а посеревшая кожа сделалась полупрозрачной, как повисший в волосах замерзший пот. – Рэндольф... – Ему хотелось услышать объяснение, но объяснения у Рэндольфа не было. – Как такое могло случиться?

Он поднял глаза, растерянные и испуганные, и Чарли покачал головой и тут же согнулся – его вырвало жидкой желчью.

– Нет. Это невозможно.

И тем не менее невозможное случилось.

Прямая завернулась в круг.

Остаток дня провели у костра, такого огромного, что пламя ревело. Говорили мало, слова получались неуклюжие и, едва родившись, быстро умирали. Вступить в схватку с ужасом собственных страхов не решился никто. Чарли по-прежнему мучился животом, хотя там ничего уже не осталось. Герберт неотрывно смотрел на огонь. Его губы беззвучно шевелились, произнося то имя матери, то слова молитвы или прощания. Рэндольф представлял летний день: прогулка, солнце на лице. Поначалу совершенно безобидная картина.

Три друга.

Надежда.

Откуда же этот страх?

Рэндольф рискнул бросить взгляд на друзей по ту сторону костра. Чарли лежал под одеялом, съежившись, на боку, подтянув к груди колени. Его трясло, и напряжение сковало, похоже, все его мышцы. Герберт смотрел на огонь, и губы его шевелились, а взгляд то и дело срывался то в одну, то в другую сторону. Ужас сломил всех.

Настоящий разговор возник, только когда они заспорили. Герберт и Чарли хотели уйти прямо сейчас: вернуться на свой след и пойти по нему домой. «А что там? – спрашивал Рэндольф. – Голодная семья? Медленная смерть?» – «Все равно это лучше, чем умереть здесь, – говорили они. – Лучше, чем замерзнуть насмерть».

О чем никто не говорил, так это о том, что никто не мог игнорировать. Они уже замерзли до полусмерти и обессилели. Один этот аргумент склонял чашу весов в пользу Рэндольфа. Согреться, а потом решить. Было четыре часа, когда Герберт подал наконец голос.

– Извини, Рэндольф, но я здесь не останусь.

Чарли с усилием сел и кивнул.

– Аминь, брат. Давай убираться отсюда ко всем чертям. Пойдем с нами, Рэндольф. – Тот промолчал. – Пожалуйста. Не заставляй меня просить.

Рэндольф представил мать в холодной кухне. Она стояла у окна, смотрела на замерзший двор. За спиной – пустой буфет.

– Идите. Я не могу.

– Не строй из себя героя. – Герберт наклонился ближе. – Ты же чувствуешь это не хуже нас. Оно и сейчас там.

– Я не знаю, что чувствую.

– Не ври. – Чарли покачал головой. – Ты тоже побледнел и перепугался до усрачки, как и мы. Что бы там ни было, оно существует.

– Что за оно? Я никакого оно не вижу.

– Ладно, давай, обманывай себя. Пусть так. Но здесь умирают люди. Умирают, исчезают или сходят с ума. И это не просто чья-то болтовня, это на самом деле. Вспомни хотя бы Дредов или парней Миллеров.

– До темноты не успеете.

– Уже темнеет. – Герберт поднялся и набросил на плечи одеяло. – Все лучше, чем сидеть здесь. Чарли, ты идешь?

– Иду.

Глядя вслед друзьям, Рэндольф чувствовал себя так, словно вся его смелость вытянулась из груди бечевой и волочится, замерзшая, за ними по снегу. Каждый их шаг вытягивал из него тепло и сердце, так что к тому моменту, когда они добрались до первого поворота тропинки, ему уже хотелось бежать следом, звать. Но он остался на месте. В том месте, у лесной ниссы, где тропинка поворачивала на юг, пара на секунду остановилась. Чарли поднял руку; рукавичка, вся в заледенелых соплях, блеснула отраженным солнечным лучом, и в этот момент общности взгляд Чарли сказал: *Береги себя, брат, мы тебя любим.* В этот момент – более, чем когда-либо, – Рэндольф хотел встать, догнать их и как-то убедить, заставить остаться. Теперь он остро ощущал риск разделения. Все вместе – адреналин и ужас – билось внутри, требуя крикнуть вдаль: *«Да, я чувствую это! Да, оно настоящее!»* Потому что та сила, чем бы она ни была, которая преследовала их, уже собиралась невидимо в сумраке под деревьями. Она наблюдала и разрывалась. Следовать за теми двумя или остаться одиночкой? Ненависть и нерешительность разлились в воздухе, словно едва слышная похоронная песнь. Но эта песнь, глубокая и острая, проникала внутрь, так что Рэндольф накрыл ладонями руки и открыл рот, словно хотел ослабить давление. Скованный ужасом, он умирал. Он даже попытался крикнуть, но рука в обледенелой рукавичке упала, и друзья повернули наконец на юг. Жуткая пустота заполнила его, на мгновение вытеснив все. Но давление нарастало с каждой секундой, пронзая голову острой болью.

Он свернулся в комочек и заткнул пальцами уши. Костер постреливал углями; один уголек, улетев в снег, зашипел. Рэндольф лежал едва ли не в самом костре, но замерзал и не мог согреться. Он вроде бы тоже плакал или скулил, но точно и сам сказать не мог. Давление усилилось, вой резал мозг, как ветер, проносящийся через горный перевал. Рэндольф хотел умереть. И мог умереть – от ужаса и боли. Он засучил ногами, задергался на снегу...

И все как будто смыло.

Вой прекратился. В голове прояснилось.

Рэндольф поднялся на колени. Его трясло, как побитого ребенка.

Дыхание стеклом резало горло. Сил не осталось. Беспомощно опустив голову, он тупо смотрел на опустевший лес.

Ни Чарли, ни Герберта.

Ничего.

Рэндольф моргнул, и сквозь тупую боль пробилась непрощенная мысль: то, что таилось за деревьями, сделало выбор и последовало за его друзьями.

* * *

Что оно идет, Герберт почувствовал одновременно с Чарли. Он споткнулся, оглянулся и увидел на лице друга дикий страх.

– Иди! Не останавливайся! – крикнул Чарли и махнул рукой.

Подгонять Герберта не требовалось. Страх, словно ветер, толкал его в спину, и все вдруг прорисовалось яснее: следы на снегу и черные ветки, разломы в коре... Он ломанулся между деревьями.

– Живей!

Герберт рискнул бросить взгляд в сторону – и тут же заметил то самое, серое, появившееся сзади и справа. Размытое пятно, игра света. Они были в полумиле от костра, в нескольких часах от края болота, и шли по дну ручья, поскользываясь на льду и замерзшей глине.

– Видишь его?

– Мне это ни к чему.

– А как же Рэндольф?

– Рэндольф сам так решил. Ну же!

Герберт выволок Чарли на берег речушки и потащил по снегу. Пять минут... десять... пятнадцать.

– Оно идет за нами.

– Не идет, – выдохнул Чарли. – Оно нас гонит.

Он был прав, и Герберт сам это знал. Оно – чем бы ни было – удерживало их на тропе и не давало остановиться. Стоило сбавить шаг, как давление тотчас нарастало. Стоило отклониться, как оно направляло их вправо или влево.

– Мне нужно остановиться, – сказал через час Чарли. – Не могу...

– Можешь.

Но он не мог, и надолго его не хватило. День клонился к сумеркам, и деревья бледнели без багряного света, а Чарли уже упал с десятков раз. Герберт сначала тащил друга, а потом нес его. Пятьдесят ярдов... еще

миля... Потом он сам упал, и вырвавшийся в неподвижный воздух крик унес остатки тепла.

– Что тебе нужно? – закричал он. – Скажи, что?

Герберт кричал, рычал и ревел, паля в воздух из мелкашки, пока боек не ударил в пустой патронник. Потом поднялся и снова взвалил на спину Чарли, вялого, как дохлый пес. Свет померк, и Герберт прибавил шагу. Он не хотел оставаться на болоте в темноте и холоде ночи, но дневной свет иссяк, и на небо высыпали звезды. Он мог бы бросить друга и даже подумывал об этом, но не бросил. Натыкался на деревья, разбил в кровь лицо, спотыкался на неуклюжих, окоченевших ногах. И все это время Чарли бормотал:

– Оно идет, брат. Оно идет.

– Заткнись.

– Кажется, я его вижу.

Видел он или нет, наверняка никто не знал. Продравшись через путаницу веток и стеблей, Герберт вывалился на открытую местность под сияющим звездным небом.

Получилось. Они вырвались.

Он еще ухитрился сделать сто шагов, а потом упал на колени, и тут их догнал исторгнутый болотом последний звук. Это не были ни слова, ни что-то даже отдаленно похожее. Но звук был знаком, как знаком был нож.

«Смех», – подумал Герберт.

Оно – то, что водилось там, – смеялось.

* * *

Минут тридцать Рэндольф лежал без движения, боясь, что, если пошевелится, оно почует его и вернется. Ему было стыдно собственной трусости, но одолел ее не стыд, а голод. Поднявшись на ноги, он испытал приступ головокружения и что-то похожее на галлюцинацию. Дымка, за которой скрывалось солнце, рассеялась, и холод ощущался не так остро. Там, где их не было, протянулись тени. Обернувшись на звук, Рэндольф увидел белого как снег и отнюдь не пугливого зайца. Зверек стоял на задних лапах, приносясь и подергивая носом. Пораженный увиденным, Рэндольф замер. *Жизнь! Здесь все-таки есть жизнь!* Когда он наконец опомнился и вспомнил про лежащее под ногами ружье, заяц встрепенулся и исчез под кустом. Но и тогда Рэндольф остался на месте. Между деревьями порхали птицы, на снегу проступили следы оленя, лисы и мелкой

живности. Одни следы уже подзанесло снегом, другие были свежие.

Им овладела вдруг слабость, затмившая и пустоту, и боль в ребрах. Отойдя от костра, Рэндольф двинулся по цепочке самых свежих отпечатков. «Олень, – думал он. – Прошел недавно». Наклонился, коснулся пальцами краев впадинки, и они обвалились. Над головой у него затрещала белка, и Рэндольф ощутил необъяснимый, суеверный страх, такой внезапный и острый, что даже пошатнулся.

Появилась ли вся эта жизнь по велению некоей темной магии?

Или все это скрывала прежде магия еще более темная?

В конце концов, это было не так уж и важно – в отличие, например, от голода. Голод и заставил его пройти сначала одну милю, потом другую. Он потерял глаза, как будто их занавесила паутина. Не помогло – от краев напознала тьма. Рэндольф увидел мать на кухне, отца с изуродованным лицом у костра. Довольно долго он ощущал пламя и не чувствовал холода; но отец смотрел и смотрел на него, и свет в его глазах жестче железа в зимнюю ночь. «*Зачем ты живешь? – как будто спрашивали эти глаза. – Почему ты цел и здоров, тогда как я – такая вот развалина?*» Рэндольф хотел возразить и даже поспорить, но в рот набился лед, а отец стал уходить по длинному, угрюмому коридору, постепенно уменьшаясь, пока не исчез, превратившись во вспышку белого, серого и тускло-оранжевого света. Рэндольф моргнул, но вспышка осталась. Он моргнул еще раз и обнаружил, что лежит лицом вниз в сугробе, во рту у него снег, а один глаз замерз и не открывается.

Долго?

Солнце висело мутным пятном за деревьями. Рэндольф потерял где-то рукавицу, и когда попытался поднять ружье, кожа с пальцев осталась на мерзлом металле. Он вскрикнул от боли, а порыв ветра с силой бросил в лицо пригоршню снежной дроби. Баюкая пострадавшую руку, Рэндольф дотащился до поляны, где низвергавшийся с каменного отвеса и давно замерзший ручей превратился в водопад из тусклого кристалла. В сумерках этот застывший поток проступал неясным силуэтом, но там, откуда он падал, стояло самое замечательное животное, которое когда-либо видел Рэндольф. мех его словно светился, широкие рога были великолепны. Зверь стоял в профиль и своим единственным глазом смотрел на мальчишку с выражением – в этом Рэндольф мог бы поклясться – бесстрастного терпения. Даже когда юный охотник поднял ружье пострадавшей левой рукой и попытался найти спусковой крючок окоченевшими пальцами правой, олень продолжал взирать на него с тем самообладанием, которое Рэндольф обрел в мертвой точке выдоха. И когда

наступил последний миг – дрожащий мальчик поймал оленя в прорезь прицела, – карие глаза зверя закатились и закрылись, а Рэндольф потянул за спусковой крючок.

Олень упал там, где стоял. Колени подкосились, он завалился набок и рухнул с ледяной стены. Задняя нога дернулась, и зверь затих.

Кое-как охотник дотащился до оленя и остановился, пораженный его размерами. Но времени терять не стал. Приближалась ночь, а он не чувствовал ни рук ни ног. Достав нож, Рэндольф вскрыл животному брюхо, сунул руки во внутренности и держал их там, пока не согрелись пальцы. Все, что было в брюшной полости, соответствовало громадным размерам оленя. Желудок. Кишки. Сердце, едва ли не больше головы мальчишки. Выпотрошив добычу, он отрезал кусок печени и съел его сырым. На лице и одежде остались следы крови, но это было неважно. К тому времени когда Рэндольф, утолив голод, избежал безумия голода, наступила ночь. Он сложил костер, не жалея дров. В лесу кто-то был, и доносившиеся оттуда звуки пугали его. Глаза ловили и отбрасывали свет костра. Иногда все вдруг затихало, и тогда нарастало давление.

– Нет, нет, нет...

Рэндольф схватил ружье, прижался спиной к еще теплой туше.

На поляне он был не один.

Далеко не один.

Глава 8

К тому времени когда Уильям Бойд закончил рассказ, его гость сидел в напряженной позе, выпрямившись и держа руки на коленях; рядом, на подлокотнике, стоял нетронутый стакан с виски. Поскольку он был по натуре человеком беспокойным, Бойд счел эту неподвижность хорошим знаком, концентрацией охотника.

– Этого не может быть, – сказал Киркпатрик.

– Немного красок я добавил, признаю, но в целом рассказал историю так, как она была изложена.

– А как же все остальное? Каков конец?

– Посмотри сам.

Бойд протянул дневник, и Киркпатрик быстро пролистал страницы к концу. Потом развернул кожаную обложку и пробежал пальцами по корешку.

– Несколько страниц удалили.

– Вырвали, – уточнил Бойд. – Незадолго до того, как дневник попал мне в руки.

Киркпатрик осмотрел дневник более внимательно. Почерк был грубый, страницы мятые, в пятнах. На внутренней стороне передней обложки стояло имя Рэндольфа Бойда и рядом с ним такая приписка: «5 июня 1944-го, 29-я пехотная дивизия, у моря».

– Выдумки, – сказал он. – Пьяный бред.

– Его друзья рассказывали что-то похожее. Им, разумеется, никто не поверил.

– Его друзья – дети, напуганные и полуголодные.

– Тем не менее некоторые факты оспаривать невозможно, – возразил Бойд. – Моего деда, поседевшего, действительно нашли на болоте, возле замерзшего ручья, рядом с убитым оленем. Отрицать это, мой друг, бесполезно.

Бойд жестом указал на арочную дверь, и мужчины снова подошли к запылившимся останкам великолепного животного. Глаза заменили стеклом, но все прочее сохранилось в целости с того холодного дня 1931 года: густая шерсть, массивная шея, рога толщиной в руку и размахом шесть футов. Бойд не торопил гостя, поскольку знал, какие чувства тот испытывает: возбуждение и недоверие, но самое главное – возрастающее, переходящее в потребность желание посмотреть самому, удостовериться и,

может быть, убить что-то столь же внушительное и великолепное. В конце концов выбора не оставалось.

– Тогда завтра?

– Не совсем. Нужно подписать бумаги, перевести деньги. Тебе, может быть, захочется проконсультироваться с юристами...

– Но потом-то мы поохотимся?

– Да, послезавтра. – Бойд предложил гостю его нетронутый стакан. – С утра пораньше. Поохотимся.

Глава 9

Остаток дня после встречи с Лесли Джонни провел один. Собрал немного валежника, поработал в доме и, даже не проголодавшись, лег спать. Лежа в гамаке на вершине дерева, он смотрел на раскрывающееся, как цветок, небо. Появилась и пропала луна. Высыпали звезды в сияющем великолепии бесконечности. Джонни наблюдал за ними так долго, что в конце концов ощутил вращение земли, а когда закрыл глаза, с ним остался только звук ветра. Ветер проносился над камнями и между деревьями, касался воды и уносил ее запах. Все это был Хаш, его Безмолвие, а что, как и почему – насчет этого Джонни не беспокоился. Он ощущал Пустошь, как ощущают ткани, кости и кровь в венах. Отдайся дрейфу ночи – и уже не понять, где кончаешься ты и где начинается Безмолвие.

Цена, если она и была, назначалась во сне.

Когда Джонни проснулся впервые, сон последовал за ним. Тот сон, что приходил сотню раз. Он сидел верхом на лошади под деревом, а в темноте, за ветками, горел огонь. Другие белые люди ушли. На вытопанной, утрамбованной поляне не осталось ни травинки – лишь голая земля. Еще там остались рабы, и они плакали под раскачивающимися на толстых веревках мертвецами, избитыми, порезанными, измазанными грязью, окровавленными. Сидя на лошади, Джонни видел всех: женщин, детей и мужчин, стыдящихся своего страха. Он ощущал жар разгоряченных, влажных тел девяноста семи рабов, и когда они смотрели на девушку, их страх поднимался до религиозного трепета. Маленькая, лет семнадцати-восемнадцати, чернокожая, свирепая, она не потянула бы и на сотню фунтов, но когда раскинула руки, рабы – пусть и нерешительно, колеблясь – сгрудились под повешенными. Несколько долгих секунд девушка смотрела на них черными, не знающими прощения глазами, и оранжевые отсветы пламени прыгали по ее телу. А потом раскинула руки, будто хотела удержать этот миг, повернулась наконец к Джонни и осклабилась, словно и он тоже принадлежал ей.

Лицо ее и руки были в крови.

И она держала нож.

Поначалу сон приходил редко, потом чаще: одни и те же люди на веревках, свирепость, страх и маленькие темные ножки. Больше всего Джонни беспокоило то, как отчетливо он видит дерево.

Там умирали рабы.

По-настоящему.

Снова Джонни уснул уже под утро, в последние, самые черные часы ночи, а проснулся, когда в лесу было еще темно, а из-за горизонта едва высунулся край солнца. Он подумал, что надо бы побывать в старом поселке, взглянуть на древнее дерево. Оно стояло на той же земле и, пусть расколотое едва ли не пополам молнией, простирало тот висельный сук над вытоптаным пяточком, где с давних пор не выросло ни травинки. В снах Джонни чаще всего видел его именно таким, а просыпаясь, думал: *может быть*. Может быть, если прикоснуться к дереву, к голой земле или опуститься на колени возле тех камней, где были похоронены рабы, повешенные тем жестоким, жарким летом 1853 года.

Так много вопросов...

Выбравшись из гамака, Джонни искупался в ручье, переоделся в чистое и позавтракал. В старом поселке он остановился на поляне, потому что именно там дух Хаш Арбор ощущался сильнее всего. Когда-то он из интереса посчитал развалины. Получилось, что лачуг здесь было восемнадцать. За последней поляна сужалась до тропинки, которая вела к кладбищу на второй поляне, скрытой в глубине леса. За окружавшей кладбище каменной стеной поместилось сорок пять каменных надгробий. Джонни открыл калитку и направился к висельному дереву, росшему в дальнем углу. Черный уродливый ствол вытягивал в стороны толстенные, толще большинства других деревьев, сучья. Почти со всех молния содрала кору, некоторые обломала, но главный, *висельный*, сук по-прежнему нависал над тремя камнями и пяточком, настолько безжизненным, что тот казался подметенным. Сколько раз Джонни стоял здесь? Сколько раз ему это снилось? Он закрыл глаза – и увидел повешенных, костер и окровавленный нож. Ужас толпы коснулся его сердца.

Но кто боится ребенка?

Опустившись перед камнями на колени, Джонни развел руки – и ощутил мертвое пространство. Он чувствовал, как поднимается сок в деревьях, чувствовал жуков и птах, стелющиеся по ветвям стебли и тянущиеся к солнцу цветы. И только под деревом не было ничего. Маленькие, без каких-либо отметин камни были всего лишь камнями. И глина была просто глиной.

Поднявшись и смахнув песчинки с колен, Джонни посмотрел на голые,

белые полосы вдоль ствола. Много раз он говорил себе, что это только дерево, старое, огромное, полумертвое, до жути уродливое, но даже в самые светлые, самые ясные дни верилось в это с трудом. Сон был слишком реальным, чтобы быть только сном. Слишком личным, слишком горячечным.

Джонни повернулся, пересек кладбище и вышел на поляну. Миновав амбар и навес, свернул в старую церковь. Забыть тех, кто жил здесь раньше, было просто, и Джонни нередко задавался вопросом, чувствовали ли они то же, что и он, или дар достался ему одному.

– Вам нечего здесь делать.

Джонни в изумлении обернулся.

В дверном проеме стояла женщина, и ее силуэт четко вырисовывался на фоне ясного солнечного дня.

– Земля принадлежит мне, – сказал он, опомнившись.

– Не вполне. И только лишь пока.

Стройная, молодая – примерно его возраста, – в джинсах, футболке и ботинках, женщина сделала шаг вперед, и Джонни сразу же узнал ее. И ощутил внезапно вскинувшееся возмущение.

– Что вы здесь делаете?

– Я всегда сюда прихожу.

– Я бы знал, если б вы всегда приходили.

Женщина пожала плечами, и груз ее молчания обрушился на Джонни нокаутирующим ударом. Он действительно не ощутил ее присутствия, пока она не заговорила: не увидел и не услышал.

– Знаете, кто я?

– Кри. Я видел вас в зале суда.

– Тогда вы знаете, что у меня такие же притязания на эту землю, как и у вас.

– Суд с вами не согласен.

Она снова пожала плечами.

– Мои предки жили здесь двести лет. И поклонялись богу в этой церкви. – Прошла дальше, дотронулась рукой до крестильного камня. – Вам здесь не место. Это не ваше.

– А что, ваше?

– Надеюсь, мы это выясним.

Кри остановилась и посмотрела ему в глаза. Плечи у нее были узкие, волосы и кожа темные.

– Вы следите за мной? – спросил Джонни.

– А кто вы такой? – нарочито высокомерным тоном ответила она. –

Вас не должно здесь быть.

– Так вы следите за мной?

Кри снова пожала плечами, и Джонни впервые почувствовал ее и уловил проблеск сомнения.

– Вы ведь выросли в Шарлотт, – продолжал он. – Ваша мать была троюродной сестрой Ливая Фримантла, то есть дальней родственницей в лучшем случае. Этого никакая апелляция не изменит.

– Может быть, и нет, но детство я провела здесь, с бабушкой и всеми остальными. Я знаю историю этого места, историю моей семьи так, как никогда не будете знать вы. Земля должна быть возвращена тем, кто больше ее любит.

– Все шесть тысяч акров?

– Конечно.

Джонни снова почувствовал ее; на этот раз инсайт был чем-то вроде яркой вспышки.

– Вам знакомо такое имя – Уильям Бойд? – Вся ее уверенность разом обвалилась, и правда отразилась на лице. – Это ведь он оплачивает ваши судебные расходы, да? Господи... И какой у вас план? Он финансирует это разбирательство и, если вы выиграете дело, покупает землю, так?

– Я не собираюсь с вами разговаривать.

– Так я прав?

– Только не в отношении меня.

Женщина вышла из церкви, и Джонни последовал за ней.

– Для вас ведь все сводится к деньгам, разве нет?

– Нет. Никогда.

– Моя семья владеет этой землей с тысяча шестьсот девяносто четвертого года. Она получила ее, когда самой этой страны еще не было. Такова история. И только это имеет значение.

Кри резко, словно вспыхнула, повернулась, такая злая, что Джонни невольно отступил на шаг.

– Ваши родные похоронены здесь? – выпалила она.

– Мои – там. – Джонни показал. – В четырех милях отсюда.

– А мои – вот здесь. – Кри ткнула пальцем в кладбище, и он, к полному своему изумлению, увидел в ее глазах слезы. – Моя бабушка, которая вырастила меня. Мои тети и дяди. Моя прабабушка, святая женщина. Вам не отобрать это все у меня.

– Вы можете приходить сюда в любое время, когда только пожелаете. Я просто хочу знать, кто бывает на моей земле, вот и всё. Кто и почему.

Кри сморгнула слезы и сразу как будто помолодела – до двадцати или

даже меньше.

– Почему вы ходите к дереву?

– Вы следили за мной?

– Я видела вас там три раза.

– Просто так. Без какой-то особой причины, – соврал Джонни. – Это же история.

– Вы имеете в виду повешенье, – бросила она сквозь зубы. – Это тоже наше общее.

Кри была права. Его предок был здесь в ту ночь. И ее тоже. Они видели костер, видели покачивающиеся на веревках тела...

Видели ли они девочку с окровавленным ножом?

– Мне нужно идти, – сказала она.

– Вы на машине?

– Поймала попутку на перекрестке. Потом шла пешком.

– Почему вы спросили насчет дерева?

– Не надо было мне спрашивать.

Она отвернулась, но Джонни догнал ее возле груды обуглившегося мусора на месте сгоревшего давно дома.

– Пожалуйста. Мне хотелось бы знать.

– Так почему?

– Сам не знаю. Просто для меня это важно.

– Хорошо. – На коже у нее выступили и поблескивали на солнце крохотные капельки пота, глаза словно застыли. – Я вижу вас во сне.

– Что?

– Пламя костра и мертвые тела. – Голос ее зазвучал торжественно, но негромко. – Я вижу вас у дерева и просыпаюсь от страха.

* * *

Ноги легко и быстро несли Кри по знакомым с детства тропинкам. В Хаш Арбор она не жила уже двенадцать лет – с тех пор, как ей исполнилось семь, – но страх не был чем-то новым. В самых ранних ее воспоминаниях присутствовали и висельное дерево, и морщинистая кожа на лице прабабушки.

«Хочу, чтоб ты потрогала его... – Старуха взяла ее руку, поднесла к дереву и прижала ладонь к коре. – Это история. Это жизнь. – Она была слепой и беззубой, и морщины на лице напоминали рябь на болотной жиже. – Забудь, чему учила мать. Вот где все началось. Вот мы кто».

Девочка пыталась отнять руку, но старуха была сильна и терпелива и прижимала ладонь к коре, пока не стало больно.

«Боль – ее часть. Дай боли уйти».

Девочка пыталась, но не знала как.

«Веришь в бога своей матери? И ему тоже дай уйти».

Девочка растерялась. Как же так? Ведь все же верят?

«Почему твоя мать отдала тебя мне?»

«Потому что у нее новый муж, – сказала девочка. – И потому что я ей больше не нужна».

«Она всегда думала только о себе, твоя мать. Слишком любила себя, слишком важничала и считала, что место, где она родилась, не для нее. Ты это тоже отпусти. – Старуха поцеловала ее в голову. – А теперь закрой глаза и скажи, что видишь».

«Вижу черноту».

«Чернота – это хорошо. Твоя чернота и моя. Что еще?»

«Ничего», – сказала девочка и подумала, что это всё.

Но нет.

Пальцы сжали ее запястье, и маленький блестящий нож разрезал кожу на ладони. Девочка вскрикнула, но старуха была как камень: мертвые глаза – белые и твердые, рот – суровая, жесткая линия. Она прижала окровавленную ладонь к коре дерева. «Вот мы кто. Говори. – Девочка плакала. Старуха прижала сильнее. – Это история. Это жизнь. Говори. – Девочка произнесла слова, и старуха улыбнулась. – Ну вот. Теперь ты одна из нас».

«Зачем ты так сделала?»

«Затем, что ценой всегда была боль».

Девочка пососала кровь на ладони – и увидела других женщин: своих бабушек, родную и двоюродную, и тени иных, давно умерших.

* * *

Кри прожила в Пустоши четыре года и знала ее как свои пять пальцев. У нее были свои долгие дни и потайные местечки – ребенок в лесу найдет миллион способов развлечься. Были там и другие люди, но они держались подальше от старух, а на девочку смотрели как будто со страхом. Из-за крови, темных молитв, ужаса перед былым.

Но Кри жила со старухами.

Их было четверо в однокомнатной хижине на краю вырубки. Ужасного

в этой жизни хватало, но, зажатая между старухами на древней кровати, она хорошо спала. А если просыпалась или не могла уснуть, они рассказывали ей истории о невольничьих судах и далеком королевстве на склоне большой горы. Жизнь – плетеный ковер, говорили они, а девочка – крепкая нить. Они говорили, что научат ее плести нити, но только потом, когда она будет готова. А пока Кри изучала ритуалы и образы на земле, странные слова и кровь, знакомилась с ножом, маленьким и блестящим. Блеклые шрамы покрывали старух с головы до ног, и печаль не покидала их, даже когда они улыбались. Девочка понимала теперь, что они умирают и что с ними умирает весь привычный для них образ жизни. Но все равно прочесывали лес до самой гущи. В жару и холод. Здоровые, больные, уставшие. Девочка так и не узнала, что они ищут, но старухи бродили по Пустоши, единственные, кто не боялся это делать. Остальные, которых было немного, присматривали за грядками и ловили рыбу в ближайших речушках. Ни вглубь болота, ни к далеким холмам никто ходить не смел. Когда девочка спрашивала, может ли она чем-то помочь, они объясняли, как все устроено. «Мы делаем то, что делали до нас другие женщины. Твое время, может быть, и наступит, но только когда ты повзрослеешь, наберешься разума и станешь сильной».

Для ребенка то была хорошая жизнь, но и ей пришел конец. Первой умерла прабабушка, потом, через два года, – бабушка, а еще через шесть месяцев – двоюродная бабушка. Когда мать наконец приехала, чтобы забрать ее домой, они увиделись впервые за четыре года. Большой город, большой дом с бассейном, который совсем не пах болотом. Мамин новый муж оказался не так уж плох, но девочка употребляла слова, которых он не понимал, и это его раздражало. Кри слышала, как они спорили по ночам: его голос звучал сердито, мамин – умоляюще. Девочка огрызалась, пока могла, но в конце концов они ее сломали. Водили ее в церковь и к терапевту и ругали, когда она резала кожу, танцевала на рассвете или говорила необычные слова. Только в девять лет Кри увидела точно такие же шрамы на руках и ногах у матери.

– Прости, – сказала мать. – Я не должна была отправлять тебя туда.

– Я хочу вернуться.

– Туда ты больше не пойдешь.

Но девочке снились сны. Снились старухи и Пустошь, и даже теперь она была как краска на холсте...

Кри сбавила шаг, оглянулась и посмотрела на белого, который владел этой землей, но ничего настоящего о ней не знал. Он стоял перед обшитым филенкой зданием и думал, что это церковь, хотя это была совсем не

церковь.

По крайней мере, не та церковь, какую он себе представлял.

* * *

За два часа Кри добралась пешком до перекрестка, а оттуда на попутке доехала до города. Мать открыла дверь раньше, чем она успела повернуть ключ, и ее хмурое лицо помрачнело еще больше.

– Опять была там, да?

Кри протиснулась мимо нее, бросила на пол сумку.

– Я не сделала ничего плохого.

– Это место для нас – возможность заработать, и ничего больше.

– Как скажешь.

– Ходила к дереву?

– Может быть.

– В церковь?

– Там был тот белый.

– Джонни Мерримон? Он тебя видел?

Кри свернула в коридор, который вел в ее комнату. В маленькой квартире было тихо, слышалось только дыхание матери. Второй муж ушел. И третий, и четвертый.

– Не убегай, когда я с тобой разговариваю.

Но Кри уже закрылась в своей комнате и заперла дверь. Мать хотела продать Пустошь. Кри хотела получить ее секреты.

Старый спор без конца.

Глава 10

Пять лет жизнь Джонни в Пустоши определялась фундаментальным погружением. Рассветное утро было пищей, шаг в реку – купанием. Но девушка прошла в восьми футах от места, где он сидел, и Джонни ничего не почувствовал. Это пугало и злило. Надо признать, в нем разыграло чувство собственника.

Возможно ли, что он и в самом деле потеряет Пустошь?

Вернувшись в хижину, Джонни трижды прочел исковое заявление. Бумаг было много, а текст – такой плотный, как будто написан на иностранном языке.

Джонни бросил документы на кровать и вышел. Нужна была перспектива, и на ум приходило только одно место вне города, куда можно было пойти. Долгая прогулка через холмы закончилась у бара под открытым небом, приютившегося под старым платаном на берегу реки, в трех милях к северу от болота.

Напоминающее скорее гараж, чем настоящее здание, заведение было примерно одного возраста с округом – обшитая досками, некрашенная постройка с видом на реку и холмы. Окнами и дощатым полом могло похвастать одно-единственное помещение; все остальное – железная крыша, земляной пол и почти ничего больше. Джонни оно нравилось потому, что – если не принимать в расчет цвет кожи – здесь никто не проявлял к нему особого внимания. В этой, северной, части округа процветали лишь возмущение, недовольство, бедность да несколько мелких ферм, выживших со времен издольщины. Неподалеку боролись за выживание несколько бизнесов – бакалейная лавка, заправка с одной бензоколонкой, – но болото, подступавшее с юга, и заповедник, раскинувшиеся к северу и западу, эффективно защищали этот уголок округа Рейвен от всего, мало-мальски отдающего прогрессом. Поэтому-то Джонни здесь и нравилось.

Ни кондиционера тебе.

Ни асфальта.

Когда Джонни в первый раз появился из леса, завсегда и умолкли и даже забыли про стаканы. С десятков мужчин смотрели на него, как на привидение, что, рассудил Джонни, было вполне объяснимо. За ним не было ничего, кроме пятидесяти квадратных миль болот и лесов. Молодой. Белый. Не обращая внимания на любопытные взгляды, он прошел между

столиками и стульями и оказался в той самой единственной комнате, где и положил локти на деревянную стойку.

– Ты, может, заблудился? – сказал стоявший за стойкой высокий крепкий мужчина в линялой рубашке и джинсах, испачканных свиной кровью и жиром.

– Со мной такого не бывает. – Джонни положил на стойку двадцатку. Бармен взглянул на нее.

– Ты откуда?

– Оттуда.

Он показал – и тут наступил момент, когда все могло пойти по-другому. Еще секунду бармен смотрел на чужака, потом оглядел комнату, встретившись взглядом с каждым, кто там был. Прошла минута или чуть больше. Бармен пожал плечами, а когда мужчины вернулись к прерванным занятиям, выудил бутылку из металлического ящика за баром.

– Имя есть?

– Джонни.

– Не торопись, – сказал бармен, и этим, к счастью, все кончилось.

Джонни было тогда семнадцать.

Совершеннолетия он не достиг.

* * *

Теперь все было иначе. Джонни стал своим – изгой, один из них, белый парень, бедняк, как и остальные.

– Привет, Леон. – Он кивнул здоровяку-бармену. – Как дела?

– Не жалуюсь.

Джонни облокотился о стойку. Часы показывали двадцать минут пятого. Снаружи были заняты только два столика. Леон поставил на стойку «Ред страйп»^[13].

– Налей бурбона, – сказал Джонни. Бармен перевернул стаканчик и плеснул унцию «Джим Бим». – И себе.

– Идет. – Леон налил виски в другой стаканчик и чокнулся со стаканчиком Джонни. – За скрытое от глаз.

Традиционный для старого бара тост не имел никакого отношения к призракам или духам. С миром за рекой заведение Леона связывал единственный мостик, благодаря чему через него прокручивались нелегальные делишки. Контрабандная выпивка. Краденые сигареты. Леон помогал почти во всем, за исключением того, что имело отношение к

наркоте или мафии. За беспокойство он брал свою долю, и все шло путем, пока не привлекало внимания.

– Вопрос, – сказал Джонни, и Леон осторожно кивнул. За шесть лет он не задал ни одного вопроса. – Болото.

– А что такое?

– Люди, которые там жили. Что можешь рассказать?

– У нас об этом не болтают. – Бармен прислонился к стойке. – Джуджу^[14].

– Серьезно?

Здоровяк кивнул, и Джонни пришлось скрыть удивление за глотком пива. Жизнь не баловала Леона, и склонности к суевериям за ним не замечалось.

– Почему ты в это веришь?

Бармен побарабанил пальцами по стойке и посмотрел за спину Джонни, в сторону реки и леса. Ему определенно было не по себе.

– Знаешь, почему я обслужил тебя в тот день, когда ты пришел сюда в первый раз?

– Нет.

– Интересно было на тебя посмотреть.

– Что ж такого интересного?

– Ты был мне интересен, как и любой, кто приходит с той стороны. – Леон кивнул в сторону Пустоши и, взяв с раковины полотенце, принялся протирать стойку. – По-твоему, сколько мне?

– Пятьдесят?

– Пятьдесят семь. За столько лет человек многому может научиться. Что-то видит сам, что-то узнает от тех, кому доверяет. И отец мой таким же был. Смышленным. Осторожным. Всю жизнь этим заведением управлял. Я и вырос-то здесь.

– Ты к чему ведешь?

– Большинство клиентов пользуются мостом. – Леон наклонил голову, и Джонни взглянул на старый, помеченный ржавчиной узкий мост. – С той стороны не приходил никто. Там нет дорог. Нет домов, нет людей, и делать там нечего. – Он налил себе в стаканчик, выпил. – По болоту никто не ходит. Этому меня мой старик учил. Никто туда не ходит, и никто о нем не болтает.

– Из-за джу-джу?

– Слово это особенное, не для невежд. – Леон плеснул себе еще. – К тому же ты слишком уж белый.

* * *

Еще минут десять Джонни сидел в баре, потягивая неспешно пиво и размышляя о Пустоши, девушке в церкви и Уильяме Бойде. Он знал, зачем тому понадобилась земля. Бойд заходил на его территорию с полдюжины раз, и однажды Джонни следил за ним целых три дня. Днем держался подальше, ночью подходил ближе, надеясь постичь некую глубинную, сокрытую истину. Многие из того, благодаря чему Хаш Арбор был особенным местом, даже теперь, по прошествии нескольких лет, оставалось для Джонни загадкой. Может быть, Бойд знал что-то еще, какую-то *причину*. Но все ночные разговоры сводились к трофеям, размерам и сравнению охоты с бизнесом. Им требовалась кровь, победа и – обязательно – трофеи.

– Леон. – Джонни поднял пустую бутылку, и бармен тут же выудил из ящичка другую. – Можно воспользоваться твоим телефоном?

Леон скинул крышку открывалкой размером с собственный кулак.

– У тебя нет своего сотового?

– Да здесь, наверное, и приема нет...

Здоровяк хмыкнул и поставил на стойку аппарат. Черный, старый и тяжелый, как камень.

– Только постарайся покороче. – Он отошел в сторону.

Джонни набрал номер сотового своего лучшего друга.

* * *

Джек принял звонок в тесном коридоре возле конференц-зала на девятом этаже. Здесь было прохладно, но он потел.

– Не самое лучшее время.

– Хочу встретиться с тобой у Леона.

Джек отошел в сторонку от собравшейся толпы, нашел тихое местечко у окна с видом на город.

– Меня у Леона не очень-то любят.

– Им не нравится костюм и немецкая машина. В этом вся разница.

Джек облизал сухие губы и взглянул на дверь конференц-зала. Лесли уже была там. Как и все партнеры.

– Послушай, когда я сказал, что время не самое лучшее...

– Ты знаешь что-нибудь о племяннице Луаны Фримантл?

- Племяннице? А что такое?
- Неважно. Поговорим, когда приедешь.
- Насчет времени...
- Приезжай, когда сможешь. Я подожду.

Трубку повесили. Джек посмотрел на телефон.

Недопонимание между друзьями случалось редко, а если такое и случалось, то благодаря прямодушию Джонни.

Джек расстроился.

И рассердился.

– Ты готов? – Лесли открыла стеклянную дверь, выскользнула из зала и подошла к нему.

– Не думаю.

– Просто выслушай их. Подумай о завтрашнем дне. Как проживешь следующие двадцать лет. Проблем быть не должно.

– У меня такое чувство, что они уже есть.

– Доверься мне. Там никто не кусается.

В центре конференц-зала, на дорогом ковре стоял стол красного дерева. На одной его стороне расположились девять партнеров фирмы. Лесли показала Джеку на стул, в одиночестве стоявший на другой стороне.

– Серьезно? – спросил Джек.

– Так заведено.

Джек сел, придвинул стул к столу.

– Вам удобно, мистер Кросс? – поинтересовался Майкл Эдкинс, старший партнер. Плотный мужчина с серебристыми волосами, в безукоризненном костюме цвета древесного угля, он сидел, положив ладони на стол. Сорок лет юридической практики, множество выигранных дел, преподавание в школе права, выступление в Верховном суде. Глядя на него, Джек чувствовал себя ассоциатом на второй неделе практики.

– Очень удобно. Спасибо.

– Поскольку для всех нас время – деньги, перехожу к делу. Вы – друг Джонни Мерримона. Мы это понимаем. Понимаем, что у вас своя история. Детство. Схожий бэкграунд. Некоторые... э... неприятности, связанные с его сестрой и вашим братом. – Эдкинс поднял руку, и все партнеры кивнули в знак молчаливого согласия. – Мисс Грин также проинформировала нас о том, что мистер Мерримон обратился к вам за помощью по апелляционной жалобе. Вы не должны ни при каких обстоятельствах предлагать такого рода помощь. Мистер Мерримон не является клиентом фирмы. И никогда клиентом не будет. Это ясно?

– Из-за Уильяма Бойда.

– Если мистеру Бойду потребуется помощь нашей фирмы, мы намерены ее обеспечить. Принять мистера Мерримона в качестве клиента означало бы создать ненужную путаницу.

– Конфликт интересов.

– Совершенно верно.

Джек взглянул на Лесли. Она отвернулась, но он успел заметить блеск в ее глазах.

– Мистер Мерримон пришел ко мне за помощью. Я сказал, что подумаю.

– Вы уже провели предварительную работу?

– Нет.

– Дали ход делу? Приняли плату? Вынесли какого-либо рода юридическое заключение?

– Конечно нет. Он просто пришел ко мне.

– Вы обсуждали этот вопрос с другим компаньоном или партнером нашей фирмы?

– Мисс Грин в курсе...

Эдкинс снова поднял руку и кивнул с такой спокойной уверенностью, что все слова застыли у Джека в горле.

– По данному вопросу мисс Грин придерживается одного с нами мнения.

– Это так?

Джек не смог скрыть злость. Эдкинс лишь милостиво улыбнулся.

– Рейнмейкер всегда прав, мистер Кросс. Привлеките солидный бизнес, и для вас не будет ничего невозможного. Деньги. Влияние. Престиж. – Он снова кивнул – образец здравомыслия. – Мы не просим вас действовать против интересов друга. Просто поговорите с ним. Убедитесь, что он в полной мере сознает поистине исключительный характер предложения мистера Бойда.

– Он, конечно же, понимает, что такое тридцать миллионов долларов.

– Тогда ваша работа упрощается вдвойне. Убедите друга. Объясните, что если он не примет предложение мистера Бойда, то отстаивать свои права по апелляции мисс Фримантл ему придется в одиночку. Или же изыскивать средства, чтобы обратиться за помощью в другую фирму. Насколько я понимаю, такие расходы он позволить себе не может. – Последнее предложение прозвучало с вопросительной интонацией, но Джек сжал губы, а Эдкинс понимающе улыбнулся. – Как только мистер Мерримон в полной мере осознает свое положение, преимущества чистой и быстрой продажи станут более очевидными.

- Ответ нужен вам сейчас?
- Мы – благоразумные люди. Возьмите несколько дней.
- Хорошо. Я подумаю.
- Отлично.
- А если завтра я решу помочь другу?
- В таком случае, мистер Кросс, вам предстоит постичь ту истину, что хлеб юриста-одиночки горек и черств.

* * *

Один за другим партнеры вышли из конференц-зала. Все, за исключением Лесли Грин. Она остановилась у двери, взяла Джека за руку и придержала, пока они не остались одни. Он посмотрел на ее пальцы, потом в голубые глаза.

- Я так понимаю, что помогать моему другу ты не станешь.
- Никогда еще в этой фирме женщина не становилась старшим партнером. Мне хотелось бы быть первой.
- И опять-таки деньги.
- Деньги важны всегда. – Джек отвернулся, и Лесли прошла пальцами по рукаву его костюма. – Не иди против них. Они тебя уничтожат. Даже если уйдешь, закопают из мести.
- Удачи с Уильямом Бойдом, но без меня. Фирма интересуется его постольку-поскольку. Думает, Джонни меня послушается.
- А ты представь перспективы: большие деньги, угловой офис... Сможешь попросить место партнера – и они подумают.
- Джек стиснул зубы, но промолчал.
- Послушай. – Лесли снова положила руку ему на локоть. – Я знаю, что значит для тебя Джонни Мерримон, но я тоже могу быть твоим другом. Бойд станет нашим клиентом. Будем работать вместе.
- Ты занимаешься апелляциями, я – банкротствами.
- Возьмем кого-то другого. Главное – отношения. Твои. Мои. Мистера Бойда.

Повернувшись к двери, она прижалась к нему. Было ли это прикосновение расчетливо сексуальным? Возможно, признал он. Запах ее волос остался на его костюме, как туман.

Спускаясь на лифте, Джек старался не обращать внимания на посматривавших на него помощников и референтов, а у себя в офисе, за закрытой дверью, прошелся по комнате. Дорога к Леону – шестьдесят

минут. А у него работы невпроворот.

– Вот дерьмо...

Снова лифт. Снова непонятные взгляды. Выезжая из города, Джек опустил окна и прибавил газу. Сначала – на север, к болоту, потом – на восток – через мир приглушенного света, черных дорог и полинявшей краски. Какое-то время он был спокоен, но чем ближе к цели, тем меньше оставалось покоя в его душе. Нет, Джонни невозможен. Эта скрытность, постоянные требования. И всегда командует. Так больше продолжаться не должно. У Джека работа, перспективы, учеба. А что у Джонни, кроме Пустоши?

«Секреты, – подумал Джек. – И я».

– Дерьмо...

Вот и появилось любимое словечко.

* * *

Последний поворот – налево, на разбитый проселок. Джек ехал медленно, берег шасси, но все равно то и дело цеплял днищем камни.

– Не скажу.

Мост к Леону, может быть, и красили когда-то, но теперь дерево потрескалось, краска облезла, тут и там проступила ржавчина. Узкий пролет над рекой, замедлявшей бег перед холмами и срывом в болото. У Леона Джеку не нравилось все. Жара и насекомые, дым, враждебные взгляды и запах жарящейся свинины. Его воспринимали здесь с недоверием и неприязнью, основанными целиком и полностью на цвете его кожи. Да, машина тоже не добавляла симпатий, и костюм не был бонусом. Но клиенты Леона невзлюбили его лично, и это давало еще одну причину быть недовольным Джонни. Он сидел за столиком на крыльце, развалившись, словно заведение принадлежало ему, вытянув ноги, закинув одну руку на спинку стула и держа пиво в другой. Увидев друга, помахал рукой, но внимание Джонни привлекло другое. Серая деревянная постройка стояла на бурой глине, и машины выглядели так же – рыжий металл, пыль и потрескавшиеся стекла. С десятков лиц повернулись в его сторону, когда он, проехав по мосту, припарковался возле старого грузовика, запер по старой привычке машину и вздрогнул от писка сигнализации.

Никто не произнес ни слова.

Все только смотрели.

Под навесом температура упала градусов на десять. Джек прошел мимо столика, кивнул сидящим за ним двум мужчинам и женщине – без лифчика, в драных джинсах и заношенной майке.

– Извините.

Он протиснулся между столами, убрал с дороги стул, прошел по утопанному земляному стулу к второму навесу, где стояли три столика, и ступил на дощатый пол. В глубокой тени виднелись бар и еще несколько столиков. Джонни сидел ближе к задней стене. Справа текла река, и вода бурлила и пенилась под дымкой от плиты с жарящейся свининой. За стойкой маячил Леон; в песочной яме, под деревьями, босой мальчишка бросал подковы. Тишину нарушали только цикады, ветер и лязг металла.

– Привет, Джек, спасибо, что приехал. – Джонни постучал по стене за плечом и, повысив голос, добавил: – Леон! Еще два!

Леон не спешил, а принесся пиво, даже не взглянул на Джека.

– Захочешь еще два, заходи в бар. Но без него. Только ты.

– Так здесь всех чужаков принимают, – сказал Джонни, когда хозяин отошел. – Не принимай на свой счет.

– Как же... Посмотри на это.

Джонни скользнул взглядом по ближайшим столикам, повернулся к холму, где сидевшие в тени пекана старики пили спирт из стеклянных банок.

– Те, кто здесь бывает, давно знают друг друга. Когда-нибудь и к тебе привыкнут.

– Зачем вообще сюда приходите?

– Ты и сам знаешь.

Джек знал – и злость рассеялась. В городе Джонни не мог быть самим собой. Он был Джонни Мерримомом, мальчишкой, который нашел свою сестру, спас девочку и обнаружил мертвых. Джек уже пытался представить такую жизнь. И не смог.

– А зачем я здесь? Сегодня рабочий день. У меня куча дел.

– Я встречался с Лесли Грин. Надо было понять, поможет ли она мне. – Джек отвернулся и почувствовал, как потеплела шея. – Что-то не нравится мне этот твой взгляд.

– Она не поможет.

– Вроде бы заинтересовалась...

– Уже нет.

– Но...

– На днях мы виделись с Уильямом Бойдом.

– Неужели?

Джонни держался спокойно, и Джеку не хватило духу посмотреть ему в глаза.

– Тридцать миллионов долларов, чувак. Почему ты не сказал мне, что он предлагает такие деньги?

– Потому что это неважно.

– Чушь.

– Пятьдесят миллионов. Сто. Я не продам.

– Ну, тогда ты либо глупец, либо безумец. Или безумный глупец. Продай землю. Купи участок в каком-нибудь другом месте.

– Извини, не могу.

– Тридцать миллионов долларов. Как ты мог не сказать мне об этом?

Джонни уставился на бутылку у себя в руке. Потом пожал плечами, словно тринадцатилетний мальчишка.

– Подумал, что ты не сможешь мне, если узнаешь.

– Что за дерьмо... – Джек чувствовал, как улечиваются остатки злости. – Бойд предложил мне деньги, если я помогу убедить тебя продать.

– Неужели?

– Фирма не хочет, чтобы я представлял тебя. Пригрозили уволить, если не послушаюсь. Обещали шантажировать, даже если уйду. Вот почему Лесли не станет тебе помогать. Бойд и ей деньги обещал.

– Сколько?

– Два миллиона и бизнес для фирмы по нью-йоркским ставкам. Я буду рейнмейкером. Они даже сделают меня партнером.

– Два миллиона долларов? Может, стоит взять...

– Не морочь мне голову.

– Деньги. Гарантия работы.

– Не забудь про угловой офис.

На сарказм Джонни никак не отреагировал и, подойдя к краю крыльца, посмотрел в сторону Пустоши.

– До рассмотрения апелляции у меня две недели.

– Знаю, – сказал Джек.

– Что будет, если я не найду адвоката?

– Скорее всего, проиграешь.

Джонни ковырнул ботинком землю. Джинсы, линялая футболка. Выпил он немало, но пьяным не был.

– Ты сможешь мне?

Джеку едва хватило сил посмотреть ему в глаза. Джонни всегда был первым, если требовалось пожертвовать чем-то. Когда Джек подвел друга, тот первым беспечно улыбнулся и в конце концов простил. Он был больше

отцом Джеку, чем родной отец, и больше братом, чем тот брат, которого Господь посчитал нужным дать ему. Именно Джонни Мерримон определил детство Джека во всех важных отношениях. Но Джек прорвался – вопреки бедности, уродству и своим сумасшедшим родителям. После десяти лет неустанной работы он начал ту единственную карьеру, которую всегда хотел, и уже проделал путь в две недели. И вот теперь партнеры пообещали поручить эту карьеру, если он поможет другу. Даже если б он занялся собственной практикой, фирма смогла бы срезать его гонорары, оттянуть клиентов и тысячами способов подорвать его усилия. Единственный вопрос – пределы их влияния. Смог бы Джек попытаться открыть практику в Шарлотт или Роли? Он этого не хотел.

– Джек?

Голос прозвучал ровно, но глаза, запавшие, словно после долгой болезни, ждали ответа. Да, Джек мог ему помочь. Мог принести в жертву карьеру и перспективы. Мог, если б все было так просто. Но еще бóльшая проблема заключалась в том, что Джек действительно хотел, чтобы Джонни продал землю. Что-то с Пустошью было не так, и она обернула его лучшего друга коконом пагубного, упрямого желанья. Джек видел болезнь, видел зависимость.

– Я не смогу тебе помочь. Извини.

Получилось только шепотом. Но Джонни услышал.

– Эй, чувак. Конечно. Я понимаю. Ты работал. Достиг успеха.

– Подожди секунду. Дай подумать еще немного. Я не хотел, чтобы ты решил...

– Не надо. Правда. Я все понимаю. – Боль. Крах надежды. Предательство. – Принесу еще по пиву. Сиди здесь.

Джонни прошел мимо Джека к стойке и задержался там надолго. Вернулся он с вырезанной на лице улыбкой и пустотой в глазах.

– Ну вот. Холодненькое. Все хорошо.

– Джонни, послушай. У меня долги. Восемьдесят тысяч юридической школе...

– Я же сказал, не парься. – Джонни чокнулся бутылкой с бутылкой Джека. – Им здесь музыки не хватает, как думаешь? – Он поставил бутылку на стол, но в глаза другу не посмотрел. – Держись, всё в порядке.

– Джонни...

– Надо поговорить с Леоном насчет музыки.

Стул царапнул ножками по полу. Джонни поднялся и повернулся, но Джек успел заметить красноту в глазах и глубокую, до кости, бледность под загаром.

Дерьмо.

Он глотнул пива, но вкуса не почувствовал.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо...

* * *

Следующий час стал пыткой. Пили пиво, притворялись, делали вид, но слова Джека остались раной между ними. Джонни не смотрел ему в глаза, не задерживал взгляда на его лице больше чем на секунду, и эта секунда давалась Джеку болью. Они дружили с первого класса, и во всей черноте детства Джонни никогда не терял веры и не холодел душой. Вообще, если б Джеку предложили охарактеризовать друга одним словом, этим словом было бы *горение*. Даже мальчишкой Джонни горел. В нем никогда не угасало пламя страсти, убеждения, уверенности.

– Послушай... Дай мне еще подумать.

Джонни, глядя на мальчика, бросающего подковы, лишь покачал головой.

– Я что-нибудь придумаю. Не парься.

– Просто здесь слишком много таких моментов...

Джонни поднялся сходить за пивом.

– Я же сказал – проехали.

Когда он вернулся, пиво еще долго никто не открывал. Приближалась ночь. Над рекой повис туман.

– Послушай, Джонни...

– Да, ты прав. Тебе, наверное, пора ехать.

– Я не про то. Не...

– Увидимся через несколько дней. Все нормально. Спасибо, что приехал.

– Уверен?

Джек поднялся. Он ждал взгляда, кивка, чего-нибудь, чтобы затянуть рану.

Но Джонни не предложил ничего.

* * *

В городе Джек отправился в свой любимый ресторан и съел стейк, на вкус не отличавшийся от дерева. Вино тоже не вызвало приятных

ощущений. Не добавили положительных эмоций ни пирог, ни портвейн, ни симпатичная девушка, принесящая счет. Дома неприятности продолжились: ступеньки лестницы кренились, ключ никак не желал попадать в замочную скважину. Уже попав в квартиру, Джек сбросил туфли, швырнул на крючок пиджак и промахнулся. Мысленно он еще раз прокрутил разговор, остановившись на тех невероятных, невозможных, необъяснимых секундах, когда открыл рот и сказал своему лучшему другу: «Я не смогу тебе помочь. Извини». Никогда еще он не видел у Джонни таких красных и ярких глаз.

Неужели он вышел из-за стола, чтобы скрыть слезы?

Нет, конечно. Такого не могло быть.

С Джонни такого быть не могло.

Стягивая на ходу галстук, Джек прошел в кухню и прослушал сообщения. Одно – деловое. Другое – от Лесли: «Насчет сегодня. Нужно поговорить. Позвони, когда прослушаешь».

Часы показывали 9:17. Еще рано. Джек отыскал ее номер в журнале звонков и позвонил. Она ответила после первого гудка.

– Ты дома. Хорошо. Сейчас приеду.

– Лесли...

– Буду через две минуты.

В итоге вместо двух минут вышло почти двадцать; этого времени ему хватило, чтобы избавиться от мятого костюма и натянуть джинсы и футболку. Короткий рукав выставлял напоказ недоразвитую руку, поэтому футболки Джек носил редко, но сейчас где-то в глубине души вспыхнула искра возмущения. В его жизни Джонни был опорой, скалой, и вот теперь он, Джек, всю эту скалу изгадил... Часть вины падала на Лесли, и если ей так уж захотелось поругаться, что ж, он готов – пусть и с уродливой рукой.

Чего он не ожидал, так это того, что от нее будет так приятно пахнуть.

– Привет, Джек. Спасибо за это. – В коридоре, под желтоватым светом, она казалась маленькой и мягкой. Туфли на каблуках, облегающая юбка, распущенные волосы – у него даже голова закружилась.

– Ты же не против, правда? – Лесли продемонстрировала бутылку текилы и два лайма. – У меня такое чувство, что я должна перед тобой извиниться. Могла бы уладить все сама, объяснила бы как-нибудь партнерам... – Она показала глазами в комнату у него за спиной. – Так можно войти?

Джек промямлил что-то невнятное, и гостья тут же повела себя как настоящая хозяйка: поставила на стойку бутылку, нашла стаканы и, болтая о мелочах, принялась резать лайм.

– Я спросила, где у тебя соль, – сказала она с ослепительной улыбкой.

– А? Извини. – словно опомнившись от спячки, Джек зашевелился, открыл шкафчик и передал гостье соль.

– Любишь текилу? – Не дожидаясь ответа, Лесли подняла бутылку. – «Форталеза». Лучшая. Меня с ней друг познакомил пару лет назад. Знаешь, как ее пьют? – Она взяла стакан и лайм, лизнула руку между большим и указательным пальцем, насыпала соль и показала, что делать дальше. – Вот так. Черт. Теперь ты. – Джек повторил ритуал – соль, текила, лайм. В горле полыхнуло, но Лесли уже наливала по второму. – За адвокатов. – Джек выпил.

Останавливаться не стали. Лесли много говорила, но ни словом не помянула ни Джонни, ни Уильяма Бойда, ни даже фирму. Его искалеченная рука нисколько ее не смущала, и она трогала ее спокойно, не напрягаясь. Дважды гостья отбрасывала волосы беззаботным жестом и смотрела на него своими невероятными глазами. И даже показала шрам на бедре, который получила, зацепившись за жгучий коралл, когда купалась в Кабо.

Джек сопротивлялся, но его тянуло к ней как магнитом: кожа, изгиб бедра, когда она сидела рядом, а потом поднялась с софы налить еще по стаканчику. Он и глазом не успел моргнуть, как наступила полночь, комната поплыла, а ее лицо оказалось совсем близко. Джеку не везло с женщинами. Отчасти из-за руки и проистекающего из сомнений дискомфорта, отчасти из-за матери, жившей в трейлере и видевшей дьявола во всем, включая двух ее сыновей. Наверное, виноват был и отец, твердивший своим мальчикам о чести, старании и гордости и уже отсидевший десять лет из отмеренных правосудием двадцати. Когда-то Джек был влюблен в глазастую девчонку, смешливую, веселую, озорную, да только вот она в упор его не замечала. Пережив неудачу на старте, он замкнулся и ушел в себя.

– Держи. – Лесли протянула стаканчик и лайм и коснулась пальцами его колена. – Вперед. – Джек слизнул соль, скорчил гримасу, и она улыбнулась. – Теперь пей. И лайм. – Из глаз у него катились слезы, а Лесли хлопала в ладоши и смеялась, и после всех лет одиночества ее смех звучал музыкой. – Моя очередь. – Розовый язычок коснулся соли, она выпила, подтянула ноги и поджала пальчики. У Джека шла кругом голова. Близкая, мягкая, миниатюрная – веселая девчонка, а не партнер и босс. – Расскажи мне о Джеке Кроссе. – Румянец тронул ее щеки. Один глаз затерялся в тени, второй сиял. – Колледж за три года, юридическую школу за два... Первый в своем классе...

– Второй, – поправил Джек.

– Второй. Все равно впечатляет.

Ее нога терлась о его ногу. Было темно, он был пьян и плыл.

– Это ради Джонни?

– Это ради нас. Даже не произноси его имя. – Лесли лгала, но ее ложь была мягкая, как и все прочее. – Мы же друзья, да? Скажи, что мы друзья.

– Думаю... Я не...

Комната снова наклонилась, и Лесли вдруг оказалась у него на коленях, и они целовались. От нее пахло текилой, лаймом и каким-то шампунем, созданным специально для того, чтобы у мужчин дрожали колени.

– Лесли...

– Ш-ш-ш. – Рубашка сползла с плеч, а под ней мелькнуло все то, о чем Джек только мечтал, – молочно-бледное, мягкое, округлое. – Скажи, что мы друзья. – Она прильнула к нему долгим поцелуем и задвигала бедрами. – Скажи, что мы друзья и что друзья помогают друг другу.

Слова легко сорвались с губ, но Джеку было наплевать. «Давно ли?» – подумал он. Ответ пришел, как всегда, быстро – *никогда*. Это была первая грудь и первый настоящий поцелуй.

– В спальню, – сказала Лесли, и Джек подхватил ее одной рукой.

– Это ведь ради нас? Только нас?

– Тише. Не надо слов.

Джека это устраивало: забвение и бархатистая кожа, уступка и долгое падение.

– Не надо слов, – повторил он, но в последовавшем за этим ураганом имя Джонни прозвучало не один раз, а целых два. Выдохом и молитвой; и оно таяло на ее губах, как сахар.

* * *

Утро встретило Джека бледным светом и тупой болью за глазами. В постели рядом с ним никого не было. Часы показывали шесть. Секунду-другую голова оставалась пустой, а потом ее заполнили нахлынувшие волнами воспоминания прошедшей ночи: шумный бег крови, радость и неловкость новичка. Он снова увидел Лесли, смотревшую на него сверху вниз, и подозрительность в ее глазах за водопадом волос. Она делала все то, что, по его представлению, могут делать женщины, и ее движения поначалу были осторожными и расчетливыми, а потом – настойчивыми, требовательными, неистовыми. Сколько лет он был один, и вот теперь

мосты перейдены... На мгновение его переполнило ощущение счастья, но потом очередная волна воспоминаний вынесла из темноты лицо Джонни у барной стойки, и он услышал имя друга на губах Лесли.

Джек снова закрыл глаза и уснул.

Отдохнуть толком не получилось, и когда он пришел наконец на работу, то в какой-то момент даже поднес палец к кнопке этажа Лесли. Подарок она преподнесла, да только предназначался он, похоже, человеку с другим именем. И Джека словно вывернуло наизнанку.

Никогда раньше он не испытывал к другу неприязненных чувств.

У себя в офисе на седьмом этаже Джек решительно закрыл дверь и сел за стол, рассчитывая работой привести себя в норму и прорваться через пот, сушняк и тошноту. При этом он то и дело посматривал на дверь и телефон.

После полудня похмелье перешло в раздел воспоминаний, и Джек задумался, не совершить ли прогулку вниз. Посмотреть ей в глаза. Интересно, улыбнется ли она. Они могли бы пообедать. Может быть, то имя на ее губах ему только послышалось...

– Прискорбно, – произнес Джек, но избавиться от воспоминаний о ней не смог. На работе он просидел до восьми, надеясь, что Лесли все же появится, а потом отправился домой, злой на нее и на себя за глупость.

Если Лесли и думала о ком-то, то о Джонни.

В квартире он прошелся из угла в угол. Есть не хотелось, спать тоже. Мысли беспорядочно метались туда-сюда.

Он подвел лучшего друга.

Она произнесла имя Джонни.

Сообщение от Лесли пришло в полночь.

Не спишь?

Джек на секунду задумался, потом набрал: *Еще держусь. Работал допоздна.*

Спасибо за прошлую ночь.

Что-то внутри Джека сломалось – может быть, накатило облегчение, может быть, желание. В нем все завибрировало. *Хочешь заглянуть?*

Прошла минута. Потом еще три. Ответ содержал только одно слово: *Конечно.*

На этот раз ночь прошла по-другому. Без выпивки. Лесли ушла с первым светом. Все складывалось наилучшим образом, как Джек мог только мечтать. Имя Джонни не прозвучало.

– Зачем ты со мной? – спросил он.

На часах было два. Лесли лежала в круге света от единственной лампы, золотившего изгибы и тенью гладившего впадинки.

– Ты – молодой. Молодые энергичны.
– А если без шуток?
– Секс. Просто секс. Мне нравится.
– Но почему я? Особенно привлекательным меня не назовешь. У меня... ну, ты же знаешь. – Джек пошевелил больной рукой.
Она рассмеялась и коснулась его ноги.
– Хочешь, чтобы я ушла?
– Нет.
– Тогда убеди меня остаться.
Она поднялась на колени, и Джек позабыл обо всем на свете.
Часом позже они стояли у входной двери. На ней были те же туфли на каблуках, едва застегнутая блузка. Джек вымотался так, что едва держался на ногах.
– Можно отвезти тебя домой?
– Ты такой джентльмен... но нет, не надо. Я в порядке.
Лесли поцеловала его, и Джек, прежде чем она отвернулась, взял ее за руку.
– Мне нужно знать, что это никак не связано ни с Джонни, ни с делом Уильяма Бойда.
– Ты даже сейчас об этом спрашиваешь?
Под «даже сейчас» она имела в виду постель, царапины, безнадежно испорченные простыни.
– Скажи, что деньги здесь ни при чем.
Лесли вскинула бровь, идеальную, как и все остальное в ней.
– А если скажу, что при чем, ты не будешь меня трахать? – Она улыбнулась улыбкой адвоката, потому что уже заранее знала ответ. – И не надо так беспокоиться, мы оба можем получить то, что хотим. – Она взяла его руку и просунула к себе под рубашку. – Тебе хорошо, мне хорошо. – Джек отвернулся, но Лесли взяла его за подбородок. – Не надо ничего усложнять.
Не усложнять Джек не мог.
Она пользовалась им и брала, что хотела, – и вонь этой вины осталась и на его коже.

* * *

На следующий день была суббота, так что Джек повалялся до восьми, а потом отправился на прогулку. Вернувшись домой, принял душ и поехал

в офис. Дважды звонила Лесли – Джек не ответил. Работе было посвящено и воскресенье, так что с Лесли они опять не виделись. Понедельник начался с раннего завтрака. В семь часов закусочная уже была переполнена и гудела от возбуждения. Столпившись у столиков, люди склонялись над газетами и обсуждали что-то с горящими глазами.

– Миллиард долларов, господи... – произнес небритый мужчина с распухшим лицом.

Его сосед, в бейсболке с логотипом «Джон Дир» и такими грязными ногтями, будто он рылся в битумной яме, спросил:

– А сколько это, миллиард?

– Тысяча миллионов, – ответил толстяк, и какой-то парнишка, одетый в бейсбольную форму, беззвучно пошевелил губами, как делают в церкви, изображая пение.

Тысяча миллионов долларов...

За другим соседним столиком пожилая леди поправила очки на носу, а ее муж приник к газете. Нечто похожее происходило за другими столиками, где сидели домохозяйки в дорогих одеждах и патрульные полицейские в форме.

Джек подождал официантку, а когда она подошла, спросил, из-за чего весь ажиотаж.

– А вы не слышали? – Женщина вынула из-за фартука сложенную газету и положила на стол. – Все об этом только и говорят.

Она отошла, а Джек раскрыл газету и увидел сообщение о том, что миллиардер Уильям Бойд, из Нью-Йорка, обнаружен мертвым в Пустоши.

Глава 11

Смерть Уильяма Бойда

Отправляясь на охоту, Уильям Бойд старался удерживать радость в себе и никак ее не показывать. Он не улыбался, не говорил без необходимости – ибо вообще терпеть не мог болтунов. Той же линии поведения придерживался и Киркпатрик. Подготовка напоминала религиозный ритуал: подъем по будильнику в четыре часа утра, тщательный выбор одежды и снаряжения, тройная проверка всего и укладка с таким расчетом, чтобы минимизировать шум. Шум столь же губителен, как запах, и оба мужчины были верными служителями в церкви охоты. Каждый принял ванну со специальным мылом, смазал оружие специальным, не имеющим запаха маслом. Там же, в ружейной комнате, когда снаружи еще было темно и тихо, они поели в последний раз за столом, освещенным маленькими лампами, тогда как все прочее – картины, шкуры, оружие – осталось в тени. Ничто не нарушало тишины, кроме звона серебра о фарфор, но радость проскальзывала в аккуратных движениях, отполированной латуни и взглядах, когда встречались глаза. Они знавали места мрачнее этих и утра темнее этого; и в узах доверия, уважения и крови тоже была радость.

* * *

– Пора.

Бойд зарядил последний патрон. Киркпатрик поднялся и забросил за плечо рюкзак и ружье. У двери домработница вручила им кофе в термокружках.

– Три дня, – сказал Бойд. – Может быть, четыре.

Она нахмурилась.

– Вы бы лучше сказали, куда идете.

– Тебе лучше не знать.

– А если что-то случится?

– Риск – часть охоты. Присмотри за домом.

– Я буду здесь, когда вернетесь.

Он коротко кивнул, уже ощущая напряжение, тяжелую тень охоты. Для

предрассветных сумерек было еще рано, но небо мерцало россыпью звезд. Бойд посмотрел на Киркпатрика.

– Мне нужен твой телефон.

– Что? Зачем это?

В темноте он выглядел великаном, а теперь еще и сердитым.

– Телефон беру только я один. Таковы здесь правила.

– Я только что перевел твоей фирме двести миллионов.

– Там – бизнес, и здесь – тоже. Джи-пи-эс-трекинг. Фотографирование.

Ничего этого нельзя.

– Я ведь уже подписал соглашение о неразглашении.

– Мой дед едва не умер, отыскивая то место, куда я собираюсь тебя отвести. Для меня это личное. Извини. – Киркпатрик молча уставился в темноту. Сжимавшие ремень пальцы побелели от напряжения. – Пожалуйста, Джеймс. – Бойд протянул руку. – Это никак не отразится ни на наших долгих отношениях, ни на моем восхищении тобой.

– Чушь.

– Тем не менее. – Киркпатрик посмотрел на белеющую в темноте ладонь и подал телефон. Бойд взял его, передал служанке и улыбнулся. – У нее не пропадет.

– Теперь, надо полагать, ты еще завяжешь мне глаза.

– Нет, друг мой. Теперь мы пойдем охотиться. – Бойд тоже повесил на плечо рюкзак и повел гостя мимо дорогих машин к забрызганному грязью грузовичку со следами ржавчины и грунтошки. – На этот двадцатилетний «Додж» никто и не посмотрит.

Киркпатрик хмыкнул и бросил рюкзак в кузов. Винтовки заняли места в стойке для оружия у заднего окна. Бойд поднял руку и посмотрел на служанку.

– Дня четыре или меньше.

Они проехали по петляющей дорожке к шоссе, и Бойд, повернув на север, кивнул в сторону деревьев, вытянувшихся в линию за полями.

– Там – край той самой территории в пятьдесят тысяч акров. Дорог нет. Ни туда, ни оттуда. К северо-востоку – еще двадцать тысяч акров, которыми владеет бумажная компания в Мэне. Проедем вглубь, насколько возможно, а дальше пройдем пешком. Местность там трудная, так что не все делается быстро.

– Надеюсь, оно того стоит.

Бойд промолчал; глаза его блеснули. Киркпатрик еще сердился, но это пройдет. Главное, что они подписали соглашение о неразглашении. Значит, Киркпатрик не сможет раскрыть данные о месте охоты. И, что еще важнее,

он не сможет ни купить, ни даже постараться купить землю – ни через посредника, ни через филиалы, ни какими-либо другими законными действиями. Штраф за нарушение условий договора слишком велик, юристы воспротивятся.

Но Киркпатрик, как и Бойд, не любил юристов и любил охоту.

За сорок минут они добрались до проселка за металлическими воротами. Сама дорога больше напоминала узкую вырубку в лесу.

– Бумажная компания. Подожди здесь. – Бойд выскользнул из кабины, перерезал цепь, открыл ворота и проехал. – В четырех милях отсюда другая дорога, идет на восток и юг. Уже близко.

– Зачем въезжать с севера?

– Болото непроходимо.

– Твой дед же как-то прошел.

– Зимой. Это совсем другое дело.

Бойд не стал объяснять остальное: как болото менялось каждый раз, когда он пытался заехать с юга; как перемещались островки сухой земли – сегодня здесь, завтра там; как пропадали и заворачивались тропинки; как отказывал даже компас. Въехав на болото в третий раз, со стороны поселка, где жили когда-то освобожденные рабы, он совершенно потерял ориентацию и блуждал несколько дней, теряя сознание от слабости. В конце приключения на него было страшно смотреть – грязный, покусанный змеями, окровавленный... Но об этом Киркпатрику знать было необязательно, так что Бойд помалкивал, а мир меж тем сжался до кабины, багряника и конусов желтого света. Переключившись на полный привод, Бойд форсировал сначала один, а потом другой ручей. В просвете между деревьями мелькнули желтые глаза.

Белохвостый олень.

Ничего особенного.

Дорога разделилась. Сначала повернули на восток, потом на юг. Проехали еще две мили. У края ручья Бойд завел машину в подлесок.

– Если его кто и найдет, то или другой охотник, или какой-нибудь мальчишка на внедорожнике. – Он заглушил мотор. – Так глубоко забираются немногие.

– А дальше проникают?

– Туда, куда идем мы, – нет.

– Почему?

– Во-первых, из-за топографии. Во-вторых, есть такой фактор, как Джонни Мерримон. Для половины реднеков в округе он – кто-то вроде рок-звезды, в равной степени селебрити, сурвивалист и бунтарь. По сути, герой

рабочего класса. Неважно, что он подстрелил пару забредших на его территорию янки, что попал за решетку и отсидел срок от звонка до звонка. Даже те, кому нет дела до всего прочего, уважают его за характер и меткий глаз. По слухам, я – не единственный, в кого он стрелял. Но есть и еще кое-что...

– Что ты имеешь в виду?

Бойд открыл дверцу.

– Увидишь.

Сойдя с дороги, он повел Киркпатрика через колышущуюся под ногами топь в направлении идущего на юг холмистого гребня. В ранний час лес был тих, но, по мере того как солнце поднималось выше, утренний хор звучал все громче – симфонией кошачьих пересмешников и каролинских крапивников, плачущих горлиц и кардиналов, к которым добавлялось гулкое кваканье зеленых лягушек из лесочка у дальнего болота.

– Кустарниковая топь. – Бойд протянул руку. – Могли бы сократить милю на десять, если б пошли напрямик, но идти пришлось бы по пояс в воде.

Киркпатрик только хмыкнул, и они продолжили путь, держась поближе к хребту и отклоняясь, если только на пути возникало препятствие: бурелом или упавшее дерево. К середине утра температура поднялась до девяноста пяти^[15] и не остановилась.

– Ты в порядке? – Киркпатрик ответил, что да, но по его лицу уже струился пот. Бойд шел ровно, и маршрут понемногу отклонялся на восток, в самый недоступный угол заповедника. – Дальше будет труднее. – Теперь под ногами у них был серый камень. Деревья встречались редко, и с голого хребта открывался вид на невысокие, сплюснутые холмы и заболоченные леса. Впереди виднелись островки казавшегося расколотым гранита. – Пройдем до середины тех холмов – попадем к северной границе земли Мерримона. Дальше двинемся вдоль реки.

Заслонившись ладонью от солнца, Киркпатрик огляделся.

– Должен быть путь полегче.

– Этот маршрут длиннее, но зато нас никто не увидит и мы не заблудимся.

Если у Киркпатрика и возникли сомнения, озвучивать их он не стал, а Бойда это устраивало как нельзя лучше. Говорить о спутниковом картографировании, геологах или местных проводниках, которые показали бы другие варианты, он не хотел.

– Идем. Еще несколько часов, и достигнем реки.

К реке вышли через пять часов. Дальше был подъем, крутой и каменистый. На спуске Киркпатрик поцарапал руку, а упав во второй раз, порезал колено. Жарило солнце. К трем часам он походил на старика. Ничего подобного Бойд еще не видел.

– Вот что, сядь-ка. – Он нашел узкую полоску тени и помог напарнику сесть.

Киркпатрик выпил воды, побрызгал на лицо и шею.

– Не понимаю. – Он расстегнул воротник. Дышалось тяжело. – Здесь жарче, чем в Индии. Такая влажность... Помнишь? – Он сделал еще глоток, закашлялся. Лицо посерело. – Извини, Уильям. Я никогда не подводил тебя раньше. Не понимаю...

Они укрылись в каменистом, вымытом последними дождями овраге. Бойд снял со спины напарника рюкзак.

– Просто дыши.

– Такая тяжесть...

– Нет, друг мой. Нет никакой тяжести.

Киркпатрик положил руку на грудь.

– Не могу отдышаться. Не понимаю...

А вот Бойд уже понял.

– Мы на земле Мерримона. Весь последний час.

– При чем тут это?

Бойд молчал.

– Что? Опять та история?

– Подумай сам.

Киркпатрик открыл и закрыл рот.

– Господи...

– Это пройдет.

– Ты тоже чувствуешь?

Бойд кивнул. Киркпатрик попытался подняться.

– Не могу. Не могу дышать.

Бойд подтолкнул его на место, но Киркпатрик сопротивлялся.

– Что-то здесь не так. Ты не понимаешь...

– Понимаю. Тебе хочется бежать отсюда. Это как голос или давление...

– Как будто кто-то стоит у меня за спиной. Господи... Словно холодное дыхание и шепот...

– У всех по-разному. Подожди минутку.

Минутка переросла в десять. Несколько раз Бойду казалось, что спутник вот-вот упадет, но он держался, а в какой-то момент задыхался легче

и моргнул. Паника прошла.

– Полегчало?

– Не уверен.

– Просто дыши. Давление уменьшится.

– И так бывает каждый раз?

– Приходит и уходит. Наплывами. Иногда бывает хуже.

– Черт возьми. – Киркпатрик поднялся, прошелся по оврагу и вернулся сердитый. – Почему ты мне не сказал? Не предупредил?

– А ты поверил бы?

– Нет, – согласился Киркпатрик. – Конечно нет.

– Идти можешь?

– Мне не страшно.

– Тогда идем. Сюда.

Бойд вывел Киркпатрика из оврага и протянул руку.

– Там последний холм. За ним река. Хорошее место для лагеря.

Сегодня отдохнем, а завтра с утра двинемся. О'кей?

Киркпатрик не ответил.

– Джеймс? О'кей?

– Хватит. Что смогу, то и сделаю.

Бойд услышал защитные нотки. Обычная реакция, свойственная сильным людям, которым вдруг стало страшно. Опасное состояние. Вот почему весь следующий час он следил за своим спутником. Вместе они легко поднялись на холм, постояли немного на вершине. Внизу под ними, словно угольная жила, блестела река; примерно через милю она растекалась по топям и лощинам, отмечавшим северную границу болота. Киркпатрик вытер пот с лица и, скользнув по трясине взглядом, негромко произнес:

– Вот уж не думал, что оно такое огромное.

Пустошь тянулась до самого горизонта – громадная впадина, наполненная живностью и черной водой.

– Двадцать миль с востока на запад. Хаш Арбор прямо под нами, три тысячи акров.

Бойд протянул руку, указывая на территорию, о которой говорил, и Киркпатрик оглядел ее с молчаливой серьезностью, поворачиваясь в обе стороны.

– Выглядит зеленее.

– Зеленее. Плотнее.

– Не понимаю.

– Поймешь.

Они вернулись к деревьям, под которыми устроили лагерь, а потом и поужинали, не разводя огня. Солнце уже меркло на западе, когда Бойд задал спутнику все тот же вопрос:

– Ты в порядке?

Киркпатрик только махнул рукой – мол, беспокоиться не о чем; но Бойда это не успокоило. Напарник выглядел бледнее, чем накануне, морщины на лице углубились и проступили резче, придавая ему изможденный вид.

– Разведем костер?

– Не сегодня. Слишком заметно.

– Хотя бы небольшой.

– Джеймс, посмотри на меня. – Глаза у Киркпатрика забегали влево-вправо, но на Бойда он так и не посмотрел. – Ты и сейчас это чувствуешь?

– Нет. Да.

– Тебе хуже?

Киркпатрик прижал ладони к вискам и, слегка раскачиваясь вперед-назад, выдавил:

– Я в порядке.

Бойд, однако, заметил, что пальцы у него побелели от напряжения.

К рассвету лучше не стало. Бойд протянул ему протеиновый батончик и бутылку воды, но Киркпатрик уронил их на землю и устался на болото. Глаза его запали и налились кровью. Бойд присоединился к нему, и несколько долгих секунд мужчины стояли бок о бок, глядя, как край солнца окрашивает желтым далекие холмы, но оставляет в тени бескрайнюю топь. Первым, не отводя взгляда от зеленого ковра деревьев и черной, поблескивающей воды, молчание нарушил Киркпатрик.

– Сколько раз ты был здесь?

– Три раза один. Еще два с клиентами.

– Кто-нибудь поворачивал обратно, не дойдя?

– Отсюда? Нет.

Он кивнул, но как-то неопределенно.

– Ночью мне снились кошмары.

– О чем?

– Не помню.

«Лжет», – подумал Бойд. Что-то в позе Киркпатрика, в безвольной расслабленности подбородка подтолкнуло его к этому выводу.

– Идем, друг мой. – Он положил руку на плечо приятеля. – Завтрак поможет увидеть мир в лучшем свете.

Не получилось.

К тому времени когда они достигли стоячей воды, Киркпатрик уже заговаривался, бормоча что-то неразборчивое под нос и склоняясь под бременем куда более тяжким, чем рюкзак. Бойд подумывал о возвращении, но стоило ему остановиться, как напарник начинал сердиться:

– Не останавливайся из-за меня, черт возьми. Я справлюсь. Всё в порядке.

Полдня они углублялись в болото, и с каждым часом Киркпатрик слабел. Он то и дело падал, а однажды Бойд нашел его стоящим неподвижно под кружащим у лица роем насекомых и уже на двенадцать дюймов погружившимся в топь. Бойд вытащил спутника на твердую почву, заставил сдвинуться с места.

– Скоро сделаем привал. Есть одно особенное местечко...

– Я же сказал, я в порядке.

В порядке он не был. Отказывался пить. Глаза все сильнее стекленели.

Прошло два часа, прежде чем Бойд развел в стороны зеленый занавес и вытащил приятеля на поляну размером с городской квартал.

– Здесь будет наш базовый лагерь. Отсюда и начнем. – Он снял рюкзак и помог сделать то же самое Киркпатрику. – Садись, пока не упал.

– Здесь хуже.

– Садись.

Киркпатрик стоял как вкопанный. Бойд поставил палатку, собрал валежник, после чего взял спутника за руку и заставил сесть.

– Послушай. – Он посмотрел на небо, прикидывая, сколько еще осталось до сумерек. – Нам нужно поискать следы, поставить засидки. Ты как, сможешь это сделать? – Ответа не было. – Бойд вздохнул. – О'кей. Итак, два следа ведут вглубь болота; один на юг, другой на запад. Я пойду на юг. След вон там, под платаном.

– Я больше ничего этого не хочу.

– Ради бога...

– Не знаю, что это, но становится только хуже.

Бойд покачал головой.

– Не ерунди, Уильям. Я знаю, ты это чувствуешь. Вижу по твоему лицу.

– Да, чувствую. И что с того? Это просто воздух или какое-то дерьмо. На самом деле ничего такого нет.

– Холодно. Ты не замерз?

– Ради бога. – Бойд схватил «когти» и засидку. – Если соберешься, я буду там. – Он повесил на плечо ружье. – Если нет, увидимся вечером.

Провожая его взглядом, Киркпатрик чувствовал, как, словно затухающая спичка, в нем гаснет смелость. Тяжесть, лед, пустота. Между деревьями сгущалась серость.

Ничто...

Но это *ничто* весило миллион фунтов и давило, не давая подняться. За всю свою пятидесятилетнюю жизнь Киркпатрик лишь однажды испытал такую же беспомощность, и случилось это в день, когда он сделал первый вдох между ногами у алкоголички-затворницы, которая, словно очнувшись от забытья, вытолкнула его из себя на простыни в трейлере мертвеца в Западной Вирджинии. Он пришел в мир, не зная отца, дисциплины, любви, но все это его не остановило. Он бросил школу после третьего класса, стал шахтером в двенадцать лет и автомобильным вором через шесть месяцев после этого. Он воровал, лгал, мошенничал и победил в своей первой драке в баре за пять лет до того, как достиг совершеннолетия. Когда спустя неделю умерла мать, Киркпатрик похоронил ее на заднем дворе, потом взял сумку с двенадцатью сотнями долларов, заработанными в драке на кулаках в гравийном карьере с помощником шерифа по имени Джо-Джо. Таковы были годы, сформировавшие Джеймса Киркпатрика, а в последующие он путешествовал в джунглях, валил компании и избивал в кровь других мужчин. Он всегда брал то, что хотел. В его мире не было горы, которая смогла бы его остановить. Даже сейчас он думал, что выход есть.

Ничто пошевелилось.

Киркпатрик рассмеялся, но прозвучало это больше как хрип.

Игра света. Тень.

Оно снова пришло в движение – серой рябью на сером. Проплыло между деревьями, а когда остановилось в десяти футах от него, он закрыл глаза и вспомнил, что чувствовал в три года, замерзая в пустом, без электричества, трейлере.

Что-то зашуршало.

Выдохнуло.

Киркпатрик повернул голову, но ощутил ожог на коже лица. В нос ударил запах несвежего, плесневелого старья.

– Пожалуйста. Извини.

Мир замер, затих, и Киркпатрик ощутил все свои слабые места: глаза, сердце, пульс у горла. Он читал о том, что чувствуют люди во время операции, и знал, что примерно так оно все и будет: паралич и ощущение

пальцев внутри.

Жизнь ему спас выстрел.

Он ударил между деревьями, отпрыгнул эхом от холмов, и в спазмах страха Киркпатрик распознал звук: «Винчестер» калибра.308, расстояние – полмили. В этот же миг он ощутил гнев *ничто* – прикосновение к лицу и ожог. Его крик повис в воздухе на долгие секунды, а потом внезапно пришло осознание одиночества.

Пустая вырубка.

Никакого холода.

Но Киркпатрик знал, куда ушло *ничто* – к следу, ведущему на юг.

По следу на юг пошел Бойд.

Его друг.

Он заставил себя подняться, а внутри уже бушевала великая война между тем, кем он был, и тем, кем только что стал. И столь огромен был конфликт, что Киркпатрик невольно заскулил – и вот этот самый скулеж решил его судьбу. Неверным шагом, покачиваясь в стороны, он добрал до южного следа. Шаг правой ногой. *Ничего не выйдет.* Шаг левой ногой. *Все впустую.*

Бойд закричал, и Киркпатрик побежал.

Он бежал по следу, и слабость как будто выветривалась из него. Он, Джеймс Киркпатрик, никогда не отступал, не уходил в сторону, не проигрывал. И столь велика была радость от обретения себя, что он не чувствовал ни следа под ногами, ни рвущего горло воздуха. Он снова был мужчиной, а его друг попал в беду или умирал. Быстрее, быстрее... Полмили за несколько минут. Поворот тропинки – и все, что он знал, все, чем представлял себя, ударило в него.

Опушка. Высокая трава, топь и вода, такая неподвижная, черная, будто полированный металл. В воздухе над этой водой *ничто* пригвоздило его друга к невидимому кресту. Бойд висел в воздухе с раскинутыми руками, растянутый до предела. Ни гвоздей, ни дерева, ни проволоки Киркпатрик не увидел, но мог бы поклясться, что его друг распят. Из ступней и ладоней шла кровь. Из глаз текли кровавые слезы. Бойд висел в десяти футах над водой и кричал под невидимым прессом, выворачивающим суставы и гнущим кости. Киркпатрик искал *ничто* – и не обнаружил. Только топь, ружье и туша застреленного медведя.

– Уильям...

Кулаки сжались и разжались.

– Уильям, боже мой...

Теперь Бойд услышал друга и перестал кричать.

– Убей его... – пробормотал он, с трудом двигая челюстью. Кровь снова бежала из глаз и капала с подбородка. – Джеймс, убей его...

Киркпатрик наклонился за ружьем и в его весе обрел волю, чтобы передернуть затвор и послать патрон в патронник. Он поискал глазами *ничто*, но *ничто* нашло его раньше. По воде разбежалась зыбь, мерцание раздвинуло траву. С мерцанием пришел холод, а с холодом лицо. *Ничто* улыбнулось. Серые дыры были глазами, а в глазах затаилась темнота, которая шевелилась, насмехалась и *знала*. Знала, каким он был ребенком, знала все его сожаления, страхи и спрятанные глубоко поражения. Оно выкопало правду о смерти его матери, которую убил не рак, а испачканная блевотиной подушка и крепкие руки ее единственного сына. Оно знало, как он хотел ее смерти и как страшился ее, как она просила и обделалась от страха. Знало, что в тот кулачный бой он ввязался не ради уважения или денег, а из-за ужаса от убийства матери и осознания своего одиночества в сумеречном и убогом мире.

– Нет.

Ружье выскользнуло из бесчувственных пальцев. Он ненавидел и любил ее. Она сама попросила сделать это.

Но ты же хотел...

– Прекрати!

Киркпатрик накрыл ладонями уши, но голос звучал внутри. Голос ребенка, каким он был.

– Замолчи! Прекрати!

Но голос не умолкал, а только раскатывался внутри него, нарастал, а потом со смехом произнес: *Беги, малыш, беги.*

Именно это Джеймс Киркпатрик и сделал. Он побежал прочь. Прочь от друга и от прошлого. Он бежал, пока Бойд не закричал снова, но даже крики затерялись, и осталось только его дыхание, всхлипы и его собственный одинокий голос в голове. *Ты – не сын. И никакой ты не мужчина и, мать твою, не друг.*

Глава 12

О том, что на Пустоши кто-то есть, Джонни узнал задолго до того, как услышал выстрел. Он как будто почувствовал прикосновение. Именно так оно чаще всего и случалось: появлялось ощущение постороннего вторжения. Выстрел все изменил: дал направление, расстояние, уверенность.

«Три мили», – подумал Джонни.

Северо-запад.

У подножия холмов.

Сорвав со стены ружье, Джонни выскочил из домика. Босиком, в обрезанных джинсах, он бежал легко и быстро, так что к месту прибыл, даже не запыхавшись. Увидев тело, замедлил шаг, припал к земле и цепким взглядом прошелся по вырубке. Увидел он многое, почувствовал мало: жар в крови, скопище мух. Скрюченное тело лежало на мелководье, частично в воде, частично на мятой траве. В самой позе, в том, как оно лежало, было что-то неправильное: странно согнутые руки, вывернутые плечи и бедра. Застывшая на лице мертвеца кровь напоминала маску, но Джонни узнал его.

Уильям Бойд.

Подойдя к телу, он понял, что *именно с ним* не так и что не так внутри: спиральные переломы, раздавленные органы, искусанный в кровь язык. Джонни отвернулся, и его едва не вырвало. Он знал жестокость и смерть, но ничего подобного не видел и не чувствовал. Глаза у мертвеца были раздавлены, кости разломаны на куски.

С трудом сдерживая тошноту, Джонни рассмотрел мертвого медведя, поляну, оставшиеся на ней следы. Большинство соответствовали отпечаткам ботинок Бойда, но другие принадлежали плотному мужчине с длинным шагом и высоким подъемом. Неизвестный пришел и ушел по звериной тропе. *Убежал*, подумал Джонни.

Он потрогал следы. Идти по ним или остаться с телом? Трудный вопрос. К востоку, в четверти мили отсюда, обитал койот, но ветер дул в ту сторону и нес с собой запах. Хватало поблизости и других любителей мертвечины: гриф и опоссум, ястреб, ворон и скунс. И даже в самом ручье бесшумно скользил угорь. Если оставить Бойда надолго, его раздерут, исключают и растащат по кусочкам, как и лежащего рядом с ним медведя.

– Дело дрянь.

Вторая проблема грохнулась на него, как обломок скалы. Уильям Бойд умер на его земле, не оставив Джонни права на выбор. Придется бежать за беглецом, решил он.

Первым делом Джонни вытащил Бойда из воды, накрыл лицо и уложил поудобнее тело. Для койотов это ничего, конечно, не меняло, но ничего другого он сделать не мог.

Теперь следы.

Они вели на север, к реке, и были отчетливо видны. Пройдя по ним быстрым и легким шагом, Джонни обнаружил лагерь и ненадолго задержался, чтобы пошарить в оставленных вещах. В палатке нашлись боеприпасы и снаряжение, но не было второй винтовки. Значит, убежавший имел при себе оружие. Теперь Джонни двигался с большей осторожностью. Ловить он никого не собирался, но хотел по крайней мере увидеть лицо незнакомца.

Остальное – дело шерифа.

Примерно в миле от начала холмов следы вышли к реке и потянулись вдоль воды вверх по течению. Достигнув поворота, Джонни срезал угол и, забравшись на лысую скалистую вершину, оглядел с высоты в триста футов вытянувшуюся внизу долину. Человека он увидел сразу – тот бежал и падал, потом выронил оружие, а нагнувшись за ним, снова упал. Поднявшись в очередной раз, незнакомец продолжил путь, но уже медленнее и неувереннее. Даже издали, с вершины, Джонни разглядел кровь у него на лице. Он то ли разговаривал сам с собой, то ли кричал. Джонни наблюдал за беглецом, пока тот не скрылся за холмом.

Теперь Джонни не спешил.

Он знал, куда направляется незнакомец.

* * *

Леон стоял за стойкой, когда у него на глазах из кустов вышел, пошатываясь, белый мужчина. Судя по одежде, он был на охоте, но винтовку волочил, держа за ствол, и ложа подсакивала на неровностях. Сначала незнакомец появился из зарослей черной березы и дикой вишни, потом скрылся в овраге и затем выбрался на другой его стороне. Издали он выглядел не лучшим образом: весь в грязи, с размазанной по лицу кровью, да еще хромал. Леон успел приложиться к бутылке, а потому несколько раз моргнул для верности.

Нет, не исчез. Белый – как был, так и остался – и идет напрямиком...

Нет, не идет.

Упал. Снова поднялся.

Леон пробежал глазами по бару: кучка пьянчуг за столиком под навесом, с полдюжину старичков у ямы с песком.

– Элвин. – Он стащил фартук и жестом подозвал единственного посетителя, оказавшегося внутри. – Присмотри за баром.

– А мне что с того?

– Пропусти стаканчик. – Поглядывая одним глазом на белого незнакомца, Леон достал и поставил на стойку бутылку самого дешевого бурбона. – Даже два.

Он бросил фартук на прилавок и вышел из бара. Солнце лишь на ладонь поднялось над верхушками деревьев, но долбило с силой молотка, заколачивающего гвозди. Леон заслонил рукой глаза.

Одолеть последние, заросшие мелким кустарником сто ярдов незнакомцу не удалось. Он упал и остался лежать. Леон вздохнул, ступил на каменистую землю, посмотрел на реку, на шеренгу деревьев вдоль нее. Приблизившись к лежащему, сбавил шаг, поскольку не питал симпатии ни к белым, ни к оружию, ни к любителям прогуляться по чужой территории. Мужчина лежал лицом вниз, похоже, без сознания. Подойдя еще ближе, Леон остановился, наклонился так, что захрустели колени, и отодвинул оружие на безопасное расстояние. Ничего не случилось. Он перевернул чужака на спину и вздрогнул, когда тот вскрикнул и дернул, по-видимому, сломанной рукой.

– Эй, приятель. Ты в порядке?

Какое там... Повсюду царапины и порезы, глаза наполовину белые. Так мог выглядеть человек, пробежавший несколько миль, причем отнюдь не по дороге. Рваная одежда. Рассеченная губа. Возраст? Леон дал бы ему пятьдесят с лишком. Дорогие часы. Дорогая винтовка.

– Ты меня слышишь? У тебя имя есть? – Незнакомец пошевелил губами, но Леон не расслышал и наклонился ниже. – Повтори.

– Распятие. Распяли...

– Не понимаю.

– Его распяли. Господи Боже мой...

– Да, приятель, верно. Иисуса распяли.

Леон покачался на каблуках, размышляя о проблемах, которые были нужны ему как собаке пятая нога.

– Хочешь, вызову копов? – спросил невесть откуда взявшийся Элвин.

– Я же сказал тебе приглядывать за баром, – раздраженно бросил Леон.

– Ну да, но только за два стаканчика.

Леон выпрямился. Меньше всего он хотел видеть копов в своем заведении и отвечать на вопросы.

– Откуда он вообще взялся?

– Понятия не имею. – Леон посмотрел вдаль и заметил какое-то движение у деревьев. – Что за черт...

Тот же маршрут через овраг и кусты Джонни Мерримон прошел за три минуты. Босой, без рубашки, с винтовкой на плече и бесстрастным выражением лица.

– Привет, Леон.

Леон кивнул.

– Я так полагаю, ты что-то об этом знаешь?

– Да. Может быть.

– Где твоя одежда?

– Я не собирался ни с кем видеться.

– А стрелять в кого-то собирался?

Не отвечая на сарказм, Джонни склонился над незнакомцем, посмотрел в глаза, проверил пульс у горла.

– У него, похоже, рука сломана, – подсказал Леон.

– Да, ему досталось... Расшибся, когда падал. Что-нибудь сказал?

– Сказал, что Иисус умер на кресте. Знаешь, кто он такой?

– Даже не представляю.

– Тогда почему идешь за ним?

Джонни выпрямился.

– Тут все сложно.

– Очень сложно?

– У нас здесь этот, а на болоте другой, мертвый.

Джонни ткнул пальцем, обозначая направление, и Леон почувствовал, как в затылок ему дохнуло холодком. Он вспомнил, как дед, старый и наполовину слепой, схватил его однажды за запястье и стиснул пальцы так, что он вскрикнул от боли. *Держись подальше от болота, парень. Не приближайся к нему, а то я такое тебе выпишу, что слез не хватит.*

– Ты в порядке? – спросил Джонни.

– Плохой знак.

– Да уж хорошего мало. – Он положил руку бармену на плечо. – Мне надо воспользоваться твоим телефоном.

Часом позже все они собрались под багровым небом: шериф и его помощник, два парамедика, Леон, Джонни и Клайд Хант. В этой части округа жетон Ханта значил немного, но они с шерифом давно знали друг друга. Несколько лет мужчины едва переносили друг друга, потом сумели найти пути к взаимному, пусть и неприязненному, уважению. Вот только все это мало что значило, когда прозвучало имя Бойда.

– Я хочу знать, почему он там оказался. Почему шел за жертвой. Почему имел при себе оружие.

Голос шерифа долетел до стоявших в сторонке Джонни и Леона. Как и голос Ханта.

– Послушай, Уиллард...

– Не хочу я слушать, Клайд. Да, понимаю, он тебе не чужой и все такое, но я не поведу своих людей в болото посреди ночи только потому, что кто-то что-то сказал. Этого мало. Он говорит, что там мертвец. Но подтверждения у меня нет. – Шериф кивнул в сторону машины «Скорой помощи», где парамедики обрабатывали раненого. – Несет какую-то чушь. Мы даже не знаем, кто он такой.

– Ладно, подожди минутку, хорошо? – Клайд подозвал одного из санитаров. – Что нам известно об этом парне?

– За пятьдесят. В хорошей форме. Повреждения – в основном неглубокие раны и ушибы. Перелом руки. Может быть, в результате падения. Возможно, защищался...

– Защищался? – перебил его шериф.

– Может быть, упал со скалы. Может, его кто-то ударил. Пока сам не заговорит, нам остается только гадать.

– Что-нибудь еще сказал?

– Твердит о каком-то распятии и холоде. И вот тут самое интересное. У него повреждение на лице. – Парамедик дотронулся до щеки и смущенно добавил: – Понимаю, звучит дико, но, по-моему, это обморожение.

– Обморожение? На болоте? В такую жару?

– Я не первый год работаю и дело свое знаю. Считаю, это обморожение.

Парамедик вернулся к раненому. Шериф снял шляпу, почесал голову и взглянул на Джонни.

– Послушай, Клайд. Давай забудем про мою с твоим пасынком историю. Даже если б я уже не арестовывал его однажды, живя в нашем округе, поневоле начинаешь задумываться, всё ли у него в порядке с головой. Потерять сестру так, как это с ним случилось, потерять отца... Такое ведь просто не проходит. – Он кивнул в сторону Джонни и сжал

шляпу обеими руками. – Парень живет здесь один. За решеткой побывал. Я так считаю, что он опасен. Или чердак у него поехал. Это я для ясности изложил. А теперь спрашиваю тебя, как коп копа: можно верить тому, что он говорит?

– Если он говорит, что там мертвец, значит, мертвеца ты и найдешь.

– Уверен?

– Насчет такого Джонни врать не стал бы.

– Да. Чтоб его... Я и сам так подумал. Мистер Мерримон. – Шериф повысил голос и жестом подозвал Джонни. Он уже расспросил о мертвце на болоте и, как и следовало ожидать, получил короткие, резанные ответы. Отчасти это объяснялось их давней неприязнью, отчасти характером самого Джонни. Недоверчивый и непредсказуемый, он терпеть не мог незваных гостей на своей территории. Все это, вместе взятое, никак не облегчало шерифу задачу, тем более в конце дня и в таком месте. – Джонни...

– Да, шериф?

– В городе поговаривают, что ты знаешь болото, как я – свои пять пальцев. Это правда?

– Правда.

– Можешь отвести меня к телу?

– Да.

– Даже в темноте?

– В темноте и с закрытыми глазами.

– А вертолетом туда нельзя долететь?

– Нельзя, если вы рассчитываете на посадку.

– Значит, выбирать не приходится.

– Если хотите взглянуть на тело раньше, чем стервятники разберут его до костей.

– Господи, час от часу не легче...

– Только хуже, – подтвердил Джонни.

– Сынок. – Шериф разозлился по-настоящему. – Если ты не все мне сказал, то сейчас самое время.

Джонни повернулся к отчиму.

– С тобой можно поговорить?

– Клайд...

– Дай нам минутку, Уиллард. – Хант отвел пасынка в сторонку, и Джонни, убедившись, что ни шериф, ни его помощники их не слышат, рассказал остальное.

– Тот мертвец на болоте – Уильям Бойд.

- Что?
- Понимаю, дело плохо.
- Плохо – это слабо сказано. У тебя с ним своя история. Ты уже стрелял в него одиннадцать раз.
- Поэтому я и не сказал ничего шерифу. Хотел, чтобы ты сюда приехал.
- Господи...
- Что, все так плохо?
- Клайд провел ладонью по волосам. В наступивших сумерках шериф не сводил с них глаз.
- Ты уверен, что это Бойд?
- Да. Увы.
- Расскажи, что именно случилось.
- Джонни повторил свою историю. Как услышал выстрел. Как отыскал тело и пошел по следу.
- Это всё? – спросил Хант, когда он закончил.
- То же я и шерифу сказал.
- Клайд отошел. Вернулся.
- Шериф не может не принимать во внимание твои с Бойдом стычки.
- Я, когда ему звонил, все понимал. Послушай, я не сделал ничего плохого.
- Тебе нужен адвокат.
- Я ничего не нарушил.
- Черт возьми, Джонни... Дело же не в этом. – Клайд прошелся взад-вперед, думая о жене, об аресте, об этом парне, которого любил как сына.
- Надо идти, – сказал Джонни. – Иначе там ничего не останется.

* * *

Дорога заняла два часа. Засевшее в плечах шерифа напряжение так там и осталось.

– Он мог бы и не звонить нам. Просто прошел бы мимо и оставил тело как есть.

– Устал я, Клайд, от этого разговора.

Устали все. После того как Джонни бросил «бомбу», они еще час ждали, пока соберутся помощники. Шериф объяснил причину задержки просто и ясно:

– Один я с ним в лес не пойду. Всё, больше говорить не о чем.

Такое отношение шефа передалось, разумеется, и его людям. Даже судмедэксперт поглядывал на Джонни косо.

– Уиллард...

– Я же сказал, помолчи.

И дальше в таком же духе. Джонни – враг, а раз так, то и Клайд тоже. Двухчасовая прогулка по болоту настроение не улучшила. Под ногами битый камень да грязь. Насекомые домогались всех, кроме Джонни.

– Тут впереди лагерь. – Мерримон убрал свисающие сверху стебли, и небольшой отряд выбрался на сухую землю. – Я обыскал. Ничего особенного.

– Ты нарушил целостность места преступления?

Джонни посветил в лицо шерифу.

– Я ничего там не нарушал.

– Ты бы, сынок, фонарик-то отвернул.

Джонни выждал еще секунду, потом опустил руку.

– Еще полмили – и будет ваш труп.

Оставив в лагере двух помощников, шериф последовал за ним вглубь болота. Джонни все это не нравилось: шум, неприязненные взгляды, чужие, невежественные люди. Он слышал их, даже когда они шептались.

Ну и дыра.

И кому только захочется здесь жить?

– Ты в порядке?

Джонни не ответил на вопрос отчима.

– А ты? – спросил он, и его вопрос вовсе не был риторическим. Джонни чувствовал недовольство Клайда и мог представить, какие вопросы крутятся в его голове.

Зачем парню вот это все?

Да нормальный ли он?

– Вот и ваш мертвец.

Джонни остановился у края поляны и направил луч фонарика на останки Уильяма Бойда. Над телом зашуршали черные крылья. В полосе света мелькнули желтые глаза.

– Бог ты мой... – Помощник шерифа перекрестился.

Еще несколько лучей выхватили из темноты труп и тех, кто собрался попировать на нем.

– А ну пошли! Фу! – закричал и замахал руками шериф.

Две или три птицы тяжело оторвались от тела, но койоты не двинулись с места и, задрвав окровавленные морды, обнажили желтые зубы. Один продолжил что-то грызть.

Шериф вытащил из кобуры револьвер и выпустил три пули в глинистый берег шагах в двадцати от места. Стервятники бросились в стороны. Шериф шумно выдохнул.

– О'кей, джентльмены. Давайте-ка посмотрим, что там осталось от бедолаги.

Как оказалось, пощипали его изрядно. Двое помощников не выдержали зрелища, и их вырвало. Даже многое повидавший медэксперт накрыл ладонью рот.

– Успокойтесь, – призвал шериф. – Даем сюда побольше света и занимаемся своей работой. Хэнкинс, Мартинес, поехали, ребята. – Тело осветили всеми доступными средствами, и шериф опустился рядом с ним на корточки. Лицо пострадало сильно, но кое-что осталось. – Это Бойд, точно. Мистер Мерримон, вы в таком виде его нашли? Я не имею в виду стервятников. Я говорю о местоположении, одежде, позе. Что-то изменилось?

– Я его передвинул, – сказал Джонни.

– Ты... что?

– Когда я нашел Бойда, у него ноги были в воде. Кровь привлекла бы больше стервятников. Мне показалось, что лучше его передвинуть.

– То есть ты дважды вмешался в картину места преступления.

– Я дважды поступил правильно. Трижды, если учесть, что вообще позвонил вам.

– Вот что я тебе скажу. – Шериф выпрямился, развел плечи и постарался придать себе угрожающий вид. – Отойди-ка вон туда и не путайся у меня под ногами.

– Вы со мной закончили?

– Сынок, я даже не начинал.

– Тело у вас. Выход сами найдете.

– У меня есть еще вопросы.

– А у меня нет ответов.

– Отойди вон туда и подожди.

– Так я арестован?

– Живо! Вон туда!

За перепалкой наблюдали все, поэтому Джонни сдержался и, ничем не выдав злость, отошел в сторонку, а когда к нему присоединился Клайд, задал единственный вопрос, который имел значение в этой ситуации:

– Я арестован или нет?

– Нет, не арестован, но не спорь с ним. Я постараюсь сделать, что смогу.

Клайд хотел как лучше, но у Джонни были свои соображения на этот счет. Лучше – это тишина и покой. Лучше – это палец на пульсе Пустоши. Он задержался еще на минутку – чтобы успокоить Клайда, – а потом бесшумно, как призрак, ускользнул в ночь.

Джонни успел пройти милю, прежде чем его отсутствие заметили.

Глава 13

В высоком здании в большом городе Кри снилось болото. Ни кровати, ни спальни, ни фанерной двери, ни света из города за стеклом – ничего. Она была в темноте, в каком-то тесном пространстве, бездвижная в воздухе, пахнущем землей, смертью и гниющим деревом. Пошевелишься – и пространство сожмется. Откроешь рот – он заполнится землей. Она кричала во сне, но держать форму не в природе сна. Кри слышала доносящийся откуда-то издали шум дождя, чувствовала дыхание тепла, движение мира. Она была в земле и была землей, а во сне еще и поднималась над ней.

Глядя с высоты, Кри видела болото, но не такое, каким оно было сейчас. Она видела его до повешенья рабов и после пожаров. Видела людей, которые жили, умирали и сходили в могилу, мужчин с широкими спинами, женщин с широкими бедрами и их крепких, голосистых младенцев. Она видела невзгоды, лишения и радости, огородников и охотников, страхи и неудачи, а еще старух со своими секретами. Она видела все, но с ней было то же, что и с теми, кто, ощутив однажды яркий взрыв вкуса, остается потом с гаснущим воспоминанием, пустотой и неизбежным желанием. Однако сон ничего не давал даром. Он нес ее между деревьями и над черной водой, и, рожденный в полете, ее всю наполнял страх, всепроникающий, физический, омерзительный страх. Она снова вскрикнула от ужаса, и из далекой тьмы донеслись слова: «Ценой всегда была боль».

– Бабушка...

Кри открыла рот и почувствовала вкус земли.

Это история. Это жизнь.

– Не это. Только не это.

Но она уже испытывала это раньше – тысяча снов в тысяче ночей. Тогда, как и теперь, страх проникал глубже, и Кри вскрикивала во сне. Она слышала себя во сне, и вот такой была ее жизнь в нем: настоящее и прошлое, вымышленное и невидимое. Давясь страхом, она посмотрела вниз и увидела людей на болоте. Было темно, но полицейских было легко узнать по тому, как они стояли, а труп – по неподвижности. Мужчина умер, и смерть его не была легкой. Ей снились переломанные кости и крики, но было во сне не только плохое. Она видела человека, отдельного от других, и знала, что это Джонни Мерримон. Он был уже в миле от остальных и шел

на восток, тихонько напевая себе под нос, и мягкий свет шел вместе с ним. Она слышала двигатели и гудки. Как всегда после снов о болоте, болела голова.

– Мам, – позвала она не особенно настойчиво. Сон уже уходил, и вместе с ним страх. Кри знала, что ночные картины потускнеют и сотрутся, как старая печать, и в альбоме путаных снов станет одной страницей больше. Так она об этом думала. Ей не хотелось видеть сны. Она не просила хоронить ее живьем, пугать, раздевать догола. Единственное хорошее, что случалось в них изредка, это те моменты, когда ей слышался голос бабушки. Столько лет прошло с тех пор, когда они разговаривали, касались друг друга или делили на двоих простые житейские радости... Кри боялась, что когда-нибудь позабудет, как выглядела бабушка и что ее сухая кожа пахла корицей и высушенной солнцем травой.

Свесив ноги из-под простыни, Кри натянула джинсы и рубашку, собрала на затылок и заколола металлической заколкой волосы. Лицо в зеркале преобразилось странным образом: нос как будто сплюснулся, глаза потемнели, опустились глубже и сделались жесткими. В какой-то момент лиц получилось два – одно над другим, – но это ощущение быстро прошло. Слишком много от сна, подумала она. Слишком много странного.

Выйдя в коридор, Кри услышала работающий в кухне телевизор. Приглушенный звук, зернистая картинка. Мать неподвижно сидела за маленьким столом, накрытым листом пластика с отколотым уголком. Старые тапки, заношенный домашний халат. В руке сигарета с двумя дюймами пепла на кончике. На столе – наполовину пустая бутылка водки.

– Кончено, – негромко сказала она при виде дочери и, стряхнув наконец пепел, затянулась. – Он умер. Все кончено.

– Ты о чем?

Кри опустилась на стул, и мать показала на телевизор.

– Уильям Бойд умер. В новостях об этом все утро говорят.

Кри повернулась к телевизору и увидела рекламу вафлей.

– Сколько тебе надо выпить?

– Немного. А что такое?

– Есть другие средства...

– Какие другие средства? – взорвалась мать. – Наша апелляция – политическое дело! Просто так за нее ни один адвокат не возьмется. Ты же сама знаешь. Мы все фирмы перепробовали, и над нами только смеялись. Ты же помнишь.

– Мы можем самостоятельно собрать еще денег.

– Для адвокатов, у которых час стоит пятьсот долларов? Вот уж нет. –

Она горько рассмеялась. – Все кончено. Мы проиграли.

– Ты как себя чувствуешь?

– А ведь оставалось совсем немного...

Она показала на пальцах, большом и указательном, сколько оставалось – примерно полдюйма. Если б они выиграли дело, Бойд заплатил бы за землю миллионы. Много миллионов. Мать Кри мечтала об этих деньгах и хотела съехать из жалкой, с картонными стенами квартиры в торчащей грязной иглой высотке. Купить дом с двориком. Отправить дочь в колледж. Простые, обычные мечты, в которых не было места жадности. Кри и сама хотела для себя того же, но только попозже. Сначала она хотела пожить в Пустоши. Может быть, годы, если потребуется. Из детства остались вопросы, воспоминания о выученных через боль уроках. Такие вещи должны что-то значить. А иначе зачем эти навязчивые сны, эти видения со старухами?

– Расскажешь? Теперь-то ты расскажешь?

– О том месте? – Мать посмотрела на дочь налитыми кровью глазами. – О тех безумных старухах? Вот уж нет. Не хочу и не буду.

– Но это же и моя история. Я имею право знать.

– Знать о чем? О жизни в грязи? Почему я ушла оттуда? Разве я не извинилась за то, что отправила тебя туда? Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, это двигаться дальше.

– Куда? К бутылке? К четырем мужьям?

– Я всегда говорила, что это место для нас – деньги, и ничего больше.

А ты слишком молода, чтобы судить.

– Там есть что-то особенное. Я чувствую.

– Нет, дочка. – Мать загушила сигарету, и на ее руках проступили десятки бледных шрамов. – Нет там ничего особенного.

* * *

Едва проснувшись, Джонни почувствовал: его ищут – с десятков недовольных, злых людей. Их злило все – грязь, жара, насекомые. А больше всего они злились из-за прошлой ночи. Джонни был у них в руках, и ему дали уйти. Теперь они имели сердитого шерифа, сотню вопросов и мертвого миллиардера.

Ни первое, ни второе, ни третье Джонни не волновало.

Он развел бездымный костер и приготовил завтрак, а когда закончил, залил угли и сосредоточился на поисковой группе.

Они заблудились.

Четверо сбились с пути в двух милях к востоку: выбранная тропинка привела их в торфяное болото, где они и застряли по пояс в воде. Еще трое с самого утра брели по кругу. Ближе других подобрался шериф с четырьмя помощниками, но и эта группа увязла в топи и отклонилась от курса.

Потом появился вертолет. Летчик работал методично, проходил по квадратам с востока на запад, но Джонни построил хижину под деревьями и оставлял мало следов. Может, они заметили поленницу или край плоскодонки, но в этом Джонни сомневался. Где не было воды, там стоял лес, а лес свои секреты скрывает хорошо.

Конечно, Джонни не питал иллюзий относительно итогового результата. Бойд был человеком богатым и влиятельным, а такие люди не тонут, не оставив кругов. Рано или поздно с шерифом придется поговорить, и приятным разговор быть не обещал.

А вот это забавляло.

Группу шерифа Джонни выслеживал три часа. Скрытно наблюдал за их мучениями, готовый, если повернутся в его сторону, исчезнуть без следа. Для них он так и остался бы тенью за деревьями. Но его никто не увидел.

Джек прибыл в полдень, и Джонни почувствовал его секунд за десять до того, как у шерифа пискнула рация.

– Шериф, это Кларк. У нас здесь Джек Кросс, как вы и просили.

Клайн утер ладонью потное лицо, проворчал под нос что-то вроде *самое время* и ткнул пальцем в кнопку.

– Задержите его. Мы идем к вам.

* * *

Для Джека это был кошмар: газетчики и копы, задержание и препровождение к машине, поездка к старой церкви, где его высадили и приказали ждать.

– Ждать чего? – спросил Джек.

Никто не ответил, так что ему не осталось ничего другого, как только стоять, прихлопывать москитов да наблюдать за копами, окружившими стол с картами и рациями. Шерифу, чтобы добраться до места сбора, понадобился еще час, и выглядел он так, словно болото, попробовав на вкус, с отвращением изрыгнуло его обратно. Черная грязь легла пятнами на форме и запеклась на ботинках. Лицо распухло от укусов мошкеры, укулов

колючек и жары.

– Покажи, где его найти. – Шериф схватил Джека за руку и подтолкнул к столу с картами. – Я знаю, что ты бываешь там, а значит, знаешь.

Взятый шерифом уровень агрессии Джека не удивил и из равновесия не выбил. Как-никак он был юристом, другом Джонни и сыном грязного копа.

– Что именно здесь происходит?

– Тебе известно, что Уильям Бойд умер на земле твоего приятеля?

– Да.

– Так вот, именно Джонни его и нашел.

– И вы хотите, чтобы он ответил на ваши вопросы?

– Я задержал его вчера, чтобы допросить. Да только закончить не успел, потому что он сбежал.

Джек посмотрел на людей у стола. Все были злые и раздраженные, и их злость и раздражение передалась Джеку.

– Джонни – подозреваемый?

– С Бойдом у него отношения не сложились.

– Обстоятельство, которое в лучшем случае можно назвать косвенным.

– Ты мне поможешь или нет?

Джек задумался. На поприще юридической практики он был новичком, но, как сын полицейского, прекрасно знал, какими обходными путями могут воспользоваться копы, если дело касается их лично.

А в данном случае так все и выглядело.

– Где сейчас отчим Джонни?

– Делом занимается округ. Участие Клайда Ханта нежелательно, и его никто не звал.

– Он знает, что Джонни ищут?

– Я вас в последний раз спрашиваю, мистер Кросс, а потом разозлюсь всерьез, по-настоящему.

– Если хотите заручиться моей помощью, вам придется выполнить несколько условий.

Лицо шерифа от возмущения даже не покраснело, а побагровело.

– Что?

– Прежде всего я пойду один.

– Нет.

– Второе...

Переговоры длились десять минут, и в результате Джек отправился к Джонни без сопровождающих. На краю поляны он посмотрел на шерифа и повторил главные пункты.

– Если откажется, настаивать не буду.

– Тогда я найду его сам и вытащу оттуда за ногу. Пусть сам выбирает.

– Если пойдете за мной, я уйду.

– У тебя два часа. И никто за тобой не пойдет.

– Если я приведу его, вы будете вежливы...

– Господи.

– Никакого применения силы, никаких наручников. Статус – добровольно сотрудничающий свидетель.

– Ладно. Да.

Джек повернулся к болоту, но остановился.

– И последнее. Я иду туда как его юридический консультант, а не как друг. Все, что он скажет мне, будет под защитой привилегии.

– Чертовы адвокаты...

– Мы поняли друг друга?

– Иди, – повторил шериф. – Убирайся, пока я не передумал.

Джек выждал еще секунду – не ради шерифа, а чтобы привести в порядок себя самого. Даже в качестве профессионального юриста он не был расположен к конфронтации. Более того, он терпеть не мог болото. Чувство было новое, но и здесь, на мягком ее краю, Пустошь ощущалась как нечто враждебное. Всмотриваясь между деревьями, Джек пытался определить, чем именно она другая. Такие же яркие, живые краски, такие же глубокие, густые тени. Должно быть, причина в изменившемся отношении, решил он, в поведении и странном исцелении Джонни, в прогулках во сне, ужасе и полуночном холоде. Этого хватило бы и в ясный, солнечный денек, но теперь в Пустоши случилась смерть, да к тому же не совсем обычная. Относительно того, что именно убило Уильяма Бойда, газеты выражались довольно туманно, но Джек твердо знал: Джонни не убивал.

И что тогда остается?

Вопрос так и сидел в голове, пока Джек шел от развалин старого поселения. Лес здесь был такой густой, что люди исчезли из виду уже через две минуты. Через десять минут ситуация изменилась к худшему. Тропинка вдруг поворачивала там, где должна была идти прямо; вода поблескивала там, где ее не было раньше. Минут через двадцать Джек остановился и огляделся. В хижине Джонни он бывал по меньшей мере раз сто. Проходил по одной и той же тропе, дотрагивался до одних и тех же деревьев. Теперь

все выглядело иначе.

– Совершенно незнакомое место.

Джек медленно повернулся по кругу, но ощущение дезориентации усилилось настолько, что даже дышать стало трудно. Напитанный водой воздух давил. Еще раз внимательно осмотревшись, он выбрал направление, почти не вызывавшее сомнений. Четыре минуты превратились в десять, а потом тропа исчезла, и внутренний голос изрек горькую истину: «*Не так, всё не так*». Но ведь Джонни был где-то там, как было там и то, что убило Уильяма Бойда. Джек потер щеку и нырнул под очередную ветку. Когда что-то маленькое и твердое ударило его в спину, он вздрогнул от неожиданности и едва не вскрикнул. А потом посмотрел под ноги и увидел на сырой земле серый камешек.

– Чтоб тебя...

Джек бессильно опустился на землю и закрыл лицо руками. Может быть, даже заплакал – он и сам не понял. Облегчение смешалось со вспыхнувшей вдруг злостью.

– Ты меня напугал. Господи...

Джонни вышел из-за деревьев, подбрасывая на ладони второй камешек.

– А, не притворяйся.

– Правда. Здесь что-то не так.

– Ты о чем?

– Оглянись, тупица. Я заблудился.

– Не глупи.

Джек покачал головой, но глаз не поднял, стыдясь испуга и пряча мокрые щеки.

– Перестань. Посмотри на меня. – Джонни присел на корточки рядом с другом. Убрал запутавшиеся в волосах листья, стряхнул пыль с одежды. – Извини, если напугал.

Джек не хотел на него смотреть, но Джонни был тем же, что всегда, – Джей-мэн, старый друг.

– Здесь просто легко запутаться. С каждым может случиться. – Джонни взял Джека за руку, потянул, помог встать. – Ну, видишь? И никаких проблем. Ты же миллион раз здесь был.

– Ты меня не слушаешь.

– Та же тропинка, тот же вид...

Джонни протянул руку. И действительно, перед ними широкой гладью разлилась вода, а за ней, вдалеке, виднелся холм с каменистым склоном. В животе у Джека что-то сжалось, заворочалось тошнотворным клубком.

– Это невозможно.
– Ты не заблудился.
– Все было не так...
– Хм...
– Ты ведь даже не представляешь, как это было, а пытаешься меня убедить.

Ничего не понимая, Джек отошел в сторону и сел на поваленную березу с шелушащейся красноватой корой.

Что, черт возьми, происходит?

Джек знал, где хижина. Он уже почти видел ее.

– Говорю тебе, я заблудился.
– Ты все время был на тропе.
– Откуда ты знаешь?
– Ты же здесь, на месте. И не попал бы сюда, если б тебя не привела тропа.

Джек открыл было рот, чтобы возразить, но ведь Джонни был прав. Он пришел куда надо. Он здесь, на знакомом месте.

– Расскажи о копах.

– Что?

– Копы. – Джонни прислонился к соседнему дереву. – Они злые? Недовольные? Как там шериф? Ты видел? С него ж пот градом, да?

– Откуда ты знаешь про шерифа? Ну, про пот.

– Я за ним все утро наблюдал. Ты бы это видел! По пояс в грязи. Шарахался от каких-то прутиков; думал, это змеи.

– Так ты шел за ним?

– Весело было.

– Думаешь, это все игрушки, да? – На мгновение Джек забыл свои страхи и даже вскочил на ноги, сжимая от злости кулаки. – Уильям Бойд мертв. Шериф допускает – пятьдесят на пятьдесят, – что это ты сделал. Зачем его сердить?

– Затем, чтоб пошел в задницу, вот зачем!

Голос вскинулся на гневной ноте, и Джек, словно его толкнули, отступил на шаг. Джонни никогда не кричал. Такого просто не случилось.

– У него двадцать человек, и все тебя ищут.

– Не двадцать, а дюжина. Разве что ты считаешь тех, которые у церкви.

– Боже мой... Да ты и вправду в игрушки играешь.

– Конечно, это игра, и я выигрываю.

Джек посмотрел на друга. Возбужденный. Темные глаза блестят.

– Почему ты так его ненавидишь?

- Я его просто ненавижу, вот и всё.
- Потому что он упек тебя за решетку?
- А ты хоть раз в тюрьме был, а, Джеки? – Джонни выстрелил последний камешек, и тот, отскочив от груди Джека, упал к его ногам. – А с этим старым ублюдком я поговорю, когда сочту нужным.

* * *

В конце концов Джек все же убедил Джонни выйти с болота. Расспросив друга, он составил полную картину: мертвец у ручья, визит к Леону, возвращение с шерифом к телу. Все это заняло некоторое время, и в итоге Джек дал другу лучший из возможных советов:

- Держи рот на замке, пока я не найду адвоката по уголовным делам.
- И это все, что ты имеешь предложить?
- Да, все. Тебе не трепло нужно, а серьезный, с тридцатилетним опытом защитник.

Джонни покачал головой.

- Меня не задержат.
- Не будь так уверен.

Джонни ухмыльнулся, как бывало всегда, и ухмылка у него вышла такая же, как всегда, – уверенная и дерзкая, основанная на непоколебимой убежденности, столь же непонятной и чуждой Джеку, как жизнь на Марсе.

– Ты идешь? – спросил Джонни.

Он уже прошел футов двадцать, а Джек все стоял, погрузившись в тревожные размышления о последствиях. Там, где Джонни полагался на чутье, Джек всегда просчитывал риск. Для этого требовалось более глубокое понимание ситуации, терпение, следование дорогой осторожности и внимания. Джек знал, чего хочет шериф. Это беспокоило его, но Пустошь была сейчас важнее. Так что на обратном пути Джек шел за другом и не спускал глаз с тропинки. Где те сомнительные места, странные повороты?.. Нет, это все полная бессмыслица.

– Смотри, куда идешь.

Джонни указал на королевского аспида под ногами, но даже это показалось Джеку мелочью в сравнении с его недавним приключением.

– Послушай, а тебя это вообще не беспокоит, а, Джей-мэн? Ну, сам знаешь. Что ты здесь один.

– Глупый вопрос.

Неделю назад Джек согласился бы с этим.

– Как думаешь, что убило Бойда?
Джонни остановился и повернулся:
– Скажи-ка еще раз.
– А?
– Ты спросил, что убило Бойда. Не *кто*, а *что*. Почему?
Джек задумчиво опустил голову.
– По правде говоря, я и сам не знаю.
– Точно не знаешь?
– Я же сказал, не знаю.
Джек действительно не знал.
Но теперь, следуя за Джонни, он задумался об этом.
Что убило Уильяма Бойда?
Что?
Нет, вопрос не казался нелепым, не резал слуха.

* * *

Шагнув на твердую землю, Джонни остановился под последними деревьями и скользнул взглядом по поляне.

– Многовато их тут.

Джек, выглянув из-за спины друга, насчитал по меньшей мере пятнадцать полицейских. Некоторые курили, и вид у всех был напряженный. Шериф, опершись обеими руками о стол, изучал расстеленную карту.

– Ты только помни, что я сказал.

– Ждать адвоката. Понял.

– Отступи, я пойду первым.

Джек пошел впереди и в какой-то момент почувствовал себя не в своей тарелке: вести за собой Джонни Мерримона было непривычно. На полпути к старой церкви их заметил шериф.

– Явились со звоном, советник. Еще минута-другая, и я послал бы за вами.

– Сказал, что найду, и, как видите, нашел. – Джек остановился в нескольких шагах от шерифа и собравшихся за его спиной полицейских. – Надеюсь, и вы выполните свое обещание.

Отстранив Джека плечом, Клайн шагнул к Джонни и уперся в него тяжелым взглядом. Джек даже подумал, что, пожалуй, еще не видел ни у кого такой враждебности.

– Заставил ты нас побегать этим утром...

Джонни молча пожал плечами, и шериф прищурился. Грязь у него на форме подсохла, следы от нее остались на лице и руках. Рядом с ним Джонни выглядел свеженьким, как цветок. А еще он почти улыбался.

Вот же дерьмо...

– Ты почему сбежал прошлым вечером?

– Вы вели себя как придурок.

– Я занимался мертвым миллиардером. В таком деле не до нежностей.

– По-моему, дело было не только в этом.

– Не стану лгать тебе, сынок. Я тебя не понимаю и не стану притворяться, что ты мне нравишься. Это не новость для тебя, не сюрприз. Но как только ты ответишь на мои вопросы и сделаешь это в уважительной манере, мы быстренько закроем вопрос. – Шериф повернулся и поднял руку. – Если проедешь со мной в участок...

– Нет.

– Извини? – Шериф дважды моргнул и остался с открытым ртом.

На Джонни это не произвело ни малейшего впечатления.

– Насчет участка речи не было. А поговорить мы можем и здесь.

– Нисколько не сомневаюсь, что тебе это понравилось бы, но я говорю от нас всех. Людям нужно переодеться, и кондиционер лишним не будет.

– Тяжелый выдался денек на болоте?

Шериф напрягся, как и двое возникших у него за спиной помощников, осунувшихся, злых, с искусанными мошкаррой физиономиями.

– За такое, парень, я могу спесь-то сбить...

Джонни указал пальцем.

– Пиявка.

Шериф вскинул руку к шее, нашел пиявку, сорвал и швырнул на землю.

– Сукин сын.

Джонни улыбнулся.

И шериф сбил его с ног.

* * *

С парковки и по коридорам его вели шестеро. Двое держали за руки, двое шли впереди и еще двое сзади. Джонни отбивался, как только мог; он знал, что его ожидает.

– Ничего не говори! – крикнул через толпу Джек. – Шериф, это

неприемлемо! Мой клиент арестован?

Шериф сердито обернулся.

– Вы, советник, свою минуту получите. – Зазвенел зуммер, и вся толпа копов втиснула Джонни в дверной проем. – Но не сейчас.

Хлопнула металлическая дверь, и Джонни остался один в окружении людей в форме, в коридоре, который помнил. Он знал, что Джек расстроился, но шериф никогда не допрашивал Джека, не нависал над ним, не дышал в лицо, не сажал под замок. Джек не знал – и знать не мог, – как сильно все здесь замешено на личном. И, конечно, он не представлял, каким адом может стать одиночная камера для такого человека, как Джонни. А вот шериф представлял. Он сам видел, как Джонни расхаживает по камере, словно зверь в клетке; знал, что он не может ни есть, ни спать. В тот раз только коллапс разорвал круг. Прошла целая неделя, прежде чем Джонни очнулся под капельницей, с канюлей в руке, и медсестра подняла ему веко.

Вы меня слышите?

Знаете, где находитесь?

Шериф стоял рядом и, хотя не улыбался, выглядел довольным. Когда он наклонился над Джонни, от него пахнуло зубной пастой и тоником для волос.

– В тюрьме голодовок не бывает.

– Я не голодал.

– Вот это мне и нужно было от тебя услышать.

– Я поем, – сказал Джонни, и когда подтвердил обещание делом, его вернули в бетонную коробку, где не побегаешь, откуда не видны звезды и где невозможно что-либо чувствовать.

– Комната три.

Получив указание, помощники отвели задержанного, всячески пытавшегося осложнить им выполнение этого задания, в комнату для допросов номер три. Прикрутив наручники к столу, они отступили, а освободившееся место занял шериф.

– Без этого можно было обойтись, – сказал он, имея в виду разбитую губу и царапины на лице Джонни.

– Мы оба знаем, что вы хотели засунуть меня сюда.

– Ну да. Ты – единственный в округе, кто уже пытался однажды убить жертву.

– Я его не убивал.

– Может, нет, а может, да. Мы поговорим об этом, когда я смою болото с лица.

Шериф повернулся к двери, и Джонни улыбнулся ему в спину.

– Пиявка редко присасывается одна. – Он облизал кровь на зубах и сплюнул на пол розовую слюну. – Я бы на вашем месте проверил штаны.

* * *

Именно так шериф и поступил: принял в раздевалке душ и переоделся. Никаких пиявок не обнаружилось.

В коридоре его остановил один из помощников.

– У вас в кабинете Клайд Хант.

– Скажи ему, что мне сейчас некогда.

– Он – дежурный по городу. Его не выгонишь.

– Дело дрянь.

– Вы же знали, что так оно и будет.

– Знал, но думал, что у меня будет больше времени.

– Претензии тому адвокату предъявляйте.

– О'кей, я с этим разберусь.

* * *

Шериф Уиллард Клайн не был плохим человеком – он сам уверял в этом каждого. Не брал взяток, не напивался, не благоволил влиятельным и могущественным. Он выполнял свою работу, как и положено служителю закона, и за это его переизбирали сорок лет подряд. Жители округа Рейвен доверяли Клайну. Считали, что у него хорошая голова. Он и сам так думал, но мальчишка Мерримон действовал ему на нервы.

– Клайд. – Шериф вошел в офис, подняв руки ладонями вверх. – Не надо ничего говорить. Знаю, ты огорчен.

– Он арестован?

– Пока еще нет.

– Тогда я хочу, чтобы его выпустили.

Вздыхнув про себя, шериф обошел вокруг стола. Клайд был хорошим человеком, и сейчас он был, в общем-то, прав.

– Сядь, ладно. Знаю, ты сердисься. Понимаю. Пожалуйста. – Шериф жестом показал на стул, подождал. Клайд был возбужден, но упираться не стал и сел.

– Почему мой пасынок в заключении?

– Дело сложное...
– Достаточно короткой версии.
– История взаимоотношений. – Шериф пожал плечами. – Средства и возможность.

– Отсутствует мотив.
– Я просто хочу поговорить с ним. Ты бы поступил так же на моем месте.

– По словам Джека Кросса, арест произведен с применением насилия.

– Да. – Снова вздох. – Что было, то было.

Взгляд шерифа бродил по комнате, задерживаясь на чем угодно, но избегая Клайда. В душе у него было время остыть, успокоиться, и теперь он понимал, что вел себя не самым достойным образом. Всему виной болото, бессонница и мальчишка... этот чертов мальчишка.

– Он меня достает. Ладно. Признаю.

– Достает тебя? Почему?

Как объяснить, что в Джонни Мерримоне жило что-то неприкасаемое? Он ничего не просил, ничего не брал, ничего не давал. Даже в детские годы в его глазах таилась жестокая неумолимость, неестественная даже во взрослом.

Обида? Негодование?

– Как-то он не так на меня действует, Клайд. Даже объяснить не могу.

– Он сын моей жены. Я знаю его с тринадцати лет.

– Я хочу просто поговорить с ним.

– Так поговори, черт возьми. Но набрасываться втроем и тащить сюда, в наручниках... Если б Джонни не позвонил, ты даже не узнал бы, что Бойд умер.

– А тебе это странным не кажется? Что он вот так взял и нашел тело в этой глуши? Это же не пустыня; там лес, чаща. Ты серьезно думаешь, что твой парень просто шел и наткнулся на мертвеца, причем человека, в которого уже стрелял однажды? Господи, да ведь ты же коп. Сам знаешь.

– Ты привел моего парня, и у него лицо в крови. Вот это я знаю точно.

Шериф потер ладонями лицо. Он был на ногах уже тридцать шесть часов и большую их часть провел на болоте. Так не должно было случиться, но он помнил Джонни мальчишкой с бешеными глазами, в боевой раскраске и с орлиными перьями, взвинченным пацаном с краденым пистолетом в одном кармане и ключами от краденого грузовика в другом. В газетах его провозгласили героем, но он был правонарушителем, прогульщиком и вором – и это еще в детстве. Повзрослев, Джонни отринул все здоровое и праведное. И вот теперь Бойд умер на его земле – будто не

нашел другого места, – и шериф не мог вот так просто позабыть, как Мерримон вел себя в тюрьме. Тогда он едва не протянул ноги в одиночной камере. Впал в кататонический ступор уже на первой неделе. В одиночке такое случается только с теми, кто уже сломлен.

– Я хочу, чтобы его выпустили. Прошу как друга.

Хотя ему и было искренне жаль сидящего напротив коллегу, шериф покачал головой.

– Если отпущу, он тут же исчезнет, а снова лезть в то чертово болото у меня нет ни малейшего желания.

– У тебя нет оснований для ареста. Если вынудишь, позвоню судье. Пойду к окружному прокурору.

– Я уже позвонил ей. – Шериф откинулся на спинку стула; ему самому это не нравилось. – Хочу, чтобы ему предъявили обвинение.

* * *

Окружной прокурор была в суде, так что быстро не получилось. *Три часа.* Информация пришла от шерифа к Ханту, а от Ханта – к Джеку. Окружной прокурор придет через три часа.

– Мне нужно его увидеть. Я адвокат. – Ни голос Джека, ни визитная карточка, которой он постучал в пуленепробиваемое стекло, не произвели впечатления на сидевшего за столом дежурного сержанта. – Адвокат, – медленно повторил Джек на случай, если его не поняли. – Адвокат.

Клайд положил руку ему на плечо.

– Если чего-то хочешь, надо обращаться к кому-то повыше.

– К кому? Все судьи сейчас заняты, да и в любом случае так сразу вмешиваться не станут. Прокурор возьмет сторону шерифа...

– Может быть. Но на ней тоже лежит ответственность. Не думаю, что у них достаточно оснований для ареста.

Джек повернулся спиной к сержанту.

– Вы имеете в виду отсутствие мотива.

– Мотив. Орудие убийства. Насколько я могу судить, никто не знает, как именно и когда умер Бойд.

– Тогда зачем его арестовывать? Почему сейчас?

Хант опустился на пластиковый стул. За спиной – выкрашенная зеленой краской стена из шлакоблоков, под ногами – заляпанный бетонный стол.

– Клайн надеется, что Джонни ляпнет какую-нибудь глупость.

– Я же сказал ему молчать.

Хант грустно улыбнулся.

– И часто он следует твоим советам?

Джек тоже сел. Детектив был прав – Джонни всегда играл по своим правилам.

– Вы можете что-то сделать?

– Тело обнаружено на территории округа, а я – в городской полиции.

– А какие-то другие подходы к прокурору есть? Связи?

Хант покачал головой.

– Я уже позвонил всем, кто мог бы помочь, но Бойд, хотя и умер, был миллиардером. Люди опасаются последствий.

– Мама Джонни знает?

– Она как раз возвращается с побережья. И – да, знает.

– Дерьмово.

– Да. – Хант потер щеку. – Лучше не скажешь.

Они надолго замолчали. Минуты уходили одна за другой, давление нарастало, и Джек наконец поднялся и прошелся туда-сюда. Снова сел.

– От твоей ходьбы легче не станет.

Но остановиться Джек не мог. От передней двери он прошел до пуленепробиваемого стекла, повернулся и обнаружил за стеклом шерифа.

– Кросс.

Клайн произнес его имя одними губами и указал на внутреннюю дверь. Джек пересек комнату и взглянул на Ханта. Дверь загнулась и открылась.

– Джек...

Хант уже поднялся, и на лице у него мелькнуло что-то похожее на отчаяние.

– Я ему рта не дам открыть. – Джек постарался произнести это уверенным тоном, но вышло негромко и неубедительно. Пройдя через открывшуюся дверь и оставшись наедине с шерифом, он начал говорить что-то, но Клайн остановил его жестом.

– Не спешите, советник, а то штаны потеряете. Ваш клиент не пострадал, и ему ничто не грозит. Никто пока ничего не сказал.

Джек последовал за шерифом, старательно делая вид, что молчание – его добровольный выбор. В третьем коридоре Клайн остановился возле металлической двери с окошечком на уровне подбородка. Стекло было армировано проволокой, а за стеклом Джек увидел друга.

– Спасибо, что пропустили.

– Я не любезность вам оказываю, советник. Мистер Мерримон решил

наконец-таки, что ему нужен адвокат.

– А разве два часа назад он вам это не сказал?

– Нет. – Шериф открыл дверь. – Не сказал.

Джек заглянул в камеру и увидел то, что всегда представлял. Металлическая мебель. Бетон. Джонни был в наручниках, пристегнутых к стальному кольцу в центре стола. Он сидел спиной к двери, перед двухсторонним стеклом.

– Сколько у меня времени?

– Это решать окружному прокурору. – Шериф жестом предложил Джеку войти и улыбнулся, будто знал, что у адвоката-новичка никогда не было настоящего клиента, а сам он впервые оказался в тюрьме. – Чувствуйте себя как дома. Микрофон выключен.

В камере пахло бетоном, промышленным очистителем и несвежим потом. Джек подождал, пока дверь закроется, и подошел к столу, на котором лежало неподписанное «Правило Миранды»^[16] и фломастер. Джонни не поднял головы, и Джек сел, шокированный его видом: бледное, серое лицо, темные круги под глазами.

– Джонни?

Его друг выдавил из себя улыбку, но она получилась бледная и болезненная, словно он нашел ее в каком-то забытом, вонючем углу. Ничего настолько неискреннего Джек еще не видел.

– Господи... Что они с тобой сделали?

– Ничего. – Джонни поерзал, и цепь лязгнула. – Спасибо, что пришел.

Джек отвел глаза. Видеть это изнуренное, вытянувшееся лицо он не мог.

– Ты точно в порядке?

– Прежде чем стать лучше, всегда бывает хуже.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего, чувак. Просто разговариваю. – Взгляд Джонни прополз вверх по стене и остановился возле потолка. – Солнце уже село?

– Что?

– Я его не чувствую.

Джек начал паниковать. Он чувствовал себя не в своей тарелке и не видел логики в словах и поведении друга. Не зная, что делать, взглянул на «Правило Миранды». Все графы были заполнены – имя и фамилия, дата.

– Шериф принес. Хотел, чтобы я ее подписал.

– Он задавал тебе какие-нибудь вопросы? Ты говорил что-нибудь?

– Только то, что хочу тебя видеть. – Взгляд Джонни снова ушел к тому же месту под потолком. Джек тоже посмотрел туда, но ничего не увидел. –

Это запад. – Джонни наклонил голову и посмотрел на Джека. – Сколько я здесь?

Джек оставил вопрос без ответа.

– Я разговаривал с юристами. Известными, влиятельными людьми. Платит Клайд, так что не беспокойся – тебя это не тронет. Ты только молчи, пока я не найду кого-нибудь.

– Передай Клайду, пусть побережет деньги.

– Джонни...

– К завтрашнему дню я выйду.

Джек нахмурился.

– Ты не можешь быть в этом уверен.

– Солнце уже село?

– Почему ты спрашиваешь?

Джонни опять поднял взгляд к потолку.

– Не могу определить, село оно или нет.

Глава 14

В должности прокурора округа Рейвен Бонни Басби состояла семь лет. До этого она двадцать лет была помощницей окружного прокурора. Аккуратная, подтянутая в свои пятьдесят, Бонни работала по семьдесят часов в неделю за небольшие деньги или вообще за спасибо. Тем не менее она любила то, что делала, и это чувство не имело отношения ни к политике, ни к власти, ни к удовольствию от борьбы. Эффективное использование этой власти во имя укрепления безопасности добропорядочных жителей округа Рейвен – с ударением на слове *добропорядочных* – вот что приносило ей удовлетворение. Будь на то ее воля, каждый убийца, насильник, пьяный водитель, грязный политикан, продажный коп, грабитель, бандит, вуайерист, поджигатель, каждый пешеход, перешедший улицу на красный свет или бросивший бумажку мимо урны, получал бы полную меру определенного законом наказания. Но об этом оставалось только мечтать. В распоряжении окружного прокурора были шесть помощников, семь юрисконсультов и бюджет.

Еще одной проблемой было время.

Звонок шерифа застиг ее в вестибюле Верховного суда во время последнего перерыва перед заключительными слушаниями по делу об оставлении ребенка в опасности: мать высадила четырехлетнюю дочку из машины за то, что та слишком много разговаривала в салоне, и в наказание оставила на обочине дороги – одну, босую и ревущую в три ручья. К счастью, какой-то ехавший на работу бармен остановился и позвонил в полицию. Девочка могла погибнуть, пропасть без вести, и Бонни не намеревалась терпеть такое безобразие.

Завершающие слушания заняли час. Еще полчаса потребовалось присяжным.

– Позвоните шерифу. – Прокурор поправила папки и посмотрела вслед судебным приставам, уводившим из зала мать девочки. – Скажите, что я буду через пять минут.

За стенами суда ее никто и не заметил бы, пока не столкнулся нос к носу. А столкнувшись, увидел бы только глаза и полнейшую сосредоточенность. При росте чуть больше пяти футов^[17], она шла по коридору с целеустремленностью, которой хватило бы на шестерых окружных прокуроров, следовавших за ней. Перед ней расступались. Знавшие ее уважительно кивали.

В двух кварталах от здания суда Бонни свернула к служебному входу в другое здание, где помещались служба шерифа и окружная тюрьма. Открыть первую дверь ей помогла карточка-ключ. Потом она прошла металлодетектор и расписалась в журнале.

– Где шериф?

Помощник шерифа открыл для нее следующую дверь и повел по коридору вглубь лабиринта. Прокурор знала суть дела и знала Клайда Ханта. Детектив был у нее на хорошем счету. За десять шагов до кабинета шерифа она придавала лицу самое жесткое выражение – и не только в расчете на Клайна. Мало того что на руках у нее был мертвый миллиардер – это само по себе не давало повода для радости, – дело осложнялось еще и причастностью к нему Джонни Мерримона. Десять лет прошло с тех пор, как благодаря ему округ Рейвен, фигурально выражаясь, проявился на карте страны, но ее коллеги до сих воспринимали те события так, словно все произошло вчера: *дикий индеец, воин, маленький вождь*. Не считая стычки с Уильямом Бойдом – эпизода прискорбного, но понятного, – Джонни держался незаметно, и она уважала такое его поведение. Но при этом он все еще оставался своего рода «сомнительной знаменитостью», привлекавшей широкое внимание. Бонни не хотела, чтобы ее городок снова попал на страницы журналов, книг и газет, чтобы его показывали по телевизору и разбирали по косточкам в новостях. Такое внимание она терпеть не могла. Оно только все усложняло.

– Уиллард. – Бонни вошла в кабинет шерифа точно так же, как входила в любой другой, и Клайн вскочил на ноги, словно кукла, которую дернули за веревочку.

– Бонни. Спасибо, что нашла время. Моего заместителя, капитана Ли, ты знаешь.

В службе шерифа Том Ли занимался тяжкими преступлениями. Поднявшись со стула, он радушно улыбнулся и протянул руку. Бонни пожала ее, но от обмена любезностями воздержалась и села по другую сторону стола.

– Мне сказали, здесь Клайд Хант. Он к нам присоединится?

Шериф сел. Капитан Ли тоже.

– Присутствие детектива Ханта было бы неуместным.

– Что ж, справедливо. Введите меня в курс дела.

Шериф изложил события так, как представлял их сам: в линейной последовательности, просто и ясно.

– Он просто не мог *наткнуться* на тело, учитывая размеры болота – тысячи акров.

– Земля принадлежит ему. Естественно предположить, он хорошо ее знает.

– Если б вы побывали там, то знали бы, что кое-где прямая видимость не превышает двадцати шагов.

– Как насчет места происшествия?

– Тело лежало в траве по пояс высотой. Заметить его можно было, только если подойти едва ли не вплотную.

– Бойд нарушил границы владений?

– Он охотился. Как и в прошлый раз.

Черт. Бонни помнила, как все было в прошлый раз. Она сама выступала в качестве обвинителя.

– Итак, это ваша версия? Джонни уже пытался отпугнуть Бойда...

– Обстрел лагеря – факт, говорящий сам за себя.

– И вот Бойд появляется снова, и его убивают. Неплохая версия. Что со свидетелем?

– Джеймс Киркпатрик. Пока еще не заговорил.

– Он в ступоре?

– Так и есть.

– Врачи?

– Определенного мнения, когда придет в себя и придет ли вообще, нет. Считают, что проблема психологического свойства.

– Как так?

– Эмоциональная травма. Что-то там случилось.

Бонни снова нахмурилась. Свидетели подобны золоту, но только если в состоянии общаться. Если принять во внимание все обстоятельства дела... Она покачала головой.

– Как мотив для убийства, это неубедительно.

– Перестань, Бонни...

– Ты действительно думаешь, что он убил бы человека за вторжение на его землю?

– Со стороны Бойда это не первое вторжение. К тому же из-за него Джонни уже отсидел четыре месяца. – Шериф подался вперед и принялся загибать пальцы на руке. – Мотив, может, и слабый, но он есть. Это раз. Смерть случилась на земле Мерримона. Это возможность. Два. – Он согнул второй палец. – У Мерримона есть средства...

– Позволь тебя остановить. Причина смерти установлена?

– Тело сейчас у медэксперта. К завтрашнему дню должны получить предварительные выводы.

– К завтрашнему дню? – Прокурор даже не потрудились скрыть

сомнение, и оно явственно прозвучало в ее голосе. – Это все преждевременно.

– Бонни, послушай...

– Хочешь обвинить Мерримона, не имея заключения о причине смерти? Не смей меня. Даже если ты ошибешься в сущей мелочи, это будет цирк.

– А ты знаешь, сколько звонков мы получили за последние два часа? Репортеры. Инвесторы. Мэр. – Разволновавшись, Клайн оттолкнулся от стола. – Десять минут назад приземлился частный самолет. Ясно, что прилетели менеджеры фонда, юристы и родственники – все, кто рассчитывает на удачу. Вот это цирк так цирк. А завтра будет еще хуже.

Несколько секунд Бонни смотрела на шерифа из-под полуопущенных век. Уилларда Клайна она знала очень давно. Умный мужчина, хороший шериф. Но сейчас он что-то скрывал.

– Я что-то пропустила?

Шериф взглянул на Тома Ли. Капитан пожал плечами.

– Ладно, Бонни. Думаю, Мерримон заговорит, если ты позволишь мне поддержать его здесь.

– Объясни.

– Парень плохо переносит заключение. И это еще мягко сказано. Я не знаю никого, кто чувствовал бы себя за решеткой хуже, чем он. Лишение свободы действует на него и психологически, и физически, как абстиненция, но в тысячу раз сильнее. Чтобы понять, надо увидеть, но это сильно. Сорок восемь часов – и он расколется, как стекляшка.

– Мы говорим о сыне Клайда Ханта.

– О пасынке.

– Неважно. Клайд – один из нас.

– Об этом никто не забывает, но речь идет о мертвом миллиардере. Обычные правила здесь не действуют. – Шериф помолчал. – Люди будут спрашивать, почему Джонни Мерримону еще тогда, в первый раз, не предъявили обвинение в покушении на убийство.

– Бойд сам не хотел, чтобы мы предъявили такое обвинение, – рассердилась прокурор, сдвигаясь к краю стула. – И показания он давать отказался. Ты знаешь это не хуже меня.

– Да, знаю. Но жители округа Рейвен не знают. И уже завтра утром люди начнут задавать вопросы. *Разве это нельзя было предотвратить? Разве ты не могла остановить убийцу?*

– Черт бы тебя побрал, Уиллард...

– Ты сама понимаешь, что так оно и есть. Когда парнишка расстрелял

лагерь Бойда, ты поступила правильно. Пострадавший не захотел давать показания, не хотел суда. Будь Бойд на пляже в Монако, никто не усомнился бы в правильности твоего суждения. Но он не на пляже. Он на столе в морге с объединенным наполовину лицом.

Бонни села поудобнее. Увы, шериф прав. Где деньги, там давление, внимание, ожидания. Разложив «за» и «против», она пришла к выводу, что в любом случае будет выглядеть не лучшим образом.

– Ты в самом деле думаешь, что это сделал парнишка?

– Практически уверен.

– На сто процентов?

Шериф сложил пальцы домиком.

– Он никак не мог найти тело случайно.

Бонни взглянула на часы – начало шестого.

– Можешь поторопить судмедэксперта?

– Вскрытие проводит Трентон Мур. Он, наверное, единственный медэксперт, которого не поторопишь.

– Больно уж все тонко, Уиллард...

– Парень сломается.

Бонни побарабанила пальцами по столу. Она не любила политику, но не могла ее игнорировать. Джонни уже стрелял один раз в Бойда, и вот теперь тот мертв. Признание внесет ясность, и цирк закроется, не начавшись.

– И все-таки этого недостаточно.

– Сорок восемь часов. Он сломается.

Она уже начала отвечать, но остановилась, когда в дверь постучали.

– Говори, – поторопил ее шериф. Стук повторился.

– Извини, Уиллард. – Прокурор поднялась. – Если ничего больше нет, тебе придется его освободить.

– Что значит «больше»?

– Причина смерти. Надежный свидетель. Более убедительный мотив. Чего-то из перечисленного будет достаточно.

– Бонни, подожди, – почти умоляюще произнес, поднимаясь, шериф. И взорвался после третьего стука. – Да что там, черт возьми? Что?

Дверь приоткрылась, и в щелочку Бонни увидела форму и лицо белобрысого помощника с мятой, морщинистой кожей и блекло-голубыми глазами.

– Извините, шериф. Не хотел вам мешать...

– В чем дело?

– Подумал, вы захотите знать. Раз уж здесь окружной прокурор и...

– В чем дело? Выкладывай.

– Ну, здесь Луана Фримантл. – Помощник с извиняющимся видом ткнул большим пальцем за спину. – Говорит, что знает, почему Джонни Мерримон убил того миллиардера, Уильяма Бойда.

* * *

Все переменялось в считанные минуты. Отношение. Язык тела. Как будто накатила волна. Первым ее увидел Джек.

– Что-то случилось. – Он кивнул, и Клайд тоже поднялся. Люди за стеклом негромко переговаривались и поглядывали в их сторону. Никто не улыбался и не смотрел Джеку в глаза. – Что-то не так.

Бонни Басби несла ответ на своих плечах и в морщинах постаревшего лица. В мертвую зону за стеклом она вторглась, словно военный корабль, задержалась на секунду, чтобы сказать шерифу что-то напоследок, и направилась к вестибюлю за металлической дверью. Джек посмотрел на Ханта и увидел на его лице отражение своей тревоги. Тот знал прокурора. И все понял.

– Что? В чем дело?

– Подожди.

Джек ждал, но ожидание давалось тяжело. Пройдя через дверь, она посмотрела на Клайда. Только на Клайда.

– Мы предъявляем Джонни обвинение в убийстве Уильяма Бойда.

– Шутишь.

– Шериф считает, что он может скрыться. Думаю, оснований достаточно. Мне очень жаль.

Джек вздрогнул, как от удара в лицо. Клайд отреагировал так же и замер, открыв рот и глядя на прокурора потухшими глазами.

– Бонни, пожалуйста...

– Я оказываю тебе любезность, сообщая об этом. Больше сказать ничего не могу.

– Это как-то связано с самолетом, только что приземлившимся в окружном аэропорту? – Бонни поджала губы, и Клайд понимающе кивнул. – Ясно. Большие деньги, большое давление...

– Насчет меня ты ошибаешься.

– Политика – чертовски грязный бизнес. Разве я не прав?

Прокурор отвернулась и, наткнувшись взглядом на Джека, посмотрела на него так, словно видела впервые.

- Вы кто?
- Адвокат Джонни.
- Хм...

Этим «хм» она показала, что не принимает его в расчет. Джеку такое высокомерие не понравилось.

– Извини, Клайд. Знаю, он тебе как сын...

– Не *как* сын. Сын. И он этого не сделал бы. – Прокурор снова поджала губы. Рядом с Хантом она казалась совсем крохой. – Помоги мне понять.

Она посмотрела на стекло.

– Сколько мы знаем друг друга?

– Двадцать пять лет.

– За это время ты хоть раз видел, чтобы я лгала, обманывала или играла в грязные игры?

– Мне не следовало так говорить. Нет.

– Тогда скажи мне вот что. Джонни любит свою землю?

– Ты и сама знаешь, что да.

– Сильно любит?

– Сильнее многих.

– Вот в этом-то и проблема. – Бонни посмотрела ему в глаза. – Уильям Бойд пытался отнять ее у него.

* * *

Джеку все виделось логичным. Луана Фримантл бедна. Бойд поддерживал ее апелляцию, обещая, если она выиграет дело, купить землю у нее. И такая покупка обошлась бы ему относительно дешево, намного меньше, чем тридцать миллионов долларов. Сколько она получила бы от него? Десять миллионов? Один? Джонни – редкий глупец, отказавшийся от очень приличных денег за шесть тысяч акров болота и каменистых холмов. И вот здесь сам собой возникает большой вопрос.

Зачем Бойду понадобилась эта земля?

Чем так замечательна эта треклятая Пустошь? Что в ней особенного?

Мысли подхватили Джека и унесли из комнаты с жесткими краями в Пустошь, к кромке воды, где шевелилось что-то холодное.

– Джек, ты меня слышал?

Он моргнул – перед ним стоял Клайд. Прокурор ушла. Они остались одни.

- Извините. Устал.
- Я иду к судмедэксперту. Ты со мной?
- Думаете, он поможет?
- Не знаю, но у меня два часа до возвращения домой матери Джонни.

Хотелось бы к тому времени получить кое-какие ответы.

- Тогда отправляйтесь, а мне надо повидаться с Джонни.
- Не позволяй ему говорить.
- Не позволю.

Однако уходить Клайд не спешил, а стоял, сжав кулаки. Он тоже хотел увидеть Джонни. Джек это чувствовал.

– Передай, что я люблю его, – сказал наконец детектив. – Мы всё поправим.

- Передам.
- И, Джек...
- Да?
- Ты – хороший друг.

Джек кивнул, но Клайд уже отвернулся. Поможет ли чем медэксперт? Может быть. А мать Джонни? Она уже потеряла дочь. Переживет ли потерю еще одного ребенка?

– Сержант. – Джек постучал по стеклу. – Я хотел бы повидать моего клиента.

* * *

Когда Джонни вывели из комнаты для допросов, сознание его уже помутилось. Коридоры превратились в серые туннели, лифт – в черную шахту. Вот туда его и отвели, на самый нижний этаж, в самую глубокую камеру, в тьму, лежащую за тьмой.

- Что с ним такое?
- В прошлый раз было так же. Не парься.

Джонни слышал голоса охранников, но сами охранники были где-то у грани реальности. Мир состоял из бетона и давящей тяжести, жизнь за дверью проступала как стертая гравировка. Джонни слышал дыхание охранников, звяканье наручников, скрип закрывающейся двери. Он стоял, вытянув руки, как слепой, а когда закрыл глаза, почувствовал бетон, камень и... ничего больше.

- Привет.
- Даже голос был серый.

Я знал, что так и будет.

Но там, в теплом свете Пустоши, все представлялось иначе. Там он ощущал движение, вращение земли. Он позабыл, что значит быть погребенным заживо.

– Всего лишь до завтра, – произнес Джонни, и в голове отозвалось эхо:
Завтра...

Печаль...

Секунды уже тянулись часами.

* * *

На сержанта Джек потратил тридцать минут. Повышал голос, устроил сцену. В конце концов вмешаться пришлось шерифу.

– Что вы здесь делаете, советник?

Двигался он тяжело и медленно, с застывшей на лице болезненной гримасой. Не злился, не пытался пугать. У него просто не осталось сил. Джеку было наплевать.

– Вы не имеете права допрашивать моего клиента без моего присутствия.

– Вашего клиента никто не допрашивает. Он в камере, в безопасности.

Такого поворота Джек не ожидал. Он представлял игру в стиле «плохой коп – хороший коп», с сигаретами, яркими лампами и видеозаписями. Но в том-то и дело, что в уголовном праве он разбирался слабо. Джек знал толк в цифрах, и шериф уже понял это.

– Почему бы вам не пойти домой, мистер Кросс? – предложил он тихим, мягким голосом. – У всех нас позади долгий день.

– Мне нужно повидать клиента.

– Я поместил его в охраняемый изолятор.

– Что? Почему?

– Он плохо приспособляется к содержанию под стражей и по этой причине представляет угрозу для себя самого и других.

– Что за ерунда!..

– Тем не менее решения здесь принимаю я. Ваш друг – не единственный мой заключенный.

– Но...

– Вы в таких делах новичок. О'кей. Понимаю. Как ни прискорбно, но такое случается.

Шериф сочувственно положил руку на спину Джеку и направил его к

двери.

– Приходите завтра, ладно? Уверен, вы сможете его повидать.

Любезность погасила пламя. Как гневаться на того, кто повернулся к тебе спиной? Что толку бушевать у закрывшейся тихонько двери? Один, в наступившей тишине, Джек представил друга в камере. Неужели он и вправду представляет опасность для себя самого? Джек так не думал. Но способен ли он угрожать другим? Вот тут основания для беспокойства были. Жизнь покатила не в ту сторону. Жизнь Джонни. И Джека. Джек знал о друге не все. Может быть, он не знал что-то плохое. Что-то, из-за чего стоило тревожиться.

Из ведомства шерифа Джек вышел с тяжелым сердцем. Небо уже потемнело. Прохожих не было. Мимо неспешно проезжали автомобили. Перейдя на другую сторону, он сел в свою машину и проверил поступившие сообщения. Два были от адвокатов, которые могли бы взяться за дело, но хотели обсудить гонорары и обещали позвонить завтра. Трижды звонил помощник из фирмы, один раз – Лесли Грин. Сообщение от нее было короткое, голос низкий, с хрипотцой.

Позвони мне, Джек. Позвони, как только освободишься.

Звонить ей Джек не стал. Лесли, конечно, захочет услышать всю историю, с подробностями. На секунду он представил, что она могла бы предложить взамен, но секунда эта заполнилась как воспоминаниями о бледной коже и ритме движений, так и отвращением к самому себе.

Джек повернул ключ зажигания, развернулся и направился в восточную часть города. Бывать в морге или службе медицинской экспертизы ему не доводилось, но помещались они, как ему представлялось, в подвале старой больницы. Он оказался прав. Следуя указателям, прошел от парковочной площадки к отделению экстренной помощи, потом по коридору и оказался у небольшой, выкрашенной бежевой краской двери. Такое неприятное место и такой безобидный цвет, подумал Джек. Ступеньки уходили дальше, во чрево здания, в еще один коридор с низкими потолками, бетонным полом и тусклым светом. Унылое однообразие сложенных из шлакоблоков стен нарушало единственное окно, за которым виднелись металлические дверцы боксов, где, молчаливые и холодные, лежали тела. Джек и сам проникся их молчанием, пока шел мимо.

Восемнадцать дверец.

Сколько же тел?

Вот потому-то он и держался подальше от уголовного права – слишком уж все реально и неизменно: смерть и заключение, те самые основания

отчаяния, на которых постоянно строятся такие вещи.

Холодильники остались позади, из второй серии окон пролился безжизненный белый свет, и Джек невольно поежился, ощутив прикосновение страха. Висящая над деревянной дверью табличка сообщала, что здесь находится служба медицинской экспертизы округа Рейвен. Переступив порог, Джек обнаружил обычный, как и многие другие, офис. Закрытые двери, каталожные шкафы, рабочие места для секретарей и ассистентов. Единственным отличием был запах. То ли бальзамирующей жидкости, то ли вскрытых органов.

– Привет?

Никто не ответил, хотя повсюду горел свет. Пройдя между столами, Джек обнаружил открытую дверь, которая вела в прихожую, и вторую дверь, за которой виднелись столы, контейнеры, емкости и лампы направленного света.

Но все внимание Джека сосредоточилось на теле.

Оно лежало на металлическом столе: на коже пятна от синяков и грязи, живот вскрыт, часть внутренних органов удалена, часть осталась внутри. На одних весах лежало что-то похожее на печень, на других как будто бы сердце. Пространство за металлическим столом с телом терялось в зеленоватом сумраке, в котором угадывались смутные очертания других столов и какое-то оборудование. Там же, в сумраке, стояли двое мужчин: Хант и Трентон Мур, судмедэксперт. Они спорили.

– Клайд, тебе нельзя здесь находиться...

– Речь идет о моем сыне. Я имею право знать...

Сознание Джека едва регистрировало голоса. Восприятие фиксировало только мясо и кожу, бледную серость раскрытой грудной полости. Срезанную верхушку черепа. Согнутую под неестественным углом руку. Сломанные бедра. Он хотел отвести глаза и не мог.

Господи...

По какой-то почти забытой с детства привычке Джек поднял руку и перекрестился. Никакой тайны жизни на этом столе не было, только мышцы, сухожилия и мясо с прослойками жира. От лица осталось немного.

Он попятился, добрался, держась за стену, до какого-то стола, оперся руками о холодную металлическую поверхность и открыл рот, стараясь не дышать носом, не видеть раздавленных костей и разорванной, пожеванной плоти. Прошло десять секунд. Еще пять.

Успокойся, мысленно приказал себе Джек. Не получилось. Он попал на склон, и склон увлекал его вниз. Сила влечения особенно проявилась по

пути домой: огни, зеркала, темные здания – все сливалось в мутную кляксу. Джек не смог бы объяснить, откуда взялся холод в сердце, но подумал, что это, наверное, самое настоящее из всех чувств, которые он когда-либо испытал.

Изуродованное тело.

Трудные вопросы.

Он взбежал по лестнице, ввалился в квартиру и запер дверь. Мир затих. Минуту или больше он стоял в темноте, потом посмотрел в окно на городскую улицу. Катились, как обычно, машины. Вечер был просто вечером. Джек включил настольную лампу, налил стакан и тут же выпил. Объяснение будет, сказал он себе. Старания и упорство Трентона Мура не пропадут зря, причины смерти Бойда в конце концов откроются и обретут смысл. Так говорил Джек – и сам себе не верил.

Что-то жуткое проснулось и шевелилось в Пустоши.

Он долго старался разубедить себя в этом, но и Джонни тоже был не прав. Джонни врал и что-то скрывал. Поразмыслив, Джек отказался от второго стаканчика и вместо этого позвонил Лесли Грин и попросил ее прийти. Она попользуется им, он попользуется ею, но это нормально. После всего увиденного в морге ему хотелось, чтобы рядом был кто-то мягкий, теплый и настоящий.

Глава 15

Хант проснулся до рассвета, и первым его чувством было облегчение. В постели рядом с ним наконец-то спала мать Джонни, чему детектив был бесконечно рад. Ночь с Кэтрин прошла тяжело. Ее единственный сын обвинялся в убийстве, и Хант не сумел ему помочь. Бурные рыдания и слезы сменились иррациональным гневом.

Она требовала, чтобы муж все уладил.

А он не мог.

С величайшей осторожностью Клайд выбрался из постели. Жене требовался отдых, а ему – спокойное место, чтобы подумать. От этого дня зависело многое. Нужно найти по возможности наилучшего адвоката. Повидаться с Джонни. Собрать деньги. Еще раз поговорить с судмедэкспертом и окружным прокурором. Но самое главное – встретиться с тем, кто выжил, – Джеймсом Киркпатриком. Вопросов много, и самые быстрые ответы на них может дать именно он. Может быть, Киркпатрик что-то знает. Может быть, он – убийца.

Выскользнув тихонько из комнаты, Хант оделся, сварил кофе и вышел с чашкой на переднюю веранду. Улица еще спала. На бледной траве поблескивала роса. Возле калитки ждала газета.

Клайда вовсе не тянуло развернуть ее страницы.

Попивая кофе, он смотрел на белое пятно, раздражавшее своим ненавязчивым присутствием. Газета, завернутая в пластик. Обычное дело. Но полицейские тоже разговаривают, а это означало, что Джонни уже обосновался на первой странице. Хант это знал.

Сделав последний глоток, он вздохнул, спустился с крыльца и прошел по посыпанной белым гравием дорожке к выкрашенной в такой же цвет калитке. Она открылась бесшумно, он наклонился и взял газету, но развернул ее, только вернувшись на кухню. Набранный трехдюймовыми буквами заголовок на первой странице гласил:

**«МАЛЕНЬКИЙ ВОЖДЬ» АРЕСТОВАН
В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ МИЛЛИАРДЕРА.**

Ниже соседствовали одна с другой две фотографии Джонни. Первая, десятилетней давности, прославившая его на всю страну, уже давно обрела культовый статус. На ней Джонни был тринадцатилетним мальчишкой с

лицом, измазанным ягодным соком и золой, кровоточащими царапинами на груди, орлиными перьями и трещоткой гремучей змеи. Он сидел в машине, из которой его вытаскивали взрослые мужчины, и рядом спасенная им девочка.

Тиффани Шор.

Хант помнил.

Вторая фотография показывала Джонни после расстрела им лагеря Уильяма Бойда. На ней у него были те же скулы, черные волосы и непроницаемые глаза. Он не улыбался и выглядел опасным.

– Черт.

Обе фотографии представляли Джонни человеком с поврежденной психикой и способным на все, особенно в свете его первой стычки с Бойдом, – и по этой причине разозлили детектива. Заметка под снимками начиналась со ссылки на ту историю и упоминания окружного прокурора. Авторы задавались вопросом, не были ли пропущены и проигнорированы предупреждающие знаки и – в случае если Джонни Мерримону предъявлены более серьезные, чем в прошлый раз, обвинения – мог ли Уильям Бойд избежать трагической участи. Кроме этого, у репортера не было почти ничего. Но имеющимся материалом он воспользовался умело.

Мертвец на земле Джонни.

Охота на болоте.

Клайд прочитал заметку еще раз, более внимательно. Ни о Луане Фримантл, ни о возможном мотиве не сказано ничего. Репортер оставил место для сомнений, а любое сомнение уже хорошо.

Осторожно, стараясь не шуметь, он вернулся в спальню и, убедившись, что Кэтрин спит, отключил телефоны и задернул все шторы. Понимая, что будет дальше, детектив хотел, чтобы в комнате было сумрачно и тихо. Ждать осталось недолго. Скоро репортеры станут лагерем на улице и начнут обрывать телефоны.

Закрыв на ключ входную дверь, Хант захватил с собой газету.

Первой остановкой на маршруте стала больница, поскольку до нее было ближе всего. Проехав с миллю по обсаженным деревьями улицам, он пересек четырехполосное шоссе и свернул в медицинский район, где в тени высотки, как грибы после дождя, теснились офисы, аптеки и клиники. Оставив машину на парковочной стоянке, детектив прошел по переходу на первый этаж больницы, над приемной, спустился по ступенькам и, предъявив жетон, обратился к круглолицей женщине за столом вишневого дерева.

– Джеймс Киркпатрик. Какая палата? Кто лечащий врач?

Пальцы простучали по клавишам.

– Э... седьмой этаж.

Клайд нахмурился.

– Седьмой? Точно?

– Да. Психиатрическое отделение, охраняемая палата. Доктор Патель. Поблагодарив регистраторшу, он направился к лифту.

Психиатрическое отделение, охраняемая палата...

За Киркпатриком наблюдали из опасения, что он может совершить самоубийство.

* * *

Поиски доктора Пателя заняли пять с половиной минут: тридцать секунд занял подъем на лифте, и пять минут ушло на ожидание у запертой двери.

– Извините. Извините. – Доктор возник у него за спиной с чашкой кофе в одной руке и рогаликом в другой. – Мне сказали, что вы здесь. Этот кафетерий... – Жонглируя чашкой, рогаликом и картой-ключом, он протянул детективу руку. – Виджай Патель. Приятно встретиться.

Хант пожал протянутую руку.

– Не в первый раз. Дело прыгуна.

– Да, да. Точно. Четыре года назад. Подросток. Вы здесь насчет Джеймса Киркпатрика? – Доктор провел карточкой по черной коробочке у двери. Когда замок щелкнул и дверь открылась, он кивнул головой влево и придержал дверь ногой. – Поговорим у меня в офисе. Не против, если я заодно перекушу?

В офисе доктор Патель сел за заваленный бумагами стол и освободил место для чашки и рогалика. Сорок с небольшим, светло-коричневая кожа, легкая седина на висках. На носу – очки в тяжелой оправе. Лоб узкий, подбородок мягкий. Общее впечатление приятное. Выражение лица слегка смущенное. Легкая улыбка. Все соответствовало тому, что детектив уже знал об этом человеке. Патель работал на округ и получал зарплату от округа, но дипломы на стене из Дэвидсонского колледжа, школы Дьюка и Гарварда... Либо благодетель, либо классический неудачник. Хант склонялся к первому.

– Извините за беспорядок. Дочь играет в летней хоккейной лиге. Я у них помощник тренера.

Он произнес это мимоходом, но его слова подтвердили теорию Ханта.

– Мне нужна информация по Джеймсу Киркпатрику. Все, что можете сказать.

Доктор отклонился к спинке стула и поставил ногу на открытый ящик.

– Мне казалось, Киркпатриком занимается служба шерифа.

Хант внес первую поправку в свою оценку. Да, благодетель, но не глупец.

– Читали? – Патель взял со стола газету. На первой странице – фотография Джонни. – Тогда вы знаете, почему я здесь.

– Шериф предупредил меня, что вы можете прийти. Я сочувствую вашей семье. Меня не было здесь, когда погибла сестра Джонни, но я знаю о вашей причастности к тому расследованию и о том, что вы женились на матери мальчика. Мне всегда казалось, что это правильно. Надежда, вырастающая из руин. Возможность начать все с нуля.

– Да, правильно. Было и есть. – Хант помолчал, оценивая настроение сидящего напротив человека. – Шериф сказал вам не разговаривать со мной?

– Он выразился в том смысле, что в моих интересах просто избегать вас.

– Тем не менее мы здесь.

Патель улыбнулся.

– Для меня на первом месте семья – неважно, моя собственная или чья-то еще. Если б моя дочь оказалась в тюрьме, я сделал бы все, возможное и невозможное, чтобы вызволить ее. Итак, детектив, – доктор отпил кофе, – что я могу вам сказать?

– Спасибо, доктор. Ценю ваше отношение. За мистером Киркпатриком ведется наблюдение?

– Да.

– Можете сообщить, на основании чего?

– Мистер Киркпатрик пытался покончить с собой в отделении неотложной помощи.

– Как?

– С помощью скальпеля. Помощник шерифа успел ему помешать.

– Ему дают успокоительное?

– Он в сознании, если вы об этом спрашиваете.

– Мне можно его увидеть?

– Только издалека. Не хочу, чтобы он волновался.

Хант проследовал за Пателем ко второй двери, затем по чисто вымытому коридорчику. Здесь было тише, чем представлял себе детектив.

– Мы останемся в коридоре. – Доктор остановился у двери с

окошечком, через которое Хант успел увидеть кровать и ремни. – Согласны?

Детектив кивнул, и Патель открыл дверь. Киркпатрик лежал на спине, пристегнутый к кровати ремнями, с перевязанной сломанной рукой. Глаза его были открыты, губы шевелились. Каждые несколько секунд щека дергалась от тика.

– Он говорит?

– О смерти своего друга – ничего.

Хант понаблюдал за пациентом еще несколько секунд. Киркпатрик не моргал. Глаза у него были кроваво-красные и влажные. Потрескавшиеся губы постоянно шевелились.

– Давно в таком состоянии?

– Всю ночь.

– Что говорит?

– Это своего рода мольба о прощении, повторение одних и тех же слов. Ничего другого с тех пор, как шериф доставил его сюда, он не произнес.

– О болоте тоже ничего?

– Ничего.

Хант приник к двери. Киркпатрик задергался, конвульсии сотрясли все тело. Голова заметалась по подушке из стороны в сторону. На лице блестели покрытые мазью царапины.

– Что именно он говорит?

– Это невозможно слушать. – Доктор скрестил руки на груди и прислонился к дверному косяку. – Несчастному кажется, что он убил собственную мать.

* * *

Хант задержался еще минут на десять, задавая те же вопросы и получая те же ответы. Нет, пациент не говорил о болоте. Нет, доктор Патель не может сказать, поправится ли он в ближайшее время.

– Представьте хрустальную вазу. А теперь представьте, что она упала с огромной высоты. Может быть, ее удастся собрать, а может быть, и нет. Время и старания – вот что сейчас требуется.

Хант предпринял еще две попытки копнуть глубже, но доктор не знал ничего.

– В физическом плане его состояние удовлетворительное. Все остальное... – Патель развел руками, и Хант лишь разочарованно вздохнул.

– Спасибо, доктор. – Детектив протянул карточку. – Номер моего сотового на обороте. Позвоните, если будут изменения. Любые изменения.

Спустившись на лифте с седьмого этажа на подвальный уровень, Хант прошел знакомыми коридорами в офис судмедэксперта. Дверь была закрыта, свет повсюду погашен.

– Что за черт. – Детектив покрутил ручку, посмотрел на часы. Семь. Слишком рано. Он достал сотовый, набрал домашний номер Трентона Мура. Никто не ответил. Сотовый тоже молчал. – Трентон. Это Клайд Хант. Извини, что так рано. Пожалуйста, позвони, когда сможешь.

Ханту требовалась инсайдерская информация, но он по собственному опыту знал, что ни угрозы, ни просьбы на Трентона Мура не действуют, а поможет он или откажет, это будет решать его совесть. Раньше это качество детективу нравилось, но сейчас он был настроен сотрясать деревья и рушить стены.

Потерпев неудачу с Трентом, Хант позвонил Джеку Кроссу, который ответил после второго гудка.

– Джек? Это Клайд. Можем встретиться?

– Конечно. Где и когда?

– В офисе шерифа. Через двадцать минут. Пора поговорить с Джонни.

* * *

Джек положил трубку и надел пиджак. В любом случае он собирался выйти пораньше. Но было одно затруднение.

– Лесли?

Он постучал в слегка приоткрытую дверь ванной, потом открыл ее пошире, сунул руки в карманы и остановился у раковины. Лесли улыбнулась ему через стекло душевой кабинки.

– Присоединяйся.

Джек покачал головой.

– Мне надо идти.

– Десять минут.

Соблазн был велик. Лесли пришла накануне вечером, и все сложилось вопреки ожиданиям: никакой неловкости, никакого *quid pro quo*^[18]. Она была в джинсах и сапожках, и ее лицо в тусклом свете смягчилось почти в ту же секунду, когда она увидела его. Последовавший за этим ее поцелуй Джек с удовольствием объяснил бы чувством, но в глубине души он знал, что это не так.

В ее лице он прочел тогда жалость.

Следы этой жалости виднелись и сейчас.

– Послушай, Джек. – Лесли завернулась в полотенце. – Бойд мертв, так что партнерам ты больше не нужен. Твое положение уже не такое прочное. Понимаешь? – Джек кивнул, и она подошла ближе. – Ты в тюрьму?

– Встречаюсь с детективом Хантом.

Лесли подняла на него голубые глаза.

– Позвонишь мне потом?

Джек кивнул.

– Насчет вчерашнего вечера...

– Давай не будем об этом.

– Просто... не знаю. Ты была так мила... только зачем?

– Тебя это удивило?

– Да.

– Чтоб ты знал – женщины это умеют. Удивить мужчину.

Лесли поправила ему галстук, разгладила лацканы пиджака. И как Джек ни всматривался, жалости уже не нашел.

– Ты ни разу не спросила меня о Джонни.

– Время было неподходящее.

– Тогда зачем пришла?

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Ты себя недооцениваешь.

* * *

Недооцениваешь. От этой мысли и день казался не таким мрачным. Доверил бы он Лесли свою жизнь? Нет. Но в ее словах прозвучало обещание, нежданная мягкость. Может быть, день еще принесет приятный сюрприз. Может быть, и шериф тоже.

До тюрьмы Джек дошел пешком – всего-то четыре квартала. Утро выдалось на удивление прохладным, небо затягивали тяжелые серые тучи. Он шел пустыми тротуарами, и в витринах отражались окружающая сонная тишь и осевшее низко небо. Чем ближе к тюрьме, тем больше становилось машин. В одном квартале с тюрьмой находились и здание суда, и служба шерифа, и офисы десятка юридических фирм. Патрульные машины, полицейские, люди с портфелями – все это еще не складывалось в знакомую картину, но сама активность ощущалась как нечто естественное:

суд, и тюрьма, и люди, служащие в одном и другом учреждении.

Клайд Хант расхаживал по тротуару возле полицейской машины и, когда Джек подошел, вручил ему кофе и отрывисто поздоровался. Вид у детектива был усталый, свежесбрившееся лицо казалось бледным, покрасневшие глаза выдавали бессонную ночь.

– Новости есть?

– Судмедэксперт еще не пришел, а свидетель... плох. Я разговаривал с тремя ребятами из службы шерифа, но все пока помалкивают. Никто не хочет злить Клайна.

Джек снял крышку с пластикового стаканчика.

– Вы сказали, свидетель «плох»...

Он не договорил, но Хант понял.

– Киркпатрик родом из Западной Вирджинии. Разбогател на угле, успеха добился сам. Жизнь шахтерская нелегка; большинство рабочих уже к тридцати теряют здоровье. Тех, кто поднимается из грязи, кто богатеет, – немного. Может, один на миллион. – Хант поставил стакан на капот. – Что-то случилось там, на болоте, Джек. Что-то такое, что даже у такого сильного парня, как Киркпатрик, не выдержал рассудок.

– Может, трещинка и раньше была, – заметил Джек.

Хант, прищурившись, посмотрел на тюрьму.

– Может быть.

– Может, Киркпатрик и убил.

– Я об этом думал. Шериф не поверит.

– Потому что виноватый у него уже есть.

– Что-то вроде этого.

Джек проследил за взглядом детектива. Тюрьма представляла собой массивное шестиэтажное строение из бетона с укрепленными дверями и узкими щелями-окнами. Рядом с ним даже здание суда выглядело маленьким.

– Посещения только с часа дня.

– Я – полицейский. Ты – его адвокат.

Джек кивнул, радуясь в душе, что он не один, а с Хантом.

– Ладно. Пошли.

В приемной Хант положил оружие в стальной ящик и сообщил дежурному, что хочет увидеть Джонни Мерримона.

– Имя, пожалуйста.

Хант назвал себя и Джека.

– Цель посещения.

– Консультация с клиентом.

Наблюдая за происходящим со стороны, Джек подумал, что происходящее напоминает танец. Хант знал дежурного, дежурный знал Ханта, однако каждый играл предписанную ему роль. Скупой язык тел, сухой тон, короткие, словно оборванные, реплики. Закончилось все неожиданно и плохо.

– Извините, сэр. Посещения сегодня утром запрещены.

– Что? Почему?

– У нас сегодня локдаун. Строгая изоляция. Распоряжение шерифа.

Хант посмотрел на дежурного, потом – в длинный коридор за зарешеченной дверью. Там было тихо, и охранники стояли в расслабленных позах.

– Не верю.

– Прошлой ночью были беспорядки.

– Какие беспорядки?

– Извините, сэр. Никто не входит, никто не выходит. Это все, что я могу сказать. Можете подождать. – Дежурный кивком указал на ряд пластиковых стульев, и Хант начал закипать.

– И сколько, черт возьми, ждать?

– Пока шериф не скажет.

Хант сдержал сердитые слова, но руки у него уже дрожали. Забрав из ящичка оружие, он остановился у выхода и обернулся.

– Ты же понимаешь, что это чушь собачья?

«О чем это он?» – подумал Джек.

– Если объявлен локдаун...

– Нет никакого локдауна. Просто шериф нас не пускает. Старый трюк.

– Зачем ему это?

– Время. Хочет выиграть побольше времени наедине с Джонни.

* * *

Двумя этажами ниже никакого времени не было. Свет то загорался, то гас, но это не имело значения. Джонни смотрел на стену, но едва видел ее. Он дотронулся до пола и ничего не почувствовал. Изоляция давила, тревога нарастала; усиливались головная боль, беспокойство, напряжение в груди. Джонни подтянулся. Ладони скользили по стене. Сердце билось неровно. Он попытался сглотнуть – и не смог вдохнуть.

Ты уже делал это раньше.

Сможешь и сейчас.

Слова бились эхом в голове. Перебирая руками по стене, он прошел от одного угла до другого.

Камера была безжизненной коробкой, дырой, отнявшей у него вещи, которые он любил.

Ничто не вечно.

Ничто не длится всегда.

Он подумал, что это ложь, но в серой зоне прозвучали шаги. Скрипнул металл.

– Готов поговорить?

Джонни сказал себе, что голос принадлежит шерифу. Словно прибор, он то накатывал, то отступал. Джонни обогнул еще один угол и увидел жесткие глаза и старческое лицо.

– Нечего... – Он закашлялся и ощутил во рту вкус рвоты. – Мне нечего сказать.

– Ты не выйдешь отсюда, пока не поговоришь со мной. – Джонни покачнулся. – Давай, сынок, говори. Я тебя не слышу.

Джонни отыскал взглядом лицо и засмеялся.

Говори.

Он уже кричал.

* * *

К тому времени, как шериф пришел в следующий раз, Джонни обошел камеру 967 раз. Он уже посчитал. Шесть шагов, потом четыре. Шесть и четыре.

Пустота.

Гроб.

Когда металл снова скрипнул, Джонни ощутил движение воздуха и вместе с ним – запах пота, кожи и кофе. Он покачнулся. Самый приятный за все время запах и самый на данный момент реальный. Потом металл скрипнул снова, и Джонни остался один в пустоте. Он прикусил язык и уцепился себя. Дрожь прошла по телу. Его трясло и трясло, пока не заболели мышцы, а потом он закрыл глаза и двинулся по периметру камеры.

Тысяча сто раз.

Две тысячи.

В какой-то момент Джонни, сам того не замечая, остановился. А когда очнулся, обнаружил, что все еще стоит на ногах. Сколько насчитал? Он не

помнил, сбился со счета, и это была еще одна потеря.

Джонни снова двинулся вдоль стены, бормоча в тишине.

Один...

* * *

Хант и Джек стояли на тротуаре, когда позвонил судмедэксперт.

– Клайд, это Трентон Мур. Получил твое сообщение.

– Трентон, слава богу... – Детектив кивнул Джеку, стоявшему возле полицейской машины. – Спасибо.

– Не благодари. Дело это не твое, так что детали обсуждать не могу.

Хант сжал пальцами телефон.

– Тогда почему звонишь?

– Потому что знаю тебя пятнадцать лет. Потому что ты просил позвонить.

Хант зажмурился, сжал переносицу и сказал себе, что Трентон – друг и что в такого рода делах есть правила. Сейчас все это было неважно.

– Мне нужно что-то еще.

– Знаю.

– Тогда говори.

Линия повисла паузой. Шорох шин. Далекая музыка.

– В два часа у меня встреча с Бонни и шерифом в офисе окружного прокурора. Тебе бы тоже надо быть там.

– Бонни не согласится.

– Тогда будь там к концу совещания.

– В два часа. Господи, Трентон... Это же полдня.

– Я веду семинар в Чейпел-Хилл. Раньше двух вернуться не смогу.

Детектив посмотрел на бетонную коробку, думая сразу обо всем: шерифе, долгих часах ожидания и мальчишке, который стал ему почти как сын.

– Новости плохие или хорошие? – Снова пауза на линии. – Пятнадцать лет, Трентон. Ты же сам сказал.

Вздых.

– Если это выйдет наружу, я буду все отрицать.

– Ты мне только главное...

– Даешь слово, что будешь молчать?

– Да, Трентон. Ну же... пожалуйста.

Последняя, самая страшная пауза.

– Твой парень убить его не мог. Исключено.

* * *

Закончив разговор и дав отбой, Трентон Мур положил телефон на сиденье рядом с собой. А если серьезно, неужели действительно могут уволить из-за телефонного звонка? Шериф – человек недалекий, прокурор от правил ни на шаг не отступит. Любой из них двоих способен устроить скандал, если кому станет известно об этом фактически серьезном нарушении протокола. Порядок инстанций. Хронологический порядок документации. Концепции не такие уж несхожие.

Дело на первом месте.

Но Клайд Хант больше чем друг. Он – образцовый полицейский, честный мальчик, человек, достойный восхищения. Когда Трентон только прибыл в округ Рейвен – худощавый, близорукий молодой человек, только что из дома, – Хант был одним из немногих, кто не смеялся над его шепелявостью, мягкими манерами и своеобразным чувством юмора. Другие копы отличались разве что грубостью и жестокостью, но не Клайд. Теперь, пятнадцать лет спустя, они были друзьями. Обедали вместе раз в месяц, иногда пили кофе по утрам.

Трентон включил радио, выехал на автостраду и повернул на север.

Ради Клайда он пожертвовал бы многим.

И, может быть, уже пожертвовал.

Прошел еще час, прежде чем Трентон доехал до Чейпел-Хилл и нашел нужное здание на территории медицинского центра университета Северной Каролины. Группа была обычная, ничем не отличающаяся от многих других, но мысли разбегались, и несколько раз он ловил себя на том, что повторяется. На обратном пути Трентон думал о вскрытии, взволновавшем его до потери сна. Он помнил, какой испытал шок, какой ощутил холод и как сидел неподвижно, пытаясь разобраться в своих открытиях. Сколько раз проведенное вскрытие заставляло его усомниться в науке, к которой он относился с почтением и уважением? Сколько раз испытывал суеверный страх? Ответ пришел, тревожный в своей простоте. *Дважды*. Два раза его посещали сомнения в границах рационального мышления. *Два раза за десять лет*.

И оба случая были связаны с Джонни Мерримом.

И болотом.

Вернувшись в город за три минуты до назначенного часа, Трентон

объехал больницу и направился напрямиком к офисам службы окружного прокурора. Через задний вход вошел в пристроенное крыло, поднялся на лифте на третий этаж, нажал в коридоре кнопку интеркома и назвал себя. Его впустили в комнату ожидания с диванчиком и четырьмя стульями. На одном сидел Клайд. Рядом с ним – друг Джонни, Джек.

– Привет, Клайд.

Детектив коротко кивнул, но ничего не сказал и только смотрел прямо перед собой. Позади него, за стеклом, сидела секретарь-регистратор. Взяв пример с Клайда, Трентон, не говоря больше ни слова, прошел мимо, поставил портфель на узкий бортик и через дырочки в пуленепробиваемом сказал:

– Трентон Мортон. К Бонни.

– Она вас ждет. – Звякнул зуммер, металлическая дверь открылась, и Трентон переступил порог службы окружного прокурора округа Рейвен.

– Сюда. – Секретарь провела его мимо каталожных шкафов и крохотных закутков. Люди работали, и никто даже не поднял головы. В конце коридора она постучала в двойную дверь и, не дожидаясь ответа, открыла правую половину. – Трентон Мортон.

Кабинет окружного прокурора был своего рода зеркалом, в котором отражалась женщина, занимавшая его много лет. Тяжелая мебель. Неброские картины. Сидевшая за столом Бонни Басби почти растворялась в темных цветах фона. Сама она была в черном костюме, с черными часами на руке. Настроение соответствовало наряду.

– Вы можете сказать мне, что там, за дверью, ждет Клайд Хант?

Трентон прошел в кабинет.

– Мне тоже приятно вас видеть. Шериф. Капитан Ли.

Он кивнул обоим мужчинам. Никто не улыбнулся.

– Вы сказали ему об этой встрече?

Трентон сел.

– Он знал о встрече?

– Он хотел в ней участвовать.

– Дело касается его сына. Это понятно. – Прокурор попыталась испугать Трентона взглядом, но детство, проведенное шепелявым мальчишкой в Северной Джорджии, оставило ему в наследство врожденное спокойствие. Он улыбнулся и скрестил свои узкие ноги. – Эта встреча у меня сегодня не единственная. Может быть, начнем?

– Хорошо. Раз уж вы герой дня...

Бонни благосклонно кивнула, но не обманула этим жестом никого и, уж конечно, не судмедэксперта. Он раскрыл портфель и положил на стол

копии отчета о вскрытии.

– Токсикологический скрининг займет, понятно, какое-то время, но на мои выводы его результаты не повлияют.

Все трое пробежали глазами отчет. Первым до официального заключения добрался шериф.

– Что за чушь! Вы что, смеетесь надо мной? – Минуты две он вчитывался в отчет, потом швырнул бумаги на стол. – Бред.

Трентон уже наблюдал похожую реакцию, когда какое-то дело вдруг сворачивало в сторону.

– Любой другой судмедэксперт придет к тем же выводам.

Прокурор отложила свою копию отчета и, прищурившись, посмотрела на Трентона.

– А теперь введите меня в курс дела.

Он так и сделал. Прошел по каждой странице, объяснил каждый пункт. Объяснение заняло полчаса и изобиловало техническими деталями. К концу изложения побледнел даже шериф.

– Такого быть не может.

Трентон пожал плечами.

– Тело не лжет.

– И вы уверены, что человек не мог нанести такие повреждения?

– Их не могли нанести и десять человек, тем более голыми руками.

– Объясните.

– Билатеральное смещение конечностей в плечевых и бедренных суставах. Сухожилия не просто растянуты, но порваны. Это потребовало огромной, небывалой силы. – Трентон потряс листками отчета. – Спиральный перелом плечевой и бедренной костей, опять-таки двусторонний. От костей в некоторых местах остались только фрагменты. Семь органов раздавлены, связки порваны, присутствуют внутричерепные кровоизлияния. Оба глаза вдавлены в глазницы, включая и зрительные нервы, которые, как вам известно, лежат глубоко в черепной коробке. Такие повреждения требуют разного вида силы: тяговой, скручивающей, сдавливающей. Причем в некоторых случаях эти силы, похоже, действовали одновременно. Представленные в отчете выводы неопровержимы. Нанести эти повреждения Джонни Мерримон не мог. И никто не мог.

– И что же тогда? – с нескрываемым сарказмом спросил шериф, откидываясь на спинку стула. – Как вы их объясните?

– Извините, шериф. – Трентон посмотрел поочередно на каждого из присутствующих и поднял руки ладонями вверх, выражая тот

трансцендентальный ужас, который испытал только раз в жизни. – Я не уверен, что кто-то способен это сделать.

Глава 16

Пытка началась со скрипа металлической двери, и хотя эта самая дверь в итоге распахнулась настежь, пытка закончилась далеко не сразу и вовсе не так быстро. Джонни увидел ржавчину и шелушащуюся краску, но они остались в дальнем конце длинного полутемного коридора. Звук прошел расстояние еще большее. Губы зашевелились, но слова пришли позже, эхом в туннеле.

– Вставай. Пошли.

Охранники пристегнули поясную цепь и наручники, взяли его за руки и подняли. Ступеньки за дверью вели вверх. Ноги их не чувствовали.

– Долго?

– Что?

Джонни споткнулся, но охранники удержали, не дали упасть. Он попытался еще раз, заранее предполагая, что в ответ услышит «недели».

– Долго я здесь?

– Двадцать семь часов.

Двадцать семь?..

Не может быть. Он провел здесь дни. Много дней. Джонни попытался дотронуться до щек, но охранники такой вольности не допустили.

– Хорош ковыряться. Шагай живей.

Спотыкаясь и волоча ноги, Джонни поднялся по ступенькам. Лифт доставил его из подвала на дополнительный этаж. За это время охранники сняли с него цепь с наручниками и вернули одежду.

– Одевайся. Тебя отпускают.

Джонни словно скользнул во вторую кожу. Одежда пахла тиной, глиной и черной водой, и этот запах был началом. Через два коридора появился свет – настоящий свет, – и ветерок, принесший выхлопные газы и дух раскаленного тротуара. Но и это было только начало. Джонни знал, что ему нужно. Еще одна дверь. Голубое небо. Дом.

В конце последнего коридора путь им преградил шериф. В его взгляде читалось откровенное презрение, и Джонни невольно выпрямился. Наполовину слепой, наполовину глухой – неважно. Животное.

– Шериф.

Сухощавый и подтянутый – 90 процентов жесткие глаза и кривая улыбка, – шериф кивнул охранникам.

– Дайте нам минутку. – Они исчезли, а он окинул Джонни

критическим взглядом, отметил тремор и холодный пот. – Хотел бы я понять тебя. Поможешь мне с этим?

– По-моему, меня выпускают.

– Выпускают, да. Но мне, бывает, нравится воспользоваться таким вот моментом, последними секундами.

– Арестуйте меня снова или отступите в сторону.

Шериф прищурился.

– Ты лжешь мне в чем-то.

– В чем?

– Не знаю.

Через стеклянный квадрат в двери Джонни видел комнату ожидания и за ней намек на открытый воздух.

– О чем ты мне не говоришь?

– Я не видел, как умер Бойд. И не знаю, что его убило.

– Как ты нашел тело?

– Я же говорил...

– Да, да. Ты услышал выстрел и пошел на звук. Мы оба знаем, что это чушь собачья.

– Я выхожу.

– Только не думай, что все кончилось. – Шериф подал знак кому-то невидимому, и стальная дверь щелкнула и открылась. – Вот моя карточка. – Он и впрямь протянул Джонни визитку. – Позвони, когда наберешься смелости поступить правильно.

Джонни убрал карточку в карман и моргнул от яркого света за дверью. Он уже видел стеклянные окошечки и намек на что-то зеленое. Там его ждали Клайд и Джек.

– Прощайте, шериф.

– Вы хоть себя-то не обманывайте, мистер Мерримон. Я уходить не намерен.

А потом все снова смешалось. Крепкие объятия Клайда, рука Джека на плече. Какие-то слова. Но Джонни уже едва держался.

– Домой. Хочу домой.

– Вот и хорошо, – обрадовался Клайд. – Тебя там мать ждет. Беспокойся, так что...

Он говорил что-то еще, но Джонни покачал головой.

– К себе домой. В Пустошь.

– Не глупи...

– Джек, пожалуйста. Отвезешь?

– Да перестань же, сын... – Но Джонни уже не слушал и, заметив

машину Джека, потащился к ней. – Черт. А как же мать?

– Завтра, – бросил Джонни.

– Она ведь тревожится.

– Пообедаем. Обещаю. Джек, открой...

– Не надо, Джек, – предупредил Клайд.

– Извините. – Джек открыл дверцу, и Джонни упал в машину. – У него иногда такое бывает. Я поговорю с ним завтра.

– Что сказать Кэтрин?

– Мне очень жаль, Клайд. – Джек обошел машину спереди. – Правда.

Очень жаль.

Джек сел. Машина качнулась. Джонни прижал ладонь к стеклу, и Клайд ушел назад. Мир за окном смазался, расплылся. Город. Люди. Все замелькало, слилось.

– Мог бы и помягче с ним, – сказал Джек. – Он заслуживает лучшего.

– Не отвлекайся. – Джонни прислонился к стеклу лбом.

– Да что с тобой такое?

– Не сейчас.

– Ты серьезно?

– Завтра, Джек. Всё завтра. И ты тоже.

Джек говорил что-то, но Джонни не слушал. Город закончился, дома убегали назад, и он провожал их взглядом. В миле от Пустоши ощутил первое шевеление, словно пламя в холоде.

– Тормозни.

– Мы же еще не приехали.

– Останови машину.

Джек съехал на обочину.

– Что дальше?

Джонни открыл дверцу.

– Выходишь? – удивился Джек. – Здесь?

Джонни обернулся, посмотрел на город, потом в противоположную сторону. Впереди, примерно в полумиле, дорога отклонялась влево, убегая от проселка, пахнувшего глиной, травой и далекой водой. Он еще не чувствовал этот запах, но знал, что скоро почувствует.

– Дальше я пешком. Спасибо, что подбросил.

– Вот так, да?

– Пока.

– И это всё? Ничего себе...

– Завтра, – сказал Джонни. – В пять часов. Я буду у тебя.

– А как же твои родители?

– Потом к ним. Пообедаем все вместе, вчетвером. – Момент был трудный, потому что Джек хотел быть с другом, а Джонни хотел прогуляться, ощутить, как оно приближается, крепнет. – Договорились?

Джек медленно кивнул, и для Джонни разговор закончился. Он отступил в сторону, ожидая, пока друг развернется на пустом шоссе; потом зашагал сначала по шоссе, а потом по проселку. По пути перелез через одни, затем другие ворота, и вскоре за деревьями мерцающей линией проступил дом. Была ли то галлюцинация или игра воображения, значения не имело. Он переступил эту линию, и Пустошь хлынула в него, заполняя своей сущностью и теплом; и когда внутри согрелось, Джонни припал к земле, словно ребенок-сирота, – и Пустошь, его мать, воскресла.

* * *

Вернувшись в город, Джек отправился в офис. Количество оплачиваемых часов у него сократилось, к тому же он, по всей вероятности, попал в черный список из-за очевидной причастности к смерти Бойда и незапланированной потери потенциального дохода. Некоторые партнеры были людьми вполне рассудительными и справедливыми, другие жили на самолюбии, злости и власти. Такова природа бизнеса, то, что Джек понял ко второму году учебы в школе права. Дипломы, табличка на двери – это до сих пор имело для него значение, потому что он рос безгласным, незаметным, ущербным. Джек любил свою работу по той же причине, по которой любил Джонни: они были единственными, достойными пережить то детство.

– Привет, Сьюзен. – Он с улыбкой поздоровался с помощницей, кивнул коллеге за открытой дверью, но улыбка была притворной, и когда его плеча коснулся проходивший мимо ассистент, Джек вздрогнул. Из углового офиса за ним наблюдали холодные глаза. Укрывшись в офисе, он отгородился от фирмы закрытой дверью. Почему сегодня все ощущается таким бессмысленным, мелким и фальшивым?

Потому что так оно и есть.

Улыбки. Кивки. Если б Джонни убил Уильяма Бойда, ничего этого не было бы. И ведь именно этого люди и ждали. Именно это он видел по пути сюда. Удивление, сожаление, неприязнь. Подозрения подтвердились, когда Джек направился к столу и увидел ежедневную газету с фотографией Джонни и частного самолета под набранным крупным шрифтом заголовком:

СЕМЬЯ МИЛЛИАРДЕРА ПРИБЫВАЕТ В МЕСТНЫЙ АЭРОПОРТ.
ПЕЧАЛЬНО ИЗВЕСТНЫЙ МЕСТНЫЙ ГЕРОЙ ПО-ПРЕЖНЕМУ В
ЗАКЛЮЧЕНИИ.

Возле газеты лежала потрепанная книга, рассказывающая о смерти Алиссы и детстве Джонни. Где-то в ней была и фотография Джека. Загорелое лицо. Изуродованная рука.

Люди не знают...

Они думали, что Джонни все еще в тюрьме. Они считали его лучшего друга убийцей. Конечно, за это Джека не уволили бы – такое решение было бы невыгодно, – но в фирме его сочли бы виновным по ассоциации. На мгновение он застыл на месте, но потом уголек злости полыхнул с новой силой.

– Кто положил это сюда?

Джек распахнул дверь, и все теперь повернулись и смотрели на него.

– Сьюзен? Марк?

Его слышали по меньшей мере человек десять тех, кто сидел достаточно близко, но никто не посмотрел ему в глаза.

– Какие-то проблемы? – Вышедший из соседнего офиса старший помощник выразительно посмотрел на часы. – Как приятно, что вы сегодня с нами.

Джек поднял газету.

– Вы положили ее на мой стол?

– Это газета, мистер Кросс. И она лежит, наверное, почти на всех столах в этом здании.

– Джонни Мерримон – не убийца. Его отпустили сегодня во второй половине дня.

– Нам уж точно нет до этого никакого дела.

Помощник отвернулся, оставив Джека в пузыре тихого гнева. Ни одна голова не поднялась, никто не посмотрел в его сторону. В своем офисе Джек отшвырнул газету, бросил книгу. Сам гнев ощущался как что-то чуждое и странное. Слишком хорошо знакомый с этим чувством еще в детстве, Джек научился контролировать себя, оставаться холодным, не поддаваться горячке и сначала думать, а уже потом реагировать. Право и нравилось ему потому, что шло от ума, интеллекта и предполагало контроль.

Но как раз контроля Джеку и не доставало.

Подгоняемый эмоциями, он прошагал от двери к окну и обратно, и тут его догнало наконец остужающее, как туман, осознание того, что сидит в

нем и двигает им не гнев, а страх.

Страх потерять друга.

Выбрав наугад несколько файлов, Джек вышел из офиса и остановился у стола помощницы.

– Сегодня я буду работать дома. Если понадобится, позвоните.

– Да, сэр. – Молодая женщина кивнула, и Джек повернулся. – О... Извините, сэр. Сообщения.

Она протянула стопку листков, и Джек молча взял их. Из вестибюля он вышел на тротуар и повернул к дому. На улице было жарко, и даже машины двигались еле-еле. В одной из них, «Эскалейде», Джек заметил двух мужчин, которые смотрели на него, но не придавал этому значения. Может быть, их привлекла его больная рука, может быть, быстрая походка. Поворот вправо... кондоминиумы... местный банк. Еще два квартала и поворот влево. Джек проскользнул в дверь позади булочной и протопал по узким ступенькам на третий этаж. У себя в квартире, за тяжелой дверью, разделся, освежился, побрызгав водой на лицо, и сел в полумраке, за завешенными шторами.

Неужели я и впрямь теряю друга?

Джонни нравилось секретничать – это правда. Он всегда был сдержаннее, тише и молчаливее других. Но и секреты были мельче. Что чувствовал. Чего хотел. Даже мальчишкой Джонни редко спрашивал разрешения и искал понимания, и это качество добавляло ему опасной притягательности. Джеку нравилось представлять себя и Джонни парой героев: двое против остального мира. Но теперь секреты стали мрачнее и опаснее.

Джек сел за стол, пересмотрел листки с сообщениями, которые принес из офиса, отметил номера других адвокатов, секретаря суда, Лесли. Дважды попалося незнакомое имя с приложенной запиской от помощницы: *На: Джонни Мэрримон*. Джек задумался ненадолго, потом выбросил листки. Алиссу нашли десять лет назад, и, как всегда, приближение годовщины привлекало сумасшедших, журналистов и повернутых фанатов. Планировалось и новое издание книги, и демонстрация документального фильма по телевидению.

Ни к первому, ни ко второму Джек не хотел иметь никакого отношения.

Решив спасти хотя бы часть дня, он открыл первую папку и приступил к работе с финансовыми отчетами, кредитными историями и справками об обслуживании долга. Клиент оказался непростой, с множеством дочерних компаний и десятками счетов в различных учреждениях. Работа требовала

времени, но ряды цифр и стук клавиш действовали успокаивающе. Джек выстраивал порядок из хаоса, делал заметки, прокладывал путь. Итоги предварительных соображений для исполнительного директора он изложил на четырех страницах, после чего перешел к следующему файлу.

Поднявшись наконец из-за стола, Джек обнаружил, что прошло уже несколько часов. Он проверил табель учета рабочего времени, произвел расчет: 5,2 часа. Желудок подавал сигналы, требуя внимания к себе.

Джек потянулся, достал из холодильника пиво и развел шторы, успев захватить остаток дня. Было начало девятого. На город спустились сумерки. Глядя на ресторан по другую сторону улицы, он неторопливо потягивал пиво. Меркнул свет, небо багровело, наступило то время суток, которое Джек всегда любил: слишком темное, чтобы назвать его днем, и слишком теплое для ночи. Машины внизу проезжали с включенными фарами, одна, потом другая. Наблюдая за ними, он вдруг увидел прижавшийся к бордюру «Эскалейд», тот самый, что попался ему на глаза раньше, по пути домой из офиса. Странно. Зачем парковаться сначала возле фирмы, а потом в четырех кварталах от нее? Интересно, есть ли кто-нибудь внутри? Минуту или две Джек наблюдал за машиной, но багровый свет – это багровый свет. И совсем скоро он стал черным.

* * *

На следующий день была суббота, но Джек все равно отправился в офис в 6 часов утра, как в обычный день. В правой руке он держал портфель, под левой – сложенную утреннюю газету. Утро выдалось серым и прохладным, что добавляло легкости шагу и бодрости духу.

В офисе Джек открыл дверь ключом и поднялся на лифте. На столе лежало еще одно сообщение относительно Джонни с того же, что и накануне, номера. Звонивший назвался Питером Дрекселем, а номер, по которому предлагалось перезвонить, был нью-йоркский. Само имя ничего Джеку не говорило, а недолгие поиски в онлайн выявили некоего нью-йоркского редактора с таким же именем. Джек причислял редакторов к одной команде с репортерами и телепродюсерами, так что отвечать на сообщение не стал, а закрыл дверь и проработал до половины третьего.

Порядок, старание, оплачиваемые часы.

Работа успокаивала, но в двух разных случаях Джек ловил себя на том, что тихонько насвистывает. Означало ли это, что он человек недобрый и злорадный? Определенного ответа у него не было.

Отложив последний файл, Джек забросил ноги на стол и еще раз прочел заметку на первой странице.

МЕРРИМОН ОСВОБОЖДЕН БЕЗ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ.

Нет, здесь не было хвалебных речей в адрес Джонни – репортер отдавал предпочтение нюансам, фразам вроде *пользующийся дурной славой землевладелец* и *отшельническое уединение*, – но окружной прокурор принесла развернутые, пусть и политические, извинения, суть которых сводилась к следующему: Джонни – свободный человек, и это всем известно.

Выключив свет, Джек прошелся взглядом по пустым столам и офисам. На этаже работало несколько человек, но его это не смутило. Продолжая насвистывать, он вошел в соседний офис, положил газету на стол старшего ассоциата и уже почти вышел, но вернулся и подровнял уголки. А потом еще и включил лампу.

Теперь Джек был свободен. Первым делом он позвонил Клайду – подтвердить, что Джонни действительно собирается в город.

– У меня он будет в пять. К вам я привезу его в шесть.

– Думаешь, он на самом деле придет?

– Я об этом позабочусь, – пообещал Джек. – Передайте Кэтрин, что вино за мной.

К тому времени Джек уже вышел из здания и находился в квартале от своей любимой кулинарии. Заманчивой перспективой представлялся поздний ланч, но, с другой стороны, уже недолго оставалось до обеда, и к тому же встречи с Лесли заставили его вспомнить о дополнительной, недавно проколотой дырочке на ремне. В итоге он решил пройтись пешком до винного магазина в шести кварталах к востоку.

Домой Джек вернулся к четырем, немного запыхавшись. Приняв душ, надел легкий костюм из сирсакера и розовый галстук-бабочку. Ради Джонни можно не стараться, но Кэтрин Мерримон занимала в сердце Джека особое место. Когда его мать окончательно уступила мстительности, злобе и религиозному рвению заклинателя змей, Кэтрин, несмотря на свою потерю, заполнила возникшую пустоту. Она держала его за руку темными ночами, убеждала пойти в колледж, а потом – в школу права, воспользоваться шансом на будущее. Розовый был ее любимым цветом.

Следующие полчаса Джек метался по квартире в поисках подарочного пакета и папиросной бумаги, чтобы завернуть бутылку. Кэтрин

предпочитала красное, но куплено было также и белое. В 4:59 он налил себе ледяного чая. Минутой позже в дверь позвонили. Джек открыл дверь и, ошеломленный, попятился.

– Господи... Как... Ты выглядишь... вот дерьмо.

Он и сам не знал, что ожидал увидеть. Усталые желтоватые глаза. Темные круги. При их последней встрече Джонни выглядел анемичным, как после долгой болезни. Теперь же... Теперь он просто светился.

– «Вудфорд резерв» – тебе. – Джонни поднял бутылку и переступил порог. Джек послушно взял бурбон.

– Какого черта, дружище?

– Что?

Джек поставил бутылку на стол.

– Ты так выглядишь, будто два месяца в кризисе отдыхал.

– Ванна... целый день вдали от тюрьмы. – Джонни ткнул пальцем в бутылку. – Откроешь?

– А?.. Да, да. Конечно.

Согласился Джек лишь потому, что хотел выиграть время. Пройдя на кухню, он насыпал в стаканы кубики льда, налил бурбон и вернулся в комнату. Джонни так и не сел.

– Поднимемся на крышу?

– Жарко.

– Там есть тень.

Джонни вышел первым, Джек за ним. В тени соседнего здания они нашли местечко у парапетной стены. Друзья чокнулись, и Джонни предложил тост.

– За судмедэксперта округа Рейвен.

Он выпил. Джек пить не стал. Кое-что ему не нравилось.

– Как ты узнал?

Джонни сделал еще глоток и усмехнулся.

– Точно так же, как объяснил шерифу. Услышал выстрел, нашел тело. – Джек покачал головой, но Джонни словно и не заметил. – Знаю, обнаружить стрелка по единственному выстрелу на расстоянии в три мили...

– Невозможно.

Глаза Джонни блеснули над краем стакана.

– Возможно, если знаешь местность.

– Я даже не об этом спрашивал.

– Тогда о чем?

– Когда я пришел за тобой на болото, ты совсем не беспокоился из-за

того, что тебя могут задержать, что тебе могут предъявить обвинение. Сказал, что выйдешь на следующий день. Как ты узнал, что шерифу придется тебя освободить?

– Я посмотрел на тело...

– И что? Посмотрел и все узнал? Вот так просто? – Голос Джека зазвучал громче, чем ему хотелось бы. – Посмотрел на труп и понял, что никто не признает тебя способным на убийство?

– Ну да, что-то вроде этого.

– И все-таки?

– Много не сходилось. Сломанные кости. Повреждения. Ничего этого я не смог бы.

Джек отвернулся. На крыше здания по другую сторону улицы растянулись желтые огоньки.

– И тебя не беспокоит, что человек так пострадал?

– Это дикая природа. В дикой природе люди иногда умирают.

– Да, умирают. От случайного выстрела, болезни, по неосторожности. Уильям Бойд умер не от голода. И никакой зверь на него не нападал. И ни в какую яму он не сваливался.

– На самом деле мы не знаем, что случилось. Ведь так?

– Ты видел отчет о вскрытии?

– А ты?

Джек поставил стакан на стену и обеими руками ухватился за теплый бетон. Джонни стоял рядом в расслабленной позе. Как ни в чем ни бывало. Джека это бесило.

– Здесь что-то не то. Говорю тебе. У меня плохое предчувствие.

– У меня никакого предчувствия нет.

– Больно уж оно тебе нравится, это болото.

– Ерунду ты говоришь.

– Тогда объясни мне все попроще, как ребенку. Расскажи, как нашел тело. Нет, серьезно. Почему оно так тебе понравилось, это место? И как ты все узнал?

Молчание затянулось. Вечер выдался мягкий и нежный, едва шевелился ленивый ветерок. Джонни наконец заговорил, но настороженность в его глазах осталась, и голос прозвучал слишком спокойно и тихо.

– Думаю, нам пора идти.

– Еще рано.

– Значит, пойдем рано. – Джонни взмахнул рукой, и нарастающие кубики льда улетели в переулок.

– Seriously? Вот так, да?

Промчавшийся между ними ветерок будто дохнул холодом, но уже в следующую секунду Джонни обхватил Джека за шею и привлек к себе.

– Знаешь, ты бываешь редкостным занудой. – Джек промолчал, и Джонни, словно что-то поняв, кивнул и усмехнулся. – Я тебя когда-нибудь подводил?

– Нет.

– Обещал и не выполнял?

– Нет. И ты знаешь это не хуже меня.

– Ну так идем. – Джонни еще стиснул друга и рассмеялся. – Веселей. Я знаю, что делаю.

Еще день назад Джек поддался бы этому настроению, сильной руке и смеху друга, жару нагретой крыши и общей памяти. Он бы тоже рассмеялся и сказал: «Время у нас есть, давай выпьем еще по одной». Они бы выпили – и не по одной, – смакуя каждый глоток, а потом отправились обедать, свободные от сомнений, молодые, уверенно идущие по миру. Этого хотел бы Джек, и это было бы для него самым дорогим, кроме, разве что, воздуха в легких. Сколько он помнил, они всегда были лучшими друзьями, более близкими, чем братья. Мысль эта поддерживала его, пока они спускались из квартиры на улицу. Джонни был всегда, и всегда оставалось неизменным. Тот мальчишка, что еще жил в нем, хотел в это верить, но мужчина, которым он стал, знал лучше. Смех друга звучал фальшиво, и вечер будет таким же.

Ни Джек, ни Джонни не заметили «Эскалейд» на другой стороне улицы.

Глава 17

На первый взгляд обед удался, все прошло замечательно. Жара к вечеру спала, и стол накрыли в саду, в окружении кустов гортензии, степной розы и барвинка. Тихое, хорошо знакомое место; компания, в которой каждый любит каждого. Отчим, мать, друг – различия значили так мало... Вот только Джек держался тихо, и Джонни старался по возможности не выпускать его из виду. Лицо друга он знал не хуже, чем свое собственное: неуверенная улыбка, восхищение в глазах, когда он смотрел на мать Джонни. Они так долго были одной семьей, что взгляды стали чем-то вроде языка и молчание редко бывало неловким.

На этот раз Джек как будто настроился исключительно на Джонни. Когда тот начинал говорить, Джек принимался рассматривать деревья. Когда разговор заходил о Пустоши, он, извинившись, покидал компанию. И по-настоящему оживился только однажды, когда Кэтрин поинтересовалась, как сын провел время в тюрьме.

– Ужасно, да?

Джонни взял ее за руку.

– Как прогулка по парку.

– Чушь. – Джек тут же прикрылся салфеткой, но слово вылетело, и его услышали все.

– Извини, что? – повернулась к нему Кэтрин.

– Ничего. Извините.

Джек вышел из-за стола во второй раз, и Джонни, словно ощутив бремя еще одного молчания, пожал плечами.

– Расстроен из-за меня. Извините.

Кэтрин обеспокоенно посмотрела вслед Джеку.

– Вы поссорились?

– Ну, это слишком сильное слово.

– Что ж, ты здесь. – Она коснулась его руки. Закатный свет сада добавлял ей красоты. – Для меня это самое главное.

– За что и выпьем. – Джонни поднял стакан, но градус настроения уже упал. Разговор перешел на Уильяма Бойда и *того беднягу в больнице*, как выразилась Кэтрин.

– Сочувствую его семье. Они, должно быть, до смерти обеспокоены.

Последовавшие за этим секунды захватили внимание Джонни: Клайд мягко коснулся ее шеи костяшками пальцев и наклонился ближе, как будто

лишь тепло могло спасти потерянную ею улыбку. Любовь... То была любовь в чистейшем ее виде, и Джонни понимал эту силу.

– Мне нужно домой.

– Думала, ты останешься на ночь.

Джонни поднялся и поцеловал ее в щеку. У нее – своя любовь. У него – своя.

– Передадите Джеку мое «пока»?

– Конечно.

– Спасибо за обед.

Джонни кивнул сидящему рядом с матерью Ханту, вышел через садовую калитку и свернул в переулок, где оставил свой грузовичок. Несколько секунд постоял, наблюдая за стайкой дымчатых иглохвостов, заложивших крутой вираж и вихрем пронесшихся над крышами и верхушками деревьев. Все было таким знакомым: упругое биение крыл, пронзительный щебет. В любой момент они могли нырнуть в одну из поднимавшихся на фоне неба старых печных труб, и Джонни пытался угадать, в которую именно. В Пустоши он знал каждое дуплистое дерево, но в городе его одолевали сомнения.

Вот так он стоял и ждал, и когда свет прояснился, стайка снова развернулась, спикировала и исчезла.

Третья труба слева.

Старое викторианское здание.

Повернув ключ зажигания, Джонни опустил стекла на обоих окнах и поехал домой. Маршрут хорошо знакомый, и рулевое колесо крутилось под рукой, словно руководствуясь собственными соображениями. Исторический квартал. Здание суда. Старая улица, застроенная кирпичными домами и ведущая к железнодорожным путям. Поначалу Джонни пребывал в состоянии довольства собой и миром, но мысли о Джеке с его вспышками раздражения нагнали темных туч. Радости не было ни в растворяющемся в сумерках городе, ни в первой яркой звезде.

Джек хотел получить ответы.

Джонни хотел, чтобы все осталось без перемен.

Значило ли это, что у него не было своих вопросов? Да нет, черт возьми. Вопросы у Джонни были. Сотни. Рискнет ли он жизнью ради того лишь, чтобы найти ответы? Из всех вопросов этот был простейший, а ответ на него – еще проще.

Ни в коем случае.

Ни за что на свете.

Он понимал, что это значит, но не придавал значения. То, чем он

владел, было безупречным, идеальным и чистым. Снова и снова Джонни возвращался к этим словам.

Чистота. Совершенство. Безупречность. Они означали одно и то же, с языка скатывались вот этой троицей.

Его жизнь была магией.

Магия – это прекрасно.

Город у него за спиной погрузился в темноту, и Джонни постучал пальцами по рулю. Джек слишком поддается беспокойству. Такая уж у него натура.

Перемен быть не должно.

Джонни повертел эту мысль так и этак. Чем дальше от города, тем меньше оставалось от злости и раздражения. Он миновал заброшенную ферму и заросший травой проселок.

Вдали уже темнела Пустошь.

Джонни чувствовал ее.

Проехав еще три мили, он увидел далеко позади свет фар. Две яркие точки быстро приближались и в какой-то момент вспыхнули, будто взорвались. Джонни заслонила ладонью глаза.

– Какого черта?

Преследующий его автомобиль висел в десяти футах от заднего бампера грузовика. Фары били в упор. Джонни заметил блеск хрома. Что-то большое. Он бросил взгляд на спидометр – 62 мили в час. Выжать из себя больше старичок не мог. Джонни махнул рукой, но преследователь обгонять не собирался. Сначала он отстал, потом резко рванул вперед – двадцать футов, пять...

Джонни прибавил до 68, потом до 70.

Колесо соскочило с дороги, и руль дернулся в руках, словно взбрыкнувшая лошадка. До следующего поворота оставалось полмили – последний участок с твердым покрытием до съезда на проселок, который вел уже к самому его дому. Джонни вел машину строго по прямой, не сводя глаз с дороги в ожидании поворота и чувствуя, что грузовичок начинает не выдерживать взятой скорости. От прокладок поднимался дымок. На прямом отрезке Джонни добавил газу, но огни не отставали. Пять футов... меньше... Злость, чистая и холодная, заполняла его, вытесняя все остальное. Нога сдвинулась на педаль тормоза, но толчок случился раньше. Получив удар сзади, грузовик прыгнул вперед, и его повело влево. Джонни попытался удержать машину, взвизгнули покрышки, но за первым тараном последовал второй, а третий уже не понадобился. Дернувшись вправо, потом влево, грузовик накренился и покатился в кювет. Джонни врезался

головой сначала в приборную панель, потом в заднее стекло. Все гроыхало, трещало и кувырчалось. Мелькнул свет, гравий, черные деревья... Наконец грузовик остановился. Он лежал на боку с вдавленной крышей и разбитым стеклом. В наступившей внезапно тишине слышалось только негромкое «тик-тик-тик». На панели мигнул и погас единственный огонек.

– У-у-у... Господи...

Джонни потрогал лицо и посмотрел на пальцы. Заметив кровь, ощупал голову. Нашел кровотокащую рану, скользкий потек на правой щеке.

– Где?..

Он поднял голову, поискал глазами обидчика и обнаружил застывший на дороге массивный черный внедорожник. Мотор работал на холостом ходу, включенные на дальний свет фары вырезали над пустым полем два одинаковых паза. Некоторое время Джонни только наблюдал, стараясь держать голову прямо. Не получилось.

Почему?

Внедорожник оставался на месте, пока Джонни не расстегнул ремень безопасности и вывалился из кабины через открытую дверь. Плохо слушалась нога, кружилась голова. Захрустело под колесами стекло. Джонни ухватился за руль и дверцу, подтянулся. Внедорожник подъехал к самому краю и остановился в десяти футах от опрокинувшегося грузовика. «Пьяные идиоты, – подумал Джонни, – будут теперь извиняться». Иллюзия развеялась, как только открылись дверцы, и в темноте, за светом фар, возникли фигуры. Еще секунда, и они шагнули в направлении Джонни, а он увидел у них в руках топорщица. Первый, водитель, держал свой низко, у ноги; второй сжимал обеими руками.

– Парни...

Джонни попытался говорить обычным, нормальным тоном, но голос подвел, сорвался. Он сморгнул кровь с ресниц, поискал взглядом какое-нибудь оружие, но ничего подходящего не увидел.

– Ты – Джонни Мерримон, – сказал водитель, делая еще шаг и закрывая собой одну из фар. Джонни успел заметить, что внедорожник – это «Эскалейд» с номерами Западной Вирджинии. Второй, пассажир, тоже вступил в полосу света. Оба молодые, около тридцати, сухощавые, настроены серьезно.

Джонни прохромал к смятому капоту.

– Может быть.

– Я и не спрашивал. Ты – Джонни Мерримон. Вчера ты сидел в тюрьме за убийство Уильяма Бойда.

– Что вы хотите?

Они подошли еще ближе.

– Для начала, – сказал водитель, – я хочу, чтобы ты внимательно меня выслушал.

Джонни увидел только замах, а потом в глазах потемнело. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на земле, и голова гудит от боли. Джонни попытался перекатиться на бок и получил ботинкам по ребрам. Одно сломалось. Он почувствовал это и растопырил пальцы, чтобы опереться на ладонь и подняться.

– Рано.

Сначала раздался голос, потом посыпались удары. Первый раздробил кисть. Остальные шесть пришлись по почкам, плечам, затылку. Мир снова утонул во тьме, из которой Джонни выбрался вместе с болью. Болело все, начиная с головы. Водитель опустил на корточки.

– Теперь ты готов внимательно меня выслушать?

Джонни закашлялся, сплюнул кровь. У незнакомца были щетинистые волосы, сплюснутый нос, широко расставленные глаза. Под линиями джинсами – туфли со стальными носами, на запястье – золотой «Ролекс».

– Ты кто такой?

– Меня зовут Джеймс Киркпатрик. Ты отправил в больницу моего отца. Я хочу знать, что ты сделал с ним.

– Твой отец... – Джонни снова закашлялся. – Я не знаю твоего отца.

– Здесь у нас правила простые. Ты мне врешь – тебе больно.

Он кивнул своему приятелю. Рукоять топора коротко свистнула, и коленная чашечка Джонни раскололась, как дыня. Он закричал и, как ни старался, долго не мог остановиться.

– Что ты с ним сделал? – Водитель был настойчив, но терпелив и, не дождавшись ответа, продолжил: – Крепче его я никого не знаю, а сейчас он ходит под себя и пугается тени. Что ты с ним сделал?

– Ничего, – прохрипел в землю Джонни. – Я ничего ему не сделал.

Киркпатрик снова кивнул спутнику, и тот снова принялся за работу: сломал Джонни руку, не оставил живого места на спине и ногах.

– Господи, – простонал Джонни, придя в себя после очередной отключки, и подтянул к груди сломанную руку.

– Что ты сделал с моим отцом?

– Шериф...

– Что? – Киркпатрик наклонился.

– Меня отпустил шериф. – Джонни едва ворочал языком. – Я ничего ему не сделал. Шериф отпустил...

– Думаешь, я ничего не знаю о продажных шерифах? Мы владеем угольными шахтами; значит, владеем и шерифами. – Он схватил Джонни за волосы. – Ты, возможно, не понимаешь, каким вырастил меня отец. Я уничтожал профсоюзы и ломал шахтеров, если кто-то не хотел меня понимать. И я имею в виду шахтеров Западной Вирджинии, крепких парней. Я запугивал репортеров и политиков, и мне это сходило с рук. Однажды я убил шантажиста, и никто даже не догадывается, что он исчез. Думаешь, я не убью тебя? Итак, спрашиваю еще раз: что ты сделал с моим отцом?

Джонни видел ненависть в его глазах, чувствовал его дыхание. Он хотел найти выход, но предложить мог только правду.

– Я не знаю твоего отца.

– Не говори так.

Он ткнул Джонни лицом в землю, но тот уже наметил курс.

– Я не знаю твоего отца... не знаю... не знаю...

– Неужели?

Джонни ослабился и сплюнул кровь на ботинок Киркпатрика. Вот когда стало совсем плохо. Его били вдвоем. Двое до смерти рассерженных мужчин. Он свернулся, как мог, но они били и били, а потом откатили в кусты грузовик и вернулись к тому месту, где он умирал.

– Сдох?

На грудь наступили ногой, и между зубов запузырилась кровь.

– Не знаю. Может, и сдох.

– Уберем с глаз долой.

– Положим в машину?

– Нет. Оттащим дальше. – Его перетащили через кювет, и пока волокли, Джонни кричал и кричал. Безмолвно. Внутри себя. – Давай. Еще немного. – Камни рвали кожу. Лес сомкнулся, словно черная перчатка. Они волокли его еще долго и наконец остановились. – Вот так хорошо. Оставим здесь.

– А не слишком близко?

– К грузовику? Возможно... Бери-ка вот это.

Они забросали его трухой, ветками, камнями. Присыпали землей. Времени прошло немало.

– Ну как, сойдет?

– Нас и след простынет, когда они найдут этого сукина сына.

Они говорили что-то еще, но Джонни не понял. Потом заработал мотор. Свет стегнул по глазам. И все. Может быть, они решили, что он умер. Может, он и умер... почти. Он едва дышал. Во рту остался вкус крови

и гнили. Но дорога была близка, и близка была Пустошь.
Джонни попытался выбраться из своей мелкой могилы.
Он даже шевельнул мизинцем.

* * *

Кри просыпалась дважды. Ей снился Джонни Мерримон. Она видела огонь, лица, блеск металла. В третий раз ей приснилось, что она погребена заживо, и Джонни лежит вместе с ней. С распухшими от синяков глазами и окровавленным ртом. Но губы шевелились.

Я вижу тебя.

Кри застонала, сознавая, что все это ей только снится, но вырваться из того темного угла не смогла – ее удерживала та же невидимая сила, которая еще раньше прижала ее к ломаным костям белого мужчины, к насекомым, ползающим по его телу. Она хотела закричать и убежать, но с детства знала, что в снах есть мудрость и посыл для тех, кто не боится скрытой, глубинной истины. Ворочаясь и стелая на узкой кровати, Кри ощущала перебитые ноги, сломанную руку и мягкие, податливые места на его голове, прикосновение к которым напоминало прикосновение к зернам кукурузы. Смахнув мусор и пыль с его лица, она сказала ему горькую правду.

– Ты умираешь. – Его веки затрепетали. – Слышишь меня?

Кри прижалась к нему в темноте, почувствовала его всего, нашла теплый центр, которым было бьющееся сердце. Оно тоже трепетало, и она зажмурилась, чтобы не видеть, как он умрет. И все же его рука каким-то образом отыскала ее руку и сжала. Она открыла глаза и увидела, что он смотрит на нее. Губы пошевелились, но голос принадлежал кому-то другому.

«Помоги ему», – сказал он.

Кри вскинулась в последний раз – и замерла, объятая страхом, обливаясь потом.

* * *

Чтобы набраться смелости и сделать то, что требуется, понадобилось тридцать минут. Не включая света, Кри выбралась из постели и оделась. Часы показывали 2:19. Через коридор, в комнате напротив, спокойно

металась под простыней мать. В квартире было жарко, но Кри натянула толстые носки, плотные и тяжелые штаны из денима и высокие ботинки. Увиденное во сне пугало так же, как и то, что ждало впереди, но сила, направлявшая ее сейчас, сила почти забытой жизни была глубже и древнее. Неужели ей действительно привиделось бабушкино лицо? Или прабабушкино? Фотографий, по которым это можно было бы проверить, в квартире не водилось, а мать обсуждать тему не стала бы – разве что извинилась бы за то, что когда-то отправила дочку на болото. Но Кри была дитя старух и тихих вод. В ее детстве присутствовали боль и страх, но также и тепло, любовь и тайна. Время размыло старые лица, но не тронуло глаза и голоса.

Есть такая магия в мире...

Сколько раз эти слова находили ее – то под теплым одеялом, то сидящей босиком на черной земле.

Есть в мире такая магия, и есть для нее такие сильные сердца.

Самое любимое воспоминание и самый любимый голос, голос бабушки, тот же, что и во сне с Джонни Мерримом.

Кри надела темную рубашку, подтянула ремень и осторожно прошмыгнула мимо комнаты матери. Пройдя в кухню, положила в сумку яблоки, бутилированную воду, два куска пиццы из холодильника и, прихватив фонарик, вышла на внешнюю, пропахшую мочой лестницу и спустилась во двор, в котором не было, казалось, ничего, кроме потрескавшегося бетона, презервативов и пустых бутылок. Жизнь в городе Кри терпеть не могла. Едкие запахи, уличное насилие, хулиганское поведение. Она не включала фонарик, держалась поближе к стенам, огибала по широкой дуге углы. Опыт говорил, что это время – самое безопасное, самое тихое в ночи, но Кри все же пряталась от проезжающих машин, избегала грохочущей музыки или скоплений людей. Добравшись за час до относительно безопасной части города с горящими фонарями и скучающими полицейскими, она выставила большой палец и зашагала на север по одной из центральных улиц. Вскоре ее догнал «Понтиак»-универсал, за рулем которого сидел седоволосый сморщенный старик, выехавший пораньше, чтобы успеть к месту до жары.

– У меня внучка на севере. Примерно одного с тобой возраста, – сообщил он и постучал по приборной панели. – Кондиционер сломался четыре года назад, так что стараюсь ездить по ночам. Так оно даже приятнее. Мне звезды о жене напоминают.

Жена его умерла пятнадцать лет назад. Рак забрал, так выразился старик. Славный спутник, спокойный, миролюбивый. Сказав, что едет на

север, он имел в виду Роли, но проехал двадцать миль на восток, потому что беспокоился за симпатичную и одинокую девушку – времена-то не самые лучшие. Стоянка, на которой они попрощались, была хорошо освещена и находилась на главной дороге в округ Рейвен.

– Солнце встанет через несколько часов, – сказал старик, подавшись через сиденье и глядя на Кри, стоящую под красным неоновым знаком. – Там, куда ты направляешься, тебя ждут?

– Да, сэр, – соврала она.

– У тебя деньги есть?

– Все будет в порядке.

– Вот, возьми. – Он протянул ей десятку и отказался уезжать, пока она не возьмет деньги. – Подожди, пока рассветет, ладно? – Взгляд его пробежал по пустой дороге. – Для молоденьких да одиночек этот мир опасен. Ты меня слышишь? Не каждый встречный – добродушный старичок.

– Понятно, сэр.

– Так что подожди до рассвета.

Кри поблагодарила его за совет и деньги, подождала, пока «Понтиак» скроется из виду, и подошла к первому попавшему на глаза дальнбойщику с вопросом, который задавала раз сто в жизни.

Вы на восток едете?

* * *

Как и в большинстве случаев, поездка закончилась на перекрестке, после чего Кри пошла пешком. Солнце еще не поднялось, так что пришлось воспользоваться фонариком. Вот только она предпочла влажную траву. Через две мили Кри увидела отходящую от главной дорогу поменьше, а потом еще одну. Когда она добралась до проселка, небо на востоке уже светлело, и низины заполнялись туманом. Бледная дымка растягивалась вдоль кюветов, клубилась над лощинами и черной водой, видневшейся кое-где между деревьями. Как только посветлело, Кри стала смотреть под ноги и уже через две минуты заметила первую кровь. Влажные, сияющие капли в первый момент показались ей каплями масла, но потом она увидела следы на земле – длинные царапины, полосы, как будто от волочения чего-то тяжелого, и кровь – и остановилась, похолодев от страха, как случалось всегда, когда она оказывалась так близко от болота.

Деревья прятались в тумане и тьме.

Невидимая, прокричала кваква.

Очертив круг лучом фонарика, Кри снова посветила на следы, наклонилась и дотронулась до темных, сырых пятен, оказавшихся свежими и липкими. Подсвечивая фонариком, она пошла по следам, но футов через пятьдесят их поглотил туман. Оставалось два варианта: идти вперед или вернуться. Кри на секунду задумалась, но только на секунду – она никогда не отступала. К тому же сон был кровавый, и пришла она сюда именно из-за сна.

Пепельно-серый предрассветный свет пролился на дорогу. Кри медленно и осторожно двинулась дальше. Сырой, тяжелый воздух приглушал шаги и, наверное, поглотил бы даже крик. Она помнила похожие утра с детства, но это было холоднее и безмолвнее, как будто солнце вообще могло не подняться. Помнила, как бабушка, крепко обняв ее, сказала: «Не ходи пока что в лес». Старухи нередко поддавались страху и каждый раз, стоило только туману подняться с реки или небесам наполниться странным светом, предупреждали Кри оставаться дома. Ей и в голову не приходило, что их тревоги и опасения хоть сколько-то оправданны. Пожилые люди всегда всего боятся. Так она думала тогда. Но не сейчас.

Следы на земле тянулись уже сотню ярдов.

Рассвет пришел прерывистым вздохом.

Кри увидела их одновременно, Джонни и ворота. Темные и неподвижные. Он лежал между колеями, и, даже не подходя близко, она поняла, что у него сломана рука и разбиты ноги. Лицо превратилось в страшную маску из смеси грязи и крови; и того и другого было столько, что он просто не мог быть живым.

Но потом мертвец пошевелился. Вторая, здоровая, рука вытянулась вперед, и за ней сдвинулось тело. Раз. Другой. Правая ступня зацепилась за корень, и нога дернулась так странно, так необычно, как не может и не должна дергаться нога. Кри услышала всхлип, но это был ее всхлип.

Сколько же он прополз?

Выронив сумку и фонарик, Кри сделала несколько шагов вперед и, споткнувшись, упала на колени рядом с ним. Он продолжал ползти.

– Джонни. – Она впервые произнесла его имя, и оно застряло в горле. Чтобы посмотреть на него, ей пришлось собрать все силы.

– Мистер Мерримон. Остановитесь. Пожалуйста. Я приведу помощь. Остановитесь. – Кри не могла это слушать: скрежет кости, хриплое дыхание. Он снова вынес вперед руку... подтянулся... – Господи.

– Помоги мне.

Звук сорвался с его губ, но слова едва ли походили на слова. Кри огляделась, но не увидела ничего, кроме тумана и ворот. Внезапно дохнуло холодом.

– Что делать? У меня нет машины. – Из его горла вырвался другой звук. – Что? Не понимаю.

– Ворота...

Джонни показывал на гнутые стальные ворота, болтавшиеся на вырубленном из ствола кедра столбе. За воротами лежала его земля. Ее детство.

– Тебе нужна «Скорая помощь». – Кри достала сотовый, но сигнала не было. – Вот же дрянь... – Смотреть на него не хватало сил: залепленные грязью раны, разбитый нос, изорванные в клочья брюки, торчащие обломки костей. И все равно он упрямо пытался ползти. – Остановись, – снова всхлипнула Кри. – Пожалуйста.

– Домой...

Джонни продвинулся еще на шаг. За воротами закружился туман. В какой-то миг туман сгустился, принял человеческую форму и... Нет.

– Бог ты мой...

Телефон выскользнул из разжавшихся пальцев. Туман был чем-то большим, чем просто туман. Кри видела серые дыры, что-то похожее на конечности, завихрения, выдающие движения. Она повернулась бы и убежала, но едва могла дышать.

Джонни прополз еще фут... еще два.

– Пожалуйста...

– Уходи, – выговорил он.

Ворота открылись сами собой.

И что-то протащило Джонни через них.

Глава 18

Джек выпутался из влажных простыней, спрашивая себя, удастся ли ему когда-нибудь выспаться. Постель было то ли слишком жесткая, то ли слишком мягкая. С улицы лился свет, но из-за сдвинутых штор в комнате было слишком темно, и в темноте все только усугубилось: тревога за друга, страх перед Пустошью. Одеваясь в тишине, Джек развел шторы, но знакомый вид не принес привычного утешения. В доме Кэтрин он повел себя ужасно. Надо было улыбаться и не подавать виду или собраться с духом, высказаться напрямик и удержать Джонни, не дать ему уехать. Что мучило Джека, так это слепота друга: упорное нежелание признать противоестественную природу его потребности в Пустоши. Или такое объяснение все только упрощает? Может быть, Джонни все видел. Может быть, он даже слишком хорошо все понимал.

Что я могу сделать? Чем я могу помочь ему?

Вопрос был не риторический. Повернувшись к зеркалу, Джек придирчиво изучил виндзорский узел, прошелся взглядом по костюму. Выглядел он именно так, как и надлежало выглядеть юристу, стать которым Джек изо всех сил стремился, исследователю, искателю фактов.

– Ну ладно... – Он застегнул пиджак. – Вот как мы это сделаем.

В семь Джек уже был в машине, а шесть минут спустя – в редакции местной газеты. Рабочий день еще не начался, но редактор отдела, учившаяся с братом Джека в старших классах, впустила его в офис. Другими они не были, но и он пришел не для того, чтобы просить у нее почку.

– Несколько часов. Поработаю и уйду.

Она провела его в архив и объяснила, как работает аппарат для чтения микрофишей.

– Выпуски в тех ящиках. Номера идут в обратном порядке, от последних к первым.

Джек посмотрел на стоящие в ряд каталожные шкафы.

– И самые ранние?..

– Здесь все номера, начиная с тысяча восемьсот девяносто первого года.

– Черт возьми...

Впрочем, огорчался Джек недолго. У каждого исследования свой ритм, и в этом деле он был мастер: начав с заголовков, наткнулся на золотую

жилу в некрологах. Смерти вели к местам, а места – к историям более масштабным. В первой речь шла о заблудившемся траппере, найденном мертвым на берегу речушки в глубине Пустоши. Случилось это в 1897 году. Через три года в том же районе пропал некий изыскатель. Дальше Джек раскопал некролог о лесорубе, несколько историй о пропавших и в конце концов найденных мальчишках. В одной заметке девяностолетней давности содержалось требование осушить болото ради общего блага, в другой рассказывалось о предсмертном признании священника, пытавшегося обратиться на путь истинный обитавшие в Пустоши заблудшие души – и в результате сошедшего с ума. Сами по себе истории не представляли собой ничего особенного, но укладывались в сюжет большой картины: несчастные случаи на охоте, строительный проект, заброшенный после того, как бригадир – следуя примеру священника – подвинулся рассудком.

Вернувшись на стоянку, Джек почувствовал головокружение и прислонился к машине. Да, проблема реально существовала.

Люди умирали.

И их набиралось немало.

Опустив стекла окон, Джек перечитал статью, опубликованную зимой 1931 года: ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК ВЕРНУЛСЯ К МАТЕРИ. Под заголовком была фотография обветшалого домишки на заднем плане и изможденной женщины и мальчика с пустыми глазами – на переднем. Всматриваясь в эти глаза, Джек пытался представить, что чувствовал Рэндольф Бойд в тот день, когда его нашли и вернули домой, к матери.

Вечером, уже у себя в квартире, он перечитал статьи. В четырех других речь шла о потерявшихся в Пустоши мальчиках. Большинство репортеров называли Бойда стойким, а один отмечал его природную храбрость, которая, несомненно, сослужит ему добрую службу в зрелые годы. Друзья Рэндольфа отмалчиваться не стали и поведали о пережитом с такими невероятными подробностями, что один репортер написал так: «В отличие от Рэндольфа Бойда, его словоохотливые друзья вознамерились, похоже, добыть честь и славу из неприкрашенной трагедии своего товарища». Другие его коллеги также отмахнулись от Чарли и Герберта, однако Джек отнесся к ним со всем вниманием, подчеркнул все прямые цитаты и даже обвел красным такие слова, как «преследовали», «перепуганные» и «смех».

В последней статье речь шла не столько о мальчиках, сколько о поисках. Были и фотографии болота. Самое интересное заключалось в том, что здесь приводились имена волонтеров, принимавших участие в поисках. Список занимал две колонки, причем прочитать набранные мелким

шрифтом фамилии оказалось довольно трудно. В полном составе присутствовала Организация военных ветеранов, трое волонтеров представляли пожарную службу и шестнадцать человек – Национальную гвардию. Остальные имели то или иное отношение к церкви или школе. Последние семь человек проходили по категории «*другие*». Почти час ушел у Джека на то, чтобы занести имена и фамилии в поисковые страницы, а потом отправить в «Гугл». Большинство, конечно, уже умерли, но в экспедиции участвовали девятнадцать старшеклассников, и Джек рассчитывал, что кто-то из них еще жив и что ему, быть может, повезет.

Не повезло.

Тогда не повезло.

Когда он ложился спать, часы показывали два ночи, и сна не было ни в одном глазу. Долго-долго Джек смотрел в потолок, потом отправил сообщение на сотовый Джонни и попытался наконец уснуть. Сообщение было короткое и простое.

Позвони, скотина.

* * *

Несмотря на бессонную ночь, на работу Джек отправился рано. Несколько часов он занимался завалившимися стол бумагами, но мысли постоянно сбивались на дела более мрачные.

– Скажи, что я потрясная.

Джек поднял голову – на пороге стояла Лесли.

– Ты потрясная.

Она села и закинула ногу за ногу – получилось красиво.

– Разговаривала с Римером. – Лесли блеснула улыбкой. – Пойдешь по делу о банкротстве «ТекСтоун». Будешь, конечно, у него на подхвате, но все-таки...

– Минутку... Что?

– Поблагодаришь потом.

Вот это новость! У Джека закружилась голова. Банкротство «ТекСтоун» было крупнейшим такого рода событием в штате за последние тридцать лет. Миллиарды долларов. Три тысячи служащих.

– Как тебе удалось?

– Запустить твою карьеру? Изменить твою жизнь? Что я могу сказать? Ты не единственный, кто находит меня неотразимой.

– Лесли, бог ты мой... Спасибо.

– Не благодари пока. Я хочу кое-что взамен.

– Что?

– Скажу позднее. – Она поднялась. – Собрание в три в офисе Римера. В команде еще четверо юристов и семь помощников. Не опаздывай.

Лесли вышла с эффектным жестом, а Джек стал думать, что будет, если удастся произвести впечатление на Рэнди Римера. Любая крупная фирма в большом городе на Юге, которой грозило судебное разбирательство по делу о банкротстве, неизбежно обращалась к Римеру. К нему же шли с делами по должностным преступлениям, поглощениям, покупкам контрольного пакета с помощью кредита. В некотором смысле он был знаменитостью – если, конечно, адвокат может быть знаменитостью – и пользовался симпатией у присяжных. Когда однажды его спросили, почему он выбрал для жизни такое место, как округ Рейвен, Ример ответил, что причиной тому гольф, а еще потому, что он встречался со змеями, жившими в больших городах. Тем не менее исполнительные директора относились к нему с уважением и почтением. И не только они, но и все другие адвокаты, репортеры, пишущие на темы бизнеса, и большие игроки, которых он как бы презирал. В среде ассоциатов ходила такая шутка, что в школах права учат праву, а Ример – всему остальному.

«Если повезет, – напомнил себе Джек. – Если у тебя будет такой друг, как Лесли Грин».

До назначенной на три часа встречи сделать предстояло очень и очень многое. Прежде всего заняться «ТекСтоун»: узнать историю компании, понять, какое лицо она предъясвляет общественности, уточнить ее финансовые проблемы. Время и желание у Джека были, но вместо этого он открыл файл Джонни. Накануне вечером поиски в Интернете тех, кто в тот студеный день участвовал в спасении Рэндольфа Бойда, ничего не дали. Единственным, кто более или менее соответствовал заложенным параметрам, оказался житель округа Рейвен по фамилии Шоуолтер. Интересно, многие ли сейчас носят фамилию Шоуолтер? Джек снял трубку и набрал номер.

– Пять минут, – сказал он себе.

Хватило даже двух.

* * *

Тайсон Шоуолтер жил в тенистом переулке в четырех кварталах от местного колледжа. Вполне разумный выбор места жительства, учитывая,

что в этом же колледже он преподавал политологию. Звонок застал его дома, в перерыве между занятиями, и профессор согласился встретиться. На веранде Джека встретила приятная прохлада. Окна, выкрашенные свежей белой краской, были открыты. Джек постучал в сетчатую дверь, за которой виднелись антикварные вещи, прихожая и что-то похожее на кухню в задней части дома. В воздухе стоял запах жареного цыпленка, кофе и горячего масла. Джек постучал еще раз.

– Минутку. Иду. – Из кухни появился пожилой мужчина в фартуке, очках и лоферах на босу ногу. Руки он вытирал маленьким полотенцем. – Извините, извините. Пытался кое-что приготовить. Вы, должно быть, мистер Кросс?

– Зовите меня Джеком.

– Хорошо. А вы меня – Таем. Меня все так называют. – Профессор толкнул дверь, и они поздоровались. – Не против, если поговорим на кухне?

– Конечно нет.

Хозяин провел гостя в небольшую аккуратную кухню, где на подносе остывал цыпленок, а в сковороде тушились бобы. За чистеньким стеклом лежал задний дворик; из открытой двери пристроенного гаража выглядывал капот «Триумфа».

– Любите антиквариат?

– Очень. Всевозможный. Чем старше, тем лучше. – Воспользовавшись захватом, Тай достал из духовки печенье. – В разговоре по телефону вы немного скрытничали. Хотели поговорить о моей матери?

– Э, нет. Извините. Вообще-то я надеялся обсудить Берта Шоултера. Думал, что вы, может быть, имеете к нему какое-то отношение.

– Нет, нет. Никакого Берта нет и не было. – Тай рассмеялся. – Берти – это моя мать. Вообще-то, ее настоящее имя – Беатрис, но все сто лет она – Берти.

– Берти? Нет, – Джек покачал головой. – В газете говорится о Берте.

– В какой газете?

Статья лежала у него в кармане пиджака. Джек достал ее, развернул и протянул профессору. Тай нахмурился.

– А, эта...

– Вы ее видели?

– Да.

Джек ждал более развернутого ответа, но настроение у хозяина дома явно испортилось. Приветливый пожилой джентльмен просто испарился.

– Думаю, нам не о чем разговаривать.

– Мистер Шоуолтер, если я расстроил вас чем-то...

Джек не договорил. Профессор сжал пальцами переносицу и покачал головой.

– Нет. Извините. Послушайте, я не хочу показаться грубым, но мы еще в молодости выучили вот какой урок: не говорить ни о Рэндольфе Бойде, ни о зиме тридцать первого, ни о том, что случилось тогда на этом богом забытом болоте.

– Извините, но я не понимаю...

Тай слегка понурился, но уже в следующую секунду снова улыбнулся.

– Хотите кофе? Боюсь, я забыл о манерах. – Он налил кофе. Джек кивнул в знак благодарности. – Пойдемте со мной, мистер Кросс. Я покажу вам кое-что, а потом постараюсь объяснить.

Профессор провел гостя к маленькой спальне, где на больничной кровати лежала старуха. Трубка от стоящей рядом капельницы вела к ее правой руке. Из горла торчала трахеотомическая трубка, дышать женщине помогал аппарат искусственной вентиляции легких.

– Это моя мать, Берти. Каждый день я провожу с ней несколько часов во время перерыва на ланч. Медсестра имеет возможность отдохнуть, да и плата немного снижается. Я делаю это с удовольствием. Когда-то она была очень живая, активная. Мы были близки.

Аппарат зашипел, мониторы замигали зелеными огоньками. Джек не знал, что сказать.

– Сколько ей?

– Сто один год.

– Она может?..

Джек неопределенно махнул рукой, но Тай уже понял.

– Говорить? Нет. Она не открывает глаза и не говорит вот уже три года. Идемте.

Они вышли на переднюю веранду и сели на железные стулья, такие же старые, как и все остальное в доме. Улица за оградой из штакетника как будто пребывала в спячке. Автомобильные гудки долетали откуда-то издалека. Джек кивком указал на статью в руке профессора.

– Мы можем поговорить об этом?

– О Рэндольфе Бойде – да. – Тай развернул фотокопию и, едва взглянув на нее, печально улыбнулся. – В поиск брали только мужчин. Моя мама выдала себя за парня. Убрала волосы, оделась соответственно. В общем, никто ничего не заметил или предпочел не замечать.

– Но зачем это было нужно? В статье сказано, что температура в тот день была около десяти градусов ниже нуля. Зачем идти?

– Я так понимаю, что Рэндольф Бойд был довольно неуклюжим, но не лишенным каких-то достоинств парнем.

– У вашей матери было что-то с Бойдом?

Тай усмехнулся.

– Было то, что называется увлечением, и, как я понял со временем, увлечением очень сильным. А почему вас все это интересует?

– Слышали о миллиардере, которого нашли мертвым на болоте?

– Уж не хотите ли вы сказать, что Уильям Бойд и Рэндольф Бойд связаны родственными узами?

– Вообще-то, это факт. – Джек рассказал про охотничий домик Бойда, его обширные владения. – Так вы можете рассказать мне о зиме тридцать первого года?

– Это было так давно...

– Пожалуйста.

Профессор смотрел на улицу, но, похоже, ничего не видел.

– Она часто просыпалась от собственного крика... моя мать. Так продолжалось многие годы. Кричала громко и долго, так что мы спали с закрытыми окнами, чтобы не беспокоить соседей. Они, конечно, знали. Я помню, как люди смотрели на нее на улице, как учителя в школе и леди в церкви трогали ее бережно за руку и спрашивали: «Как вы держитесь, дорогуша?» Те кошмары действовали на нас всех. Крики. Долгое молчание. Со временем ей немного полегчало. Она уже не кричала, а только хныкала. И кошмары случались реже. К тому времени, когда я вырос, большинство уже считали, что с ней всё в порядке. Тем же из нас, кто знал ее лучше, в этом даре было отказано.

– Вы о чем?

– Верите в высшие силы?

– Я верю в дружбу.

– Я не знал своего отца, мистер Кросс. Не знал, когда рос, чему доверять, поэтому научился верить в системы: системы управления и образования, в тех, кого вдохновляет благопристойность и вера в людях. Вы человек понимающий?

– Полагаю, что да.

– Позвольте показать вам кое-что...

Джек кивнул, и Тай снова повел его в дом. Они поднялись по ступенькам наверх.

– Эта комната тридцать лет была маминой. Сейчас мама, конечно, не пользуется ею, но я ничего не стал тут менять.

Он открыл дверь и жестом предложил Джеку войти, после чего вошел

сам. Комната была угловая и располагалась на фасадной стороне. Большая, просторная, с видом на деревья и улицу, она и ощущалась как комната немолодой женщины. На каминной полке тикали часы. В полосах желтого света неторопливо кружились пылинки.

– Полагаете, вы понимаете, почему я привел вас сюда.

Стены были покрыты рисунками. Каждый дюйм поверхности.

– Можно? – Не дожидаясь разрешения, Джек подошел к ближайшей стене. Наброски делались углем или карандашом и в большинстве своем представляли сцены зимнего леса и замерзшей воды, голых камней и спутанных стеблей. – Так это?..

– Хаш Арбор. Зима тридцать первого.

Джек прошел вдоль стены, всматриваясь в рисунки и с восхищением отмечая точность деталей, идеальное изображение древесной коры и поземки, ветвей и пустоты.

Подойдя к эскизам, посвященным громадному оленю, остановился. Частично разделанный, тот лежал на испачканном черными пятнами снегу. Глаза закрыты, исполинские рога раскинуты в стороны. Рядом с повергнутым животным сидел, обхватив колени, подросток, черты которого прекрасно выражали холод, одиночество и страх.

– Жутковато, да?

Джек чувствовал, что профессор стоит у него за спиной, но не мог отвести взгляд от эскиза. Несколько других рисунков показывали ту же сцену с других углов. Паренек на них выглядел замерзшим и изможденным, и на руках его чернела та же, что и на снегу, кровь. Глядя на наброски, Джек чувствовал, как его охватывает страх.

– Что это за место?

– То, где его нашли.

За спиной у мальчишки с заснеженного каменного лица низвергался заледенелый водопад. Чахлое деревце на вершине бугорка, вытянувшись футов на десять, раскалывалось, образуя идеальную V.

– И все это нарисовала ваша мать?

– Наверное, как я полагаю, она находила в этом какое-то успокоение. Здесь только те, которые я разрешил ей оставить.

– А есть и другие?

Тайсон кивнул.

– Понимаете, она была совсем еще ребенком, когда обманом присоединилась к поисковому отряду. Однажды мать рассказала мне, как отбилась от остальных. По ее словам, как будто невидимая рука толкала ее в спину, направляя влево.

– Не понимаю...

– В общем, получилось так, что она шла с группой, а потом вдруг сама не заметила, как оказалась одна.

Джек остановился перед набросками с Рэндольфом Бойдом. Выполненные особенно тщательно, они как будто передавали что-то личное.

– Это ведь она его нашла, да?

– Да.

Джек ощутил холодок, словно и сам только что побывал там.

– Можно увидеть другие?

– Вообще-то, мистер Кросс, – Тай открыл дверцу встроенного шкафа, за которой обнаружилось несколько стоящих одна на другой больших коробок, – я буду весьма признателен, если вы их *заберете*.

* * *

Коробки заняли все свободное место в машине, заполнив и багажник, и заднее сиденье. Джек припарковался возле булочной и перенес коробки в квартиру. Пришлось сделать четыре ходки. Расположившись за обеденным столом, он доставал рисунки пыльными охапками и раскладывал на столе. Самые старые пожелтели и едва не рассыпались. Другие выглядели поновее. Тонкой, тщательной работой отличались немногие, но все вызывали тревожное чувство, а карандашные штрихи были широкими, густыми и резкими. Большинство передавали пейзажи Хаш Арбор, но в самой манере исполнения ощущалась затаенная злоба. Густой лес. Изломанные, с зазубренными верхушками скалы. За метущими землю ветвями – темные тени, скрывающие что-то мерзкое, пугающее; скрюченные пальцы на ломаных камнях, выглядывающие из тьмы глаза – даже не глаза, а лишь намеки на них, прорези, щели во мраке.

Худшее ждало Джека в конце, когда он добрался до перевязанной бечевкой стопки на дне последней коробки. Разложенные на кровати, рисунки составили картину пещеры с грудями останков, разбросанными во множестве черепами, тазовыми и бедренными – так по крайней мере показалось Джеку – костями, клочьями сгнивших одежд и пучками волос.

Оставив рисунки на кровати, Джек налил из бутылки и выпил чистого виски. Что бы там ни случилось с Берти Шоуолтер, оно явно преследовало ее многие годы. Набросков были сотни, если не тысячи. Джек наскоро просмотрел их еще раз, отбирая самые мрачные, самые необычные. Он

пропустил встречу у Римера, но даже не думал об этом. Они захватили его целиком, эскизы с глядящими из ниоткуда глазами, падающим снегом и неясным намеком на движение. В конце Джек вернулся к мертвому оленю и замерзшему водопаду за ним. Взгляд его скользнул вверх по каменной грани и остановился на расколоте надвое дереве, венчавшем невысокий холмик. Он дотронулся до него пальцем и взглянул наконец на холодный угол в своем встревоженном сердце.

Джек знал это дерево.

Он видел его раньше.

Глава 19

Была уже ночь, когда Кри вернулась, прихрамывая, в город. Измотанная и напуганная, она, хотя прошел почти целый день, так и не нашла ответа на звенящий в голове вопрос.

Да что же такое я там видела?

Наверняка Кри знала только, что бежала от ворот, через туман и канавы, спотыкаясь и падая. И вот теперь вернулась в город, не понимая толком, где была и что делала. Даже машины, которые ее подвозили, стерлись из памяти. Вопросы... разговоры... забытые лица...

Еще за квартал она увидела свою многоэтажку, торчащую, как средний палец, выставленный в оскорбительном жесте терпевшему ее городу. Кри ненавидела эту башню. Ненавидела всю эту жизнь, изо дня в день. Но не сейчас.

Пройдя через грязный, замусоренный двор, Кри толкнула плечом стеклянную дверь и едва не упала в кабину лифта. За то время, пока он, поскрипывая, нес ее на двадцать третий этаж, она успела отдышаться и даже вытащила телефон, чтобы позвонить в полицию. Никаких чувств к Джонни Мерримону она не питала, но он либо уже умер, либо умирал.

– Черт...

Кри уже в восьмой раз сунула телефон в карман. И что сказать копам? *Он уже был почти мертвый, когда я нашла его, а потом что-то ужасное утащило его в лес.* Они решат, что она тронулась или под кайфом, а может, сама же его и убила. Среди копов есть же и сообразительные; кто-то прознает об их споре и сделает неверные выводы...

Нет, лучше не надо.

Мать сидела за столом в кухне со стаканом в руке. Она была пьянее, чем обычно, и казалась совсем маленькой на маленьком жестком стуле.

– Что с тобой?

– Упала. Это неважно.

– Выглядишь так, словно тебя волок за собой мул.

Кри сбросила с плеч рюкзак, и весь день прокатился по ней волной: кровь, ломаные кости, долгая поездка и сон, который и отправил ее в далекий путь. Было страшно, страшно до ужаса, и вот что она имела в жизни: бетонную коробку в развалюхе-многоэтажке и мать, то ли слишком беспечную, то ли слишком пьяную, но в любом случае неспособную понять, что мир ее дочери раскололся на куски.

– Достань немножко льда, ладно? – Мать подняла стакан и потрясла растаявшие кубики. – Ну же, давай. – Она снова тряхнула стакан.

Кри моргнула в наступившей паузе – и вдруг заплакала. Она увидела бабушку, свое детство, а потом представила прабабушку – с ослепшими глазами и покрытыми шрамами руками, представила, как та улыбалась и кивала и как она сама чувствовала себя ночами в большой, теплой постели.

– Зачем ты отправила меня туда? Мне было всего четыре года...

– Ты плачешь?

– Скажи – почему.

– Ну, это никакая не тайна. – Мать поставила на стол стакан и закурила сигарету. – Они так захотели. Старухи. Думали, что ты будешь особенной.

– Что это значит?

– Об этом их надо было спрашивать.

– Ладно, тогда поговорим о тебе. – Кри села, но отступить не намеревалась. – Почему ты сбежала?

– Что?

– Ты ушла оттуда в девятнадцать лет. Мы никогда об этом не говорили.

– Не говорили, потому что это не твое дело.

– Бабушка говорила, что ты боялась.

– Вот как? – Мать нахмурилась и плеснула водки на растаявший лед. – А тебе не приходило в голову, что я хотела кое-чего побольше, чем жизнь на болоте? Кое-чего получше, чем грязь, клещи и недотепы? – Она отвела глаза, и в ее чертах проступило знакомое упрямство. Кри это только рассердило.

– Знаешь, я тебе помогу: не те мужчины, лень, вот это... – Она подтолкнула бутылку. – Я делаю покупки. Я убираю. А теперь хочу кое-чего взамен.

– Чего?

– Мне снятся сны.

Слова повисли в вакууме наступившей внезапно тишины. Мать понурилась, опустила голову, а когда заговорила, ее голос прозвучал еле слышно:

– Что за сны?

– Страшные. Висельное дерево, рабы, какие-то убитые... Я вижу их так ясно, как будто сама там нахожусь.

– Про висельное дерево все знают. И рассказы эти мы все слушали.

– Очень уж все реально. Я их вижу ясно, чувствую их запах, слышу, как они кричат. В руках у меня нож, и я знаю их имена.

– Нет, не знаешь.

– Двое – рабы. Один – и...

– Я же сказала, черт возьми! Нет! Сны – это только сны.

Голос у матери надломился, и Кри увидела в ее лице ложь, страх и неуверенность. Жадными глазами она нашла бутылку, но Кри опередила ее.

– Что на болоте?

– Надо было у моей матери спрашивать, раз уж ты так сильно ее любила.

– Я была ребенком.

– Думаешь, возраст имеет какое-то значение, глупая ты девчонка? Думаешь, для меня это было важно?

– Почему ты ушла?

– Я тебе уже говорила...

– Мне снится Джонни Мерримон, и эти сны настоящие.

Мать откинулась назад, и рот у нее открылся, словно от пощечины.

– Не говори так. Не смей.

– Он приснился мне прошлой ночью.

– Так далеко от болота – нет. Не может быть.

– Подожди-ка... Что ты сказала?

– Извини. Ничего. – Мать поднялась, неловко толкнула стул влево, отчего тот упал, и, оступившись, вышла из кухни. Хлопнула дверь, щелкнул замок.

Все еще в состоянии оцепенелости, Кри подняла стул, открыла воду, смыла грязь с ладоней и осторожно оттерла засохшую кровь. Ей приходилось видеть мать пьяной, сердитой, скучающей, но никогда вот такой, как только что, – встревоженной и напуганной.

Пройдя по коридору, Кри постучала в дверь и услышала какой-то шорох.

– Уходи.

Мать плакала, и слышать это было невозможно.

– Я боюсь снов.

– Правильно делаешь.

– Ты поэтому сбежала? – Молчание. – Слышишь?

Протяжный вздох и снова молчание.

– Такие сны видят немногие. Большинство не видят ничего. Но еще никто не видел их за пределами болота.

– Ты же видишь?

– Висельное дерево – да. Как и твоя бабушка и прабабушка. Девушка с ножом. Что произошло возле дерева. Я пыталась уйти от всего этого. Неужели ты не понимаешь? Есть и другие сны, похуже. Но ты еще

слишком молода, чтобы это знать.

– Мне сейчас столько, сколько было тебе, когда ты сбежала оттуда.

– Господи...

– Скажи, что мне делать.

– Не могу. Извини.

– Почему?

– Оттого что мы говорим об этом, будет только хуже. Все равно что дверь открыть. Тогда и сны придут быстрее. Ты будто тонешь.

– Не понимаю.

– Конечно не понимаешь, глупая, глупая девчонка!

– Что мне делать? Мам...

Не договорив, она прижалась щекой к двери. Старухи говорили, что Кри – особенная и что она придет к ним не просто так.

– Пожалуйста... – снова повторила Кри. – Я не хочу видеть сны.

Ответа не последовало, да она его и не ждала. Мать была трусихой, но это не было новостью. Кри вернулась в комнату, легла на кровать, обхватила себя руками. По прошествии какого-то времени, поймав себя на том, что начинает клевать носом, она пробралась на крышу и села в старое кресло, которое сама же и нашла несколько лет назад.

Снизу по стенам поднимались уличные звуки, в других башнях горели огни. Взошла луна, и к полуночи веки снова стали опускаться.

Что, если она увидит *это*?

Кри устроилась поудобнее. Через светлый диск луны проползали облака. Усталость давила на плечи, и дважды она соскальзывала в дрему. Ветер стих. Мир наполнился тяжестью. Кри боролась, сопротивлялась несколько часов, но тьма уже плескалась у ног, и она, моргнув последний раз, провалилась в темноту.

Мрак хлынул в горло.

Погребенная заживо, Кри задышалась.

* * *

Ее словно прошло электрическим разрядом. Она не могла дышать и ничего не видела. Сверху давила сырая земля.

Она была собой, Кри.

И кем-то еще.

Рвущийся изнутри крик распорол губы, но земляные струйки тут же просочились змейками внутрь.

*Она задыхалась.
Умирала.*

* * *

Очнулась Кри от собственного крика, такого громкого, что птицы, сидевшие на парапете с другой стороны крыши, сорвались в ночь. Она едва заметила их. Птицы были черные, как и все остальное.

Сбросив сон, Кри упала, и теперь ее рвало. Во рту остался землистый вкус, но рвало только желчью.

– Господи...

Стоя на четвереньках, она подумала о Боге. Подумала впервые с далекого детства.

Все было реально.

Чертовски реально.

Поднявшись наконец на ноги, Кри спустилась по лестнице в квартиру, добралась до комнаты, заперла дверь и поклялась перед Богом, что никогда больше не уснет. Когда поднялось солнце, она уже держалась из последних сил: не выходила из комнаты, не ела, и не пила, и даже не приближалась к кровати. На закате, когда мать включила телевизор, Кри отправилась на крышу – побыть одной на свежем воздухе.

Она знала, что было во сне.

Знала весь этот ужас.

В вечернем небе зажигались звезды; Кри смотрела на них, как будто видела впервые, и время от времени трогала лицо, проверяя, не расплющился ли нос и не уменьшились ли глаза. Восходящая луна застала ее в кресле, где она сидела, завернувшись в одеяло и отгоняя сон, как будто от этого зависела сама ее жизнь. После полуночи прошло три часа, когда на западе появились тучи, заворчал гром и пролетевший над крышей ветер спел колыбельную из потерянных слов. Упали первые капли, но Кри их не почувствовала.

Ее погребло заживо.

И крик задохнулся землей.

Глава 20

Глядя на Уилларда Клайна из кресла окружного прокурора, в котором просидела не один год, Бонни Басби без труда определила настроение шерифа, для характеристики которого на ум ей пришли не самые приятные слова.

Упертый.

Невменяемый.

Слепой.

– Я слышу, что вы говорите, шериф Клайн, но, по мнению Трентона Мура, Джонни Мерримон не может быть убийцей. Полученные травмы слишком обширны, произвольны и... необъяснимы.

– Необъяснимы?

– Да перестань. Ты же сам все слышал.

– Что ж, мне наплевать, что там говорит этот коротышка. Если он не может определить, как Мерримон провернул фокус, это еще не значит, что он не виноват. Мы же не знаем, что у него там, на болоте. Может, сообщники. Может, какие-то хитроумные штуки...

– Извините, шериф. – Окружной прокурор подняла руку. Вы сказали «хитроумные штуки»?

– Я к тому, Бонни, что сейчас еще слишком рано исключать кого-либо. У нас тут исключительный случай, а значит, и меры требуются исключительные. Я нашел его берлогу. – Шериф разложил по столу аэрофотоснимки. – Вот здесь и здесь что-то похожее на крышу. А эти ряды смахивают на огород. – Он ткнул пальцем и, взглянув на Бонни Басби, нахмурился. – Ты даже не смотришь.

– Не смотрю. Чтобы получить ордер, нужна веская причина, а у тебя ее нет.

– Мальчишка не в себе.

– Но убийцей он от этого не становится.

Шериф скатал фотографии в трубочку и перехватил ее резинкой. За последние два дня этот визит к прокурору был третьим.

Презрение.

Вот что видела Бонни в его глазах. Он считал ее слабой, безвольной простушкой.

– Я тебе не враг, Уиллард.

– Ты – друг Клайда Ханта, а в данном деле это одно и то же.

– Осторожнее.

– Или что?

– Приходи с правдоподобным обоснованием, и я передам дело в суд. Все просто. – Он смотрел на нее через стол горящими глазами. Бонни и раньше видела его таким. Не часто, но такое случалось. – Что-нибудь еще?

– Тебя не было здесь десять лет назад. Ты не видела, каким был этот мальчишка. Он выбрал страшную дорожку, и что-то в нем сломалось. А это значит, что люди еще страдают. Они уже страдают. А теперь ты сидишь здесь, такая самодовольная, такая чистенькая, и смотришь на меня как на какого-нибудь тупого реднека, отставшего от жизни лет на сорок. Но, повторяю, тебя здесь не было тогда, и сейчас ты совершаешь ошибку.

– Может быть, но это моя ошибка.

– Он опасен, черт возьми.

– Это лишь твое мнение.

Шериф выпрямился и посмотрел на Бонни Басби сверху вниз.

– Значит, правдоподобное обоснование... Ладно. Ты делаешь свое дело, а я – свое.

* * *

В лесной чаще шериф Клайн доверял двум людям. Оба были охотниками и трапперами, настоящими лесниками, считавшими, что любой зверь существует для того, чтобы его убить. Этим они и занимались. Ради этого и пойти могли куда угодно. В чужие частные владения. В заповедник. Им на все было наплевать, и они знали все входы и выходы. Что и требовалось шерифу Клайну.

Они встретились на пустующем поле в двух милях от города. Оба охотника уже экипировались должным образом: патронташи, сапоги, защищающие от укусов змей, штаны, непроницаемые для колючек. Позади них тянулись вдаль холмы, по последнему из которых, ближайшему к лесу, полз крошечный комбайн.

– Джимми Рэй. Уэйлон. Спасибо, что пришли. Вот о чем я говорю. – Клайн разложил аэрофотографии на капоте патрульной машины. – Северная окраина округа. Здесь болото. Это у подножия холмов.

Джимми Рэй подошел ближе и, прижав широкой ладонью уголок снимка, склонился над ним. Под седыми волосами голубели блеклые глаза. Уэйлон – лысоватый, плотный – встал рядом с товарищем.

– А что твои помощники? – поинтересовался он.

– Дело неофициальное.

– Незаконное?

– Я хочу просто осмотреться. В прошлый раз со мной были парни в форме, так половина из них заблудились, а другая половина только и делали, что жаловались. Это место – настоящий лабиринт.

– Большое?

– Шесть тысяч акров. Половина площади – болото, вот здесь. Остальное – вот эта холмистая гряда.

Джимми Рэй наклонился еще ближе, всматриваясь в обведенные красными кружками объекты: огородные грядки и крышу под кронами деревьев.

– Так, говоришь, земля принадлежит Джонни Мерримону?

– Ты его знаешь?

– Слышал о нем.

– Что слышал?

– Что он – призрак. Один из нас.

Шерифа Клайна такая реакция обеспокоила. Для людей вроде Джимми Рэя Хилла и Уэйлона Картера Джонни Мерримон был героем. Они ценили его независимость и твердость, то, как он расстрелял лагерь миллиардера и отбыл свой срок в тюрьме от звонка до звонка.

– Ничего особенного, – заверил Джимми Рэя шериф. – Я давно его знаю, так что можете мне поверить.

– Ты действительно думаешь, что он – убийца?

– Либо сам убил Бойда, либо знает, кто это сделал.

Приятели призадумались на минутку, потом Уэйлон постучал по карте.

– Ты на сколько хочешь меня нанять? Может, у Мерримона и шесть тысяч акров, но болото все пятьдесят миль занимает. Всё осмотреть мы не сможем.

– Задерживаться я не планирую. Дня два, может, три. Сначала заглянем в домишко, а если его там нет, подумаем, как быть дальше. Ну так что, вы – парни, или как? – Не сразу, но Джимми Рэй все же кивнул. – А ты, Уэйлон?

– Даже не знаю. – Тот потер щеку, потом макушку. – Я думал, мы ненадолго, туда и обратно... У Дэниелы завтра день рождения. Обещал свозить ее в Миртл-Бич. Байкерская неделя.

– Что за чушь ты несешь?

– Мне повезло с Дэниелой. – Шериф закатил глаза, но Джимми Рэй согласно кивнул. У Дэниелы были работа, собственная квартира и мягкий характер. – Извини, шериф, мне правда жаль. Как-нибудь в другой раз.

– Ладно. Пусть так. Ну что, Джимми Рэй, похоже, остаемся мы с

тобой. – Шериф свернул карту и собрал аэрофотографии. – У тебя всё при себе?

– Всё в машине.

– Уэйлон, последний шанс. – Охотник только выставил руки ладонями вперед, и Клайн покачал головой и нахмурился. – Байкерская неделя, чтоб ее...

* * *

Сначала проехали к дому Клайна. Шериф прихватил все необходимое и поставил на место машину. В грузовичке Джимми Рэя разговаривали, как обычно, мало; да и о чем трепаться старым приятелям? Проехав через ворота, оставили машину и направились в поселок. Джимми Рэй оказался здесь впервые и теперь с любопытством оглядывал развалины жилищ.

– Старое место.

– Да уж...

Но Джимми Рэй имел в виду не руины. Его привлекли деревья, высокие и скрюченные, с толстенными сучьями.

– Мы уже на земле Мерримона?

– На самом краю.

– Покажи.

Уиллард снова развернул карту и показал, где они находятся.

– Болото, река, холмы. Его хижина вот здесь.

Дальше, за церковью, с ленивой устремленностью двигалась черная вода, и Джим Рэй знал, что болото – один из основных источников, питающих реку, протекающую к югу от места, где они стояли сейчас. Он и сам охотился возле этой реки, но никогда не заходил так далеко на север.

– Хорошее местоположение. – Траппер постучал пальцем по кружку, которым был отмечен домик Джонни Мерримона. – В центре участка, смотрит на юг, открыт западным ветрам. Хорошая вода, с тыла холмы. Подобраться трудно.

– Сможешь провести нас туда?

– Конечно.

– Тогда вперед.

Шериф забросил на плечо ружье и рюкзак, но Джимми Рэй не торопился. Что-то было не так. С минуту он присматривался к окружающей их стене леса, а когда понял, что именно, на затылке у него зашевелились волосы.

– В этом направлении нет никакого звука. – Джимми Рэй указал на ближайший лес.

– Не пугай меня.

Охотник посмотрел на небо. Сорвавшийся с дерева дятел мелькнул красной вспышкой, но тишина за ним осталась нерушимой.

– Куда идем? – спросил шериф.

Джимми Рэй кивнул в сторону неподвижной зеленой стены.

– На восток. Потом на север.

– Ясно. Как нечего делать.

Джимми Рэй шел впереди. Ему приходилось сталкиваться с такой тишиной, но обычно это случалось на рассвете, после свежего снега. Мир как будто замирал в ожидании рассвета.

Здесь было что-то совсем другое.

Ступая с осторожностью, воспитанной долгой привычкой, Джимми Рэй взял курс на восток, потом, достигнув воды, повернул на север. Теперь тишина воцарилась и у них за спиной.

– Чувствуешь? – спросил шериф.

Скорее всего, Джимми Рэй не смог бы объяснить, что именно чувствует, но, наверное, нечто похожее могло испытывать животное, услышав первый, еще далекий лай охотничьих собак. Он показал пальцами на глаза, потом на тропинку позади.

Прикрывай тыл.

Шериф кивнул – и побледнел. Идти стало тяжелее, грязь висла на ногах.

– Мы слишком отклоняемся на восток, – шепнул, наклонившись, Джимми Рэй. – По карте здесь должно быть сухо. Не понимаю.

– Может, карта устарела...

– Попробуем напрямик.

Подняв повыше ружье, Джимми Рэй двинулся через заболоченную низину в сотню ярдов шириной. Выбравшись на сухой берег, он вытащил шерифа. Некоторое время они шли по сухой, но узкой полоске, уводившей их дальше от курса.

– Придется еще раз напрямик.

Вторая переправа далась труднее, чем первая. Местами вода подступала к груди, и каждая надежда на сухой берег оборачивалась разочарованием. Островки травы, сцепившиеся корни, гниющие стволы деревьев... Вдалеке вспорхнула и умчалась стайка птиц. Долгие часы ничто вокруг не менялось. Где-то вода доходила до колен, где-то до пояса. И ничего, кроме воды.

– Не понимаю. – Джимми Рэй, пошатнувшись, остановился. Солнце оказалось не там, где ему полагалось быть, тени указывали в неверном направлении. – Мы не там, где должны быть. – Он встряхнул компас. – С тобой такое случалось?

– Нет.

– Мы должны быть вон там.

– Мне надо отдохнуть. – Шериф согнулся, лицо его приобрело нездоровый цвет.

– У нас девяносто минут, потом стемнеет.

– Господи...

– Я что-нибудь найду. Разобьем лагерь.

– Спасибо, Джимми Рэй. Спасибо.

– Держись за мой рюкзак. Если будет надо, обопрись.

Шериф так и сделал, и Джимми Рэй побрел вперед через черную воду. Небо потемнело, дневной свет угасал. Вода дошла до пояса, поднялась выше; шериф налегал все тяжелее. Джимми Рэй споткнулся, но удержался. Тут же споткнулся снова, и они оба ушли под воду. Он поднял шерифа, и они потащились дальше, однако уже стемнело, и на них обрушилась туча moskitov. Особенно насекомых привлекали глаза, губы и уши. Джимми Рэй распылил репеллент и обмазал лицо грязью, но результата эти меры не дали. Moskity забирались под воротник, в рукава. Еще через час их окутала полная тьма. Джимми Рэй остановился. В тишине слышалось надсадное дыхание, жужжание moskitov и плеск воды.

Мужчины стояли по пояс в воде.

Шериф плакал.

* * *

Та ночь на болоте стала для Джимми Рэя Хилла худшей из всех. Так плохо не было даже во Вьетнаме. Казалось, moskity избрали их единственной целью. Nасекомые висели в воздухе непроглядной тучей. Тысячи. Миллионы. Они путались в волосах, забивали уши и ноздри, мгновенно, стоило только открыть, наполняли рот. Спасались от них только погружением в воду. И вот это было истинное блаженство. Но длилось оно недолго – moskity ждали в дюйме от воды, и атаковали цель из темноты, едва он выныривал. Джимми Рэй не считал себя человеком религиозным, но к полуночи он твердо знал: Господь проклял его.

– Уиллард, ты как?

Шериф повис на плече Джимми Рэя и ответил, наверное, только через час. Опускаться под воду он даже не пытался. Джимми Рэй вымазал грязью его лицо и шею.

– Ты только держись. Через пять часов рассветет.

Эти часы тянулись бесконечно, и когда небо на востоке прорезали первые лучи, Джимми Рэй едва не пропустил их. Москиты висели темной тучей, и он смотрел на них из-под распухших век. Свет коснулся наконец воды, и рой тут же рассыпался, как паутина под дождем.

– Ну, всё. Уиллард, ты со мной?

Шериф стоял, опустив голову, и на вопрос не ответил. Джимми Рэй повернул его к свету.

– Господи...

Высохшая грязь запечатала распухшие глаза Клайна. Нос гротескно раздулся, лицо горело, язык высовывался изо рта.

– Уиллард? Идти можешь?

Шериф застонал и попытался сдвинуться с места, но тут же обмяк и стал падать, как марионетка с обрезанными ниточками. Джимми Рэй подхватил его, потом взял за руку и почувствовал под пальцами пиявок. Сорвал их одну за другой и взял Клайна покрепче.

– Давай. Будем выбираться отсюда.

Он снова потащил шерифа на себе, повторяя снова и снова одно и то же:

– Ох, старик... Какой же ты дурень.

Делать на болоте им было нечего, так что оставалось только убраться с него поскорее. Все просто. Солнце всходит на востоке, никак не иначе. Значит, идти нужно на юг, а потом на запад. Но прошло шесть часов, а все оставалось по-прежнему: вода, черная топь, опять вода. К двум часам дня Джимми Рэй начал думать, что теряет рассудок. Деревья выглядели так, словно он уже видел их: кипарис с надломленной верхушкой, сухая наполовину береза... К сумеркам сил изрядно поубавилось. Солнце оказывалось то слева, то справа. Шериф уже полностью лежал у него на спине. День сползал к ночи. Подтянув в очередной раз Клайна, Джимми Рэй протащился через глубокую воду и остановился. Справа на фоне темнеющего неба вырисовывался кипарис с надломленной верхушкой. Рядом стояла сухая наполовину береза. Впервые за все время охотник испытал отчаяние, а его мужество дало трещину.

Кипарис.

Береза.

Он ходил кругами.

Пришла ночь, а с ней – москиты и тьма. Пытка продолжалась несколько часов, и в какой-то момент разум не выдержал. Воздух и вода обжигали холодом, сквозь тучи прорывался голубой свет, и в самой воде ощущалось чье-то присутствие. Джимми Рэй замер, впервые за всю жизнь испытав внезапно нахлынувшее ощущение ожидания. Тишина как будто зарядилась электричеством. Джимми Рэй притянул к себе шерифа, и свет сместился влево, продолжая движение по кругу. Что-то прижалось к его коже и коснулось сознания.

Ш-ш-ш-ш...

Джимми Рэй перестал дышать. Слышал ли он этот звук или ощутил его? А может, в голове и впрямь что-то щелкнуло? Он не мог ни шевелиться, ни думать. Москиты поднялись и исчезли во тьме, и реальным был только ужас, стук в груди. Что-то приблизилось. Оно потянуло шерифа, но Джимми Рэй не разжал руки.

Умрешь за этого старика?

Слова прозвучали у него в голове... или он бредил? Наверняка Джимми Рэй знал одно: какая-то сила тянула к себе шерифа, и в груди, за ребрами, колотился молоток.

– Он мой друг.

Твой друг опасен, и он – мой.

Джимми Рэй попытался проникнуть взглядом за мерцание, но глаза слишком распухли и превратились в щелочки. Он лишь увидел плывущий по воде блеклый свет и ощутил его волю и злость.

Их сюда не звали.

Их не желали здесь видеть.

Отпусти его, или умрешь.

Джимми Рэй почти сломался, но все же выстоял.

– Не могу. Он мой друг.

Очень хорошо.

Что-то вырвало шерифа из его рук и потащило по воде. Джимми Рэй пошатнулся, но промолчал, а в следующую секунду что-то схватило его за шею и тоже потащило по воде.

Глава 21

Боль была озером, и Джонни дрейфовал в нем. Пламя и кислота, молния во тьме... Времени не было, но у него только оно и было. Боль и время.

Дни.

Годы.

– Что со мной?

«*Не разговаривай*, – ответил голос. – *Ты умираешь*».

Или мне это снится, подумал Джонни. Все его члены были вывернуты и искорежены. Левый глаз нашпигован осколками кости. Он напрягся, открыл здоровый глаз и увидел туманную дымку, голубой свет и нечто бесформенное.

«*Будет больно*», – услышал Джонни.

А потом его мир наполнился болью, пламенем и криком.

Часами боли, пламени и крика.

Целой жизнью боли.

* * *

Когда кошмар прервался, Джонни потрогал левый глаз и ощутил жар. Губы потрескались. В темноте горел огонь.

– Пить...

Ему дали воды.

«*Спи*, – сказали ему. – *Забудь*».

* * *

Когда Джонни очнулся в следующий раз, он стоял у реки, но совершенно не помнил, как попал туда, хотя река была хорошо ему знакома. Скатываясь с северных холмов, она замедляла бег, чтобы встретить другие воды. С восточного края неба сочился свет. День только начинался. Джонни был дома. Поднося руки к лицу, он ожидал чувство боли. В памяти остались вспышки света, удары, но остальное помнилось смутно. Ворота... глина под пальцами... Он опустил взгляд и увидел

засохшую кровь на одежде и обуви, но не увидел ни малейших признаков ран и переломов.

Ничего.

Ни следа.

У себя в хижине Джонни соскреб засохшую кровь с волос и пальцев, убрал грязь из-под ногтей и надел чистые шорты. В этот момент перед глазами встал образ: столбы из кедра, ржавчина, старая сталь в тумане. Какой-то инцидент, черные деревья, ворота...

А было ли что-то еще?

Набросив рубашку, Джонни побежал по болоту к навесу, сбросил цепь с двери, но машины на месте не обнаружил. Грузовик нашелся в полумиле от ворот, в подлеске. Сначала Джонни увидел битое стекло, потом черный след на земле у кювета. Прикосновение к металлу отозвалось воспоминанием о столкновении, но воспоминание предстало как сон во сне, как отражение слепящего света фар, грохота, скрежета металла и треска бьющегося стекла. Стоя на обочине, Джонни посмотрел в одну сторону, потом в другую. В памяти остались какие-то люди, калечившие его палками. Он попытался сохранить образ, но не смог.

Вернувшись в хижину, Джонни взялся за поиски – вскрывал и переворачивал коробки, заглядывал в ящики – и в конце концов нашел то, что искал, в кофейной банке, заполненной шурупами, сверлами и резцами. Поднялся на холм, включил телефон и несколько долгих секунд смотрел на экран, пока на нем не появилась дата.

Девятое сентября.

Он потерял пять дней.

* * *

На верхушке холма Джонни сидел долго. В конце концов ему удалось вызвать техпомощь. Потом он прогулялся к шоссе, где встретил водителя, который, зацепив грузовик тросом, вытащил его из подлеска.

– Ну, это не то, что тебе хотелось бы увидеть, – заметил парень в замасленном комбинезоне с нашивкой на груди, согласно которой его звали Дейв. – Какого года старичок, шестьдесят второго?

– Шестьдесят третьего.

– Это ты его туда загнал?

– Что-то плохо помню.

– Могу забрать в город, посмотреть, что и как. Если рама погнулась,

ничего уже не сделаешь.

- Сколько возьмешь за буксировку?
- Как насчет сотни баксов?
- Пятьдесят устроит?

Сошлись на том, что разницу поделили пополам. Потом Джонни доехал с Дейвом до автомастерской с двумя боксами.

– Второй подъемник сломан, – объяснил Дейв, – так что твоим займемся, как только первый освободится. Можешь подождать, если хочешь.

Стоявший на подъемнике старенький «Датсун», похоже, уезжать не собирался – у него отсутствовали все четыре колеса, выпускной коллектор и задний коренной подшипник.

– Спешить некуда, – сказал Джонни. – Ты мне позвони, а если не отвечу, оставь сообщение.

– Как хочешь.

Они вышли из кабины. Мимо, тяжело пыхтя, пронесся большегрузный трейлер. Джонни вытащил из кармана пачку бумажек и отсчитал семьдесят пять долларов.

– Мне надо на чем-то ездить.

Дейв кивком указал на кабриолет с пятнами ржавчины.

– Можешь взять за восемьдесят баксов.

– На сколько?

– На неделю.

– А как насчет этого? – Джонни показал на мопед с «лысыми» покрышками и рваным сиденьем.

– Даже не знаю, бегает ли он вообще.

– Если бегает, отдашь за полсотни на месяц?

– Вот что я тебе скажу. – Дейв посмотрел на мопед оценивающим взглядом и вскинул бровь. – Давай сотню, и он весь твой.

* * *

Вернувшись в Пустошь, Джонни сел под дерево и постарался успокоиться и не паниковать из-за потерянных дней. Для начала он сосредоточился на жарё, потом на сердце, на крови в венах. Затем перешел вовне – на кору, к которой прижимался спиной, и через нее на сердцевину дерева, спустился к корням и дошел до камня, лежащего в холодной глубине и служащего дном мира.

– Пять дней.

Он размял руку и почувствовал движение сухожилий. Грузовик не просто пострадал, его доби́ли. Такова реальность. А вот как объяснить внезапные проблески цвета? Вспышки? Кровь? Прочие невероятные видения? Может быть, за жизнь в Пустоши и впрямь нужно платить, и плата эта такова, что позволить ее себе он не может? Не позвонить ли Джеку, подумал Джонни и тут же сам себе ответил: нет. Джек начнет беспокоиться, а спорить с ним он пока что был не готов.

И что оставалось?

Джонни сел на мопед и, выехав из Пустоши, повернул на север, к Леону.

– Немножко рановато для тебя, а? – спросил из-за стойки хозяин бара.

– Я не за выпивкой.

– Поесть?

– И не за этим. – По дороге Джонни обдумал несколько вариантов подхода к интересующей его теме, но в результате пришел к выводу, что хитрить не стоит. Разговаривая с гостем, Леон продолжал вытирать стаканы, ловко орудуя старым полотенцем. – Ты как-то сказал, что по молодости охотой занимался...

– Верно.

– И что выследить можешь любого зверя. Что у тебя это лучше всего получается.

– Так оно и есть.

– Почему ты не ходишь на болото?

– Кто сказал, что не хожу?

– Ты сам и сказал.

Бармен покачал головой:

– Не помню такого.

– Я тогда в первый раз сюда пришел. Ты сказал, что, мол, пойти на болото равнозначно капитуляции, а у тебя сдаваться желания нет. Да еще обозвал меня тупицей, у которого соображения меньше, чем у камня.

Леон улыбнулся:

– Да, точно. Теперь помню.

– Так чего же ты боишься?

– Хочешь поговорить о болоте? Сейчас? Через столько лет?

– Да, хочу.

Леон отставил стакан, отложил полотенце и, облокотившись о стойку, подался вперед.

– И с чего бы вдруг такой интерес после... сколько там... шести лет?

– Может, меня тоже кое-что пугает.

– Что?

– Сам толком не понимаю.

Бармен налил в кружку кофе и подтолкнул ее через стойку.

– Пей.

– Зачем?

– Затем, что мне подумать надо.

Весь следующий час Леон полировал стаканы и подметал пол. Однажды, оглянувшись, Джонни увидел, что бармен наблюдает за ним, слегка наклонив набок голову и держа в руках метелку. В полдень в бар завалила на ланч небольшая толпа, и Леон дал Джонни сэндвич. Еще через два часа бармен вышел к песочной яме и привел с собой старичка, которого поставил вместо себя за стойку, предварительно надев на сменщика фартук.

– Не спали мне заведение. Ты. Идем.

Он взял бумажный пакет, отвел Джонни к старому грузовику и повернул ключ. Грузовичок закашлялся и выплюнул клуб сизого дыма. Леон положил руки на руль.

– Я на этой земле пятьдесят лет с лишком. Здесь мое место в мире: вот этот вот грузовик, эти люди, двадцать квадратных миль. Может, меньше. – Он повернулся к Джонни. – Что бы ни привело тебя сегодня с того болота, я про то знать не хочу – даже если ты видел что-то, слышал что-то или сам Господь потянулся с неба покормить тебя завтраком. Понятно?

Джонни кивнул.

– Я помогу тебе сегодня. И больше мы об этом говорить не будем. Можешь приходить в любое время. Можешь есть мои ребрышки и пить мой виски. Мы будем говорить о погоде, о проблемах на лесопилке или о тех мягоньких, кругленьких дамочках в обрезанных джинсах и тесных маечках. Ты рассказываешь кому-то про то место, куда я собираюсь тебя отвезти, – и на этом всё, конец.

– Понимаю.

Леон еще раз посмотрел Джонни в глаза.

– Сделай так, чтобы я об этом не пожалел.

Они проехали через стоянку, пересекли реку и покатали по краю поля. Вдоль дороги бежали телефонные столбы, а когда столбы повернули на восток, Леон продолжал ехать на север по проселочной дороге. Мир вокруг окрасился в зеленое и красно-коричневое, и воздух изливал теплое приглушенное мерцание. Еще через две мили Леон свернул в лес, преодолел, беспрестанно газуя на скользких камнях, широкий ручей и остановился на вырубке, где между тюльпановыми деревьями и

бархатистым дубом притулился домишко со сложенной из шлакоблоков трубой и грязной металлической крышей. Со стропил по левой стороне свисали тушки кроликов, цветы в горшках оживляли невысокое крылечко.

– Жди здесь.

Леон прошел через пыльный двор и поднялся по прогнувшимся под его весом ступенькам. Ему открыли еще до того, как он постучал. Выглянувшая старушка посмотрела на Джонни и закрыла дверь. Четыре минуты спустя Леон вышел один и, подойдя к машине, сказал:

– Гостей не любит, но тебя примет.

– Кто?

Леон забрался в кабину.

– Можешь называть ее Вердиной. Стара, как первородный грех, и видеть никого не хочет, так что ты уж веди себя прилично, а иначе мне несдобровать. И еще, возьми вот это – пригодится. – Он вручил Джонни бумажный пакет. – Сахар. Подарочек. Ей это нравится.

– Что-нибудь еще?

– Левый глаз у нее слабый, так что смотри в правый. Не повышай голоса, не дерзи. Физиономия у тебя симпатичная, так что все должно получиться.

Джонни бросил взгляд на домишко. Дверь была приоткрыта, и за ней виднелась крошечная фигура в застиранном платье.

– Болото знает?

– Получше тебя.

– Как это?

– Прожила там полжизни.

Джонни почувствовал, как его словно потянуло к домику.

– Что еще мне нужно знать?

– Наверное, только вот это. – Леон наклонился вперед и тоже посмотрел на старуху. – Она, в общем-то, моя бабуля.

Джонни подождал еще немного и выбрался из кабины. Взойдя на крыльцо, увидел мух на кроликах и ружье у двери. Старуха ждала.

– Подойди ближе. Чтобы я на тебя посмотрела.

Джонни переступил порог, и хозяйка встретила там, где в окно вливался свет. Она была маленькая, но руки, когда она коснулась его лица и повернула к солнцу, оказались проворными и не дрожали.

– Леон говорит, тебя зовут Джонни Мерримон.

– Да.

– Хм... Похож. – Старуха повернулась, прошла в полумрак комнаты и села в кресло-качалку у холодного камина. Других комнат в домике не

было: плита справа и кровать в углу. – Ну, проходи. Я сказала Леону, что хочу поговорить с тобой. Но не сказала, что займу этим целый день.

Джонни сел на стул по другую сторону от камина.

– Леон говорит, что он ваш внук.

– У его мамочки были самые круглые каблучки^[19] во всем округе, так что, может, внук, а может, и нет. Это мне?

Джонни передал пакет, и Вердина сунула в него палец, а потом слизнула песок.

– Ладно. – Она поставила пакет на колени. – Скажи мне, что ты хочешь знать.

– Вы сказали, что я похож на Мерримона. Что это значит?

– То, что ты пошел в своих родичей по мужской линии.

– С чего вы это взяли?

Она презрительно фыркнула.

– Твоя семья много лет владела моей семьей. Или ты позабыл об этом?

Джонни покраснел от смущения. Об этом он и впрямь не подумал. А как же Леон?

– Куришь? – спросила Вердина.

– Нет.

Из кармана старухи вынырнула самокрутка. Вердина чиркнула спичкой и выпустила клуб дыма. Табаком от него не пахло.

– Леон говорит, ты Хаш Арбор владеешь...

– Да, мэм.

– Постройками? Землей?

– Всем.

Старуха еще раз затянулась, отложила самокрутку и сняла с языка какую-то крошку.

– Говорит, тебя что-то напугало. Что?

– Даже не знаю.

– Не знаешь или не хочешь говорить? – Джонни не ответил, и она, не спуская с него глаз, кивнула. – Покури.

– Я не курю.

– Можешь покурить, а можешь уйти.

Джонни посмотрел на дымящуюся самокрутку в ее руке.

– Это что?

– Марихуана. Грибочки. Ничего такого, что не растет на этой Богом созданной зеленой земле. – Она протянула «косячок». Один конец был влажный, другой походил на оранжевый уголек. Секунду поколебавшись, Джонни взял самокрутку и легонько попыхтел. – Глубже. – Он затянулся и

тут же закашлялся. Вердина с довольным видом забрала сигаретку. – Так что такое ты увидел, что оно тебя испугало?

– Ничего. Я потерял пять дней. Вот так. Они у меня выпали.

– И ничего не помнишь?

– Какие-то вспышки. Разрозненные образы. Думаю, я расшибся, но вроде бы и нет. Бессмыслица какая-то.

– Ты сны видишь? – Джонни заколебался, и старуха выпустила струю дыма ему в лицо. – На болоте? Видишь сны?

– Да. Думаю, что да.

– И что тебе снится? Не лги.

Джонни сглотнул. В доме было жарко, ни малейшего ветерка. От дыма кружилась голова.

– Вижу повешенных.

– Кого?

– Одного белого мужчину. Двух рабов.

– Что еще?

– В каком смысле?

– Кури. – Старуха снова подала ему косяк, а когда он затянулся, подалась вперед. – Ты возле дерева. Люди кричат.

– Откуда вы знаете?

– Там еще девушка с ножом. Мужчин изуродовали.

Старуха откинулась назад, и Джонни захлебнулся дымом. Попытался продохнуть и не смог.

– Скажи, что ты слышишь.

– Мне это не нравится...

– Скажи.

– Крики. Господи... Я слышу, как кричат те мужчины. – Вердина отстранилась еще дальше, и на мгновение Джонни оказался во сне. Огонь, дергающиеся ноги. Он моргнул, и все растаяло. Закашлялся, прочистил горло. – Как вы узнали, что мне снится?

– Сны о болоте – редко просто сны. Ты видишь другие?

– Может быть. Не уверен.

– Возьми. – Старуха протянула ему вторую самокрутку. – Выкури вечером, потом возвращайся сюда.

– Я же сказал, что не курю.

– Тогда сделай с ней чай. Неважно. Главное, что она поможет тебе увидеть сон.

– Все, что мне нужно, это правда.

– Конечно. Но, как я уже сказала, кошмары это или видения, сны о

болоте редко просто сны.

* * *

Ту ночь Джонни проводил в хижине и на эксперимент решился, когда было уже поздно. Ни старухе, ни содержимому сигареты он не доверял, однако же в конце концов поймал себя на том, что сидит на кровати с кружкой, содержимое которой пахнет как вареная глина, и вкус имеет примерно такой же. Вот что сделало с ним отчаяние и страх из-за потерянных дней. Допив чай, Джонни вытянулся на кровати и попытался успокоиться и уснуть. В большинстве случаев все получалось просто: несколько глубоких вдохов и плавное соскальзывание. Но сейчас он нервничал, ворочался и крутился и в конце концов вышел и улегся под звездным небом, на мох и папоротники. Было тепло и тихо, и Джонни представил небо как нечто огромное и тяжелое. Он смотрел словно сверху вниз и видел себя лежащим на траве. Земля поворачивалась, и он был пульсом, еще одним дыханием, пятнышком на зеленом. Мох под ним принял его форму и держал ее. Звезды померкли, и Джонни медленно плыл. Он был мужчиной и мальчиком, вспышкой мысли за мгновение до рождения. В какой-то миг перед ним мелькнули глаза отца – и глаза деда в сумраке за ними. Он был Джонни Мерримом – Джоном, – одним из череды мужчин, которые сотворили и его самого. Одно лицо... другое...

Он падал в темноту.

В сон.

* * *

Страх навалился, как только он открыл глаза. Она умирала, его чудесная жена. Там, где он прикасался к ней, жар обжигал кожу. Никто еще не видел такой лихорадки: ни среди родных, ни среди рабов; ни даже доктор из-за реки, который сказал, что теперь остается только молиться.

Наклонившись, он прижался щекой к ее щеке и ощутил жар, сжигающий ее заживо. Она застонала от прикосновения, но он не отстранился и положил ладонь на ее раздувшийся живот, в котором жил их ребенок.

– Принесите еще льда.

– Ледник пустой.

Он поднял голову. Рабы тоже плакали. Они любили Мэрион так же, как он. Красивую и добрую, ее любили все. Ей было девятнадцать.

– Полотенца. Принесите влажные полотенца.

Две женщины бросились за полотенцами. Джон взял жену за руку. Он владел сорока тысячами акров земли – и продал бы все, чтобы только видеть ее здоровой. Они играли вместе в детстве, и он любил ее с тех пор, как ей исполнилось тринадцать лет. Он был старше на два года, но в тот день она первой дотронулась до его руки. «Когда-нибудь мы поженимся», – сказала она, и он навсегда запомнил, какими серьезными стали ее веселые глаза. Тогда он впервые увидел, какой женщиной она станет. Она всегда была мудрее и сильнее.

– Джон...

Выдох. Такой горестный звук.

– Я здесь, Мэрион. Рядом.

– Воды...

Он приподнял ее голову, поднес к губам чашку. Она отпила совсем немного... закашлялась. Джон промокнул потрескавшиеся губы, убрал упавшую на лицо прядку волос. Чахлая... бледная... Только лихорадка румянила кожу. Только лихорадка. Он хотел сжать ее руку, но боялся, что кожа порвется и сломаются кости. Вот уже третью неделю ее засасывал водоворот жара и бреда. Сколько дней прошло с тех пор, как она говорила с ним? Сколько жутких ночей?

– Ребенок...

– Да. У нас будет чудесный ребенок, вот увидишь. Ты поправишься. Все будет хорошо.

Она сдвинула его руку на живот.

– Возьми его...

– Доктор скоро...

– Некогда.

– Мэрион...

– Важен только ребенок. – Она моргнула. – Только ребенок...

Он поцеловал ее в лоб, горячий, как плита.

– Джон...

– Я здесь.

– Если будет мальчик... – Ее губы шевельнулись, но сил уже не осталось. – Это нужно сделать сейчас. Пока я не струсила.

– Не могу.

– Да.

– Любовь моя...

Она молила глазами, и у Джона задрожали руки. Он снова поцеловал ее, и кто-то вложил нож ему в ладонь...

** * **

Джонни проснулся под светом звезд, переполненный эмоциями, которых не знал раньше.

В нем жили двое.

Двое мужчин.

Прошел час, а он все еще плакал.

Глава 22

Джимми Рэй Хилл очнулся в темноте, плохо представляя, где находится и насколько сильно пострадал, хотя и предполагал, что досталось ему крепко. В нос ударил запах сырости и крови. Одна рука была сломана. Он попытался сдвинуться с места, но ниже пояса никакого движения не случилось. Мало того, он не почувствовал ног.

– Господи...

Он лежал на шершавом камне, и что-то в спине выпирало там, где выпирать ничего не должно.

– А... дерьмо.

Джимми Рэй потрогал лицо и обнаружил кровь и рваные раны. Ощупав глаза, убедился, что они открыты. Получалось, что его окружала кромешная, как на дне мира, тьма.

– Уиллард?

Имя ушло и умерло в пустоте. Джимми Рэй позвал шерифа еще раз, потом прижал сломанную руку к груди и ощупал себя другой. Царапины, грязь, кровь. И сломанная спина.

– Господи...

Джимми Рэй пошевелился – под ним зашуршали веточки и камешки, – осторожно провел рукой по спине и потрогал кость... как будто прикоснулся к кукурузе. В темноте, поломанный, один...

– Ты просто дыши, старик.

Но и дыхание не ладилось.

– Уиллард!

Шериф не отозвался. Либо лежит без сознания, либо его унесло куда-то еще, либо умер. Джимми Рэй попытался отыскать в себе то мужество, которое помогло ему в молодости во Вьетнаме. Там его, раненного дважды, оставили на поле боя. Он помнил ту долгую ночь, высокие, бледные звезды, звук шагов. Помнил, как закрыл глаза и молился. Память стала началом. Джимми Рэй сосредоточился на дыхании.

Медленно и глубоко.

Ты еще жив...

Глубоко и медленно.

Не паникуй...

Но как не запаниковать, когда такая боль. Острым шипом она была вверх из сломанной спины и пульсировала в руке. Сквозь боль пробивались

воспоминания о болоте, свете и всем остальном. Как что-то тащило его, несло и бросило.

Бросило...

Даже не бросило, а швырнуло, словно в первый момент он и не весил ничего, а потом с силой тысячи фунтов грохнулся на землю – на каменистый склон, по которому он потом соскользнул вниз. Джимми Рэй помнил это падение – как приземлился спиной на камни.

Он был в пещере.

Где-то капала вода.

– Эй! Кто-нибудь!

Никого. Оказалось, это не так-то просто: принять тот факт, что, если хочешь выжить, полагаться нужно только на себя. Осторожно, стараясь не потревожить спину, он пошарил вокруг здоровой рукой. Обнаружил камень за головой – наверное, тот и сломал ему спину. Валялись рядом и другие, поменьше, размером с мяч для софтбола или грейпфрут, но с острыми гранями. Пальцы наткнулись и на какие-то старые деревяшки и на что-то липкое – должно быть, его собственную кровь. Нужен был рюкзак и какой-то свет.

Но вместо рюкзака он нашел шерифа.

– Уиллард, слава богу...

Джимми Рэй дотронулся до ботинка, потом, несмотря на адскую боль в спине, придвинулся ближе. Беречься, думать о себе он уже не мог. Что случилось, то случилось. Теперь задачи стояли другие: помочь другу, выбраться и выжить. Джимми Рэй нащупал ремень Клайна, положил руку на грудь. Шериф не дышал. И уже остыл. Подтянувшись еще выше, Джимми Рэй дотронулся до лица, нашел нос, распухшие губы. На всякий слушай проверил пульс на горле, хотя и знал, что уже поздно.

Уиллард Клайн умер.

И умер давно.

– Кто-нибудь! – крикнул он, испытав стыд почти такой же сильный, как страх.

В каком-то смысле эта капитуляция была едва ли не страшнее сломанной спины. С той жуткой ночи во Вьетнаме Джимми Рэй никогда ни в ком не нуждался. Жил один, работал один. Не было схватки, в которой он не мог бы победить, лошади, с которой не мог бы справиться, машины, которую не сумел бы починить. И вот теперь он оказался под землей, беспомощный и одинокий, как никогда раньше...

Джимми Рэй перевернул шерифа и проверил карманы, надеясь найти спички или фонарик. Пошарил под телом. Продвинувшись дальше,

нащупал гладкий склон, по которому скатился вниз, и потянулся выше, но пальцы соскользнули, и он скатился во второй раз. Захрустели какие-то старые сухие ветки. Пальцы нащупали нейлон. Так и есть, рюкзак. То ли его, то ли Уилларда.

Молясь, как и тогда, на поле боя в далеком Вьетнаме, Джимми Рэй вытащил тяжелый фонарик, который купил десять лет назад в холодный зимний день. В его свете он увидел камень, силуэт своего друга и то, чего никак не ожидал увидеть. Ветки вовсе не были ветками.

Он оказался в общей могиле.

В гробнице.

Глава 23

Проснувшись вместе с водянисто-бледным солнцем, Джонни обнаружил, что почти не помнит, как съездил к Вердине. Шоссе, проселок, деревья и кусты, крыльцо под навесом и обшивочная доска цвета старой кости. Старуха сидела на крыльце рядом со старинным ружьем и с улыбкой смотрела на него, пока он, словно налетевший ураган, шел, взметая пыль, по двору. А он ничего не мог с собой поделаться – темные чувства вырвались на волю.

– Что такого вы со мной сделали?

– Ничего.

– Ложь, и вы это знаете. Не знаю, как это назвать, но уж точно не сном.

– Что бы ты ни увидел, это касается тебя и твоей семьи. Связь была всегда. Я лишь открыла окно.

– Какая связь?

– С Хаш Арбор, конечно, с твоей семьей и моей, с теми, кто жил там и умер. Время и впрямь тончайшее из сущего.

Джонни постарался успокоиться. В ее голосе, как и в ритме кресла, ощущались самообладание и твердость.

– Что было в той сигарете?

– Сигарета – не твоя проблема.

– Вчера вы сказали «видение».

– Да.

– Прошлым вечером... – Джонни сжал кулаки, сдерживая злость. – Сон, наркотик или что-то еще?

– Видел его, да? Джона Мерримона.

– Нет. – Джонни никак не мог успокоиться. – Я был им.

– Расскажи.

– Я видел, как умирала женщина. Беременная.

– Мэрион Мерримон, твоя прапрабабушка.

– Значит, это было на самом деле...

– Летом тысяча восемьсот пятьдесят третьего она умерла от лихорадки.

Джонни опустил на верхнюю ступеньку, склонил голову, закрыл лицо руками. Он знал их секреты, их первый поцелуй, слова, которые они прошептали друг другу. Что такая любовь возможна, Джонни и не представлял. И таких эмоций не знал. У него даже перехватило горло.

– Я был там. Держал ее за руку. Чувствовал, как шевелится ребенок. Он замолчал, не сумев совладать с нахлынувшими чувствами. Вердина затянулась, но дым выпускать не спешила.

– Твоя семья и моя. Видения находят нас время от времени.

– Как?

– Правда – на потом.

– Мне нужно понять.

– Что тебе нужно, так это слушать меня и вести себя поосторожней. Хаш Арбор – опасное место для тех, кто не уважает его тайны. Принимай сны в меру – и ты откроешь едва ли не всю правду, которая потребна тебе. Перебор – и эта жизнь покажется тебе блеклой и скучной. Понимаешь? Эта жизнь. Твоя. Не заплутай в прошлом. Я такое видела.

– Так вчерашний сон...

– Это только начало. – Старуха попыталась улыбнуться, но Джонни видел лишь печаль и боль, столетие непостижимого.

– А вам этот сон снится?

Она покачала головой.

– Мне снятся мои люди, тебе – твои. Такова природа вещей.

– Что вы от меня хотите?

– Ничего.

Она солгала, и Джонни ясно это видел. Что-то ей было нужно. Очень, очень нужно.

– А мне нужна моя жизнь, – сказал он.

– Есть двери, которые трудно закрыть.

– Что мне делать?

– Одно только возможно. – Вердина достала из кармана халата еще несколько сигарет. – Войти в дверь. И в этот раз узнать правду, что еще темнее.

Глава 24

Слабость была знакома Луане Фримантл так же хорошо, как дно бутылки. Слабость обитала в глубине ее естества и родилась в далеком детстве на болоте. Луана так и не стала той девочкой, какой хотела видеть ее мать. Она ненавидела жару и грязь, наследие рабства и старые верования – все то, что пронизывало каждую сферу жизни в Хаш Арбор. Ей не нравились ни зарубки на руке, ни висельное дерево, ни странные молитвы на чужом языке. Но еще больше было такого, чего она боялась. Боялась ночи, леса и надежд всех тех женщин, что уже ушли. Хуже всего были сны. Начались они через неделю после ее пятнадцатого дня рождения: мрачные видения с висельным деревом и другим детством, с бременем земли в тот день, когда ее погребли заживо. Эти сны начались не постепенно – нет, едва ей исполнилось пятнадцать, как они обрушились лавиной. Она закрывала глаза девочкой, а просыпалась рабыней, и теперь познала ужасные вещи: каково страдать и убивать, и нести жгучее клеймо предательства.

«Такова наша жизнь, – сказали ей. – И таково наше время».

Старухи пытались утешать и объяснять, но Луана не желала их слушать. Ей было пятнадцать. Она хотела жить в мире с телевизором, кондиционером и чистенькими, прилизанными парнями вроде тех, которых видела однажды на дороге за болотом. Больше всего Луана хотела убежать от жутких давящих снов.

И вот теперь они нагрянули к ее дочери.

– Кри?

Луана постучала в дверь, но ответа не последовало. Три дня дочь избегала ее, то скрываясь на крыше, то прячась в своей комнате. Единственными звуками, которые производила затворница, были крики, когда она спала, или всхлипы, когда просыпалась.

– Милая...

Окно в комнате было плотно зашторено, лампы погашены. Кри сидела в углу комнаты, подтянув к груди колени и часто-часто дыша. Издалека ее можно было принять за кучку старого тряпья. Луана опустилась рядом и приложила ладонь к щеке дочери. Жар и пот. За полуопущенными веками проглядывали белки. Сон овладел ею.

– Ох, детка... Нельзя мне было посылать тебя туда.

Какой-то непонятный звук сорвался с губ Кри, но дыхание не сбилось, не замедлилось. Девушка дрожала и стонала, и Луана переживала вместе с

ней. Тот же кулак в груди, та же слепота и страх. Луана взяла дочь за руку и вздрогнула, когда та закричала, задергалась и забарабанила пятками по полу, а глаза у нее закатились. Луана попыталась удержать ее, но девушка отбивалась, царапалась и сопротивлялась как могла. И тогда мать тоже издала безумный крик и, спрятав слезы, которые жгли ей лицо, обняла свое дитя.

* * *

Когда все закончилось и обе притихли, Кри положила голову матери на колени.

– Я схожу с ума.

– Нет, – прошептала Луана.

– Ты не представляешь.

– Ох, деточка... – Луана погладила дочь по волосам и виновато вздохнула. Она отправила дочь на болото не только потому, что так хотели старухи, но потому, что сама была молода, думала только о себе и увлеклась миром удовольствий, спиртного, автомобилей и красавчиков с гладкой кожей. – Нельзя мне было отдавать тебя им.

– Что со мной происходит?

– Тсс... Просто дыши.

Если б все было так легко... Кри дрожала и горела, и Луана знала, как ей плохо. В долгой схватке со сном минуты становились сражениями, а часы – войнами. А когда сон все же приходил, он редко приходил один. Старухи говорили, что сильные со временем приспособляются, но что Луана знала о силе? Она сама никогда не доводила начатое дело до конца и бежала от трудностей.

– Ты сильнее, чем думаешь, – сказала она, сама себе не веря. За три дня дочь потеряла в весе, глаза ее впали, джинсы едва держались на бедрах.

– Зачем ты здесь? – Кри поднялась и прошла к кровати. – Ты же никогда не приходишь ко мне.

– Я здесь потому, что мы не такие уж разные, как ты думаешь.

– Ну да.

– Хочешь поговорить о том, что происходит?

Кри горько рассмеялась, как будто всхлипнула.

– С тобой? Нет. Даже не притворяйся.

– Может быть, я помогу...

– Не сможешь.

- Кри...
- Просто оставь меня в покое.

Она опустилась на матрас, и Луана положила руку на мокрое от слез дочери колено.

- Я никогда не была хорошей матерью...
- Ты никакой матерью не была.

Луана согласно кивнула.

– Я уйду ненадолго. Ты точно не хочешь, чтобы я осталась? Мы можем поговорить. Я ведь тоже была когда-то в твоём возрасте.

- Передавай привет своим приятелям в баре.
- Милая...
- Ты же вроде куда-то собралась...

Луана молча кивнула. В коридоре она на мгновение прикоснулась ладонью к двери, потом прошла в свою комнату и оделась: отложила халат, отставила шлепанцы, поправила волосы и нашла скромное платье, подходящее к её простеньким туфлям. Собрав в сумочку имеющиеся деньги, ещё раз взглянула на бутылку, но из квартиры вышла, так и не прикоснувшись к ней. Трудно, но самым трудным было не это. Остановившись у квартиры напротив, она постучала и даже попыталась изобразить улыбку, когда дверь открыла хмурая соседка.

- Ты за кого себя выдаешь? В церковь собралась?

Луана смущенно разгладила платье. Надо же, женщина, по соседству с которой она прожила десять лет, никогда не видела её в чем-то другом, кроме халата, короткой юбочки или треников.

- Мне нужно воспользоваться твоей машиной.

Соседка затянулась сигаретой.

- Ты же пьяна.
- Не более, чем ты.
- Может быть, но машина-то моя.
- Давай не сейчас, Тереза. Обойдемся без твоей обычной ерунды.

Тереза рассмеялась. Женщина иногда решительная и жесткая, в прочих отношениях вялая и ничем не примечательная, за исключением ясных, сияющих глаз. Время от времени они выпивали на двоих в одной или другой квартире и раз в неделю встречались в местной пивнушке за сигаретой и стаканчиком. Они были подругами в том же смысле, как могут быть подругами две сокамерницы.

- Дело важное. Мне нужна машина.
- Куда поедешь?
- На восток. На несколько часов.

– Нет.

– Это для дочери.

Тереза прищурилась, так что ее мраморные глаза почти закрылись. Машине было тридцать лет, и стекло в правом окне заменял кусок пластика. Стоила она несколько сотен баксов, но, с другой стороны, Луана была ее единственной подругой...

– Ладно. Я сама тебя отвезу.

* * *

Поездка из Шарлотт получилась долгая и гремучая. Пластик хлопал по раме и потрескивал, из дыры в полу тянулся выхлопной газ. В первый час Тереза несколько раз пыталась завязать разговор, но у Луаны не было настроения.

– Поверни здесь. Следующее шоссе на восток.

Чем дальше от города, тем меньше встречалось машин. Восемь полос сократились сначала до четырех, потом до двух, и, наконец, осталось только узкое черное шоссе, пролежавшее через сосновый лес и песчаные холмы, которое и привело их в округ Рейвен.

– И какого черта мы здесь делаем?

Тереза распечатала вторую пачку ментоловых сигарет. Слева мигал огнями город, но они проехали мимо и покатали через открытую местность с небольшими домами и высушенными солнцем полями.

– Мы с тобой давно знакомы, – сказала Луана. – Ты обо мне почти все знаешь. Про разводы. Про тюрьму. Но это другое. Об этом я говорить не могу.

– Почему?

– Потому что ты мне неверишь.

– Ну конечно, – недоверчиво отозвалась Тереза, но Луана не стала ни извиняться, ни объяснять. Вдалеке показалась стена леса. Еще дальше за ней виднелись холмы.

– Мили через две будет перекресток. Там и останови.

Пятью минутами позже Тереза съехала на обочину перед образуемой двумя дорогами гигантской X. Лес уходил влево. Справа широкое кукурузное поле охватило со всех сторон некрашенный домишко. Прикусив губу, Луана посмотрела сначала на одну, потом на другую дорогу. Все было по-прежнему, но сомнения оставались.

– По-моему, туда. – Она показала налево, и они еще милю проехали по

лесу. – Да, теперь вон там еще раз налево. – Шоссе раздваивалось, и дальше шла уже гравийная дорога. Они проехали еще немного и остановились в низинке, перед пересекающим дорогу ручейком.

– Я его не перееду, – заявила Тереза.

За ручьем, под деревьями, виднелась старая лачуга.

– Ладно, – сказала Луана. – Тебе все равно рады не будут.

– А тебе будут?

– Не уверена. Жди здесь.

– Отличный план. – Тереза открыла бардачок и достала небольшой револьвер, лет двадцать назад оставленный на ночном столике неким мужчиной, ныне благополучно забытым.

– Если сумеешь вернуться, я буду здесь.

– Не шути так.

Она открыла протестующе скрипнувшую дверцу. Ручей оказался неглубоким, но обувь промокла, и следы тянулись за Луаной по пыли еще двадцать футов. Последний раз она была здесь шестнадцать лет назад и даже не знала, жива старуха или уже нет.

– Далековато забралась.

Голос прозвучал из тени под навесом. Луана прищурилась и увидела неясную фигуру в кресле на крыльце.

– Вердина?

– А кто спрашивает?

– Луана Фримантл.

– Ты не можешь быть Луаной Фримантл. Шестнадцать лет назад я сама сказала Луане Фримантл, что застрелю ее, если только она ступит на мою землю.

– Это было давно, и я была девчонкой.

– Ты называла меня старой каргой, нахальной всезнайкой, не имеющей никакого права смотреть свысока на тех, кто лучше.

– Я привела тебе свою дочь.

– Ты привела ее лишь потому, что не посмела посмотреть мне в глаза.

– Так я могу подойти или нет?

– Опять пьяная?

– Нет.

– Так это что, дружеский визит? У меня здесь, знаешь ли, не клуб беглянок.

– Моей дочери снятся сны.

– Только не за пределами Пустоши.

– Иначе б меня здесь не было.

Луана ждала. Вердина ушла из Пустоши, когда ей было за пятьдесят, и уже поэтому отличалась от других. Большинство уходили рано или умирали там же, где и родились. Вот почему ее воспринимали как своего рода посредника, к ней обращались, чтобы передать лекарства и новости, а то и весточку для ушедших и для вернувшихся. Наверное, поэтому, думала Луана, старуха держала ружье на коленях, а не у плеча.

– Ладно, поднимись, – сказала Вердина.

Луана поднялась по ступенькам на крыльцо, где подверглась неторопливому и придирчивому осмотру. Даже в платье и скромных туфлях она вызвала у старухи разочарование. Луана была беглянкой, разбившей материнское сердце, неблагоприятным дитятей, унесшим последнюю большую надежду тех, кто остался.

– Здесь никого уже нет. И ты это знаешь. – Старуха обошла ее по кругу. – Не только твоей матери и бабки. Никого. Такова жизнь.

– Знаю. Я пыталась вернуть землю.

– Ради денег, как я представляю.

– Не делай вид, будто знаешь меня.

– А ты не пререкайся. Ты всегда была жадная, даже ребенком, и я это видела. Ежевики мало было, тебе персики подавай. А когда персики надоели, шоколад да табак потребовались. Тот шелковый шарф, он еще у тебя?

Луана покраснела. Шарф она украла у зазевавшегося туриста на придорожной остановке, где ее бабушка продавала медовые соты и сушеную рыбу.

– У Кри сны, – сказала она.

– За Пустошью снов никто не видит.

– Моя дочь видит.

Зрячий глаз Вердины полыхнул жестким блеском. Сны видели немногие. С большинством ничего такого не случалось. Для тех, кто, подобно старухам, хранил веру, сны о прошлом были знаками и мольбами, теми нитями, что привязывали видящего их к Хаш Арбор.

– Здесь был мальчишка Мерримон.

– Что?

– Вчера. Ему снится Джон Мерримон и умирающая от лихорадки жена. Не ровен час, увидит и остальное.

– Так ты ему помогаешь? – спросила Луана.

– Мерримоны всегда были ключом.

– Кри тут ни при чем.

– Ты так говоришь, будто есть выбор.

– Я этого не допущу.
– Видения станут только хуже. Они сломают ее. Девочка потеряет себя. Сможешь ли ты помочь? Приведи ее ко мне. Со мной она будет в безопасности.

– Ты ее используешь.

– Это то, чего мы ждали.

– Только не с моей дочерью.

– Тогда отправляйся домой. – Вердина махнула рукой в сторону машины за ручьем. – К своей сломленной дочери. А сюда вернешься, когда совсем плохо станет.

– Я не уйду, пока не получу ответ.

– Леон. – Вердина повысила голос, и на крыльцо вышел Леон, высокий, сильный и решительный. – Ты ведь помнишь его, да? Леон, эта неблагодарная невежда уходит. Помоги ей, хорошо?

– Да, мэм.

Расставив руки, Леон надвинулся на гостью, выталкивая ее с крыльца.

– Подожди, – сказала Луана. – Извини.

– Никто не будет разговаривать со мной свысока на моем собственном крыльце. Уходи. Убирайся. Вернешься, когда она высохнет, будет кричать во сне или забудет собственное имя.

– Она уже высохла и кричит во сне.

– Тогда тебе следовало бы выказать побольше уважения. Уходи.

Леон согнал ее с нижней ступеньки. Уже перейдя ручей, Луана оглянулась и лишь затем села в машину.

– Проследи за ней до дома, – сказала Вердина. – Узнай, где живет.

– А если она меня увидит?

– Неважно, увидит она тебя или нет. Ты только выясни, где она держит девочку.

Машина, на которой приехали две женщины, развернулась. Грузовик Леона последовал за ней. Когда все скрылись из виду, Вердина устроилась поудобнее в старом кресле и закурила сигаретку. За всю долгую жизнь видение случилось у нее лишь однажды, но она так и не смогла забыть девушку с ножом, ту великую женщину, которая и начала это все.

Сто семьдесят лет...

Вердина втянула дым в легкие.

И все это время в земле...

Девушка была ключом, наконец-то... Девушка и Джонни Мерримон.

Если только к нему снова придет сон.

Если только он увидит.

Глава 25

Джонни проснулся уже ночью. Под веки словно набился песок. Он сидел у костра под полуночным небом, смотрел, как тлеют угли, как искры поднимаются вверх, будто по тонким черным нитям.

Он боялся уснуть.

Чувства оказались слишком глубокими и реальными. К такому жизнь его еще не подготовила.

Она была его женой.

Если он снова уснет, то, быть может, увидит, как она умирает.

Сигареты Вердины притягивали взгляд как магнит. Они лежали на столе по другую сторону костра. Несмотря на страх, ему хотелось еще раз увидеть Мэрион, узнать, выжил ли ребенок...

– Она не моя жена.

Правда, но не совсем. Он был Джонни Мерримом, и он же был Джоном. Разделить их он не мог, и это сводило его с ума. Поднявшись со стула, Джонни подошел к воде и посмотрел вдаль, через болото. Представил старуху с горящими глазами.

И в этот раз узнать правду, что еще темнее...

Она им манипулировала. Она чего-то хотела. Джонни думал, что так может чувствовать себя алкоголик, в глубине души понимающий, что все равно сорвется. И всю ночь мысли ходили по кругу.

Он хотел обнять жену.

И знал, что она не его жена.

– Это не моя жизнь!

Джонни вернулся к костру и еще несколько долгих часов сидел, пока в лесу не зашевелилось что-то. Поначалу – лишь мерцание, игра света в зарослях, пробуждающихся перед рассветом. Но глаза Джонни снова уловили движение. Он смотрел поверх догорающего костра, и когда пустота пришла в движение, она показалась ему знакомой, как потерянные друзья и забытые места. Сон словно навалился снова, придавив своей тяжестью. В чаще разошлись лианы, и его обьял страх, словно что-то не теплое и не холодное коснулось тела. Ноги и руки отяжелели, воздух в легких сгустился, как жидкость. Он моргнул – показалось, что во всей этой пустоте проступает нечто плотное: изгиб плеча, склоненная голова.

Любить ее – это нормально...

Слова всплывали в сознании Джонни, но это были не его слова. Все

казалось нереальным. Он твердил себе это, пытался произнести вслух, повторял: «Уходи, оставь же меня в покое».

Оно не уходило.

Оно кружило возле костра, и Джонни слышал шорох и сухой шелест неглубокого дыхания.

Я хочу, чтобы ты полюбил ее...

Джонни в ужасе закрыл глаза. Уловил запах дождя и прелой кожи, ощутил тоску, зов и почти забытую надежду. Вжавшись в кресло, он против собственной воли уснул. А когда наконец открыл глаза, смотреть было не на что. Костер догорел; после восхода прошло не менее двух часов. Джонни чувствовал росу на коже и скованность во всем теле. Он встал, размышляя, просыпался ли вообще, или так и проспал целую ночь, свалившись от усталости. Взял сигареты, посмотрел на лес, потянулся к нему, как любил делать, чувствуя, воспринимая обычные, нормальные вещи, первые слабые шевеления нарождающегося дня.

Приходило ли *она* за ним при первых проблесках зари?

Или сон просто подсказывал – люби?

Глава 26

В дверь позвонили ранним утром. Джек не знал, который час. Шесть? Половина седьмого? Поднимаясь с дивана, он натянул штаны поверх шортов, пригладил спутанные волосы. Джек давно не выходил из квартиры. Рисунки висели на стене, валялись на полу.

– Кто там?

– Лесли.

Джек заколебался. Лесли четырежды звонила, прислала три сообщения. Она злилась. Джек ее понимал.

– Рано еще.

– Мне плевать.

Вздыхнув, Джек обвел взглядом квартиру. Мало того, что повсюду рисунки. Здесь же коробки из-под пиццы, пивные бутылки, холодные китайские закуски.

– Мы можем поговорить позже?

– Ты пропустил встречу у Римера. Тебя четыре дня никто не видел.

– Что тебе нужно, Лесли?

– Ты мне все еще должен.

Он снова вздохнул.

– Впусти меня, Джек. Я серьезно.

«Надо бы по-быстрому навести порядок», – подумал он. Но вместо этого нажал на кнопку, впустил. Приоткрыв дверь, слушал, как по ступенькам стучат высокие каблуки. Лесли появилась из-за угла, и, преодолевая последние четыре ступеньки, разглядывала его.

– Дерьмово выглядишь.

Джек поскреб щетину. Трое суток он почти не спал. Когда закрывал глаза, видел рисунки как черно-белые вспышки. Он не смог бы объяснить ту власть, которую они возымели над ним, но то, что Джек узнал о пропавших и умерших, вызывало ощущение опустошенности и страха.

– Где ты был? – спросила Лесли.

– Не в себе.

– Да, похоже на то. – Переступив порог, она огляделась. – Господи, Джек... – Осторожно переступила через бутылки и рисунки. Наброски покрывали все стены, не оставив пустого места. Она взяла один, тут же бросила. – Что все это значит?

– Что-то типа проекта.

– Ну и вонища тут... – Открыв окно, Лесли посмотрела на Джека недовольно и озабоченно. – Ты ведь понимаешь концепцию большой юридической фирмы? «ТекСтоун» – это большое дело. Ни один серьезный партнер не позволит себе вот так исчезнуть, как ты. Какого черта, что за проект? – Она наткнулась на записи по Хаш Арбор, но Джек отобрал страницы прежде, чем Лесли успела прочитать об убийствах и исчезновениях.

– Слушай. – Положив бумаги на стол лицом вниз, он развернул гостью к двери. – Извини, что забил на Римера и «ТекСтоун». Извини за все, но время сейчас не самое лучшее.

– Не самое лучшее? Ты рехнулся? Про тебя говорят. Партнеры, Джек. Люди, которые тебя наняли. Что бы все это ни значило, чем бы ты здесь ни занимался, – она обвела рукой стены, холодильник, шкафы, – тебя вышвырнут.

– Вообще-то, мне наплевать.

– Тогда я определенно приняла тебя не за того человека. Ты мог стать у нас самым молодым партнером за всю историю. Я *разглядела* в тебе что-то.

– Это «что-то» изменилось. Прости.

– За тобой еще должок.

– Ага. Бизнес.

– Не делай такое лицо. Я тебя с самого начала предупредила, что это всего лишь секс. – Лесли достала из кармана карточку. – Хочу, чтобы ты позвонил этому человеку. Он редактор в Нью-Йорке. Жаждет поговорить с Джонни Мерримомом.

– И зачем мне это?

– Ради денег. Возможно, больших.

– Для Джонни?

– Конечно.

– А у тебя какой интерес?

– Быть может, мне когда-нибудь захочется написать книгу. Заручиться поддержкой редактора никогда не вредно.

– Шутишь, да?

– Слушай, в моей жизни есть не только секс, право и деньги.

– Ладно, сколько?

– Полагаю, много. Похоже, они задумали что-то грандиозное. Цветные фотографии. Специальное издание в твердой обложке. Криминальная история, основанная на реальных событиях. Книга станет бестселлером, какого у них еще не было. Планируют отправить Джонни в поездку с автором. Ток-шоу. Все такое. Они уже несколько месяцев пытаются

связаться с ним. А ты его просто попроси.

– Он никогда на это не согласится. – Джек бросил визитку на стол и подтолкнул Лесли к выходу.

– С ним хотят всего лишь поговорить...

– До свидания, Лесли.

Джек вывел ее на лестничную площадку и захлопнул дверь. Вернувшись в квартиру, остановился в центре и, поворачиваясь по кругу, просмотрел рисунки, как кадры кинофильма. В набросках, передававших ощущение злости и изломанности, присутствовала некая последовательность, нарушенная и потому трудноуловимая. Работы Берти Шоултер определенно не выглядели случайными. Это была головоломка, обломки тусклого серого сланца.

Убрав один рисунок, он заменил его другим, потом передвинул еще пару. Отступив назад, оценил композицию свежим взглядом. В Пустоши что-то двигалось. Это ощущение порождалось всей совокупностью набросков. Оно угадывалось на пустых участках и в полосах черного, в сплошной штриховке, нанесенной угольным карандашом так яростно и густо, что бумага местами отдавала глянец. Что бы это ни было и по какой бы причине ни пропало и ни погибло столько людей, Джонни находился в самом центре происходящего. И в этом узорчатом полотне насилия и обмана в чем ответственность Джека перед другом, не желающим никакой помощи? Каков он на самом деле, долг одного друга перед другим? Чем Джек обязан Джонни?

Всем.

Джек снял один ряд рисунков, передвинул еще три.

Он обязан Джонни всем.

* * *

К следующему утру Джеку пришлось признать, что он дрейфует в опасном направлении. Карьера разваливалась. Джонни на звонки не отвечал.

Может быть, попробовать так...

Очистив одну из стен, он прикрепил рисунки с пещерой и разбросанными костями. В девять позвонила Лесли, но Джек мог думать только о Джонни, Пустоши и своих предчувствиях. В полдень он выпил пива, но решить проблему это не помогло.

Он зарылся в рисунки.

Ему было страшно.

* * *

Вскоре после полудня Джек понял, что пора выбираться. Трещины ширились. Ему были нужны ответы.

Сбежав по лестнице, он, щурясь, ступил на тротуар. В булочной к прилавку выстроилась очередь, и некоторые смотрели на него сквозь стекло. Свернув за угол, Джек скользнул в машину и взял курс на Пустошь. Проехав два квартала, остановился у обочины и прижал ладони к глазам.

– Проклятие...

Расправив скомканный листок, Джек уставился на рисунок с замерзшим водопадом и расколотым деревом. Он знал, что нужно делать, но вместо этого уперся лбом в лобовое стекло.

Пустошь была домом Джонни.

Джонни не хотел его помощи.

Глянув в зеркало, Джек увидел воспаленные глаза и нездорового цвета лицо.

– Ты не должен этого делать, – произнес он, а потом попробовал еще раз.

Ты не должен делать это сейчас...

Собственный взгляд Джек выдержал секунд десять, потом отвел глаза и повернул зеркало вверх. Ненавидя себя даже сильнее, чем в детстве, позвонил в офис и нашел сотрудника, согласившегося помочь.

– Выдвижной ящик стола, – сказал Джек. – Файл Джонни Мерримона. – Он подождал, пока коллега найдет адрес Луаны Фримантл в Шарлотт.

Девяносто миль на машине.

Пустошь может подождать.

* * *

Шарлотт в Северной Каролине – один из множества старых, со временем разбогатевших городов. Жилые башни вздымались, как зубцы короны, изо всех щелей сочилось благополучие. Шикарные рестораны. Стильные окраины. Бедные постепенно сосредоточились в очагах субсидируемого жилья, и Луана Фримантл жила в одном из худших.

Навигатор привел Джека к выцветшей башне с растрескавшимся тротуаром и пустой парковкой. Он остановил машину на улице, между запертой церковью и офисным зданием поручителя по имени Большой Крис. Служащие расходились после работы, но не сразу: многие, прислонившись к автомобилям, открывали бутылки, доставали сигареты. Джек пересек улицу, прошел через внутренний дворик и шагнул в лифт, пропахший мочой и блевотиной. На двадцать третьем этаже над массивной дверью со множеством замков он увидел нужный номер. Дважды постучав, принялся ждать. В коридоре рассыпали мусор, и мальчишка на трехколесном велосипеде маневрировал между кучками, как настоящий профессионал. Скосив взгляд влево, он пронесся мимо и исчез за углом. Наконец защелкали замки, и приоткрылась дверь, схваченная на цепочку. В щели появился глаз молодой женщины.

– Вы кто?

– Меня зовут Джек Кросс. Я ищу Луану Фримантл.

– Зачем?

– Я адвокат и...

– Мы закончили с адвокатами.

Женщина хотела закрыть дверь, но Джек успел выпалить:

– Прошу вас. Я могу заплатить.

– За что?

– За информацию.

– Сколько?

– Ста долларов хватит?

– Идите дальше, мистер.

– Пятьсот.

Глаз прищурился.

– Что за информация?

– Я хочу узнать про Хаш Арбор. Округ Рейвен. Вы его знаете?

– Я жила там четыре года.

– Господи... Отлично. Я провожу расследование...

– Вы сказали, пятьсот долларов.

– О да. – Джек вытащил бумажник. Открыл и смутился. – У меня пятьдесят семь долларов. – Дверь опять стала закрываться, и Джек запаниковал. – Пожалуйста, – взмолился он. – Мне нужно знать, почему там умирали люди.

– Что?

– Не сейчас. Про сейчас я знаю. Я имею в виду прошлое, историю. Мне нужны старые рассказы.

– Эти рассказы не для вас.
– Тысяча, – сказал он. – Если вам есть что рассказать, я заплачу тысячу долларов.
– У вас их нет.
– Я могу их получить. Погодите. – Джек просунул в щель карточку. – Адрес офиса и телефон спереди, личный на обороте. Прошу вас, не закрывайте дверь.
Она с сомнением рассматривала карточку.
– Какое вам дело до Хаш Арбор?
Джек подумывал соврать, но решил этого не делать.
– Джонни Мерримон... мой друг. Я беспокоюсь за него.
– Правильно делаете.
– Погодите, что это значит?
– Ничего. – Она говорила тихо. – Это ничего не значит.
– Погодите, погодите. Еще одно. – Джек достал измятый рисунок и показал ей: замерзший водопад, дерево с развилкой. – Вы знаете это место?
Девушка замерла.
– Где вы это взяли?
Джек просунул рисунок в щель, она его взяла.
– Вы это когда-нибудь видели?
Она перевела взгляд с листка на лицо Джека, и когда заговорила, в ее голосе звучала ложь.
– Нет, – сказала она. – Я никогда не видела это место.
– Вы уверены?
– Уверена, – ответила она и захлопнула дверь.

* * *

Потом Кри долго стояла и смотрела на рисунок, а адвокат стучал в дверь, и с той стороны слабо слышался его голос: «Простите... Послушайте...»

В конце концов он ушел, но Кри все стояла, вспоминая детство, бабушку и зимний день. Небо затянули тяжелые облака, падали первые хлопья снега. Кри ушла гулять, а это не разрешалось. Ей было пять лет...

* * *

– Привет, детка.

Кри замерла, держась за изгиб ствола. Она стояла в зарослях ежевики, там, где тропинка сворачивает налево. Было холодно, и из носа у нее текло, но пальцы в варежках, связанных двоюродной бабушкой, не мерзли. Она никогда не уходила из деревни одна и, как все дети, понимала, что за скупой сдержанной улыбкой бабушки таится недовольство.

– Ты на меня сердисься? – спросила Кри.

– Да, немного. – Бабушка вышла из-за дерева. – Совсем чуть-чуть. Я тоже уходила бродить, когда была маленькая.

– Мне жаль, – сказала Кри.

– Жаль, что нарушила правила, или жаль, что попалась?

– И то и другое, бабушка.

– Назови мне правила для маленьких девочек.

– В деревне безопасно, а в лесу нет.

– Когда ты можешь уходить из деревни?

– Только когда ты разрешишь.

Бабушка опустила на коленки и посмотрела так, как смотрят старые люди.

– Когда повзрослеешь, все изменится.

– А когда я повзрослею?

– Когда узнаешь достаточно, чтобы остаться в живых. Когда станешь сильнее.

Именно улыбка бабушки подтолкнула Кри к прогулке в одиночку. Терпеливая, но веселая, добрая и одновременно не очень.

– Хочешь выучить первый урок? – спросила бабушка, и Кри, внезапно испугавшись, кивнула. – Возьми меня за руку. – Они свернули от деревни и пошли по тропинке, плутавшей между деревьев. – Ты счастлива здесь?

– Да, мэм.

– Благонамеренная ложь. Это тоже нормально. Скажи мне, чего тебе больше всего не хватает? Матери? – Кри смотрела вниз, стыдясь признаться, что сильно скучает по игрушкам, своей кровати и маленькой девочке, жившей по соседству. Бабушка распознала затруднение и сжала ее ладошку. – Что тебе больше нравится в Хаш Арбор?

– Животные.

– Как насчет людей? – Кри пожала плечами. Людей здесь жило мало, детей не было. Время она проводила с бабушкой в ее домике. – Все нормально, – сказала бабушка. – Ты заставляешь их нервничать. Вот и всё. Я их тоже нервирую.

– Почему?

– Они думают, что мы кое в чем разбираемся.

– А мы разбираемся?

– Кое в чем – да. А еще они боятся.

– Чего?

– Некоторые боятся внешнего мира. Он такой большой и непохожий... Им известна только такая жизнь. Другие боятся того, что живет в болоте. Третьи – того, что погребено под ним.

– А что под ним? – спросила Кри.

– Тоже узнаешь, когда подрастешь.

Кри размышляла над тем, что услышала. Кроме старухи в деревне жили еще двенадцать человек. Когда-то было больше. Кри видела пустые дома, старые амбары. Как раз на прошлой неделе уехал молодой мужчина – сказал, куда угодно, лишь бы не оставаться здесь. Отъезд сопровождался воплями и рыданиями, и Кри тоже чего-то испугалась. Однако на следующий день о молодом человеке никто не вспоминал. Люди работали на огородах, потом резали свинью; бабушка один раз грустно улыбнулась и подмигнула Кри.

Пока они шли, снегопад усилился. Хлопья цеплялись за ресницы Кри и таяли на носу.

– Ты боишься, как остальные? – спросила она.

– Нет, – ответила бабушка. – Давно не боюсь.

– Это ты оберегаешь поселок?

– Отчасти. Есть еще моя мать. Ты хотела бы когда-нибудь нам помочь?

– Да, мэм.

Тропинка закончилась у поляны; бабушка снова опустилась на колени, притянула Кри поближе и указала на открывшуюся поляну.

– Итак, твой первый урок. Ты никогда не должна ходить туда. Не ближе вот этого самого места. Даже когда подрастешь. Ты понимаешь?

Кри торжественно кивнула.

– Я никогда туда не пойду.

– Обещай мне.

– Обещаю.

– Хорошая девочка. – Костлявые пальцы стиснули ее ладонь. – Скоро стемнеет. Хочешь теплого молока?

– Да, мэм.

– Ладно. Значит, ты, я и тепкое молоко у огня. Возможно, даже немного шоколада.

– Мне нравится шоколад.

– Всем маленьким девочкам нравится.

Бабушка встала и снова взяла Кри за руку. Они повернули к деревне, но перед этим Кри в последний раз взглянула на поляну. Красиво, подумала она.

Водопад на сером утесе.

Забавное дерево наверху.

* * *

Все это воскресил в памяти рисунок. Как точно он передал безысходность, которой веяло от этого места зимой... Давящее небо. Пустота пространства. То ли от усталости, то ли из-за воспоминаний Кри заплакала, усевшись на низенький диван, покрытый пятнами и подпалинами от сигарет. После того дня с бабушкой жизнь стала как-то богаче. Между ними возникли узы, связь, выражавшаяся в улыбках, понимающих взглядах и ожиданиях. «В этом мире есть тайны, – намекала ей бабушка, – и мы рождены, чтобы хранить их».

А на что похожа жизнь Кри теперь?

Сколько она потеряла, когда бабушка в конце концов умерла?

Разглаживая рисунок на коленях, Кри чувствовала худобу своих ног. Руки у нее тоже стали тонкими. Не было ни аппетита, ни сил. Сколько еще она может не спать? Какой сон ей приснится, если она уснет?

Бабушка...

Прижав рисунок к груди, Кри свернулась на диване.

Если б только бабушка была жива.

Если б только Кри могла просто поспать.

Глава 27

Выехав из Пустоши, Джонни несколько миль ехал по пустынной дороге. Старый мопед тарахтел на скорости тридцать миль в час, лысые покрышки скользили на асфальте, в воздухе пахло горелым маслом и горячим металлом. После сна про Джона Мерримона уезжать со своей земли было особенно трудно, но сегодня пришлось. Ему требовалось кое-что увидеть, опуститься на колени и дотронуться.

Сбросив газ, Джонни остановился у съезда, от которого начинался подъездной путь, петлявший между холмов и выходявший на шоссе округа. Он видел ухоженные пастбища и подрезанные деревья, большой дом на далеком холме. Вдоль дороги журчал ручей, исчезавший в трубе под насыпью. Джонни знал этот ручей, как знал лесные тропы и ложбины между холмами.

Он исходил эту землю вдоль и поперек.

Он владел ею.

Эти ощущения хранились подспудно, как отзвуки жизни другого человека, но ни одно из них не становилось от этого менее реальным. Он владел не всеми воспоминаниями Джона Мерримона, но то, что видел во сне, будто прожил сам: поступки и их последствия, любовь и ненависть, проблески мыслей.

Это был его дом.

На дороге теперь лежало покрытие, но она следовала по тем же линиям.

Усадьба находилось вон там...

Разглядывая сторожку, Джонни мельком подумал про Уильяма Бойда и подивился, насколько неизменной остается земля.

Джон Мерримон, усопший и забытый.

Теперь Уильям Бойд.

Свернув на подъездную дорогу, Джонни медленно двинулся к сторожке. Когда ею владел он...

Это был не я.

Проезжая через поля, он вспомнил, как расчищал их. Город располагался к югу, и Джонни знал, сколько потребуется времени, чтобы добраться до него верхом, и где самые удобные места для переправы через последний, самый большой ручей, впадающий в реку. У домика он выключил двигатель и окинул взглядом пейзаж, который был дорог ему,

словно супружеские воспоминания. Здесь он похоронил родителей и сестру. Вдали виднелись холмы и размытое пятно зелени – Пустошь.

Сторожка выглядела необитаемой, но Джонни все равно позвонил. Ему не нравилось встречать чужаков на своей земле, и он не мог вести себя по-другому, даже зная, что Бойд умер. Никто не ответил; он снова вышел на жару и двинулся по тропинке под деревьями настолько же старыми, как и память Джонни. Изогнутые и серые, они стояли, низко опустив ветви, словно хотели опереться о святую землю.

Для Джонни эта земля и была святой.

Кладбище датировали 1769 годом, когда его первый предок упокоился в своей земле. Уильям Мерримон был отставным английским офицером, переехавшим сюда на дарованную королем землю. Оригинал документа хранился под стеклом в музее округа Рейвен, и Джонни знал содержание наизусть.

Георг Третий, милостью Божией Король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Защитник Веры. Все, кому эти дарственные отправлены, приветствую вас...

Джонни проскользнул в железные ворота, все еще улыбаясь при воспоминании об этой детской напыщенности.

Уведомляем Вас, что мы по нашей монаршей милости за особые заслуги и проявленное рвение предоставляем и даруем и настоящей дарственной подтверждаем, что передаем в дар Уильяму Мерримону сорок тысяч акров земли, определенных и ограниченных следующим...

Кладбище заросло, но Джонни нашел надгробие, которое искал в дальнем углу, где тень лежала всего гуще. Пришлось убрать стебли жимолости с лицевой стороны плиты, чтобы увидеть имена Джона Мерримона и Мэрион. От времени буквы стерлись, но Джонни сумел разобрать даты рождений, а под цифрами – слова, которыми все было сказано:

ДУШИ, НАВЕКИ СВЯЗАННЫЕ ЛЮБОВЬЮ.

Джонни коснулся камня лбом. Большую часть жизни он прожил один. У него случались женщины, но никогда он не испытывал таких чувств. Он знал выражение глаз Мэрион, ее нежные черты, припухлость губ.

Прежде это была его жизнь.

Она была его жизнью.

Глава 28

Встать с дивана не было сил. Кри тосковала по дому, своему настоящему дому. Это понятие включало не только воспоминания о Хаш Арбор или большой кровати и маленькой табуретке у печки зимой. В детстве вокруг были люди, было будущее. Закопавшись поглубже в подушки, Кри ощутила запах парфюма матери, пролитого кофе и всей еды, какую ела. И все здесь пахло пластиком: тарелки и еда, телевизор, слепо смотревший на нее через комнату. Даже часы, тикающие на кухне, и те были пластиковые.

Перекатившись на бок, Кри разглядывала рисунок.

Они говорили, что я особенная.

Крепкая нить.

Она смотрела на рисунок и думала: а может, бабушка была сумасшедшая? Как ее называла мама?

Безумная старая ведьма.

Старая ведьма, рожденная от старых ведьм.

Кри закрыла глаза и тут же вздрогнула, услышав стук в дверь. «Адвокат», – подумала она.

– Уходите. – Кто-то снова ударил в дверь. – Пожалуйста, уходите.

– Открой дверь, детка.

Голос слабо доносился через дверь, но напоминал бабушкин. Ни один голос не звучал так тихо и в то же время так уверенно. И больше никто не называл ее *деткой*.

– Кто вы?

Кри посмотрела в глазок. Женщина казалась маленькой и иссохшей, такой низенькой, что Кри видела только часть ее лица – лоб, волосы, морщинки и черные глаза.

– Можешь называть меня Вердиной. Почти все так меня зовут.

– Что вам нужно?

– Ну, поговорить, конечно.

Кри приоткрыла дверь, но цепочку снимать не стала.

– Я вас не знаю.

– Мы встречались однажды, когда ты была совсем маленькой. Твоя мать приводила тебя ко мне в дом. Я водила тебя в Пустошь.

Кри казалось, что она помнит тот день: руку матери, ее твердую хватку на запястье, старуху, окутанную клубами дыма. Потом были слезы и

камешки, вылетающие из-под колес машины матери.

– Вы держали собаку, – сказала она.

– Правильно, детка. Плотт-хаунд, которого мы звали Редмонд. После отъезда твоей матери он спал на крыльце, положив голову тебе на колени. Он ездил с нами в Пустошь. Ты хотела, чтобы он остался с тобой, а я не разрешила. Ты очень разозлилась.

Кри сняла цепочку. Женщина казалась очень старой; она улыбалась. За ней стоял крупный мужчина с квадратной челюстью и с проседью в волосах.

– Это Леон, мой внук. Ты собираешься держать нас в коридоре?

Кри убедила не ироничная улыбка, а запах дыма от одежды старухи. Даже сейчас он казался знакомым.

Вердина и Леон прошли в квартиру, а Кри заперла за ними дверь.

– Спасибо, детка. Твоя мать дома?

– Ее нет.

– У тебя есть кофе?

– Не уверена.

– Будь хорошей девочкой, проверь, пожалуйста. – Они прошли за ней на кухню. Происходящее казалось Кри нереальным. Вердина выглядела, как бабушка, – маленькая, жилистая, с острым взглядом.

Гости уселись за стол; Кри порылась в ящиках и принялась готовить кофе.

– Ты очень похожа на свою мать в юности, но, хочу сказать, выглядишь нездоровой. – В руке дребезжала сахарница; Кри сняла крышку и сунула туда ложку. Когда обернулась, старуха, хотя и улыбалась, смотрела на нее печально. – Благодарю. – Кри насыпала в кружку сахара. – И молока, если можно.

Она достала из холодильника упаковку, но, понюхав, скривилась.

– Молоко испортилось.

– Тогда просто с сахаром. – Кри кивнула и снова отвернулась к закипавшему кофе. – Леон, будь так добр, посиди в соседней комнате. – Внук выполнил ее просьбу, и когда кофе был готов, Кри наполнила кружку и поставила на стол. – Итак... – Стуча ложкой, старуха размешала сахар. – Какие видишь сны?

– Что? Я не...

– Висельное дерево или погребенных заживо? Эти два снятся чаще всего. – Кри обмякла на стуле. Закружилась голова, зазнобило. Отхлебнув кофе, старуха кивнула. – Когда это началось?

– Кажется, я больна.

– Просто дыши, детка. Мы всего лишь беседуем.

Закрыв глаза, Кри сосредоточилась.

– Девочка с ножом, – сказала она. – Этот снился мне несколько лет, но не часто. А другой... – Она запнулась. – Уже четыре дня. Четыре ночи.

– Другие видела?

– Иногда, – уклончиво ответила Кри. Она была не готова рассказывать про Джонни Мерримона или ворота. Кри уже боролась со слишком многим. С этой женщиной. С их разговором.

Добавив в кружку сахара, Вердина снова застучала ложкой, потом отхлебнула, не сводя глаз с лица Кри.

– В юности твоя мать видела сны, хотя, возможно, она станет отрицать, если спросишь. Твоя бабушка видела их до самой смерти. И твоя прабабушка тоже. В вашей семье всегда искали женщин. И всегда находили.

– Поэтому вы здесь?

– Я здесь потому, что никто не видел снов за пределами Пустоши. За полтора века никто и никогда. Кроме тебя.

Под взглядом черных глаз Кри заерзала на стуле. В этой старой женщине было слишком много силы, слишком много огня.

– Насколько близко вы знали мою бабушку?

– Мы были двоюродными сестрами. Вместе выросли.

– А Хаш Арбор?

– Я жила там, как и ты, но давным-давно уехала.

– Почему?

– Из-за мужчины, пришедшего извне. Подумала, что влюблена.

– А вы... ну... вам снятся сны?

– Когда-то снились, – сказала Вердина. – Давно.

– Зачем вы здесь?

– Помочь тебе.

– Но как?..

– Давай поговорим об этих снах. Что ты помнишь о времени, проведенном в Хаш Арбор?

– Думаю, почти всё.

– Помнишь историю про Айну?

Вопрос удивил Кри.

– Это сказка для детей. Бабушка рассказывала ее перед сном.

– Расскажи мне.

– Зачем?

– Уважь старуху.

Просьба рассказать эту сказку поразила Кри сильнее, чем все остальное. В ней заключались и начало и конец: один из первых уроков, преподанных ей бабушкой, и последняя сказка, рассказанная в день ее смерти. Кри была такой маленькой, что, опустившись у постели на колени, оказалась лицом к лицу со старушкой. Даже сейчас, закрыв глаза, она видела усталую улыбку и карту морщин на ее коже. Бабушка пахла чаем, сухой листвой и умиранием.

* * *

– Подойди ближе, детка.

Кри прижалась к кровати. За стеклами вздыхал ветер, и снаружи, на холоде, собралась вся деревня, все, кто остался. Бабушка умирала, и с ней умирала деревня. Люди понимали это, поэтому за окном слышались причитания, плач женщин и гомон растерянных мужчин. Они страшились ее смерти и того, что она означала для большого мира. Бабушка, как и Кри, чувствовала, что они стоят там, на улице, но взгляд ее был устремлен только на девочку.

– Расскажи мне историю про Айну, – прошептала она, и Кри, испугавшись, покачала головой. – Это важнее, чем ты думаешь. Пожалуйста.

– Я не хочу.

– Давай, детка. Расскажи мне в последний раз.

Кри тогда заплакала, вспоминая все ночи, проведенные ими вместе, и все случаи, когда слушала эту сказку или сама ее рассказывала. Она была привычна, как перьевые подушки, шерстяные одеяла и тепло очага. Бабушка коснулась слезинок на щеках Кри, потом кивнула, закрыла глаза.

– Это первая история, – сказала она. – Самая важная из всех. – Кри взяла иссохшую ладонь и ощутила, какая она холодная. – Давай, детка. Сделай это для меня в последний раз. Я хочу послушать и убедиться, что ты ее помнишь.

Кри перевела взгляд с бабушки на окно и увидела за стеклом лица и темные глаза. Они с бабушкой были одни, поэтому девочка наклонилась к кровати и рассказала историю Айны в точности так, как ее научили.

– Хаи Арбор – наш дом, – начала она. – Но наши люди были и остаются выходцами из Африки. Мы пришли с западного побережья, с вершины горы, которая высится над всеми остальными. Веками на горе правили женщины, и величайшую из правительниц звали Акачи, что значит

«Рука Бога». В зените ее власти двадцать девять народов склонялись перед Акачи на горе. Дом ее защищали десять тысяч копий, и у нее была дочь по имени Айна, что значит «Трудные Роды», и имя было заслуженное, потому что Акачи страдала три дня, чтобы произвести Айну на свет. Когда ребенок наконец родился, на гору обрушилась сильная буря, такая могучая, что, говорят, она смыла большую часть силы Акачи, потому что в последующие годы она болела, а королевство распалось. Война сменялась войной, и Айна выросла в мире с убийствами, кровью и сломленной матерью. К десяти годам она взошла на престол, чтобы скрыть бессилие матери. К пятнадцати командовала армиями мужчин и за годы войны стала жестокой. Когда великая королева умирала, она передала дочери силу, принадлежавшую ей по праву рождения, и хотя сила эта была велика, Айна по молодости лет не смогла распорядиться ею как должно. Ведь юность слепа, и из-за этого случилась великая измена.

Человека, предавшего Айну, звали Дарен, что значит «Рожденный от Ночи». И это имя тоже являлось справедливым, ибо именно ночью он пришел с сотней мужчин, чтобы захватить Айну в том месте, где она спала. Доверенный военачальник, он надеялся застать ее сонной и слабой, но служанка увидела мужчин с копьями и веревками и вовремя разбудила Айну. Та бежала из пещер, служивших ей дворцом. Полночи за ней гнались люди, которым она когда-то верила. И хотя Айна еще не привыкла к своей великой силе и не освоилась с ее применением, она убила тринадцать мужчин, прежде чем ее поймали, связали и унесли в горы, чтобы Дарен, рожденный от ночи, мог стать королем.

Сознавая, что смерть Айны приведет к восстанию всех, кто ее любил, Дарен к утру спрятал ее, а следующей ночью доставил на побережье, в маленькое королевство, которым правил один злодей. Здесь с нее сорвали одежду и продали и посадили на корабль, чтобы еще раз продать за океаном, в северном округе, само название которого означает «черный, как ночь»...

– В округе Рейвен. – Старуха перебила Кри, глядя на нее со слабой любящей улыбкой. – Это наш дом, – добавила она. – Вот это самое место.

Бабушка тоже плакала, поэтому Кри забралась в постель и прижалась щекой к слабющему сердцу. Девочка слышала, что оно бьется все медленней в иссохшей груди. Ладонь бабушки легла на головку Кри.

– Прости, – сказала старушка. – Я надеялась научить тебя большему, хотела сделать сильной...

Сидя на кухне, Кри качала головой.

– Я не хочу ее рассказывать.

– Но ты помнишь?

– Помню, – ответила Кри и, окинув старуху свежим взглядом, увидела, что она ничем не похожа на любимую бабушку. Взгляд слишком цепкий, губы сжаты в жесткую линию. – Зачем вы пришли на самом деле?

– Затем, что ты последняя в своем роду, и потому, что ты не понимаешь, какое значение имеют сны.

– Так расскажите.

Старуха прищурилась и кивнула.

– Бабушка говорила тебе, что ты особенная...

– Хватит о моей бабушке. Говорите, чего вы хотите.

Вердина снова кивнула, но не успела открыть рот, как в другой комнате поднялся переполох. Хлопнула дверь.

– Какого черта тут делается? – кричала мать.

Кри выходила из-за угла, когда сумки ударились о пол и покупки рассыпались.

– Что вы делаете в моем доме? Убирайтесь! – Леон развел ручищи, но Луана Фримантл не испугалась. Увидев старуху, она указала на нее пальцем. – Я говорила держаться подальше от моей дочери?

– Мы просто беседуем, Луана.

– С тобой никогда ничего не бывает «просто». Убирайтесь из моего дома! Оба! Кри, ступай в свою комнату.

– Я еще не закончила с твоей дочерью, – возразила Вердина. – Мне нужно еще несколько минут.

– Нет. Ни в коем случае.

– Леон, будь добр, удержи Луану в этой комнате. Кри, вернемся на кухню...

– Ты никуда с ней не пойдешь, Кри!

– Идем, детка. У тебя есть вопросы. У меня есть ответы.

Голос ее звучал мягко, улыбка звала за собой. Кри посмотрела на мать и увидела искаженное паникой лицо. Одними губами мать произнесла «нет», но Кри уже поворачивалась к кухне.

– Проклятие, она моя дочь! Ты не можешь ее уводить!

Вердина небрежно подняла руку, и Кри пошла за ней, как на привязи. Она была истощена, больна, двигалась словно в тумане или во сне: ее вела

худенькая женщина, маленькая и согбенная, которая скорее плыла, чем шла, и ее поднятая рука. В каком-то закоулке сознания Кри зазвучали слова *истощение, голод, галлюцинации*, но навалившееся оцепенение было прекрасно, потому что ей так хотелось, чтобы это оказалось сном. Оглянувшись у кухонной двери, она увидела мать в том же странном мареве, но в руках та держала револьвер, и это тоже не могло быть явью. Однако пистолет плюнул дымом и огнем. Пуля впиалась в стену, и все замерли.

– Это предупредительный.

Револьвер казался маленьким, но все уставились на него. Вердина стояла, не шевелясь.

– Это всего лишь двадцать второй, – сказал Леон.

– Двадцать второй «магнум». И я промахнулась нарочно.

– Зачем тебе револьвер? – спросила Вердина.

– Затем, что я не дура. А теперь я хочу, чтобы ты ушла и никогда не возвращалась. Кри, иди в свою комнату и оставайся там. – Кри не двигалась. Не шевелилась и Вердина. – Я убью тебя, – предупредила Луана. – Убью на месте, не задумываясь. И не надейся, что я этого не сделаю.

– Девочка имеет право выбирать, знать ей правду или нет. Это право у нее с рождения, как и у тебя.

– Только с моего согласия.

– Значит, ты все еще слаба? Все бегаешь... Все боишься...

– Я рада, что уехала.

– В самом деле? Даже теперь?

Возможно, она имела в виду квартиру, нищету, отсутствие цели. Кри так и не узнала это, потому что здоровяк рванул к револьверу, а ее мать снова выстрелила и сделала дырку у него в груди. Она получилась совсем маленькая, и крови вытекло немного. Луана держала палец на спусковом крючке.

– В девяти кварталах к востоку есть больница.

Леон посмотрел на Вердину. Кровь потекла обильнее, его лицо дрогнуло от боли. Он покачнулся, но Вердина не сводила взгляда с Луаны.

– Собралась наконец с духом, да?

– Убирайтесь.

– Это важнее тебя, важнее любого из нас.

– Тебе не отнять мою дочь.

– Сто семьдесят лет. Ты это почувствовала.

– Я почувствовала, как это разрушило мою жизнь. – Она навела

револьвер на Вердину, но старуха схватила Кри за запястье и с неожиданной силой притянула к себе. Кри ощутила запах дыма от ее одежды, и сама она пахла, как бабушка, – старой кожей и сухой листвой.

– Твоя мать боится, – сказала Вердина.

– Вы делаете мне больно.

– Когда ты снова заснешь – а ты заснешь, – я хочу, чтобы тебе приснилась Айна.

– Отпусти ее, Вердина!

Но старуха не слушала.

– Думай о ее имени, когда будешь засыпать...

– Черт побери, Вердина!..

– Вспоминай ее историю, и это запомни тоже. – Она придвинулась так близко, что тонкие сухие губы коснулись уха Кри. – Она хочет, чтобы ты поняла, детка. Она хочет, чтобы ее нашли.

* * *

Потом они ушли, и для Кри мир утратил всякий смысл. Она всегда ненавидела эту квартиру. Теперь здесь пахло кровью, дымом и жжеными спичками. И мать стала совсем другой.

– Как ты могла? – спросила Кри.

– Я тебя уже однажды отпустила. – Луана заперла дверь в коридор, положила револьвер на стол. – Больше этого не сделаю.

– Она хотела поговорить про бабушку.

– И про сны, и про Хаш Арбор, и про то, что только она может помочь тебе. Вердина не делает ничего, что плохо для Вердины. Вытворяет такое, что ты и представить себе не можешь.

Кри бросилась на диван. Она устала и запуталась, а тут еще мать открылась с неожиданной стороны.

– Она пойдет в полицию?

– К чужакам? Нет.

– А как же выстрелы?

– В этом здании стреляют не в первый раз и не в последний.

– Она хочет, чтобы мне приснилась Айна.

– Ты не станешь этого делать.

– Рано или поздно мне придется уснуть.

– Значит, мы уедем раньше, чем это случится. Далеко. В другую страну, если будет нужно.

– На какие деньги?

Неожиданно лицо Луаны смягчилось. Она опустилась на колени, взяла Кри за руку.

– Не соблазняйся снами Вердины, не поддавайся на уговоры о своем праве рождения. Хаш Арбор – это опухоль. Пустошь питается жизнями. – Мать стиснула ладони Кри. – Просто поверь мне, пожалуйста. Эта женщина тебе не друг.

– Она была подругой бабушки?

– Твоя бабушка никогда не любила Вердину. Она прогнала ее, наказала за ложь и жадность, за ее черное сердце. Тебе лучше запомнить это. Вердина Фримантл – это зло. Ты слышишь меня? Проклятое чистое зло. Она пойдет на все, лишь бы заполучить желаемое. Наговорит чего угодно, любую ложь.

Кри достала из кармана измятый рисунок и разгладила на ноге.

– Ты знаешь это место? – Она протянула рисунок матери, наблюдая за ее лицом.

– Нет, не знаю.

– Бабушка показывала мне его в детстве. И тебе должна была показать.

– Она не показала.

– И кто теперь лжет?

– Только для того, чтобы защитить тебя, – сказала Луана.

– Твоя ложь. Ее ложь. Какая разница?

– Я не такая, как Вердина. Не думай, что я такая.

– Я хочу узнать про это место.

– Это место? Это? – Короткими злыми движениями Луана изорвала рисунок и бросила клочки. – Хаш Арбор – это опухоль. Больше повторять не буду. – Собрав рассыпавшиеся покупки, она выпрямилась. – Я собираюсь поставить в этом деле точку. Потом поговорим с тобой об отъезде из города. Автобусные билеты недороги. Деньги мы найдем.

– Это мое детство...

– Ты уже ела? Я приготовлю обед.

– Я не могу от него уйти.

– Сэндвичи сгодятся?

– Я говорю, что остаюсь.

Уже возле двери на кухню Луана обернулась.

– Тогда сны, милая, сожрут тебя живьем. – Она была готова заплакать.

– Ты не можешь этого знать.

– Я это видела, – сказала Луана. – Я это пережила.

Мать ушла, а Кри сидела и слушала звуки, доносившиеся с кухни.

Открылся шкафчик. Она знала – тот, что под мойкой, где мать хранит водку. Кри представила себе дрожащие руки, долгий жадный глоток. Может, мать и приготовит обед. А может, выпьет бутылку и забудет. В любом случае не будет никакого автобуса, никаких ответов, никакой жизни с чистого листа. Зная, что причинит матери боль, Кри собрала клочки бумаги с пола, открыла дверь и тихо выскользнула в коридор.

* * *

Пять часов спустя она снова была в округе Рейвен, на оживленной улице в центре города. Коснувшись лица, Кри подумала, насколько все призрачно: город, ее плоть, все, что не сон. Она нашла здание, где работал адвокат, и в его окнах увидела отражение девушки с ввалившимися глазами, в заношенной одежде.

Постеснявшись зайти внутрь, Кри посмотрела домашний адрес адвоката на обороте карточки. Пришлось обратиться к целой дюжине прохожих, прежде чем один согласился ей помочь. Когда она назвала улицу, мужчина указал путь вниз с холма и налево, и Кри нашла адрес над узким крыльцом, возле булочной, заполненной упитанными людьми в приличной одежде. Повозившись с дверью, попала на полутемную лестничную площадку. На пути вверх ступеньки делали два поворота. На верхней площадке, у двери в его квартиру, Кри в последний раз спросила себя, правильно ли поступает. Она не знала его. Он не знал ее. Но рисунок принадлежал ему. Возможно, он расскажет больше. Возможно, они хотят одного и того же.

Дважды стукнув, она подождала. Когда никто не вышел, нашла пятно на полу и уселась в углу, где штукатурка пахла старой краской. Представила Леона и дырочку, из которой вытекло так мало крови. Интересно, чем теперь занимается мать, жив ли Джонни Мерримон и почему Вердина так хотела, чтобы она видела сны?

Устроившись в углу, Кри ощутила, как тяжелеют веки. Она устала, ей было страшно, и она представила себя на макушке дерева посреди широкой равнины. Всю равнину устлали осколки черного камня, а тишину нарушал только вой ветра. Он раскачивал верхушку дерева, и Кри качалась вместе с ней. Она была вне досягаемости. Она могла смотреть отсюда вечно.

Айна...

Сколько раз она слышала эту историю?

– Я хочу увидеть сон про Айну.

Кри повторяла эти слова все тише, пока сама в них не поверила и не поплыла куда-то. Она была в безопасности в ветвях своего воображаемого дерева. Они укачивали ее, баюкали на ветру. За пределами ее черной кожи не было другого мира, кроме существовавших вечно неба и каменистой равнины. Она вообразила мир бесконечного тепла, а потом произнесла имя Айны в последний раз. Оно прозвучало во тьме, и Кри исчезла из мира. Она стала путешественницей, сновидицей, моряком в бурном море.

* * *

Когда открылись глаза, она была на каком-то корабле, полумертвая, покрытая вьезшейся грязью. Она лежала на боку, и тела стискивали ее настолько плотно, что она не могла двигаться и еле дышала. Ее вырвало; желчь стекла по подбородку и смешалась с кровью, дерьмом и чужой блевотиной. Вокруг плакали и молились люди. Двенадцать человек уже умерли, но оставались в цепях. Была ночь, и волны бились в корпус судна на уровне ее головы. Она оставалась Кри, но лишь отчасти. Всем остальным была Айной, и она ощущала все это: раны, голод, взрослых, мертвых, детей, слишком маленьких, чтобы понимать происходящее. Все они сгрудились во тьме, объятые ужасом, потерянные, рыдающие.

Это уже было слишком, невыносимо реальным, поэтому Кри зажмурилась и задержала дыхание. Корабль качало, она ощущала запах мокрой пеньки и слышала, как сочится вода. Она сфокусировалась на них, потому что все остальное было только страх, боль и смерть. Айна чувствовала все, как себя саму, – все эти души, цепи и утраченные надежды. Чувствовала девушку, потерявшую мать, голодную, в первый раз увидевшую собственную кровь. Мужчину, потерявшего жену и опозоренного, сломленных женщин и изнасилованных девушек; голод и горячий воздух; щиколотки, стертые до костей и покрытые жиром, чтобы не завелись черви. Кри тоже все это чувствовала, но вынести не могла. Зажав глаза ладонями, она пронзительно закричала, пытаясь проснуться, – и не смогла. Она принадлежала этой чужой девушке, в которую угодила, как в ловушку.

В течение долгих часов страдания этого скопища людей терзали ее и сводили с ума. Как работа в каменоломне. Кри пыталась уползти, но разум Айны тоже наполнился безумием. Мучения, томление, мысли о самоубийстве – она испила эту чашу до дна, как цветок под ливнем. Спрятаться было негде, и от этого все казалось еще ужасней. Кри

никогда не испытывала такого ощущения сопричастности, не имела представления о его силе и давлении. В отчаянии она углубилась в закоулки разума Айны в поисках тихих омутов. Таких мест не нашлось, поэтому Кри погрузилась в заводь ее памяти и нырнула поглубже, вниз, вниз, пока не оказалась в темной пещере, озаренной светом костра и воспоминаниями о проведенных здесь ночах. Она мало что видела и еще меньше чувствовала. Она снова стала младенцем, прижатым к обнаженной груди, но здесь были мир, и любовь, и тихий голос, и обещание утра. Из сна Кри поняла, что попала в детство Айны, что скоро уйдет, покинет пещеру, поднимется на гору и станет сильной. Кри все это чувствовала, и ей хотелось остаться скрытой здесь, перетекать из одного воспоминания в другое и никогда не возвращаться на корабль, где люди молят дать воды, зовут родных и потерянных богов.

Но сон был крепок, а корабль неумолим. Он бороздил волны, взлетал на высокие гребни, замирал на мгновение и падал, как здание, обрушившееся со склона горы. Кри чувствовала, как хрустят тела, как кожа и кандалы скользят в вонючей слизи. Люди кричали, и она познала их смертельную жажду, растерянность и страх утонуть с железным обручем на шее. Корабль снова вздымался и падал, и в жестокой качке Кри потерялась сама. Она была королевой, испуганной рабыней; она полностью стала Айной.

Глава 29

«Айна»

1853

Смерть пришла в воскресенье, но не та смерть, которую ожидали люди. Умереть должна была жена хозяина – Айна слышала разговор, что у нее такая страшная горячка, какой раньше не видывали. Еще бы, весь мир горел. Выжженные пастбища. Мертвый скот. Айна знала лишь нескольких рабов, но все они беспокоились о больных детях и погибшем урожае и о том, что предвещает кровавая луна. Говорили и о беспорядках в городе, о драках и взаимных обвинениях, о белом человеке, валявшемся в грязи на главной улице с дыркой от пули. Все это сделала жара, и с каждым днем становилось только хуже. Утром вставало красное солнце, его сменяла красная луна. Даже река будто наполнилась кровью. Об этом думала Айна, пока жену хозяина несли к берегу, а потом пытались смыть убивающую ее горячку.

Не поможет, думала она; такую горячку с такой слабой белой женщины не смоешь. Айна видела, как они выходили из дома, и оказалась у реки прежде них – черной, как ночь, тенью скользнула по берегу и разделась за березой толщиной с нее саму. Ей хотелось знать, умирают ли белые люди так же, как рабы, и, судя по тому, что Айна увидела, так оно и было.

– Намочите ей волосы! Держите голову! Опустите поглубже!

Командовал Джон Мерримон; она знала это, хотя никогда не видела его вблизи. Дни Айна проводила прикованной к стене или запертой в комнате. Она была слишком необузданной, слишком агрессивной и непредсказуемой, слишком «африканской», чтобы ей доверять. С того дня, как ее купили на пристани в Чарлстоне, прошло три недели, но она так и не покорилась – ни разу. Если к ней приближались, скалила зубы, дралась и сыпала проклятиями, и остальные рабыни отводили глаза, видя, как в ней просыпается дикая сила. Они боялись ее. Боялись, сами в этом не признаваясь. Женщины говорили, что во тьме глаза у нее горят желтым пламенем. Мужчины ворчали, что она показывает клыки и рычит, как зверь. Конечно, они приходили к ней по одной и той же причине – рыжий надсмотрщик, мальчишка-лакей и раб с натруженными руками, еще грязный после работы в полях. Приходили потому, что она была молода и

хорошо сложена, и никогда не поминала о том, что происходит, когда они закрывают за собой дверь на кожаных петлях. Здесь она была слабой, поэтому пока не убила их. Но она знала их имена, вот в чем дело. Знала имена, знала, что они едят и где спят.

Пригнувшись пониже, Айна скользнула от одной березы к другой. Она выучила несколько слов из их языка, хотя далеко не все; знала, что такое «горячка», «умирать», «доктор». Но никакой доктор не мог вылечить жену Джона Мерримона. Для этого требовалась сила, а в той реке, по которой плыла Айна, силы не было. Однако она с любопытством наблюдала за хозяином и его сестрой, за батраками, за домашним рабом по имени Айзек. За Айзеком она следила особенно пристально, потому что он был умнее всех остальных рабов, вместе взятых. Айна знала, что он разбирается в разных вещах, вещах белых людей, таких как значки на бумаге, ружья и тот великий человек на небе, которому они поклоняются. Из-за Айзека Айна старалась не сильно высовываться из воды. Все смотрели только на умирающую женщину, но не Айзек. Он наблюдал за берегом и рекой; его глаза видели многое, только не Айну. Она знала ночь, и ночь любила ее за это. Ночь прятала ее рыдания, поддерживала, когда Айна взбиралась на самые высокие деревья посмотреть на ту самую луну, которую она знала до предательства, кандалов и корабля, провонявшего смертью, дерьмом и блевотиной. Но Айна не собиралась надолго оставаться рабыней. Да, она слаба здесь, но она все еще дочь своей матери.

Она не та, за кого ее принимают.

Она не рабыня.

Переведя взгляд на Джона Мерримона, Айна смотрела, как тот плачет, и думала, что для мужчины, владеющего другими мужчинами, это слабость. Он обладал многими вещами, этот хозяин, но его женщина умирала. Айна слышала, как у нее клокочет в груди, чувствовала жар, такой сильный, что река не могла остудить его. Она смотрела на выпуклый живот женщины и знала, что скоро должен появиться ребенок, но он не успеет этого сделать и не выживет. Айна сумела бы спасти их обоих, если б захотела, но женщина принадлежала черноволосому мужчине, а Айна ненавидела его мир и все, что к нему относилось.

Но сейчас, плавая в реке, она узнала его секрет.

Все-таки белый мужчина был человеком.

И она могла этим воспользоваться.

Через три часа к ней пришел домашний раб. Она услышала его шаги за дверь, узнала его запах, ритм его дыхания. Постояв, он открыл дверь и подошел к тюфяку, на котором она лежала. Айна увидела крупную голову, исполинские плечи. Раб встряхнул цепь, связывающую ее щиколотку с железным кольцом в стене.

– Ты была в реке.

Он говорил на известном ей языке; им пользовалось одно из младших племен, живущих в узких долинах у подножия великой горы.

– Ты уверен?

– Я не слепой, как остальные.

– Но эта цепь, – сказала Айна.

– Да, но я знаю, кто ты.

– Тогда ты должен бежать в ужасе или молить о пощаде. Все это плохо кончится для тебя и для человека, которого вы зовете хозяином.

– Джон не так плох, как некоторые.

– Он держит в рабстве детей.

– Но ты же не ребенок.

Она улыбнулась во тьме, но знала, что он видит.

– Твой хозяин видит так же ясно, как ты?

– Он сам почти как дитя. Его отец недавно умер. Он поступает так, как скажет надсмотрщик.

– Надсмотрщик, – сказала Айна, словно плюнула, и подумала, что раб понял причину. – Ты здесь за этим? – Звякнув цепью, она развела ноги. – Или достаточно умен, чтобы сознавать опасность?

На последний вопрос он ответил утвердительным кивком.

– Скажи мне почему, – потребовала она.

– Потому что я знаю, кто ты.

– Тогда скажи кто. – Он с трудом сглотнул. Айна повернула лицо так, чтобы раб увидел шрамы, которые собственной рукой нанесла ей мать. – Скажи, – повторила она, и он сказал, произнес слово на ее языке, слово истинной речи.

Оно означало «жрица», «провидица», «темная королева».

* * *

Через несколько минут домашний раб вел Айну по колючей траве к большому белому зданию. Оно напоминало дома, увиденные ею по пути из Чарлстона, и походило на корабль, перенесший ее через океан. Шесть

месяцев назад Айна не знала, что мужчины способны создавать такие вещи. Мужчин использовали для войны, охоты и для того, чтобы ублажать женщин. Но белые мужчины строили великолепные дома и бороздили океаны. Они поклонялись доброму богу, хотя сами были жестоки, как дети. Размышляя об этом противоречии, Айна поднялась по широкой лестнице и вошла в двери. Внутри было просторно, как в самой большой пещере великой горы там, на родине. Она смотрела на разноцветные ткани, мерцающие металлом предметы, на темное дерево, гладкое, как кожа ребенка.

В здание она вступила с высоко поднятой головой, не глядя на женщин, которые были не женщинами, а их жалкими тенями, готовившими, убравшими, выносившими дерьмо белого мужчины. Они бросали на Айну боязливые взгляды и тут же отводили глаза от шрамов, образующих спирали на ее щеках. Не обращая на них внимания, Айна изучала квадрат серебристого стекла, висевшего на стене. Она отражалась в нем не хуже, чем в любом водоеме. Айна видела себя такой, какой ее видели другие: дикие глаза и шрамы, грязная девчонка в изорванной одежде. Они считали ее юной, невежественной дикаркой, но ошибались, и Айзек это знал. Ни у кого больше не было таких шрамов.

Никто не мог их иметь.

Если не хотел расстаться с жизнью.

– Прошу сюда. – Он стал подниматься по изогнутой лестнице, и Айна не спеша последовала за ним. У высокой двери раб остановился, и она увидела страх в его глазах.

– Пожалуйста, – сказал он. – Я умоляю тебя.

Когда дверь отворилась, Айна увидела умирающую женщину на широкой кровати, а рядом с ней – Джона Мерримона, сжимающего в руке небольшой сверкающий нож. Он в ужасе смотрел на Айзека.

– Она умирает, – произнес Джон.

Айзек вбежал в комнату, и Айна наблюдала, как они принялись о чем-то спорить. Вначале тихо, потом громче. Она мало что понимала, но улыбнулась, когда Айзек произнес: черная магия. Она слышала эти слова от других рабов, от батраков и кухарок, от старух, говоривших, что надсмотрщик не может сломить Айну, что у него тоже страх в глазах. Болтали, что она сводит его с ума, что он насиловал и душил ее, а Айна смеялась ему в лицо.

Все твердили, что жара пришла вместе с ней.

Что жара спадет, когда умрет Айна.

Джон Мерримон был таким же, как все. Он потрясенно смотрел на

нее, но в его сердце уже проснулась надежда. Она поняла это, когда он перевел взгляд на жену, а большой раб заговорил.

Ее может спасти ребенок...

Такова будет цена...

Она кивала, потому что цена присутствует всегда, такова природа вещей, будь то женщина или ребенок, белый человек или черный.

Спор продолжался; насколько понимала Айна, речь шла о богах и о женщине, о том, что правильно, а что – нет. Она слушала, пока не надоело, потом молча пересекла комнату. Никто не заметил ее движения, и это было частью дара Айны: коварство и хитрость, ловкость и быстрота.

Они и моргнуть не успели, а она уже стояла возле кровати.

– Я исцелю.

Белый человек молчал, уставившись на нее, потому что ни один раб с корабля не мог выучить его язык так скоро. Но Айна была умнее любого мужчины.

– Ребенок умирать сначала, – сказала она. – Потом женщина. Ты платишь, я исцелю.

– Ты не можешь ее исцелить. Никто не может.

Но Айна уже ощутила покалывание и течение силы в ладонях. Она коснулась кожи женщины; у той порозовело лицо, и она тут же открыла глаза.

– Джон...

Белая женщина заговорила, и ее супруг разрыдался, как ребенок. Он упал на колени, нож звякнул о пол у кровати.

– Ты платишь, я исцелю.

Айна убрала руку, и у женщины закатились глаза.

– Нет! Пожалуйста! Верни ее!

Айна нагнулась за ножом, и никто не остановил ее. Белый мужчина умоляюще сложил ладони.

– О, Боже, прошу...

Но его Бог не слушал, и Айна тоже. Она подошла к высокому окну с видом на поля и лес. Перед нею лежало новое место, новый мир.

– Я заплачу, – сказал он. – Я заплачу!

Айна не торопилась, потому что могла просить что угодно, и получила бы это. Деньги. Землю. Его жизнь. Когда она заговорила, то обращалась к Айзеку на своем языке.

– Я хочу свободы, – сказала она. – Хочу его знак на бумаге, чтобы видели все.

Айзек перевел, и мужчина сказал:

– Да! Согласен.

– И землю тоже.

– Все, что угодно. Пожалуйста.

Отвернувшись от окна, Айна подошла к белому мужчине. Коснулась его лица, сгиба руки; дала ему почувствовать неукротимость своего сердца, не знающего жалости. Потом подарила улыбку и назвала окончательную цену.

Мальчишка-лакей.

Надсмотрщик.

Раб с натруженными руками.

Глава 30

Джек снова закладывал за воротник и был не то чтобы пьян, но и не совсем трезв. Он сидел в конце полутемного ресторана, у самого края стойки бара. Пиво в кружке, стоявшей возле локтя, успело согреться. Бармен, тихий мужчина лет за пятьдесят, указал на кружку.

– Душа не принимает?

– Простите? – переспросил Джек. – Что?

– Вы уже двадцать минут сидите. Я говорю, может, хотите чего-то другого?

– Возможно, виски, – согласился Джек.

– Какого именно?

– Бурбон. Мне все равно.

Бармен плеснул в стакан, Джек благодарно кивнул и отпил, не ощутив вкуса. В другой руке он держал телефон. Пришло сообщение от старшего партнера. Джек перечитывал его в пятый раз.

Мистер Кросс, это Майкл Эдкинс. Хотелось бы встретиться с вами в моем офисе завтра в восемь утра. Пора серьезно обсудить ваше будущее в нашей фирме.

На этом сообщение не заканчивалось, но Джек не хотел читать дальше. В первых двух строчках было сказано все.

Он не появлялся на работе.

Не вел учет времени.

Допив бурбон, он поднялся и достал бумажник.

– Сколько я вам должен? – Бармен назвал сумму, Джек бросил купюры на стойку. По ресторану он шел, слегка пошатываясь, но на это ему было тоже плевать.

Нужно поговорить с Джонни.

Снаружи садилось солнце, горячий ветер лизал бетон. Стараясь сориентироваться, Джек глянул влево, затем вправо. В этот ресторан он раньше не заходил, хотя заведение располагалось недалеко от квартиры и офиса. После поездки в Шарлотт он припарковал автомобиль и отправился бродить сначала по одной окраине в центре, затем по другой. Истоптал ноги, пока нашел ресторан и, чуть живой, упал на банкетку в баре. Первую кружку пива выпил быстро, вторая шла медленно. А вот виски, как он теперь думал, возможно, было лишним.

– Восемь часов, – удивился Джек, выбрав направление. – Невероятно.

До квартиры предстояло пройти двенадцать кварталов – девять вверх и потом еще три. По улицам гуляли люди, в лучших ресторанах кипела жизнь. Джек подумал, что надо бы поесть, но аппетита не было.

Как он оправдает свое поведение в фирме?

Есть ли ему до нее дело?

Последний вопрос ранил особенно больно. Ему было не все равно. Видит Бог, он работал достаточно упорно.

Возле булочной Джек нырнул в подъезд, поднялся – и вдруг резко замер, увидев на площадке возле своей двери девушку. Забившись в угол, она дрожала; глаза так закатились, что виднелись только белки. Джеку потребовалась секунда, чтобы узнать девушку из квартиры в Шарлотт. Он видел только половину лица и один глаз.

Что она здесь делает?

– Извини. – Джек наклонился ниже, не зная, как ее поднять. – Хм, мисс... – Он протянул к ней руку, но замер – у нее открылся рот. – Э-эй, – позвал Джек.

И тут девушка закричала.

* * *

Кри не понимала, где она и что происходит. Мир был кровав и жесток, как зазубренный осколок. Она ощущала нож в руке, рукоятка осклизла от теплой крови и казалась чем-то живым. Темная ночь смешалась с плохо освещенным коридором.

Пронзительно кричали изувеченные мужчины.

И она кричала.

– Не подходи ко мне, не подходи!

Она отшатнулась в угол.

– Всё в порядке...

Шатаясь, Кри поднялась на ноги. Коридор накренился, и на секунду она ощутила на коже дыхание огня, давящую волну стеной сотни рабов, перетаптывающихся с ноги на ногу и не отрывающих глаз от земли.

– Кто вы?

– Меня зовут Джек Кросс. Мы недавно встречались. Я здесь живу.

Кри оглядела лестницу, оштукатуренные стены.

– У меня был нож...

– Нет. Ножа не было.

Кри дважды моргнула. Она могла довериться или нет, могла уйти или

остаться. Она думала, что они, возможно, хотят одного и того же, она и этот адвокат, но Кри никогда не видела снов глазами Айны, вот как сейчас. Она помнила висельное дерево и держала в руке нож, но не знала ни причин, ни последствий, ни необузданных страстей, ни пугающей радости от воплей умирающих мужчин.

– Ладно, одну секунду. – Сон не отступал. Он порхал рядом, как живое существо, которое хотело, чтобы Кри поняла: Айна жила на самом деле, это не сказка. Кри заставила себя выпрямиться, открыть глаза и стать той девочкой, какой она была всегда, просто девочкой. Порывшись в заднем кармане, достала клочки бумаги. – Простите, ваш рисунок порвали.

– Поэтому ты здесь?

– Где вы его взяли?

– Зайдешь? – Адвокат несколько долгих секунд смотрел ей в лицо. – Тебе захочется это увидеть. – Внутри квартира оказалась темной и пустой. – Погоди минутку. Извини. – Он нашарил выключатель, помедлил. – Не пугайся.

Комнату залил свет, и Кри сощурилась. Рисунки висели на стенах, шкафах, дверях. Они устилали столы и диван, расползались из стопок по полу. Кри увидела поляну, словно ей снова было пять лет, и услышала голос бабушки. «Ты никогда не должна туда ходить, – говорила она. – Не ближе этого места, даже когда подрастешь...»

– Их рисовали очень давно. – Джек смотрел, как она идет по комнате, и объяснял, откуда взялись рисунки. – Художник рисовал их на протяжении всей жизни: в один год десять штук, в следующий – сто. В них есть какая-то последовательность. Я не могу ее понять. Что-то в манере работы. Видишь, на некоторых рисунках участки гораздо более темные, глянцевые. Я изучал их много дней и почти разгадал. Это как слово, которое вертится на кончике языка.

Некоторое время он продолжал в том же духе, но Кри не слышала его. Рисунки растревожили воспоминания о зимах, проведенных в Пустоши: короткие холодные дни, огонь больших костров, люди, снующие из одного домика в другой. Она была слишком мала и не понимала, что они боятся, но рисунки отражали ощущение полного одиночества.

– Я видел это место. – Джек коснулся рисунка с водопадом и деревом. – Не помню, где точно, но я видел его и испугался. В этом болоте пропадали люди. Люди погибали, и я ищу ответов. Надеюсь, ты сумеешь мне помочь.

– Со старыми историями?

– С историями, да. И мне хочется найти этот водопад. Завтра

собираюсь поискать.

– Вы говорите, люди погибали. Вы имеете в виду чужаков?

Джек осторожно кивнул.

– Начните сначала, – сказала она. – Расскажите мне всё.

Рассказ занял время, и Кри узнала больше, чем рассчитывала. Услышала про зверолова, найденного замерзшим в русле ручья, про геодезиста, наткнувшегося на логово гремучей змеи и получившего тридцать семь укусов, из них девятнадцать в лицо. Джек рассказал про мальчишек, пропавших в болоте, про такое количество погибших и исчезнувших людей, что Кри даже не верилось. Но он показал статьи и старые объявления о розыске.

– Никогда об этом не слышала.

– Мало кто слышал.

– Что насчет вашего друга?

– Не злитесь.

– Вы про судебное разбирательство? – Кри отвела взгляд, потому что слово «злитесь» показалось ей неправильным после таких снов. Она могла закрыть глаза и увидеть Джона Мерримона летом 1853 года: его лицо над умирающей женой, то же лицо, но пожелтевшее от игры огня и теней. Она четко видела сон, словно сама переживала все это. Значит, ей ничего не оставалось, кроме как ненавидеть. Сколько той ненависти передалось по наследству, чтобы обрушиться на Джонни? Она не знала, но видела его у ворот, а на земле – его кровь. Ей было страшно, но жалости она не чувствовала. Слишком многое лежало между их семьями – рабство, кровь и предательство. – Это была ошибка. Я, наверное, пойду.

– Сейчас полночь. – Кри посмотрела в окно, на город. – Здесь всего одна спальня, – продолжал Джек. – Но можешь ее занять, если хочешь. Дверь запирается.

Кри терзалась сомнениями, но идти было некуда. Только не к матери. И не в Пустошь.

– Быть может, на диване...

– Ложись прямо здесь. – Он достал постельное белье и подушку. – Я спал на нем. Удобно.

Кри благодарно кивнула, а когда Джек ушел, села на диван, прямо держа спину. Изучающим взглядом обвела рисунки на стенах – темные участки, искусно использованные куски свободного пространства.

Подойдя к стене, она сняла один набросок, наклонила под углом к свету, потом отступила, чтобы видеть как можно больше рисунков одновременно. Секунду подумав, удалила еще один рисунок, потом сразу

шесть. Она поняла, что некоторые находились там, где нужно, но многие – нет. Стоя на месте, Кри медленно поворачивалась, подмечая *неправильности*, словно следуя инстинкту. В течение первого часа она полностью очистила две стены и начала заново. Большая часть ночи ушла на то, чтобы постичь замысел художника, понять, что он спрятал. Самые темные наброски сконцентрировались по центру. Уголки листов соприкасались, местами накладывались друг на друга. Тридцать рисунков вместе составили единую картину, занявшую почти всю стену. Кри ощутила холодный взгляд из тьмы, пронизанной отблесками огня.

Она увидела болото из своего детства.

Увидела черные глаза, наблюдающие за ней.

* * *

Над городом рассвело, а Кри так и не ложилась. И все из-за рисунков, из страха заснуть. Отвернувшись от окна, она смотрела, как на рисунках играют розовые тени. Тридцать набросков образовали огромные черные глаза. Восемь футов в ширину, пять в высоту; глянцево-черный угольный карандаш, не считая пустых участков, то есть отблесков света в зрачках, морщинки между глазами и бровями, похожие на скопления листвы, веток и сучьев.

Кри сидела на диване, зажав сложенные ладони коленями. Ей хотелось сорвать рисунки, и она сама не знала почему. Это были всего лишь рисунки. Но когда она принималась ходить, глаза следили за ней, и появлялось желание изорвать их в клочки. Когда за своей дверью зашевелился адвокат, она подумала об этом в последний раз. Еще оставалось время, она бы успела. Сорвать. И убежать. Но когда дверь открылась, Кри так и сидела на диване, а потом услышала, как он подошел, внезапно остановился, охнул.

– Боже милостивый. – Джек опустился рядом с ней на диван. Ботинки его блестели, он надел ярко-синий галстук, но брюки были измяты. – Как?..

– Я в последние дни почти не сплю. – Это был не совсем ответ, но он понял. Они долго сидели в неловком молчании. – Собираетесь на работу?

– Что?

– Костюм.

Она показала пальцем, и Джек озабоченно оглядел себя. Рука потянулась к лацкану пиджака.

– Подожди минутку. – Он скрылся в спальне, затем вернулся в

джинсовом костюме и сапогах. Озадаченный взгляд исчез, он выглядел бледным и решительным. – Мне нужно отыскать друга. – Кри встала, Джек взял ключи. – Нужно отыскать его немедленно.

* * *

Они ехали на замечательной машине, какой Кри никогда не видела. Она сверкала металлом и пахла как новая. Когда добрались до Хаш Арбор, Джек остался в машине, а Кри вышла и открыла ворота.

Те самые ворота...

Она смотрела, как он проезжает на своем большом автомобиле, и думала, не расстаться ли с ним прямо сейчас. Все казалось таким реальным... Они найдут Джонни мертвым. Может, найдут то, что его убило, или оно их найдет.

– Ты едешь или нет?

Черт...

Кри забралась в машину, и адвокат повез их вглубь леса, потом через насыпь, по обе стороны которой стояла вода. Остановился он всего один раз, у старого знака, и, ткнув пальцем, сказал:

– Мне было тринадцать, когда я увидел его в первый раз.

Знак из выцветшего полусгнившего дерева обвивала жимолость. Надпись гласила: ХАШ АРБОР. 1853. Кри опустила стекло и вдохнула запах грязи.

– Зачем ты это делаешь? – спросил адвокат. – Ты меня не знаешь. У тебя есть все основания ненавидеть моего друга.

– А вы зачем здесь? – Кри уклонилась от ответа. – Вы напуганы, я же вижу. Зачем вам это?

– Просто он мой друг.

Кри промолчала, и адвокат повел машину мимо знака дальше, во мглу.

Там дерево повешенных.

Прямо за теми деревьями.

– Сначала доберемся до хижины и найдем Джонни. Потом ты можешь показать нам водопад.

Они остановились в заброшенном поселке и вышли из машины. Джек двинулся влево, но Кри заглянула в старую церковь. Там было жарко и тихо.

– Мисс Фримантл?

Внутри все оставалось неизменным: подсвечники, поваленные скамьи,

толстый слой пыли, копившийся годами. За спиной у Кри, в дверях, возник адвокат, но сейчас он казался ей всего лишь тенью, и она не обратила на него внимания. Ее притягивала каменная купель для крещения. Совсем маленькая, она покоилась на резном постаменте.

Только это была не купель.

Откуда я это знаю?

В детстве ее не пускали на еженедельные собрания, но как-то раз Кри прокралась к окну. Она стояла на валуне и видела... что? Ей вспомнились собственные пальцы на карнизе, капли воды на стекле. Внутри на стенах в подсвечниках горели свечи, а бабушка стояла у купели. Люди казались запуганными и покорными.

Дело было ночью.

Шел дождь.

– Мисс Фримантл!

– Ш-ш-ш.

Ей исполнилось четыре года – или пять? – она промокла и боялась, что поймают, и тут бабушка подняла руки и показала увядшую кожу. Кри увидела карту, образованную тонкими бледными шрамами. Люди на скамьях раскачивались, сидя плечом к плечу и плотно сомкнув веки.

– Можно мне минутку побыть одной?

Адвокат вышел, Кри закрыла за ним дверь, и тут непонятно откуда возникло видение. Она увидела сверкающий нож и людей, выстроившихся перед купелью. Они протягивали руки, ладони...

Кри коснулась внутренней поверхности чаши, покрытой темным налетом. Вспомнила ту дождливую ночь. Тогда у нее возникло ощущение, что чаша из черного камня двигается...

– Мисс Фримантл...

Она толкнула купель, и каменная чаша покачнулась на постаменте. Тогда Кри сняла ее и положила на пол, ощутив какой-то благоговейный страх. Запустив руку в открывшееся отверстие, нащупала и достала нож. Со времен ее детства он не изменился: маленькая костяная рукоять, ножны из шкуры кролика. Вынув нож, она увидела лезвие, сверкавшее, как лед. На ее ладони остался маленький шрам в память о первом дне в Пустоши, первом посещении дерева. Скольких из ее народа порезал этот нож? Сколько крови пролил?

Выйдя из церкви, она ничего не сказала про свою находку. Ее прошлое – тайна. И нож тоже.

– Извините за задержку.

– Всё в порядке.

– Вы готовы?

– Готов.

Бросив взгляд на старую церковь, Кри подумала про кровь в черной чаше.

– Говорите, что мы делаем дальше.

* * *

Он повел ее вглубь болота, туда, где она никогда не бывала, и Кри только поеживалась от неприятных ощущений. Как она заблуждалась, думая, что знает эти места... Они шли по тропинкам, которые, казалось, видит только адвокат, и когда за гладью воды открылся вид на хижину, Кри изумленно остановилась. Здесь было красиво. Уединение. Каменистые холмы.

– Мы нашли это место, когда нам было по четырнадцать. – Адвокат повел ее направо, от островка к островку, с кочки на кочку и так до сухой земли. – Он будет недоволен, что я тебя привел, поэтому дай-ка я с ним поговорю.

В домике, однако, оказалось пусто.

– Черт. – Джек закрыл дверь, потом посмотрел через росчисть, в раскинувшуюся за ней Пустошь. Позвал Джонни по имени, выкрикивая его, потом попробовал дозвониться. – Он может быть где угодно.

Кри почувствовала облегчение. После сна болото изменилось, а после обнаружения ножа в старой церкви – особенно. В глубинах сознания происходило какое-то странное движение. Кри ощущала эхо воспоминаний, не принадлежавших ей. Она чувствовала этот нож так, словно сто раз держала его в руке. Видела людей, с которыми никогда не встречалась, и знала вещи, которых не могла знать, – такие, как сила, кровь повешенных мужчин, или как снять шкуру с дикой свиньи. Нагнувшись, Кри провела пальцами по пропитанной водой почве.

– Мы можем подождать, – сказал Джек.

– Я не могу.

Адвокат протянул ладонь к потухшему костру.

– Еще теплый.

– Нам нужно уезжать.

– Я действительно думаю...

– Если хотите увидеть водопад, мы возвращаемся.

После этих слов он перестал спорить. А может, услышал что-то в ее

голосе или увидел в глазах. Ей нужно было уходить, и немедленно. Десять минут потребовалось на то, чтобы вернуться на первый остров, и там Кри оглянулась, ощутив боль узнавания. Она знала дыхание этих холмов, желтоватые отсветы на покрытых щебнем склонах.

Она узнала эту землю в 1853-м. Она завоевала и обжила ее, стала ее хозяйкой.

Кри закрыла глаза и увидела пылающий костер. Услышала скрип веревки и почувствовала конвульсии мужчин, вспомнила вопли и испуг рабов. И маленькое лезвие, отливавшее красным...

– Мисс Фримантл.

Она ощущала радость и удовлетворение. Ее руки взлетели вверх, и сто лиц замерли в ожидании. Черных лиц. С широко раскрытыми сверкающими глазами. Они раскачивались в ночи, и Джон Мерримон тоже был там. Кровь заливала грязную землю. Корчились тела...

– Мисс Фримантл, пожалуйста.

Кри открыла глаза. Ярко светило солнце. Совсем близко она увидела лицо адвоката, смотревшего на нее.

– Вы на минутку отключились. – Он держал ее за руку. – Кажется, вам нехорошо.

Кри стряхнула его руку. Он был прав. Уставившись на собственные ноги, она старалась собраться с мыслями.

Мое имя Кри, сокращенное от Креолы.

Это семейное имя.

Мое имя Кри...

* * *

Возле машины Джек дал ей воды, а она все так же не поднимала глаз.

– Уверена, что ты в порядке? – спросил он.

Она не была уверена.

– К водопаду туда. Это недалеко.

Кри взяла себя в руки, и на какое-то время сумятица в голове улеглась. По охотничьей тропе они прошли до одинокого холма, стоявшего обособленно от тех, что поднимались севернее. Кри помнила, как увидела его впервые. Тогда на земле лежал снег, а над головой висело низкое хмурое небо.

– Вот то, чего вы хотели.

Утес был в двадцать футов высотой; в окружающей тишине водопад

звучал особенно громко. Адвокат стащил рюкзак, достал один из рисунков. Поднял, сравнивая. Все совпадало.

– Что теперь?

– Я не вижу никаких больших черных глаз.

– Не глупите.

Кри вела себя так, когда пугалась. Она становилась дерзкой, несдержанной и грубой. Чтобы все не казалось таким реальным. Или убегала.

– В детстве мне сказали держаться подальше от этого места. Уверены, что хотите побыть здесь?

– У меня нет выбора.

Кри ничего не сказала, потому что ей хотелось, чтобы адвокат остался. Значит, она будет не одна. И не убежит. Они двинулись через поляну, и Джек принялся рассказывать про мертвого оленя, удивляясь, насколько это место *точно похоже, ну прямо как на рисунке и в газетной статье, Боже милостивый, точь-в-точь*. Он становился болтлив, когда боялся, а так все было в полном порядке. И оба чувствовали повисшее в воздухе напряженное ожидание.

Десять минут спустя они нашли пещеру.

Глава 31

Джонни знал, что Джек приближается; он чувствовал его уже целый час, но девушку не заметил, пока она не появилась в долине. Уже во второй раз он не сумел засечь ее.

Нет, думал он.

Во второй раз, про который он знает наверняка.

Джонни все это не нравилось. Невидимая девушка. Сны Джона Мерримона. Месяц назад его заботы сводились к подготовке к зиме. А сейчас дрова лежали неколотые, ветви деревьев в саду гнулись под тяжестью плодов. Он наблюдал, как Джек пытается позвонить ему, и хотел было выйти из-за деревьев, как в старые добрые времена. Они откупорили бы бутылку чего-нибудь. Насчет девушки Джонни засомневался бы, но и ей плеснул бы в стакан. Он вел бы себя, как культурный человек; быть может, узнал бы что-то из прошлого этих мест. Он не забыл приличных манер. Джонни умел поддерживать разговор, когда хотел. Но что-то в девушке заставило его насторожиться. Ему вдруг захотелось, чтобы она убралась, исчезла с его земли.

Отвернувшись, Джонни углубился в холмы и остановился у дерева, на котором часто спал. Поднявшись повыше, он смотрел сквозь ветви на Пустошь и чувствовал, что Джек возвращается назад, к старому поселку. Их разделяли мили болота и неудобий, но Джек был самым старым его другом, и Джонни чувствовал его, в какой бы точке Пустоши он ни находился. Девушка оставалась невидимой, но сейчас Джонни волновали вопросы поважнее. После многих дней бессонницы и размышлений он пришел к следующему. Вердина предупредила его о прошлом. Она проявила настойчивость, и он пережил достаточно, чтобы понять всю его опасность. Та жизнь казалась не менее реальной, чем эта, и там, наряду с тьмой, присутствовала и красота. Жена. Ребенок. Даже сейчас его тянуло туда, и Джонни задавал себе вопрос: а смог бы он жить во всей этой роскоши? Это было прошлое, прошлое его семьи, и, возможно, именно там нашлись бы ответы.

Вытянувшись в гамаке, Джонни смотрел сквозь листву в то самое небо, которое видела Мэрион. Быть может, она умерла, чтобы выжил ребенок. Быть может, Джон вырезал ребенка. Эти вопросы касались совсем другой, минувшей эпохи, но Джонни больше ни о чем не мог думать. Мэрион и ребенок, и та жизнь, которую прожил не он. Устроившись

поудобней, Джонни достал из кармана одну из сигарет от Вердины.

Он долго смотрел на нее.

А потом закурил.

* * *

Джон Мерримон бредил от усталости и горя, но тем не менее не сомневался, что слух о повешении распространится быстро.

Его надсмотрщика повесят. Белого человека.

Джону было все равно.

Стоя на коленях у изголовья Мэрион, он разглаживал ее мокрые волосы. Глаза у нее были открыты, но не видели.

– Доктор уже здесь?

– С реки прислали весточку. Он у брода. Лошадь упирается. – Айзек маячил у двери, бессильно опустив большие руки.

– Ради бога, посылай другую лошадь! Тащи его, если придется.

Айзек ушел выполнять распоряжение. Вернувшись, кивнул.

– Послал. Вашу самую быструю лошадь.

– А стряпчий?

– Внизу. Ему это не нравится.

Джон опустил голову. Кому такое понравится?

– Поддай ему обед и бутылку. Он не уйдет, пока я не скажу.

– Нам надо спешить, – напомнил Айзек. – Люди этого не одобряют – белого человека повесили вместе с рабами.

– Где они сейчас?

– Надсмотрщик в подвале, связанный, с кляпом во рту. Рабы на улице под охраной.

– Каковы настроения?

– Люди мрачны. Напуганы.

Дело было плохо, и оба понимали это. Имена не назывались, словно от этого происходящее становилось менее реальным. Говорили просто «надсмотрщик», «рабы».

– Что насчет девушки? Она разобралась с картой?

– Она хочет болото и северные холмы, самые труднодоступные ваши владения.

Там насчитывалось шесть тысяч акров, но Джону было плевать. Он коснулся лица жены, а когда поднял взгляд, глаза его горели.

– Это убийство, Айзек.

- Она говорит, они насильовали ее, били...
- Ты ей веришь?
- Разве это важно?

* * *

Когда прибыл доктор, Джон встретил его на лестнице.

– Мне надо знать, можете ли вы спасти ее. – Он потащил доктора наверх и подтолкнул к кровати. – Мне надо знать, будет она жить или умрет.

– Успокойтесь, пожалуйста.

– Проклятие, доктор! Скажите мне!

– Очень хорошо. – В голосе доктора слышалось сильное недовольство, но он проверил температуру и пульс, откинул халат и послушал ребенка. Когда же выпрямился, все читалось на его лице. – От такой горячки почти любая уже умерла бы.

– Но?

– Никаких «но». Пульс слабый, дыхание настолько поверхностное, что его почти нет.

– А ребенок?

– Пока жив, хотя, по-моему, это чудо. После моего недавнего визита произошли какие-то изменения?

Джон подумал про девушку, про то, как она коснулась его жены, и та открыла глаза, произнесла его имя.

– Нет, – солгал он. – Никаких.

– Я еще могу спасти ребенка...

– Не говорите так!

– Мистер Мерримон. Джон... – Он положил руку на плечо молодого человека. Они не были близки, но девятнадцать лет назад доктор принимал Джона из утробы матери. Он находился возле постели его отца, когда тот испустил дух. – Я призываю вас взглянуть на этот вопрос шире.

– Нет, если это убьет мою жену.

Доктор со вздохом кивнул.

– Могу я, по крайней мере, осмотреть вас?

– Я в порядке.

– Нет, мистер Мерримон. Не в порядке.

Джон знал, что это правда. Он не ел шесть дней. Не спал, не мылся, не отходил от жены.

– Есть хоть какие-то основания надеяться?

– Вы верующий человек?

– Был когда-то.

– Тогда помолитесь о чуде.

Когда доктор ушел, незаметно, будто ниоткуда, появилась девушка.

– Ты знаешь, какую землю я хочу? – Она остановилась в десяти футах от него, и Джон вдруг понял, насколько она умна. Потребуй она все поместье, и округ возмущился бы. Ей хочется темных мест, заброшенных земель. – И еще мне нужны люди. И инструменты для строительства.

Девушка использовала смесь из английского и своего родного языка. Джон посмотрел на Айзека, который переводил.

– Люди? – спросил Джон.

– Мой народ, люди из Африки.

– Только исцели мою жену.

– Есть место, куда твои рабы ходят молиться. Сначала мы отправимся туда.

– Такого места нет.

– Он знает.

Айна указала на Айзека и заговорила на своем языке. Тот, выглядевший пристыженным, объяснил:

– Некоторые из нас втайне молятся. Она говорит, что это единственное место, где она согласна принять у вас... плату.

– Ты знаешь это место?

– На болоте, – сказал Айзек. – Я его знаю.

* * *

Она хотела, чтобы рабы видели, поэтому их вели позади. Джон оглянулся на шаркающую колонну, на приговоренных в телеге, дребезжащей и гремящей по сужающейся дороге.

– Далеко еще? – спросил он.

Айзек ехал рядом.

– Недалеко. – По мере приближения к болоту воздух сгущался; когда село солнце, они зажгли факелы. – Вот это место.

Оказалось, это росчисть в лесу, пустое место, пропахшее грязью и стоячей водой.

– Здесь ничего нет, – сказал Джон.

– В этом весь смысл.

Джон соскочил с коня, посмотрел в глаза Айзеку.

– Ради Мэрион, – сказал он.

– Ради вашей жены.

– Скажи ей, чтобы начинала.

Но девушка уже приступила к делу. Она распоролла и сбросила одежду с белого мужчины, потом проделала то же самое с рабами. Они цепенели при движении лезвия, но девушка еще не закончила – принялась показывать ножом и говорить по-своему.

– Айзек? – прошептал Джон.

– Она рассказывает всем, что хочет сделать. Она издевается над ними.

Девушка коснулась ножом пениса, потом века, а затем и губ белого мужчины.

– Мы не можем ее остановить, – сказал Айзек.

Джон знал, что не может, даже если бы хотел. Сбившиеся в кучу рабы были в ее полной власти. Они смотрели на надсмотрщика, на еще двух человек, таких же, как они. Никто даже не двинулся, чтобы им помочь; они не смели.

– Что она теперь говорит?

– Перечисляет их преступления.

Джон глядел на надсмотрщика и видел свою жену. Девушка выпрямилась и указала на большое дерево, высившееся на поляне.

– Она хочет, чтобы их подвесили за щиколотки.

Джон понимал, что произойдет, он видел это по его лицу.

– Выполняйте.

Мужчины пронзительно кричали, когда их подвешивали, и Джон знал, что его душа проклята. Умрет Мэрион или нет, в жизни не будет радости. Когда мужчины повисли вниз головами, девушка заговорила с Айзеком, но глядела на Джона.

– Она говорит, что сделка еще не закончена.

– О боже, Айзек...

– Будет одно последнее условие, но вы должны согласиться.

– Мы всё оговорили! Всё!

– Она говорит, что это мелочь, пустяк.

Джон провел пальцами по волосам. Посмотрел в ночное небо, и Айзек произнес фразу, которая уже сложилась у Джона в голове:

– У нас есть выбор?

В глубине души Джон уже знал ответ.

– Выбора нет, – сказал он. – У меня нет никакого выбора.

Глава 32

Клайду Ханту нравилось ездить с опущенными стеклами. Он любил запах скошенной травы и теплого асфальта, любил звуки работающих косилок, задорные крики молодых, в такую жару занимающихся спортом.

– Два-Аллен-Один. Это диспетчерская.

Клайд включил рацию.

– Два-Аллен-Один. Слушаю, диспетчерская.

– Вам звонят, детектив. Джек Кросс. Голос взволнованный.

Хант свернул, увидел двух молодых женщин, споривших под навесом круглосуточного магазина. За последний год его два раза грабили.

– Насколько взволнованный?

– Два-Аллен-Один, я бы сказал, *очень взволнованный*.

– Ладно, диспетчерская. Переключите его на мой сотовый.

* * *

Минутой позже Клайд несся на северо-восток. Тяжелый «Крузер» клонился на виражах и оседал на все четыре колеса на прямых участках. Стекла были подняты, иначе он не разобрал бы ни слова. Он расслышал *Джонни* и что-то непонятное, а потом *он мертв... думаю, он мертв...*

– Помедленней, сынок. Я уже еду к тебе. Просто помолчи, переведи дух. Я тебя почти не понимаю.

– Извините, извините. Я бежал. Сотовая связь... Это проклятое болото...

В трубке треснуло.

– Джек, ты пропадаешь...

– Вы нужны здесь, Клайд... – Статические разряды. Белый шум. – ... поспешите... вот черт... пожалуйста, поспешите...

– Где ты сейчас?

– На обочине...

– На обочине. А точнее?

* * *

Клайд увидел Джека за милю. Стрелка скакнула с 90 до 110, и «Крузер» преодолел последнюю милю в мгновение ока, только зелень мелькала за стеклами да «баранка» подрагивала в ладонях. В пятидесяти ярдах Клайд ударил по тормозам, последние десять скользил на покрышках. На обочине стоял Джек – бледный, исцарапанный, в синяках.

- Ты в порядке, сынок? Залезай.
- Ерунда. Я в порядке.
- Что происходит, Джек? Где Джонни?
- Не знаю.

Клайд облегченно перевел дух. Он даже сам не заметил, что до этого сдерживал дыхание.

- Ты сказал, что кто-то мертв.
- Нам нужны копы, – сказал Джек.
- Расслабься, сынок. Я уже здесь.
- Вы не понимаете. – Джек согнулся, лоя ртом воздух. – Нам нужно много копов.

Сначала Клайд должен был взглянуть сам. Подъехав к церкви, он положил рацию в карман и достал из-под приборной панели дробовик.

- Это же твоя машина, – заметил он. – Ты почему бежал?
- Ключи потерял.

Достав из багажника аварийный комплект, Хант запер автомобиль.

- Расскажи мне еще раз про пещеру.

Джек рассказывал на ходу, но толку от него было мало. Он никак не мог взять себя в руки и трясся. Сотрясение мозга?

- Давай-ка помедленнее, – сказал Клайд. – Начнем с того, кто мертв.
- Не знаю. Вы меня не слушаете.
- Дыши глубже, сынок...

Из речи парня он понял немного: один человек мертв, другой умирает. Что-то насчет водопада, оленя, потайной пещеры и кучи всякого старья. Увидев водопад по ту сторону поляны, Хант остановился.

- Где пещера? – Джек показал, и Клайд низко нагнулся, осматривая вход. – Выглядит неглубокой.
- Вот тут вы ошибаетесь.
- И где там девушка?
- Глубже и внизу. Там понижение, а потом открывается пещера. Кри внутри с этим... э... ну, вы понимаете, с тем парнем.

Клайд внимательно посмотрел в лицо Джеку, потом сунул ему в руку аварийный комплект и веревку.

- Возьми, – скомандовал он. – Держись позади меня.

Хант согнулся и принялся протискивать свое большое тело в узкий проход. Дробовик скребся по голому камню. Через десять футов в темноте под ногами что-то блеснуло.

– Твои ключи. – Он подобрал их, передал назад. Чем глубже они спускались, тем влажнее становился воздух.

– Джек? Это ты? – донесся из темноты голос молодой женщины.

– Мисс Фримантл, я детектив Хант. Джек Кросс со мной.

– Поторопитесь, пожалуйста. Кажется, он умирает.

Хант протискивался все глубже. Через пятьдесят футов спуск обрывался, и он увидел в глубине, на дне пещеры, молодую женщину. Рядом с ней вроде бы лежал человек, во мраке разглядеть было трудно.

– Дай рюкзак. – Джек передал ему комплект, и Хант достал полдюжины светящихся палочек.

Переломив, детектив бросил их вниз.

Они упали на груды костей.

* * *

В свете прожекторов все выглядело по-другому. Серые камни и старые кости – настолько старые, что казались почти черными. Хант смотрел, как эксперты в белых защитных костюмах бродят между скальных выступов, расставляют маркеры, фотографируют.

Стараясь унять воображение, он внимательно изучал пещеру.

Она оказалась не такой широкой, как он думал, но гораздо глубже. Пол был усеян костями и обрывками истлевшей одежды. Клайд заметил старый рюкзак и сломанный снегоступ. Еще дальше лежали бронзовый фонарь и ржавое ружье. Приходилось только догадываться, останки скольких людей здесь валяются. Группировались они в основном в низинках. Некоторые кости были расщеплены и изгрызены.

– Очевидно, падальщики. Койоты или в этом роде. – К Ханту, стоящему у обрыва, присоединился Том Ли. – Как думаешь, сколько им лет?

– Некоторые достаточно старые, но не все. – Хант показал на лоскут выгоревшей одежды. – Похоже на «ГорТекс». Восемидесятые годы прошлого века, вероятно. Хотя ружью не меньше ста лет.

– Что здесь творится, Клайд?

– Мы с тобой можем только гадать. Как там потерпевший? Молчит?

– Ему повезет, если выживет. Какое уж там разговаривать...

– А что насчет покойника?

– Прошло, наверное, двадцать четыре часа. А может, сорок восемь. Ты видел его лицо?

Хант видел. Он взглянул на капитана, худощавого мужчину с обветренным лицом и узкими губами. Клайд сам стоял нагнувшись, но тому пришлось скрючиться. На подсознательном уровне Хант знал, что капитан скажет дальше.

– Мне надо поговорить с ним, Клайд.

– Джонни не имеет к этому отношения.

– Мы этого не знаем.

Хант кивнул на старые кости и предметы.

– Этим вещам больше ста лет.

– Некоторым, но не всем.

Хант обернулся к выходу. День заканчивался. По поляне ходили люди.

– Тебе здесь потребуется помощь. Судебные антропологи. Патологоанатомы. Судебные дантисты.

– Полиция штата. ФБР. Да, я понимаю.

– От шерифа никаких вестей?

– Он появится.

Хант подобрал камушек, подбросил его на ладони.

– Ты меня к этому не подпустишь, верно?

– Шериф может решить иначе. А пока ответ «нет».

Шериф был непредсказуем. Хант ему не нравился, но он уважал Клайда. Капитан Ли знал это. Опять же, шериф ненавидел Джонни, и про это все знали.

– Идем, – сказал Хант. – Глотнем воздуха.

Снаружи беспорядочно припарковались полдюжины квадроциклов – бамперы в грязи, на багажниках тяжелые кофры. Люди еще не ударились в панику, но нервозность нарастала. Джонни с детства был темной лошадкой, но теперь обстановка переменилась, даже для твердолобых копов. После странной, необъяснимой смерти Уильяма Бойда прошло совсем немного времени, а слухи уже расползлись. И вот теперь эта пещера, куча старых останков и еще одно тело...

С поляны их окликнул один из дознавателей, и Ли сказал:

– Побудь здесь.

– Да, без проблем.

Хант посмотрел ему вслед, а потом его взгляд скользнул к телу в мешке, вытянувшегося в сторонке. Секунду подумав, он прошел по поляне и расстегнул мешок. Никто его не остановил. Никто не сказал ни слова.

Опустившись на колени, он расправил пластик и всмотрелся. Пахло неприятно, но Хант привык к запаху смерти. Другое дело – лицо. Клайд нагнулся ближе, рассмотрел его с одной стороны, потом с другой. Оно распухло до неузнаваемости. Губы, язык, все лицо так деформировалось и потемнело, что Ханта замутило. Ничего подобного никто никогда не видел. Никто не знал, что и думать.

– Какого черта ты там делаешь, Хант? – крикнул капитан Ли через поляну. Люди бросили свои дела и оглянулись посмотреть. – Никто не говорил, что тебе можно трогать это тело! Отойди!

Клайд не подчинился. У него было несколько секунд.

– Детектив!

Расстегнув на мертвце рубашку, Хант понял, почему, несмотря ни на что, тот показался ему знакомым.

– Вот черт... – Он рассматривал грязную кожу, шрамы. Снова взглянул в лицо, потом медленно поднялся.

– Ты что себе позволяешь, Клайд? – К нему подбежал капитан Ли. – Твой приемный сын под подозрением. Тебе нельзя касаться этого чертова тела. Идем. Лучше уйдем отсюда.

Он нагнулся застегнуть мешок, но Хант остановил его.

– Ты ведь был с шерифом в две тысячи седьмом, правильно?

– И что?

– В июне того года его четыре раза ударили ножом.

– Наркоманка у реки, я помню.

– Мне жаль, Том. – Хант распахнул на покойнике рубашку, показывая скопление шрамов в шести дюймах выше правой тазобедренной кости.

– Это не значит... Этого не может...

– Я сидел с ним в больнице, – сказал Хант. – Я проводил задержание.

К чести Ли, он сумел прийти в себя за пять минут. Капитан собрал своих лучших людей, а Хант вместе с Джеком и Креолой Фримантл наблюдал за ними со своего места под деревом.

– Что происходит? – спросил Джек.

– Думаю, дело принимает некрасивый оборот.

– Что вы хотите этим сказать?

Хант не ответил. Разговаривая по рации, Ли сначала побледнел, потом покраснел от злости. Через поляну он бросился к детективу; Хант приготовился к встрече.

– Имя Уэйлон Картер тебе что-нибудь говорит?

– А должно? – спросил Хант.

– Он утверждает, что шериф и человек по имени Джимми Рэй Хилл

явились сюда с одной определенной целью. Не хочешь угадать с какой? – Хант молчал, а капитан перевел взгляд на Джека. В нем безошибочно читалась скорбь. И ярость. – Где ваш друг, мистер Кросс?

– Я... э... что?

– Не хитри со мной, сынок. Где этот чертов Джонни Мерримон?

Глава 33

Джонни очнулся ото сна, как забытая тварь в забытом море. Небо над головою отливало багрянцем, тени внизу тоже. Вдали он чувствовал полицию, в прошлом – повешенных мужчин. Джонни дрейфовал между ними, и не было мира в этом месте. Там умирали люди, а здесь был напуганный Джек. Джонни почти проснулся. В нем ничего не осталось для Джека, даже для себя. Он снова погрузился во тьму, потому что так поступают забытые твари.

Они отрекаются от себя.

Они исчезают.

* * *

Джон Мерримон стоял на коленях и чувствовал, как к горлу подступает рвота. Он больше не мог смотреть, не мог выносить криков. Рядом опустился Айзек.

– Девушка сказала, вы должны смотреть.

– Нет...

– Она говорит, вы должны смотреть, если хотите, чтобы ваша жена жила.

Джон сделал это ради Мэрион, но смотрел не на девушку, а на нож, фокусировал взгляд на лезвии, а не на том, что оно отрезает. Она играла на толпу, демонстрировала свою власть. Джон видел это в свете костра. Белый человек истекал кровью, как и черные. Кровь текла одинаковая. И крики звучали одинаково.

– Боже милосердный, пощади мою душу...

Его шепот услышал только Айзек.

– В этом месте Бог мертв.

И в этом тоже заключалась ее цель – убить богов, ожидания, установившийся порядок вещей. Она превращала это место в свою собственность, а вместе с ним и кучку людей. Джон видел тех, кто остался бы с ней добровольно. Их глаза горели, и они кивали в такт взмахам ножа. Джон ясно, как никогда, видел линию, разделяющую людей: одни отводили глаза и трепетали от ужаса, другие смотрели.

Мужчины умирали долго, а когда это случилось, Айна вонзила нож в

дерево и сорвала лохмотья, служившие ей одеждой. Нагая, она стояла перед толпой рабов, и те склонились перед ее наготой. Джон не видел, чтобы сборище людей погружалось в такое полное молчание. Она заговорила на родном языке, и ее негромкий голос заполнил всю поляну.

– Они ее понимают? – спросил Джон.

– Некоторые, – ответил Айзек.

– Что она говорит?

– Что теперь это ее земля, и те сильные, что хотят остаться, могут жить здесь, вместе с ней.

– Скажи ей, что она еще не выполнила условия сделки.

Айзек передал его слова. Айна, улыбаясь, заговорила снова.

– Она сказала, чтобы вы отдали ей свой сюртук. – Сюртук был темно-зеленый, с позолоченными пуговицами и бархатным воротником. Джон пригладил его и передал ей.

Девушка накинула сюртук на себя, как мантию во время коронации.

* * *

Процессия вернулась обратно, и перед домом снова сгрудилась толпа. С крыльца они видели море лиц, и Джон почувствовал враждебность. Люди попробовали крови. Были такие, кто хотел еще.

– Теперь моя жена.

Девушка склонила голову, и Джон первым прошел в дом. Он старался не замечать, как она улыбается, шагая в его сюртуке. Ему было наплевать на ее окровавленные руки, на то, что он видел, и на ту часть себя, которую он продал. Но девушка не торопилась. Она медленно обошла комнату, потом положила ладонь на грудь Айзека и что-то прошептала ему на ухо.

– Ей известна сила слов на бумаге, – сказал Айзек.

– Отлично, – ответил Джон. – Приведите стряпчего.

Вошел стряпчий. Казалось, он не верит своим глазам.

– Мой Бог... Вы на самом деле совершили это, молодой человек. Вы позволили рабыне убить белого мужчину.

– У меня не было выбора.

– Вы за это заплатите. И вам это известно.

– Уверен, что заплачу. Вы приготовили документы?

– Теперь жалею, что приготовил.

– Чем быстрее мы закончим, тем скорее вы сможете уйти.

– Очень хорошо. – Стряпчий раскрыл свой портфель. – Мне требуются имена и так далее. Ни одна женщина не владела таким количеством земли, тем более рабыня. Это вызовет резонанс...

– Мне все равно. Сколько нужно времени, чтобы закончить?

– Немного.

Они обсудили имена и детали, и Джон отослал стряпчего в кабинет, предупредив:

– Если уйдете без моего разрешения, я догоню вас и лично убью. Айзек, будь любезен.

Взяв стряпчего за руку, Айзек вывел его из комнаты. Когда раб вернулся, Джон указал на кровать.

– Исцели ее, – сказал он Айне.

Девушка не двигалась.

– Исцели ее, или я убью и тебя тоже. Я убью всех.

Джон держал в руке пистолет и был совершенно серьезен. Если умрет жена, умрет и он. В каком-то смысле так даже лучше.

Вечность.

Спасение от позора.

– Делай.

Айна пожала плечами и приложила палец к лицу умирающей женщины. На мгновение в воздухе послышался напев, потом Мэрион открыла глаза и заговорила, словно бодрствовала много часов:

– Ребенок выходит, Джон. Я чувствую, ребенок...

Джон бросился к кровати, но девушка отняла палец, и Мэрион снова потеряла сознание. Ее душа, единственное, что имело значение, готова была отлететь.

– Верни ее!

– Есть последнее условие...

Она говорила на ломаном английском, но Джек понял.

– Все, что угодно.

Девушка что-то гортанно произнесла на родном языке, и Айзек, запинаясь, перевел:

– Она хочет дочь.

– Дочь. Так. Все, что угодно.

– Для этого нужен мужчина.

– Что...

Но ее намерение было очевидно. Она взялась рукой за промежность Айзека и снова заговорила с довольной улыбкой.

– Она говорит, я подарю ей дочерей, и они будут сильными и

красивыми.

– Айзек, Господи...

– Она говорит, вы отдадите меня ей сейчас, иначе женщина умрет.

Глава 34

Десять минут потребовалось Джеку для того, чтобы убедить капитана Ли отвязаться от него, и то только потому, что помог Клайд.

– Вот что, просто отойди! Он не знает ничего! – в конце концов закричал Хант, но Ли не слушал. За его спиной собрались остальные, и все с ненавистью смотрели на Джека. Они думали, ему что-то известно, что он причастен к этому делу. – Я сказал, отвалите к чертовой матери. Слушайте. Это он меня вызвал. Иначе нас здесь не было бы.

Это имело смысл, но голос разума заглушала боль от потери и предательства.

– Там, в мешке, Уиллард Клайн, – сказал Ли. – Ты знаешь, сколько я с ним прослужил? Что он значил для меня, для всех нас?

– Я ничего не знаю, – заявил Джек. – Я рассказал бы, если б знал.

– Ерунда. Вы с мальчишкой Мерримомом всегда покрывали друг друга. Думаешь, я дурак? Думаешь, я забыл? А ты? – Он наставил палец на Ханта. – Не притворяйся, что беспристрастен.

– Никто и не притворяется. – Хант поднял руки, раскрытыми ладонями вперед. – Но тебе нужно успокоиться. В этом деле пострадал не один шериф. И ты это знаешь.

– Я знаю только то, что мне нужен твой сын.

– Мне неизвестно, где он, – сказал Джек.

– Ты знаешь, где он живет? – Джек отвел взгляд. – Ты мне с этим поможешь, Клайд, иначе, Богом клянусь, я тебя уничтожу.

– Ты же сам сказал. У меня здесь нет юрисдикции. ФБР. Полиция штата. Тебе придется позвонить им.

Конечно, Ли пока этого не сделал, хотя уже смеркалось, а тело шерифа лежало в мешке у ног капитана. Джек подумал, что со стороны Клайда умно напомнить: следствием будут заниматься другие.

Капитан Ли наклонился к Ханту, словно какая-то тонкая ниточка еще связывала их.

– Что, если б это был один из твоих? – спросил он. – Твой друг? Твой босс?

– Я бы работал, – ответил Хант. – Я проявил бы дальновидность, позаботился о будущем.

Они смотрели друг другу в глаза, и все понимали – капитан не собирается проявлять дальновидность. Может, через день. Или через два.

Когда Ли отвернулся и зашагал прочь, Хант проводил его взглядом, а потом подтянул Кри и Джека поближе к себе.

– Вы знаете, где он?

– Мы сегодня заходили в хижину, – сказал Джек. – Его там не было.

– Вам нужно найти его и предупредить. Пусть держится подальше, пока не появится полиция штата или эти люди не успокоятся.

– Что? Хотите сказать, сейчас? Ночью?

– Я видел, что бывает, когда убивают копа, – ответил Хант. – Месть. Стадный инстинкт. Держи. – Он достал фонарик из кофра на одном из квадроциклов. – Ступайте в хижину. Ночью они ее не найдут, не получится в темноте. Отыщите Джонни. Уведите его из Хаш Арбор. Телефон у тебя заряжен? – Джек кивнул. – Хорошо. Держи под рукой. Джек, посмотри на меня. У тебя двадцать минут, пока стемнеет по-настоящему. Ты знаешь, где хижина. Джонни все равно туда придет. И вы должны быть там, когда это случится. – Джек снова кивнул, но не очень уверенно. Хант повернулся к Кри. – Ты к этому не причастна. Могу позвонить кому-нибудь, чтобы забрали тебя домой.

– Я останусь с Джеком.

– Ладно, дело твое. – Хант положил руку на плечо Джеку и крепко стиснул. – Сейчас стойте здесь, – сказал он. – Когда поднимется крик, бегите к деревьям.

– Крик? – удивился Джек, но Хант уже шагал. Он обогнул сбившихся в кучу полицейских округа, а потом опустился на колени у тела и опять расстегнул мешок.

Сразу поднялся крик.

* * *

Они добрались до домика, но уже за пятьдесят ярдов Джек знал, что Джонни там нет. Десять секунд они провели внутри, потом с минуту звали Джонни по имени. После этого тишина показалась еще гуще.

– Может, прячется в каком-нибудь другом месте?

Джек знал дерево, на котором Джонни часто спал. Оно стояло на вершине холма, на севере, и даже днем добраться до него было трудно.

– Ты боишься? – спросил он.

– Мы только что нашли кучу человеческих останков. Полиция наверняка будет нас искать – не сейчас, так позже.

– А кроме этого? Ты понимаешь...

Он имел в виду тишину, небывалое безмолвие. Кри обхватила себя руками, ощутила ужас детских лет.

– Когда ребенком я жила здесь, дни казались особенными. Казалось, они будут длиться вечно – солнце, все эти деревья, люди, работающие вместе на общее благо. Посевы. Рыбалка. Люди напевали во время работы. Они смеялись. Когда тени становились длиннее, все менялось. Люди двигались чуть быстрее. Смотрели по сторонам, под деревья. К закату я всегда была дома, а после меня не выпускали. Темнота казалась чем-то ужасным; люди говорили о ней так, будто это что-то телесное или живое. Мало кто отваживался ходить в темноте.

– Ты знаешь почему?

Кри задумалась над его вопросом. По правде говоря, по ночам свободно перемещались только старухи, да и то по двое, по трою.

– Мне лишь известно, что ближе к закату люди начинали беспокоиться. Не работали и понадежнее запирали двери.

– О господи...

– Мы зайдем внутрь?

– Ах да, конечно.

Пошарив в домике, Джек нашел спички, зажег свечи. Войдя следом за ним, Кри осмотрела очаг, кровать, книжный ряд на полке.

– Это здесь он живет?

– Вроде того. – Джек открыл шкафчик, другой. – Давай разведем огонь и поедем. Потом решим, что делать. Я принесу дров.

Джек вышел, а Кри присела на край постели Джонни. Это было его место, место Мерримона. Вытащив нож, Кри наклонила его к свету, потом коснулась лезвия и посмотрела на линию, оставшуюся на подушечке большого пальца. Выступила капля крови, и она ощутила странное движение в груди. Наклонив голову, Кри слушала звуки, доносившиеся снаружи. Адвокат складывал дрова на руку. Ветер раскачивал деревья, а когда раздался резкий заунывный крик козодоя, Кри представила, как птица кружит, расправляя крылья с белыми отметинами на сгибах.

Откуда она про это знает?

Она покинула болото ребенком и не интересовалась птицами. Но сейчас знала, что козодой откладывает яйца на голую землю, что эти птицы прилетают летом, чтобы вывести потомство, а на зиму улетают, сбившись в большие стаи. Кри расправила ладони над ложем Джонни и ощутила давление на череп, будто что-то пыталось проникнуть внутрь. Ей хотелось сжечь этот дом и развеять пепел, чтобы только земля помнила про него.

Почему?

У Кри разболелась голова. Она вспотела. Прижав ладони к вискам, раскачивалась на краю кровати и уловила тот момент, когда что-то щелкнуло.

Она стала Айной.

Она осталась Кри.

– Прекрати, – сказала она, но снаружи не было ни поляны, ни городских огней за лесом. Лицо сплющилось, на нем появились шрамы. Сердце наполнилось гневом.

– Мисс Фримантл...

Слишком много воспоминаний.

Слишком много ненависти.

– Уходи, – велела она.

– Мисс Фримантл?

– Оставь меня одну. Пожалуйста.

Кри уже стояла на ногах, хотя не помнила, как поднялась. Джек замер у двери, дрова с грохотом упали.

– Присядь. Давай же. Садись.

Кри не спорила. Она ослабела. Голова раскалывалась.

– Садись на этот стул. Сюда. – Кри села, спрятала лицо в ладонях. – Дыши глубже. Все нормально. – Его теплая ладонь легла ей на спину, но в голове у Кри было далеко не все нормально.

Ей хотелось сделать больно Джонни Мерримону.

Хотелось заставить его кричать.

* * *

Когда они вышли из домика, стояла безлунная ночь. С одним фонариком идти было опасно, поэтому Кри держалась за спиной у адвоката. Он был заботлив и внимателен.

– Смотри под ноги. Здесь поосторожнее.

Они выбрались на высокое место. Кри вела борьбу с внутренними противоречиями. Все, к чему она стремилась в жизни, – обрести цель, услышать призыв, который выведет ее за пределы запертой двери, из мнимой безопасности. Но теперь ничего этого не было. Она смотрела под ноги и сопротивлялась давлению на свой разум. Шаг левой ногой, шаг правой. Она зажмурилась и увидела реку крови.

– Мы найдем Джонни, – говорил адвокат. – Найдем и разберемся с этим.

Джек сражался с собственными страхами, но Кри по личному опыту знала, что этих демонов не так-то легко убить. Они находят темные уголки и подбирают слова, делающие тебя слабой. Таков был демон в голове у Кри. Он твердил, что Айна сильнее, что Айна жива.

– Как ты там сзади, в порядке?

– Да, – солгала Кри, потому что не верила себе и себя не узнавала. Найдя нужный холм, они взобрались наверх, и дуб раскинул над ними громадные ветви. Кри никогда не видела такого толстого ствола. Он был даже толще, чем висельное дерево. Когда Кри коснулась его, в голове мелькнула мысль.

При жизни Аины это дерево уже было старым.

Еще одна ниточка, протянувшаяся в ночи.

Фонарик адвоката осветил ветви, и она разглядела что-то наверху.

– Это он?

– Там должен быть гамак...

Кри смотрела прямо на него, видела, как тот прогнулся. Адвокат позвал еще раз, но ничто не шевельнулось там, где, по мнению Кри, висел гамак.

– Я залезу, – сказала она.

– Ты уверена?

Кри старалась не обращать внимания на нетерпение, охватившее ее уже на нижних ветвях. Она не хочет причинять ему боль, не хочет его убивать.

– Будь осторожна, пожалуйста.

Адвокат остался уже далеко внизу, его фонарик освещал ветки потоньше, до которых добралась Кри. Ствол разветвлялся надвое, и она полезла по тому, что толще, и на последней развилке увидела гамак, а в нем – мужчину. Темнота скрывала черты его лица, но она узнала щеку, обвод скулы. Он стонал во сне; глаза закатились, и виднелись только белки.

– Он здесь.

– С ним все нормально?

Кри не ответила. Здесь, на высоте сотни футов, он беспомощен...

– Мисс Фримантл?

Адвокат звал, и это помогло.

– Эй. – Она попробовала разбудить его, но слово прозвучало тише, чем она рассчитывала. – Джонни, – произнесла Кри, но слово показалось неправильным. *Джон*, услышала она. Это имя ветром прошумело в ее голове. На секунду она отпрянула, а когда склонилась вновь, то держала в руке нож, приставив его к горлу мужчины.

Сделай это!

Голос звучал, как эхо. Прижимая лезвие к его коже, Кри чувствовала непреодолимое желание, потребность это сделать. Она видела его на лошади и у реки. Она знала, какого цвета у него будут глаза, если он их откроет, – темно-карие, почти черные.

Сделай это для нас...

Кри наклонила нож и посмотрела на лезвие. В этот момент здесь, под встающей луной, она была готова перерезать ему горло. Была так близка к этому, испытывала такое нетерпение... но потом взглянула в закатившиеся глаза и поняла ужасную правду. Это был вовсе не сон и не эхо в ее голове.

Это было прикосновение.

Овладение.

Глава 35

Вертолеты поднялись в небо над Хаш Арбор через двадцать минут после восхода солнца. Хант сначала услышал, а потом уже увидел их. Приближались они с рокотом, потом пролетели над головой с ревом и грохотом. Хант вылез из машины, протер глаза ото сна и смотрел, как они кружат, кренясь на бок. Один принадлежал департаменту шерифа – об этом говорили четкие, хорошо ему знакомые опознавательные знаки. Второй был не местный. Наверное, полиция штата. А может, одолжили.

Вглядываясь в экран телефона, он нашел номер Джека, нажал кнопку вызова. Вертолеты тем временем заложили последний круг над старой деревней и разлетелись в разных направлениях; один взял курс на север, другой – на северо-запад. Хант затаил дыхание: цифры на экране мигали, телефон старался обнаружить сигнал.

– Чтоб тебя...

Хант сунул телефон в карман. Большую часть ночи он не спал, пытался связаться с Джеком или Джонни и успокоить свою жену. Та не знала всего, но сотрудники правоохранительных органов образовывали небольшое сообщество, и она уловила шепотки, что на болоте что-то случилось. Ханту пришлось сказать: «Милая, пожалуйста, верь мне». Но сколько все это продлится? Еще час? Он сомневался. Только не с убийством шерифа. И в дело замешан Джонни. В славе парня была и отрицательная сторона. Люди знали его имя. Популярность он не потерял.

Хант снова занялся телефоном. Ближайшая точка уверенного приема находилась в четырех милях – одну придется проехать по бездорожью, еще три – по шоссе со старым покрытием. Минут десять, может, двенадцать.

– Где же ты, сынок?

Судя по его наблюдениям, положение складывалось отчаянное. Всю ночь прибывали люди из департамента шерифа. Хант насчитал дюжину отставных помощников, прежде чем стемнело настолько, чтобы считать стало невозможно. В старой церкви организовали главный оперативный центр, а в пещере – филиал. Всю ночь люди сновали между этими двумя пунктами. Фонарики. Прожектора.

Только факелов не хватало...

Не обращая внимания на голод, Хант бродил по поляне, старательно собирая информацию. Многие вели себя достаточно уравновешенно, но становилось ясно, что ему никто не доверяет. И это люди, которых он знал

двадцать лет, а кое-кого и дольше. Одни ему кивали, другие – нет. На вопросы не отвечал никто. *Нашли что-нибудь? Где искали? Какова причина смерти?* Для всех значение имели очевидные факты: шериф убит, а Джонни, возможно, причастен.

Они знали историю.

Убийство произошло на земле Джонни.

Кроме того, все это уходило корнями в прошлое. Уиллард Клайн служил шерифом округа Рейвен четыре десятка лет. Люди знали и любили его. Считали своим. И обычно Хант думал, что это хорошо. Но не сегодня. Когда Хант ступил на тропу, ведущую к пещере, перед ним выросли двое помощников шерифа.

– Извините, детектив.

Они совсем не выглядели виноватыми. Хант отметил, как у них напряглись плечи, а ноги покрепче уперлись в землю на случай, если он решит все-таки продвигаться дальше.

– А полицию штата пропускаете? – спросил детектив.

– Нам запретили пропускать вас или разговаривать с вами. Приказ.

– Как насчет ФБР? Экспертов? Вообще чужих?

– Только вас.

Хант выдержал паузу, потом развернулся и пошел обратно. Вернувшись к своему автомобилю, он увидел, как на поляну, рыча, въехал грузовик с полным кузовом мужчин в шляпах с широкими полями. Машина остановилась возле церкви. Люди посыпались на сырую траву. Они походили на бывалых туристов, но захватили с собой винтовки, за долгие годы употребления отполированные их руками. Хант знал одного из них по фонду помощи инвалидам-ветеранам, созданному им много лет назад. Мужчина выглядел большим и тяжелым, но проворно двигался и был хорош в бою.

– Тимми Бич. – Хант отвел здоровяка от остальных и подтолкнул в тихое место возле церковных ступенек. – Что вы, ребята, здесь делаете?

– Выслеживаем.

– Вас привлек департамент шерифа?

– Не похоже, что они смогли бы сделать это сами по себе.

– Ты правоохранительным органам не друг. Готов биться об заклад, никто из вас с ними не дружит.

– Ты бы выиграл ставку. Мы делаем это ради Джимми Рэя Хилла.

– А что насчет Джимми Рэя?

– Это он выживший. Они тебе не сказали?

– Боже. – Хант отвернулся, чтобы собраться с мыслями. Он знал

Джимми Рэя. Не близко, но достаточно хорошо. – Слушай, Джонни этого не делал...

– Позволь сразу перебить тебя, Клайд. Так вот. Видишь вон там парня, высокого, с винчестером? Это брат Джимми Рэя. А тот молодой, что рядом с ним, – костлявый, волосатый – заделал дочке Джимми Рэя ребенка номер два. Само собой, я тебе это говорю только потому, что мой брат до сих пор вспоминает, как ты собирал деньги для закрытия счетов на его лечение и покупку тех новых протезов. Он говорит, ты изменил его жизнь. Думаю, иначе он мог бы себя убить. Можешь считать этот разговор возмещением за сделанное тобой.

– Вам нельзя идти туда с оружием. Даже департамент шерифа так не делает.

– Мы считаем эти разговоры лишними в подобной ситуации.

Хант провел ладонью по волосам. Он ясно видел всю опасность положения.

– Твой друг жив, Тимми. Вся эта прыть и злость, которую я наблюдаю... вам надо умерить пыл, пока кто-нибудь не пострадал.

– Джимми Рэй потерял большую часть одной ноги и половину другой. У него сломана спина.

– Мой сын этого не делал.

– На твоём месте я бы, может, и придерживался этого убеждения, но все мы знаем, что Джимми Рэй и шериф пришли сюда в поисках твоего парня. Таково было их намерение и единственная цель. Полагаю, они его нашли.

– Тимми...

– Прости, Клайд. Так или иначе, а я собираюсь с этим разобраться.

После этого Тимми ушел. Он сказал несколько слов остальным, и они затопали по ступенькам в церковь.

Все пошло наперекосяк.

Хант это чувствовал.

Скользнув в машину, он завел двигатель и проехал четыре мили до точки приема сигнала. Он уже дважды бывал здесь, на песчаной обочине с видом на далекий город. Сначала Хант позвонил Джонни и Джеку, но его сразу переадресовывали на голосовую почту. Быстро и четко выговаривая слова, он объяснил, что происходит, и дополнил сказанное коротким текстовым сообщением.

Если вы на болоте, уходите.

Если уже нет, держитесь подальше.

А потом Хант выкинул такое, чего не делал никогда.

Он позвонил репортерам.
Всем, кого знал.

Глава 36

Джонни переходил с одного уровня сознания на другой так, словно его протаскивали через дыру в стене. Только что Айна улыбалась в отблеске огней, и вдруг она оказалась над ним, только шрамы исчезли. Она смотрела теми же темными глазами, но губы изменились. Из-за ее спины выглядывало утреннее небо.

– Где я?

Она отвела взгляд и крикнула кому-то вниз:

– Он очнулся.

Джонни попробовал подняться, но оказалось, что он пристегнут к гамаку ремнями.

– Что?..

– Ты большую часть ночи метался. Я подумала, вдруг свалишься.

– Меня сейчас стошнит.

– Тогда давай. Не стесняйся.

– Ты ведь Кри, верно?

– Не говори так, будто мы друзья.

Она скользнула в сторону, пропав из вида, и Джонни попытался обратиться с мыслями. Он был на своем дереве, в своем гамаке.

Значит, Айна давно умерла.

И Мэрион тоже...

Джонни снова ощутил спазм в желудке, и его чуть не вырвало. Он коснулся лица, потом дотронулся до дерева.

– Джек! Ты там?

– Я тут!

Конечно, он тут.

Джек.

Старый добрый Джек.

Джонни замер, вспоминая сон.

Айзек...

Изогнувшись в гамаке, Джонни сжался в клубок от внезапной боли, вызванной воспоминаниями об Айзеке.

Айзек...

Джон не находил слов.

Всё в порядке...

Нет...

Ради вашей жены, сказал Айзек. Ради матери вашего ребенка и ради вас...

Перед лицом такой доброты, такой жертвы Джон Мерримон зарыдал...

– Эй, чувак, ты спускаешься?

Джонни знал, что внизу его ждут какие-то неприятности. Он чувствовал их в своем друге, в Пустоши, ощущал копов, движение, гнев. И отогнал это от себя, чтобы снова подумать о той жизни, которую не прожил. Вердина предупреждала его об опасности снов. *Жизнь может поблекнуть*, говорила она. *Эта жизнь, твоя.*

– Джонни, ну давай, чувак. Мне не терпится убраться отсюда.

– Да ладно, Джек. Штаны подтяни.

Расстегнув ремни, Джонни спустился и увидел Джека и Кри, грязных и явно не выспавшихся.

– Вот. Спасибо. – Он протянул ремни.

– Ты в норме? – спросил Джек. – У тебя кровь идет.

– Что?

Джек показал, и Джонни потрогал горло, вымазав пальцы в крови.

– Это всего лишь царапина, – сказала Кри.

Но Джонни видел, что она лжет. Порез на горле был ровный и тонкий, как от бритвы.

– Какого черта?

– Я говорю, это всего лишь царапина.

– Что происходит, Джек?

– Ладно, слушай...

Джек говорил, как адвокат, излагающий факты по делу, по порядку и предельно ясно: пещера, копы, тела. Джонни впитывал информацию как губка. Не поддавался эмоциям, гнал мысли о том, что на этой любимой им земле убито столько людей.

– А как насчет тебя? – Он пристально посмотрел на Кри. – Какое тебе до всего этого дело?

– Не у одного тебя вопросы.

Джонни отметил про себя, что девушка *недоговаривает*. Она старалась выглядеть равнодушной, но не могла спрятать недоверие, неприязнь и почти звериную настороженность. Она выглядела как Айна; в ней текла кровь Айны. По спине Джонни пробежали мурашки.

– Зачем ты залезла на дерево? – спросил он.

– Кто-то должен был за тобой присматривать.

Джонни потрогал порез на горле.

– Какой сегодня день?

– Ты что, шутишь?

Джонни не шутил. Он мог проспать в гамаке дня два, даже три. Все тело ныло. Он умирал от голода и жажды.

– Погодите минуту.

Джонни отвернулся; нужно было подумать. В Пустоши копы, а шериф Клайн убит. Кри, похоже, в курсе здешних дел или, по крайней мере, что-то чувствует.

– Говоришь, в пещере нашли кого-то живым?

– Думаю, он в реанимации.

Джонни посмотрел вдаль, на болото. Ему хотелось вернуть свою жизнь, свой дом. Но тут заговорил Джек.

– Нам нужно уходить, – сказал он. – Сейчас же.

– И куда? – спросил Джонни.

– Туда, где тебя не найдут.

– Я ничего плохого не сделал. Здесь мой дом.

– Верь мне, Джей-мэн, как своему другу и адвокату. Тебе не следует там появляться, пока все не уляжется.

Джонни решил не возражать. Нужно было поесть. И подумать. Про сон и про Кри. И про то, что все это значит.

– Ладно, – согласился он. – Я знаю такое место.

* * *

Закусочная Леона в такую рань пустовала, но сам Леон был на месте. Джонни увидел его, когда они пересекли поле за вымоиной. Хозяин переворачивал мясо на гигантской плите в глубине просторного бара. Знакомый наклон головы, массивные плечи. Еще до того, как Леон повернулся, Джонни знал, что сейчас увидит.

Он выглядел, как Айзек. То же широкое лицо, глубоко посаженные глаза, спокойствие, легкая улыбка. Джонни видел, как она скользнула по лицу и тут же исчезла. Леон смотрел на Джека и Кри. Потом закрыл крышку плиты и вытер руки о фартук.

– И что все это значит?

– Доброе утро, Леон.

– Джонни. – Он перевел взгляд на Джека, но остановился на Кри. – Юная леди.

– Как твоя грудь? – небрежно спросила Кри.

Леон не отреагировал.

– Вы знаете друг друга? – удивился Джонни.
– Встречались, – ответила Кри, после чего наступила неловкая пауза.
Кри молчала, Леон старался не встретиться с ней взглядом.
– Наверное, хотите позавтракать?
– Да, пожалуйста.
– Садитесь где угодно. Буду через минуту.
Джонни направился внутрь заведения, и они заняли столик с видом на мост.

– Как ты познакомилась с Леоном?
– Ты же знаешь, как бывает в этих местах, – сказала Кри. – Люди возвращаются. Все взаимосвязано.
– Это не ответ.
– А я должна тебе отвечать? В самом деле? Именно тебе, из всех людей?

На этот раз Кри явно разозлилась, и не требовалось особой сообразительности, чтобы Джонни уловил подтекст.

Твоя семья владела всем этим...

Всеми нами...

До этого они встречались один раз, и сейчас Джонни почувствовал что-то новенькое. Ему показалось, он понимает.

– Имя Вердина тебе о чем-нибудь говорит? – Она отвела взгляд, сжала губы. Джонни наклонился ближе. – А как насчет Айны?

– Айны? – возмущенно бросила Кри. – Ты спрашиваешь меня про Айну? Ты?

– Да, спрашиваю.

Ее пальцы нашли нож, лежавший на столе.

– Заказывай свой завтрак, вот что я скажу. Заказывай белые яйца и белые тосты и не прикидывайся, будто знаешь меня.

Но Джонни думал, что, быть может, знает.

– Хочу позвонить Клайду, – сказал он. – Джек, можно воспользоваться твоим телефоном?

– Сигнала нет.

– Тогда пойду, подышу воздухом.

Джонни вышел на первое, покрытое козырьком крыльцо. Шагнув подальше от окна, опустил на корточки и позволил себе на минуту перевести дух. Слишком много всего навалилось сразу: сон и пробуждение от него, тела в Пустоши и эти его ощущения по отношению к Кри.

Она хотела убить его.

И в ответ ему захотелось убить ее.

Все возвращалось на круги своя. Узнавание. Эмоции. Айна и Джон Мерримон.

– Господи Иисусе...

Он потер ладонями лицо. Они были шершавые, настоящие. Что еще реально? А что – безумие?

За спиной скрипнула дверь-ширма. Айзек вышел с чашкой кофе.

– Тебе, похоже, это не помешает. – Он протянул чашку, ткнул большим пальцем в сторону двери. – Яичница с беконом. А тебе что?

– Подбрось блинчиков и овсянки.

– О господи, парень... Сильно проголодался?

Джонни не улыбнулся в ответ. На свету Леон уже не так походил на Айзека. Лицо вроде то же, но не такое широкое. И глаза светлее.

– С тобой всё в порядке, дружище?

Джонни посмотрел в сторону. Айзек. Леон. Кого он обманывает? Они выглядят одинаково.

– Я поем снаружи, Леон. Спасибо.

– А твои друзья?

– Извинись за меня, хорошо?

Леон вернулся внутрь и позже принес завтрак. Джонни уселся за ближайший столик и в одиночку принялся за еду. С востока ярко светило солнце, но было еще прохладно. Пока Джонни поглощал бекон, яйца и блинчики, многое изменилось.

Солнце поднялось выше.

На мост въехала полицейская машина.

* * *

Леон готовил бисквиты, когда внутрь влетел Джонни и, закрыв дверь, прошептал:

– Всем пригнуться, тихо.

Джек и Кри онемели, Леон вышел в зал.

– Копы, – сказал Джонни.

– И что?

– Нас здесь нет, понятно? Ты нас не видел.

У Леона хватало проблем с законом, чтобы соврать о ком угодно, когда доходило до копов.

– Уберите со стола. Идите на кухню.

Они сделали, как он сказал, а Леон вышел из заведения со скалкой и

руками по локоть в муке. Помощник шерифа встретился с ним под навесом второго крыльца.

– Леон, – приветствовал он.

– Помощник Грейсон.

– Я кое-кого ищу. Подумай, может, ты его видел.

– Не видел.

– Я тебе еще имени не назвал.

– Это неважно. Я здесь с половины шестого. Вы первый человек, который попался мне на глаза.

Грейсон нахмурился, помолчал.

– Он живет в той стороне. Джонни Мерримон. Слышал о нем?

– Почти все слышали.

– Он сюда заходит?

– Почему вы спрашиваете?

– Мы думаем, что он убил шерифа Клайна.

– Я должен сожалеть об этой потере?

Леону не было жалко шерифа. Некогда Клайн поймал его на организации кулачных боев в старом амбаре, в пяти милях ниже по дороге. Денежные ставки, рукоприкладство, нелегальная торговля спиртным. Он грозил этими обвинениями десять долгих минут, а потом подмигнул, кивнул и ушел. Как оказалось, шериф был любитель поесть и выпить, в основном на дармовщинку. И за девчонками любил приударить – за работницами с ферм, официантками, в общем, чем беднее, тем лучше.

– Ты помнишь, Леон, шериф всегда питал к тебе слабость. – Грейсон поднялся на крыльцо, заглянул в окна. – Он знал, что ты время от времени престапуаешь закон, но предпочитал этого не замечать. Ты должен уважить его память. Должен выручить меня.

– Ваш шериф больше брал, чем давал.

– Может быть. А может, ты несправедлив.

Опершись о столб, Леон сложил руки на груди. Скалка в его огромной ладони смотрелась, как детская игрушка.

– Вы говорите, питал слабость. Прекрасно. Может, и питал. А может, вынуждал меня совать ему в лапу из-за грязных полов и ржавой крыши, из-за маринованной свинной рульки, положенной на стойку. Может, ему нравилось попить-поесть задаром, и молодки тоже нравились. Может, он был белым человеком, который наслаждается тем, что он белый. Может, он вообще не был мне другом.

– Могло быть и так, – сказал помощник. – С такой же легкостью может оказаться, что он был простой человек, живущий в сложном мире, что ему

нравились твои ребрышки и виски, и думалось ему, что ты со своими боями и ставками, выпивкой и контрабандными сигаретами не причиняешь настоящего вреда. А может, он говорил со мною о тебе раз или два. Может, рассказывал, что у тебя он может расслабиться, как нигде в городе, что красота в простоте, а дороги с покрытием не всегда хорошая вещь. Может, он считал, что тебе и таким, как ты, не сильно повезло в жизни и вы заслуживаете малость сочувствия. Сейчас, – в руке помощника шерифа появилась карточка, и он положил ее на стол, – все полицейские округа находятся в радиусе нескольких миль отсюда, и ни один из нас не уйдет, пока Джонни Мерримона не пристрелят или не наденут на него наручники, поэтому окажи нам всем услугу. Если увидишь его, звякни.

Он пристукнул по карточке пальцем, потом прошел по грязной парковке и уселся в «Крузер» с номерами округа. Когда полицейский проехал через мост и пропал из вида, Леон вывел Джонни и его друзей из кухни.

– Это правда – про убийство шерифа?

– Правда, – сказал Джек.

Леон не сводил глаз с Джонни.

– Ты его убил?

– Нет.

– Почему убегаешь?

– Кто сказал, что я убегаю?

– Но ты же здесь, разве нет? Копы тебя ищут.

Джонни, едва заметно улыбаясь, облокотился о стол.

– Ни один из живущих копов не сможет найти меня в этом болоте. И даже тысяча копов за тысячу лет. Даже ты не сможешь меня найти.

– В тебе говорит гордыня.

– Может быть.

– Что насчет тебя? – спросил Леон у Кри. – Тебе сколько? Восемнадцать? Зачем ты ввязалась в эту ерунду?

Она пожалала плечами, и он перевел взгляд на Джека.

– Я туда, куда и Джонни.

Леон рассматривал лицо Джонни. Это был единственный городской парень, единственное белое лицо, которое ему нравилось.

– Хотите, я вывезу вас отсюда? – спросил он.

– Куда мы направимся?

– К моей бабушке, – ответил Леон. – Она тебя знает. Знает Кри. Кроме того, ни один коп к ней не пойдет.

– Это точно? – спросил Джек.

– Черт, да. – Леон встал и добавил: – Даже шериф не беспокоил Вердину.

* * *

Джонни не отрывал глаз от Кри, когда они втроем забирались в ржавый, заляпанный грязью кузов пикапа. Леон велел им опуститься на дно и натянул брезент.

– Не поднимайтесь и ведите себя тихо, – сказал он. – Здесь недалеко, но помощник Грейсон не единственный коп на проселочных дорогах.

– Кажется, это уже слишком, – отозвался Джек.

– И все же у меня нет причин вам врать.

Он заправил брезент вдоль бортов, прижал края кусками шлакоблока. Под брезентом было сине и тускло, пахло бензином и старой смазкой. Кри свернулась на боку под окошком кабины. Она следила за лицом Джонни и не выдавала эмоций. С другим бы это сработало, но Джонни был настороже и точно знал две вещи: что в Кри побеждает гнев и что на самом деле у Леона имеются причины врать. Мысли Леона были словно затянуты облаком, но когда он думал, что за ним не наблюдают, в этом облаке появлялся просвет. Однако Джонни следил за ним даже тогда, когда стоял спиной, даже с закрытыми глазами. Из-под брезента он видел Леона насквозь.

Грузовичок перевалил через мост.

Ложь Леона растревожила Джонни.

– Откуда ты знаешь Вердину? – спросила Кри.

– Она про все знает, – сказал Джонни. – Я ее разыскал.

– Что она знает?

– Историю твоей семьи.

– Это не твое дело.

– И историю моей тоже. – Джонни заметил, как в ее лице шевельнулась неприязнь. Если б эмоции выражались цветом, то лицо Кри стало бы черно-багровым, с прожилками красного. – Расскажи мне про Айну, – попросил он.

– Пошел ты.

Она отвернулась, но Джонни угадал в ней внутреннюю борьбу.

Вспышка оранжевого, подумал он.

Костер в ночи.

Леон ехал медленно. За пикапом поднималась пыль, жаловались старые рессоры, по днищу щелкал гравий. Вердина занималась вещами, в которых он видел мало смысла. Он потакал старухе, потому что из родни у него в мире осталась только она и потому что Вердина была более-менее безвредная. Следи за болотом, твердила она. Следи за Джонни Мерримом. Он и не ожидал встретиться с Джонни Мерримом. Это было просто имя, а сам Джонни – просто парень.

Леон повел правым плечом, ощутив швы на том месте, куда рикошетом угодила пуля. Порвав грудную мышцу, она отскочила от ребра. Даже сейчас он не понимал, зачем они сунулись в тот крысятник в городе, похожем на крысоловку.

Шесть лет.

Столько тянулась их странная дружба. Джонни был белый. Его приемный отец служил копом. А Леона всегда возмущали порядки в белом обществе. Вердина постоянно растревляла его, раздувала пламя.

Смотри, что есть у *них*.

Смотри, что есть у *нас*.

Неприятно смотреть правде в глаза, но в сердце у этой женщины зияла дыра, которая за сто лет жизни так ничем и не заполнилась. Такая маленькая, она всегда была голодная.

Приведи его ко мне, твердила она.

При первой возможности.

Леон посмотрел на брезент в зеркало заднего вида. На прошлое Рождество Джонни подарил ему пару перчаток из кожи оленя, которые сшил сам. А перед этим – чехол для ружья. А еще раньше – кабана; мало того, что полностью освежеванного, так еще притащил его с холмов на своих плечах. Леон почти пятьдесят лет охотился в глухих лесах и знал, как тяжело нести две сотни фунтов мяса по пересеченной местности. Это кровь, пот и по-настоящему трудная работа. Чего старухе надо от такого человека? Леон вел машину и ворочал в голове этот вопрос. «Она сумасшедшая, – решил он. – Просто сумасшедшая старуха».

Но он думал и про ее голод тоже.

Свернув на повороте, грузовик пересек речушку, затем поднялся по берегу. Вердина была на крыльце – стояла, наблюдала.

Будто знала, что они приедут.

Будто ждала.

Глава 37

Первый репортер прибыл в девять минут девятого. Том Ли узнал об этом от парнишки-новичка, специально оставленного у дороги с приказом не допускать появления посторонних на месте преступления.

– Капитан Ли? Э... Можно вас?

Ли с несчастным видом включил микрофон.

– Что там у тебя, Макгриви?

– Э, сэр... У меня здесь репортер.

– Что?

– Да, сэр. Э... Элли Пинкертон.

Ли попытался вспомнить Элли Пинкертон. Около сорока. Среди избирателей округа Рейвен пользуется умеренной известностью. Небольшой глубокий прикус. Голос чуть более пронзительный, чем требуется для серьезных новостей.

– Она сейчас может меня слышать?

– Да, но...

– Отойди в сторонку, сынок. Я подожду. – Ждать не хотелось, хотелось пнуть что-нибудь посильнее. Наконец Макгриви снова подал голос, и Ли тут же сменил тон. – Какого дьявола репортер делает на месте преступления?

– Сэр, я...

– Что ей известно?

– Не знаю.

– Что сказала? Так, подожди... Дай мне номер своего сотового. По открытому каналу мы об этом говорить не будем. – Макгриви продиктовал свой номер, и Ли тут же набрал его. – Что ей известно о месте преступления?

– Слышала о телах. Знает о пещере...

– Будь оно проклято.

– Сэр, с ней оператор и целая команда. Они меня снимают!

– Так, ладно... Слушай. – Ли обвел взглядом командный центр. – Прямо сейчас высылаю к тебе двоих. Держите репортеров на дороге. Чтобы дальше никто не проник.

– Сэр, репортер здесь только один...

– Помолчи, сынок. Где один появился, туда сейчас и остальные примчатся. – Ли дал отбой, сунул телефон в карман и подозвал двух парней

в форме, пользующихся у него особым доверием. – Пойдемте со мной. – Все вместе они направились к машине Ханта. Капитан постучал по крыше. Детектив открыл дверцу, и Ли не стал терять времени.

– Ты кому сказал?

– Ты о чем?

– Не надо со мной так, Клайд. Кому ты позвонил?

– В полицию штата. ФБР.

– Здесь моя юрисдикция. И без звонка из моего офиса они сюда не явятся.

– Верно. Но теперь они в курсе дела и ждут твоего звонка. Готовятся.

– Чтоб тебе... Кому еще?

– Репортерам.

– А точнее?

– Всем.

Капитан наконец кивнул, понимая, что сам виноват и злиться надо на себя. Ханта, предвидя его возможные действия, следовало держать рядом.

– Ладно, Клайд. Я понимаю, почему ты так поступил. Мне это не нравится, но я понимаю. Вы... – Он ткнул пальцем в двух помощником. – Удалите его с места преступления, потом отправляйтесь к Макгриви и не пропускайте сюда никого. Ни сюда, ни отсюда. Это относится и к полиции штата. Только с моего разрешения.

Он отвернулся, но Хант еще не закончил.

– Люди смотрят, Том. Держи своих ребят в рамках.

Детектив был прав, и Ли прекрасно это понимал. Как человек жесткий, Уиллард Клайн нравился многим, и теперь его почитатели пребывали в возбужденном состоянии. Необычная, необъяснимая смерть. Лицо шерифа. Богом проклятая пещера. Поднявшись по ступенькам церкви, Ли еще раз изучил висящую на стене карту. На болото отправились тринадцать поисковых групп. По прилегающим к Хаш Арбор дорогам курсировали девятнадцать патрульных машин. В воздухе находились два вертолета.

– Сильные помехи, – пожаловалась помощница шерифа, работавшая с радио за установленным в углу складным столиком. – Не со всеми получается связаться.

– С кем давно нет связи?

Она назвала несколько имен и продолжительность радиомолчания. Две группы не отвечали уже девяносто минут. Еще одна – несколько часов. Ничего хорошего в этом не было. Каждой команде надлежало докладывать ежечасно.

– Хорошие новости есть? – поинтересовался Ли.

– Минутку... – Она прижала к уху наушники, потом включила микрофон. – Чоппер-Два, повторите, пожалуйста. – Пауза. – Вас понял. Оставайтесь на связи. – Она сняла наушники и повернулась к капитану. – Вы о чем-то спрашивали?

– Как насчет хороших новостей? – повторил Ли.

– Чоппер-Два только что нашел его дом.

Ли взял микрофон.

– Переключаю на громкую связь. – Оператор щелкнула кнопкой, и воздух наполнился треском и шумом помех. – Чоппер-Два, подтверждаете местоположение?

– Понял. Секунду. – После короткой паузы пилот назвал координаты. – Здесь поляна. Будем садиться.

– Признаки движения?

– Что-то есть...

– Это Мерримон?

– Что за чертовщина...

– Чоппер-Два?

– Оставайтесь на связи! – Помехи. – Джейми, ты это видишь?

– Чоппер-Два?

– Прием! Прием! Господи! О боже...

Ли услышал крик... треск разрядов...

– Что случилось? – Он вернул микрофон оператору. – Вызовите их.

Она попыталась, но через пару минут покачала головой.

– Ничего. Мне очень жаль.

– Вот же паскудство! – Капитан вышел из церкви и повернулся лицом на север. – Нет, нет, нет... Ты! Подойди. – К нему подошел помощник шерифа. – Подсади-ка меня.

– Что?

– Давай, черт возьми.

На подмогу первому пришел второй, и вместе два помощника подняли капитана достаточно высоко, чтобы тот смог вскарабкаться на крышу. Крыша была металлическая и довольно крутая, но Ли все же забрался на самый верх и, отдуваясь, выпрямился. Вдалеке, на севере, поднимался дым.

Огромный клуб дыма.

Густое черное облако.

Найти место крушения не составило труда. У них были координаты, был указатель – столб дыма. К поляне прибыли уставшие, грязные, потные и с исколотыми до крови руками – пробираться пришлось через кусты и высокую сухую траву.

– Бог ты мой... – Обломки вертолета разметало по всей поляне. Горела даже кабина. – Сколько их было?

– Пилот и наблюдатель. – Рядом с капитаном оказалась оператор. – Управлял Рейвенвуд.

– А наблюдатель?

– Джейми Киммел.

– Дрянное дело. – Шестидесятитрехлетний Рейвенвуд был ветераном службы. Киммел – всего лишь мальчишкой. – Ладно, ребята, растягиваемся – и за дело.

Они вышли на поляну, стараясь держаться подальше от самых горячих очагов огня. Судя по всему, вертолет ударился о верхушку единственного дерева, потерял управление и, разваливаясь на лету, рухнул на домишко. Дерево все еще горело. Внутри почерневшего фюзеляжа билось пламя.

Пилота капитан увидел, когда до вертолета оставалось футов тридцать. Рейвенвуд сидел в кресле, одежда на нем еще дымилась. Наполовину обгоревший наблюдатель лежал на земле в пятидесяти футах от машины.

– Джейми!

Оператор опустилась на колени рядом с раненым, и только тогда Ли вспомнил, что эти двое встречаются.

– Медик!

Обязанности медика исполнял отставной помощник шерифа, семидесятилетний пенсионер, служивший санитаром во Вьетнаме и до сих сохранивший пружинистый шаг. Работал он умело и быстро; более или менее стабилизировав состояние раненого, приготовил шприц с морфием.

– Сначала мне нужно поговорить с ним.

– Ему плохо, капитан.

– Понимаю.

– Бога ради, – вмешалась оператор. – Дайте же ему морфий! Вызовите сюда второй вертолет!

– Дженсен! – Ли взглянул на одного из помощников и кивком указал на оператора. – Пожалуйста.

Дженсен старался как мог, но эмоции уже бушевали вовсю. Ли связался со вторым вертолетом – тот направлялся в город. Вызывать его и рисковать вторым экипажем и второй машиной, не выяснив, что случилось с первым вертолетом, капитан не мог.

– Парень слышит меня?

– Он не будет говорить.

Ли склонился над наблюдателем, один глаз у которого обгорел и закрылся.

– Ты меня слышишь? – Киммел кивнул. Из здорового глаза выкатилась слеза. – Что здесь случилось?

Киммел попытался сказать что-то, но слова так и остались в груди. Он сглотнул и повторил попытку.

– Деревя... не было.

– Что?

– Было пятно. Мы подлетали и...

– Пятно?

– Не было никакого... дерева. А потом появилось.

Глава 38

На крыльцо Вердины Джонни поднялся с большей, чем в последний раз, осторожностью. За ним чувствовались годы, его семья и ее, повешенные и Пустошь.

– Ну вот. Красивая картина, – заметила старуха.

– Долго оставаться не собираемся.

Она отступила, пропуская гостей. Леон задержался, но Кри и Джек последовали за Джонни.

– Креола, – окликнула девушку Вердина. – Твоя мать знает, что ты здесь?

– Не вмешивайте в это еще и ее, – сказала Кри.

– Мудрое решение для столь молодой особы. Проходите, садитесь. – Старуха показала на стулья на крыльце. – Леон, не стой там как пень. Нам нужен еще один стул. – Когда все устроились, она протянула руку к старому транзисторному приемнику, стоящему с вытянутой антенной на перилах. – Заняты небось были, а? – Местная радиостанция передавала новости о надвигающейся грозе. Дальше пошли слухи о мертвых полицейских и массовом погребении. Репортеров к пещере не допускали. Уже начались осторожные разговоры об устроенной на болоте облаве и вероятном привлечении к расследованию ФБР.

– Подождем, – сказала Вердина.

Через две минуты репортер упомянула имя Джонни Мерримона.

– Почему вы улыбаетесь? – спросил Джонни.

– Потому что знание – сила, а ты не знаешь того, что тебе необходимо. Потому что теперь тебе потребуется моя помощь, и я наконец-то смогу попросить у тебя кое-что взамен.

– Мне ничья помощь не требуется.

Старуха снова включила радио, и уже через тридцать секунд имя Джонни прозвучало еще дважды. *По подозрению в причастности к убийствам разыскивается местный житель Джонни Мерримон...*

Вердина протянула руку, повернула ручку и выключила приемник.

– Чего вы хотите? – спросил Джонни.

– Чтобы ты пошел со мной. – Она поднялась и, тяжело опираясь на палку, спустилась в сад. Джонни последовал за ней. – Расскажи мне свои последние сны.

Старуха негромко рассмеялась, но не остановилась.

– Сны и сновидцев я вижу сто лет. Не хитри со мной, сынок. Ты видел сон про Джона и Айну. Я это по твоему лицу вижу и по тому, как ты поглядываешь на Кри. Далеко ли увел тебя сон? К висельному дереву? К ребенку?

– Ребенок выжил? – спросил Джонни.

– Это твой прадед.

И так сильны и неожиданны были всколыхнувшиеся от этих слов эмоции, что Джонни пришлось отвести в сторону глаза.

– Откуда вы об этом знаете?

– Все наши знали эти истории наизусть. Видели их в снах или разговаривали с теми, кто видел. К некоторым сны приходили не раз и не два, и большинство этих несчастных бежали с болота или заплутали и сгнули во тьме. Для моего народа этот сон самый обычный – теснота и сырая черная земля.

– А как же Кри?

– Кри – последняя из ей подобных. У нее свои сны.

– Сны Айны.

– Она – прямая наследница по женской линии, от матери к дочери. Видишь, как они похожи?

Кри стояла возле перил и смотрела на них. Девушка действительно выглядела точь-в-точь как Айна – миниатюрная, с узкой талией. И стояла она так же, и голову держала так же.

– Она ненавидит меня, – сказал Джонни.

– Ты ее винишь?

– Она же хочет убить меня.

– Тебя или Джона Мерримона?

Джонни закрыл глаза.

– Что вы знаете о пещере?

– Я знаю, что есть правда, которую ты должен открыть сам.

– Вы про еще один сон. – Старуха поджала губы и отвернулась. – Я всего лишь хочу вернуть мою нормальную жизнь.

– В Пустоши нет ничего «нормального». Есть только история и магия.

– Там нет магии.

– Не играй со мной, мальчишка. Я знаю правду, которая никогда не откроется тебе во сне. Знаю истории о жертвах, любви и ужасах, от которых твои волосы станут белыми. Я знавала великих сновидцев и видела то, что пробуждается в ночи. Нет магии!.. Да от тебя воняет магией.

– Что вам нужно от меня?

– Твои сны. Разве я не ясно выразилась?

- А как же Кри? Она – ваша семья.
- Кри не может видеть этот сон. Только ты можешь. Только потомок Джона Мерримона.

* * *

Подушку ему положили на пол – ни на чем мягком, вроде перьевого матраса, Джонни никогда не спал. Джек был вне себя.

- Какого черта? Ты что это делаешь, а? Серьезно.
- Ты просто приглядывай тут, ладно?
- За чем приглядывать?

Джонни не ответил. Здесь, вдалеке от Пустоши, мысли и истинные причины просьбы Вердины были ему недоступны. Она сказала, что Кри может видеть только глазами Айны, а он – только глазами Джона. Вроде бы все логично.

Логика...

При этой мысли губы у Джонни дрогнули.

- Ты чего улыбаешься? – тут же набросился на него Джек.
- Только не уходи никуда.
- Готов, молодой Мерримон?

Джонни взглянул на старуху. За спиной у нее, прислонившись к стене, хмурился Леон. Кри все происходящее определенно не нравилось, но Вердину это нисколько не трогало. Как и Джонни. Окна зашторили, и комната погрузилась в полумрак. Все притихли.

- Что мне искать?
- Айну. Я хочу знать, где она похоронена.
- Как это сделать?
- Ты помнишь ее лицо?
- Да.
- Представь его в темноте. – Старуха раскурила сигарету и протянула Джонни. – Представь открытые глаза и как сыплется земля.

* * *

Сон не пришел ни легко, ни быстро, несмотря даже на особую сигарету Вердины. На него смотрели, и Джонни чувствовал чужие взгляды, как и любой нормальный человек.

- Так не получится.
- Получится. Просто дыши.

Джонни промучился целый час, потом представил вокруг себя занавес из черной материи, свисающий с потолка до пола.

Мягкая подушка.

Не слишком жесткий пол.

Еще час в домике стояла тишина, потом Джонни вдруг дернулся и с криком вскочил. Джек попытался удержать его, но не смог. На помощь пришел, добавив свой немалый вес, Леон, но Джонни продолжал сопротивляться, царапаться и даже пустил кому-то кровь. Сломленный, задыхаясь, он дрался, как умирающий.

Джонни был вне себя.

Он был сам не свой.

Он кричал, пока что-то не оборвалось, и наступила непроглядная тьма.

Глава 39

Всеми забытая, ни на что не годная, ни к чему не приспособленная. Такой ощущала себя Луана Фримантл. И не впервые. Она сидела на диване и щелкала пультом, переходя с канала на канал. Удивительно, что об этом говорили не все, а только три станции.

Официальные полицейские источники, что характерно для них, отмалчиваются, но скрыть лихорадочную активность здесь, на северной окраине округа Рейвен, невозможно...

Позади репортера промчалась с включенной мигалкой «Скорая помощь». За ней проследовали две полицейские машины. Вдалеке поднимался столб черного дыма.

...Заниматься спекуляциями сейчас опасно, но источники, близкие к службе шерифа, указывают на то, что из пещеры извлечено множество человеческих останков. Примечательно, что возраст этих останков весьма значителен. Не имея на руках официального заявления властей, мы можем говорить об этом лишь предположительно, но одни уже масштабы полицейского присутствия указывают, что здесь происходит нечто грандиозное. За последний час я насчитал по меньшей мере двадцать официальных автомобилей с людьми и оборудованием, которые проехали на территорию этого необжитого района...

Луана выключила телевизор. Мысли повернули в сторону дочери. До появления Кри будущее представлялось сверкающим даймом, десятицентовиком, далеко впереди на пустынной дороге. Казалось, будет так легко пройти и поднять монетку... но за все время дайм так и не стал ближе. Луана думала, что, может быть, мальчишки-красавчики доставят ее туда, а когда они не смогли, решила, что у мужчин это получится лучше. Где-то на этой дороге она и обронила Кри.

Думала, с ребенком будет веселее.

Думала, ребенок привяжет мужчину.

Теперь, расставшись с четырьмя мужьями, Луана постигла болезненную истину. На дороге нет и никогда не было блестящего дайма. Закрыв глаза, она думала о дочери. Теперь блестела только Кри, но и она убежала из дома туда, куда влекли ее сны. Теперь она в Пустоши или с Вердиной. Может быть, она уже одно из тех тел, что нашли в пещере. И как только Вердина увела Кри? Как сманила разговорами о снах, Айне и выборе. Да только нет никакого выбора! Сколько людей сошли с ума из-за

снов? Сколько покончили с собой? У старой стервы свои планы, свой темный бизнес. Рискнет ли Вердина чужой дочерью, чтобы получить то, что ей надо? Конечно рискнет. Из-за этого, вообще-то, ее и выгнали. Из-за себялюбия, жадности и безрассудства.

«А что же ты сама, Луана Фримантл? Разве ты не такая эгоистка?»

Вопрос был неприятный, но Луана постаралась дать на него честный ответ. Ей так хотелось заполучить тот сверкающий дайм... Она гналась за ним не оглядываясь, и, занятая этой неустанной погоней, отправила дочку в Пустошь. Если б старухи были живы, Кри и по сей день оставалась бы там. Эту вину Луана за собой признавала. Вдохнув ее, она посмотрела на револьвер в руке и поднялась.

Пора подумать в первую очередь о ребенке.

Пора наконец стать матерью.

Глава 40

Отбиваясь и крича, Джонни поднялся с пола.

– Уходите! Убирайтесь ко всем чертям! – На ногах он стоял, как боец, только что получивший на ринге сотрясение мозга. – Господи... проклятый...

– Джонни...

– Нет. Отойди. – Нащупав рукой стену, он прижался к дереву лицом, увидел капельки пота на кончике носа. – Что вообще происходит?

– Не знаю. Это ты мне скажи.

Джек вытер кровь с носа, промокнул ее платком. У Леона зияла царапина на щеке, распухла губа. Кри стояла, прижав руку к груди, и только Вердина казалась спокойной.

– Что ты видел? Рассказывай, быстро.

– Ничего...

– Не лги.

– Я ничего не видел. Я был в земле и...

– Не был.

– Был. У меня на языке ее вкус.

– Нет! – Старуха с такой силой ударила палкой о половицу, что получился звук наподобие выстрела. – Ты не можешь видеть этот сон! Он – порождение боли Айны, ее страдания! – Она взглянула на Кри. – Что ты скажешь об этом?

– Я...

– Говори, дитя!

– Я хотела, чтобы он почувствовал то, что чувствовала я, что чувствовала Айна. Хотела, чтобы он страдал.

– Почему? – спросил Джонни.

– Потому что Джон Мерримон был одним из тех, кто закапывал ее заживо.

– Но не я.

– Однако ж я вижу вас во сне. Вижу вас обоих.

Вердина покачала головой.

– Это невозможно. Мы видим во сне свой народ. Он видит свой.

– Да пошли бы вы все, – махнул рукой Джонни.

– Подожди!

Но Джонни уже отодвинул Джека плечом и вышел из дома. После сна,

в котором он задыхался, болела грудь. Все остальное ныло после схватки с Леоном и Джеком. Ни один из них не проявил снисходительности. Помяли крепко, наградив и синяками, и ссадинами. Возле ручья Джонни опустился на колени, плеснул в лицо водой, продышался. Тело ныло и болело, но в действительности ничего не изменилось.

Он хотел получить ответы.

И это значило, что придется рисковать еще раз.

* * *

На этот раз Джонни сделал по-другому.

– Хочу, чтобы все вышли.

Он уже вернулся от ручья, но, хотя прошло десять минут, все оставались на своих местах как вкопанные.

– Да перестань, Джонни.

– И тебя, Джек, это тоже касается. – Он повернулся к Кри. – Если очнись в могиле, винить буду тебя.

– Постараюсь думать о приятном.

– Просто выйди. – Джонни подождал, потом повернулся к Вердине. – Было бы лучше, если б я знал, куда попаду.

Старуха выпрямилась над палкой, но от этого стала как будто даже меньше.

– Предвидение может повлиять на видение.

– Неважно.

– Самое главное – местонахождение могилы Айны.

– Почему?

– Неужели непонятно? В самом деле? Ты же знаешь, что она чувствует.

– То есть *чувствовала*. Прошедшее время. – Она промолчала, и Джонни нахмурился. – Почему вы так уверены, что я смогу ее найти?

– Джон Мерримон выстрелил в Айну дважды и похоронил ее на болоте. С ним там никого не было. Воспоминания принадлежат только ему.

– Предположим, вы правы, и я найду могилу. Мне-то что с того?

– Я отвечу на любые оставшиеся вопросы насчет того места, которое ты называешь домом. Я устрою так, что Хаш Арбор будет только твоим во всех отношениях, со всеми его секретами и историей. Сделаешь это для меня, и я дам тебе все, чего ты всегда желал.

Она торговалась и не скупилась на обещания, и все равно Джонни не доверял ей.

- Я никого не убивал, – обратился он к Кри. – Джон Мерримон – может быть, но не я.
- Просто найди ее.
- Ты тоже этого хочешь? Того же, что она?
- Да.
- Тогда держи свои мысли при себе. Не толкай меня в ту же могилу.

* * *

Он еще долго не мог уснуть.
Слышал, как они шепчутся за дверью.
Закрыв глаза и ощутил во рту вкус земли.
В конце концов сон все же пришел, мягко, как румянец. Нахлынул незаметно. Потом, уже во сне, пришло видение. И оно началось с Айзека.

* * *

Его лицо блестело; стояла ночь, и за окном горели факелы.

– Пришли, – сказал он.

Толпа уже спускалась по подъездной дорожке к большому крыльцу. Человек пятьдесят. Может быть, больше.

– Сколько у нас возле главного входа?

– Четверо.

Несколько слуг, несмотря ни на что, остались верны хозяину. С ружьями в руках они охраняли переднюю дверь.

– Что с задним?

– Еще двое.

– Этого хватит.

– Я повесил белого.

– По моему приказу.

– Неважно. – Айзек покачал головой. – Для них я – следующий.

– Да, что ж...

Джон проверил, заряжен ли револьвер, который он всегда носил за поясом. Они собрались в его кабинете – Джон, Айзек и стряпчий. Айна стояла у другого окна и наблюдала за толпой. Стряпчий сел за стол.

– Готово.

– Рабы? – спросил Джон.

– Свободны.

– Земля?

Стряпчий мельком взглянул на молодую женщину у окна и, хотя она не обращала на них внимания, понизил голос.

– Как вы и просили, переведена на имя Айзека.

Джон открыл сейф и вынул стопку банкнот.

– Выходим через заднюю дверь. Так безопаснее.

Стряпчий взял деньги и надел шляпу.

– Не уверен, что вы это переживете. Не уверен, что это было бы справедливо.

Джон подумал, что стряпчий, возможно, прав, но сейчас ему было все равно.

– Иди с ним, Айзек. Выпусти через заднюю дверь. – Когда Айзек вернулся, он сунул ему в руки бумаги. – Шесть тысяч акров, друг мой. Для тебя и твоей семьи. За твою жертву.

– Она хотела не этого.

– Когда узнает, будет уже поздно.

– Почему вы это делаете?

– Может быть, это станет для тебя опорой в трудные времена. Может быть, тебе будет легче вынести это все. – Джон взял со стойки ружье и опустил ладонь на оставленную стряпчим стопку бумаг. – Это документы об освобождении – на каждого из наших людей. Если я не вернусь...

– Вы вернетесь.

Джон кивнул, но крики раздавались уже под самым окном, и ему пришлось повысить голос.

– Не все пожелают остаться с ней. Для тех, кто не захочет, я договорился о переезде на север... – Оконное стекло расколосось, и влетевший камень разбросал каминные принадлежности. – Что бы ни случилось, оставайся внутри.

– Вы уверены в том, что делаете?

– Ты спас мою жизнь. – Джон улыбнулся. – Свободу. Землю. Мою любовь и уважение. Как еще я могу отблагодарить тебя?

Оставив Айзека с девушкой, он вышел из комнаты и остановился у двери спальни. Жена улыбалась ему, держа ребенка у груди.

Даже во сне у Джонни перехватило дыхание.

Она была жива.

И назвала сына Спенсером – так звали ее отца.

Сон едва не оборвался, но вместо этого двинулся вперед. Держа в руке ружье, он смотрел на собравшуюся под окном толпу. Звезды бледнели в небе, но сон снова сошел с мертвой точки.

Он стоял на болоте.

И его сердце было разбито.

* * *

– Где она, Айзек?

– Джон, боже мой... Что вы здесь делаете? Столько времени прошло...

– Три месяца после нашего последнего разговора.

Еще восемь миновало с той ночи, когда под окнами бушевала толпа, но Айзек состарился, казалось, на дюжину лет. Горло его скрывала борода, почти полностью седая. Джон тоже выглядел не лучшим образом. Сапоги стоптались до дыр, запущенная борода висела клочьями. Чтобы удержать штаны, ему пришлось недавно пробить в ремне новые дырки. Когда он спал в последний раз? Джон и сам не знал. Лишь ярость жила в нем, потребность двигаться и убивать.

– Где мне найти ее?

– Она узнает вас за милю. Вы и подойти не сможете.

Джон повернулся. Ночь выдалась черная, беззвездная. За водой, между деревьями, где стояли домишки, поблескивали огоньки.

– Она и впрямь так могущественна?

– Ей подвластны жизнь и смерть. Немыслимое. – Айзек качнул большой головой. – Сам бог не смог бы объяснить то, что видел я.

Джон сглотнул разочарование и страх.

– Сколько людей осталось?

– Семеро детей родилось. Девятнадцать взрослых осталось.

– Они помогут мне?

– Они боятся и любят ее. И поклоняются ей.

– Тогда я должен попросить о последнем одолжении.

– Говорите.

– Если ей суждено умереть, мне понадобится твоя помощь.

Айзек покорно склонил голову.

- Неужели ваша жизнь так ужасна, что вы готовы рискнуть ею?
- Дом сгорел. Скот либо забит, либо угнан. Люди жестоки и ничего не прощают. Мы живем в страхе.
- А ваш сын?
- Он растет сильным и крепким.
- Мэрион?..
- Такая же, какой была, когда мы разговаривали в последний раз.
- Мне жаль.
- Джон отвел глаза. Он не мог говорить о жене, не мог думать о ней.
- Айна должна умереть, друг мой.
- А если умрете вы? Что будет с вашим сыном?
- Я нашел женщину, которая о нем позаботится.
- Джон, пожалуйста...
- Айна или я. Один из нас сегодня умрет.

* * *

На мгновение Джонни поднялся над видением. Он не знал, что не так с Мэрион. Знал только, что живут они бедно и что мальчик любит играть в утреннем свете: розовощекий малыш на узкой кровати, ухватившийся за палец матери.

Почему же так грустно?

Сон пошел быстрее, кусочками и фрагментами: гукающий малыш, мать рядом с ним. Джонни снова уловил ту же нотку грусти, а потом и понял остальное.

Ее рука лежала на кровати неподвижно.

Безжизненная, теплая, ничего не чувствующая.

* * *

Ночь сменилась рассветом, прежде чем Джон нашел место, описанное Айзеком: кипарис вдалеке от края воды, забытый великан с пустоткой между корнями, достаточно большой, чтобы в ней мог спрятаться человек. «Тихое местечко, – сказал Айзек. – В таком приятно делать детей. Рассвет – любимое время. Ни о чем другом она и не думает. Я отвлеку ее».

Джон лежал между корнями, когда пришел первый свет. Туман, мох,

деревья за узкой росчистью – ничего больше он не видел. Лизнув палец, протер прицел. Узнает ли она его сердце, как того боялся Айзек? Почувствует ли его? Джон уже встречался дважды с Айзеком и знал кое-что об Айне. Она была добра к оставшимся, но невыдержанна, а когда впадала в ярость, страшна. Требовала преданности и любви, а от Айзека еще и детей. Всех, сколько можно. Их первой дочери было два месяца, а она уже хотела вторую. «Говорит, время между ночью и днем благословенно, так что мы придем в сером свете. Если солнце поднимется над деревьями, значит, у меня не получилось, и вы тогда уходите. Этим болотом владеет она. Владеет так, как вам и не понять».

Джон и не сомневался. Она давала жизнь, она и забирала...

Он погнал прочь мысли о том, что она забрала, и постарался сосредоточиться на прицеле и спусковом крючке.

Пусть только придет.

Господи, если только ты любишь меня...

Наверное, Господь любил его. Движение за деревьями, девичий смех, так мало вязавшийся с образом Айны в его памяти. Держа Айзека за руку, она шла с высоко поднятой головой, покачивая бедрами. Потом остановилась, привлекла к себе и поцеловала в губы. Поцелуй был долгий, многообещающий. Джон прижался щекой к ложу и прицелился. За ним тоже остались обещания.

За Спенсера.

За Мэрион.

Айна ступила на мох. Айзек отстал на полшага. Джон взвел курок. То ли услышав, то ли почувствовав, она вскинула голову и напряглась, а взгляд уже безошибочно метнулся к его укрытию. Айна открыла рот, но Джон, не медля и без колебаний, спустил курок. В тот же миг она отклонилась, так что прямо в сердце, как он хотел, пуля не попала, а угодила в руку. Женщину развернуло и бросило на мох, такой мягкий, что Джон не чувствовал его под ногами, пока бежал от кипариса. Добежав, остановился над ней, поднял руку с револьвером и прицелился. Даже с перебитой рукой, Айна перекатилась на спину. Ее черные глаза полыхали.

– Ради бога, Джон, стреляй!

Айзека трясло от страха. Джон чувствовал это, но злорадство, которое испытывал сам, было сильнее страха. Она солгала. Она украла.

– Джон!

Как много она забрала...

– Стреляй или умри сам!

Айзек был прав. Радости здесь было не место, только справедливости

и ненависти. Айзек снова открыл рот, но Джон не хотел ничего слышать. Он перекрестился и выстрелил ей в грудь.

Глава 41

Машину Луана взяла без спроса. Соседка напилась и отключилась, да и в любом случае отношения между ними испортились. Она обвинила Луану в краже револьвера из бардачка. Луана обвинения отвергала, но обе знали правду. Дружба кончилась не из-за украденного оружия, не из-за взятых в долг денег и вообще не из-за тех мелочей, из-за которых они цапались. За решетку Луана не пошла бы в любом случае. Она больше не носила короткие юбки, ажурные чулки и яркую помаду. С этим было покончено.

– Ты и дня не протянешь, – сказала соседка, и Луана испугалась – а вдруг так оно и есть? Теперь она возилась с ключами, и рука у нее дрожала. На заднем сиденье лежали коробки и пакеты – все, что имело хоть какую-то ценность: одежда, посуда, тостер и вторые туфли Кри. Что еще, она толком и не знала. Собиралась второпях: пот, слезы да страх – а вдруг поймают. Но нет, ее никто не остановил. Лишь двое парней наблюдали за ней без всякого интереса, да какая-то старушка выглядывала из окна третьего этажа.

Взглянув в последний раз на окна своей квартиры, Луана покатила из города сначала на север, а потом на восток. Маршрут пролегал через небольшие городки с винными магазинами и открытыми барами, но она не останавливалась. Однажды, уже на территории округа Рейвен, ее догнал приступ детского страха. Вердина и была такой, историей, которой пугают детишек. Ей не доверяли, ее отовсюду прогоняли.

Делай, как тебе говорят, а то она и за тобой придет...

Теперь у нее была Кри.

Обогнув город по окраине, Луана взяла курс на Хаш Арбор и уже через две мили почувствовала разницу. По пустынной обычно дороге то и дело проносились машины. Полицейские патрульные. Фургоны новостных служб. В двадцати ярдах от последнего поворота с шоссе стоял контрольно-пропускной пункт, к которому уже растянулась очередь десятка в полтора машин. Луана съехала на обочину и некоторое время наблюдала за людьми с жетонами, виниловыми ремнями и серьезным оружием. По радио сообщили, что к месту преступления прибыла наконец полиция штата, а из местного отделения в Роли направляется оперативная группа ФБР. На глаза ей попался знакомый полицейский, отец Джонни Мерримона, которого она видела раньше в суде. В стороне от других он разговаривал с пожилым мужчиной в форме. Закрыв глаза, Луана попыталась как-то переварить всю

эту энергию и движение. Шум моторов, потрескивание радио, голоса приехавших из города людей – все это не совмещалось с Хаш Арбор. Только вот почему ее это так сильно беспокоит? Она ведь ненавидит болото, так? Сама же отсюда сбежала! Покопавшись в кухонном контейнере, Луана нашла маленький острый нож и проверила лезвие на ладони.

Ради дочери она готовилась бросить вызов Вердине.

Но сначала следовало принести жертву.

* * *

В полиции Клайд Хант прослужил несколько десятков лет и связи имел повсюду. В средствах массовой информации. В полиции штата. И, конечно, в департаменте шерифа. Да, Том Ли удалил его с места происшествия, но находиться везде и сразу капитан не мог. У дороги его точно не было.

– Расскажи мне, Клинт, что и как. – Детектив отвел помощника шерифа в сторонку. Давно, когда Хант был еще зеленым новичком, они вместе расследовали несколько дел, ходили в одну и ту же церковь, имели общих друзей.

– Пока что никто его не нашел, если ты это имеешь в виду.

– И?..

Клинт определенно чувствовал себя не в своей тарелке. Он уже давно был на болоте, и теперь на ботинках у него сохла грязь.

– Про вертолет знаешь?

– Слышал, что упал.

– На хижину Джонни.

– Господи...

– Люди напуганы. Серьезно.

– Что их напугало?

– То, как упал вертолет. Ну и кое-что еще...

– Объясни понятнее. – Клинт нахмурился, в уголках глаз и рта проступили глубокие складки. Глядя на него, Хант с изумлением понял, что его старому знакомому тоже страшно. – Клинт?

– Вертолет не должен был упасть.

– Всякое случается.

– У Чарли Рейвенвуда за спиной сорок лет летной практики. «Щит пустыни». «Буря в пустыне»^[20]. Дважды награжден. Ты ведь и сам это

знаешь, да?

– Знаю.

– Так вот, он влетел в дерево.

Хант попытался представить себе эту картину.

– Не понимаю.

– Он врезался в дерево на высоте шестидесяти футов. На небе не было ни облачка. Ни ветра, ни тумана. Ну, и не только это. Связь постоянно прерывается. Радио то работает, то нет. Люди вязнут в топи, сбиваются с пути, пропадают.

– Ошибки и...

– Нет, Клайд! Ты не слушаешь!

Теперь Хант слушал. За тридцать лет знакомства он ни разу не видел, чтобы Клинт повышал голос в обычном разговоре.

– Ладно. Расскажи.

– Когда я говорю, что люди сбиваются с пути и пропадают, я именно это и имею в виду. Пропали два человека из разных поисковых партий. Пошли и не вернулись, исчезли.

– Невозможно.

– Не знаю, что и сказать... Вот они были, и вот их уже нет. Люди потрясены. Напуганы. Но не это хуже всего.

– А что?

– На болоте еще есть группы. И мы по-прежнему несем потери.

* * *

О происходящем на болоте или, если уж на то пошло, вообще в мире за пределами округа Рейвен, Колсон Хайтауэр имел весьма слабое представление. Помощником шерифа он стал, чтобы мама гордилась сыном, и с тем расчетом, что форма добавит ему привлекательности. И в одном, и в другом он не ошибся. Мама больше не вспоминала, какой он слабовольный и каким посредственным был учеником. В коричневой форме из полиэстера Колсон выглядел настоящим щеголем. И так думала не только мама, но и Дженни Клейберн. В конце концов она вышла за него замуж, и они прожили вместе уже двенадцать счастливых лет. У них была собака и домик с садом и огородом, в котором Дженни выращивала помидоры, огурцы и морковь. Наблюдать за ней, когда она работала там – руки в земле, мягкая, кругленькая фигура упакована в обрезанные джинсы и старую рубашку, – было чистое удовольствие. Дженни усаживала его в

тени, приносила ему пиво и говорила: «Отдохни, расслабься, у тебя был трудный день, ведь ты заботился о безопасности мира». Говоря это, она всегда улыбалась, и от нее пахло теплой землей и зеленью, а ее губы мягко касались его щеки.

Шагая через болото замыкающим в шеренге, Колсон думал о саде Дженни. Эта часть работы удовольствия не доставляла. Ему нравилось разъезжать на машине, заниматься бумагами и чистить оружие раз в неделю, пусть даже стрелять из него и не случалось. Нравилось выступать с презентациями по безопасности перед учащимися в школе, работать на футбольных матчах пятничными вечерами и, после того как трибуны опустеют и все благополучно разойдутся по домам, пить пиво с другим помощником шерифа. Ему нравилась чистая, безопасная, предсказуемая сторона работы, и он не расстраивался, когда старшие злились или огорчались из-за отсутствия у него честолюбия. У него была форма и Дженни, а большего и не требовалось.

За эти мысли Колсон и держался, пока болото пыталось сломать его. Топь, жара, потеря радиосвязи, а еще тот факт, что никто не знал, где именно они находятся, хотя группу вел старик, воевавший на войне, обучавший солдат и по идее знавший лес как свои пять пальцев.

Оказалось, что нет, не знает.

Старик кружил, путался, терял ориентировку и столько раз сбивался с пути, что им дважды приходилось разматывать веревку и вытаскивать одного из своих, попавшего в трясины.

Колсон думал о жене. Думая о ней, он зацепился за куст ежевики и грохнулся в грязь. А когда поднялся, все еще думал о Дженни. Шея у нее покраснела от солнца, но Дженни пахла огородом и лосьоном, который любила.

Лилии...

Да, от нее пахло лилиями. Лилиями, ломаными стеблями и мягкой, теплой землей.

– Дженни...

Он произнес ее имя вслух, и в этом не было ничего странного. Группа как раз пересекала мелководье, и из-за хлюпанья под ногами и ругательств его никто не слышал. Колсон замедлил шаг, а когда услышал пение Дженни, ее чистый, милый голос, остановился совсем. Эту песню она часто пела в саду, и теперь он слушал ее целую долгую минуту. Звуки повисли в воздухе, словно последний, слабый звон далекого колокола, и Колсон вслушивался в них напряженно, наклонив голову. Группа ушла вперед, но он даже не заметил этого. Воздух густел, наполняясь невидимым туманом,

и ощущение присутствия жены где-то рядом только усиливалось. Колсон улыбнулся.

Милый...

Он оглянулся, но никого не увидел.

Приди ко мне...

Слова застряли в голове, а болото накрылось клубящейся туманной пеленой. Колсон стоял на зеленой траве, а Дженни лежала на спине, протянув к нему руки и призывно улыбаясь.

Бедненький...

Она привлекла его к себе, и Колсон опустил голову ей на грудь. Он плакал и сам не знал почему. Все такое большое... Мир, надежды и ожидания...

Просто дыши, милый. Просто дыши...

Трава выглядела какой-то не такой, бесформенной и мокрой, но Дженни была той самой, его Дженни, и от нее пахло всем тем, что он любил: домом и садом, двориком и лилиями. Она обнимала его крепко-крепко, и Колсон ловил себя на том, что никогда не испытывал такого блаженства. Держа в руках воплощение всех своих желаний, он глубоко дышал и даже не удивлялся тому, что жена такая мокрая, и запах от нее густой, как вода. Крепче и крепче он сжимал мягкое, податливое тело, втягивал в легкие и радовался, как человек, тонущий в самом дорогом и обожаемом.

* * *

Развернувшись на дороге, Луана отъехала на милю, припарковалась и, как сбежавший и вернувшийся домой подросток, проскользнула в лес. Тропинки открылись ей удобными дорожками, деревья расступились, и она, осматриваясь, узнавала в них старых знакомых. Обделенная многим в детстве, Луана жила лесом: долгими прогулками, молчаливыми холмами и сопровождавшим ее повсюду желтым светом. Когда начались сны, только лес принял ее слезы. Мать требовала деталей и подробностей, надеясь найти в них просветление или понимание. Бабушка, несшая проклятие видений целых восемьдесят лет, была еще хуже. Желание покончить со всем этим превратилось в насущную потребность. Стоит ли удивляться тому, что в итоге Луана сбежала и что даже теперь ненависть шла по лесу рядом с ней? Она считала себя отщепенкой, отступницей от извращенной веры, однако следовала по тем же тропинкам и слышала людей далеко на

болоте. Не попадаться им на глаза было совсем не трудно. Кладбище находилось к югу от старой церкви – полмили через лес, – и Луана шла легкой, пружинящей, неслышной походкой. Перебравшись через каменную стену, она присела возле указателя. На поляне было тихо, только черные дрозды перелетали с ветки на ветку. Через какое-то время птицы расселись на вершине висельного дерева, равнодушно взирая на приближающуюся Луану. Задерживаться надолго она не стала и, достав нож, провела лезвием по ладони.

– Это тебе, Айна. Дай мне своей храбрости, своей воли.

Вообще-то, ей полагалось предложить свою храбрость и волю, но ее народ ушел, и мир переменился. Означало ли это, что и ее выбор был неверным? Бездомная в холодном мире, она вернулась, чтобы замкнуть круг, и не знала ничего другого. Теперь ее рука лежала на дереве, и ее кровь досталась ему.

Красное пятно влажно блеснуло, а потом поблекло. Дерево выпило ее кровь.

Глава 42

Джонни пробудился на страницах чужой жизни. Слова, образы, воспоминания жены – все это отзывалось в его сознании. Он видел ее на картинках: как она держит малыша, как вынимает его из кровати: *Эй, это мы, наша жизнь*. Этим образом Джонни особенно дорожил, потому что на других страницах разливался ужас и мрак. Десять дней после рождения ребенка Мэрион не вставала и не говорила. Не узнавала Джона, не узнавала сына. Сколько месяцев ее взгляд был прикован к одной и той же точке на потолке? Кажется, всю жизнь. Вечность.

Джонни пытался остаться в том счастливом месте, но не мог забыть, не мог выбросить из головы другие походы на болото, когда он просил, умолял, становился на колени и, наконец, угрожал. Каждый раз Айна прогоняла его и даже отказывалась разговаривать.

«Может быть, в следующий раз», – говорил в таких случаях Айзек.

Может быть, в следующем месяце.

Джонни понимал – Айзек боится Айну. Мэрион не ела и не спала, едва дышала, но при этом не чахла. С ней все было хорошо, кроме одного, самого главного.

Что ты сотворила с ее душой?

Эта страница была мрачнее всех, эхо криков. Живая, но мертвая. Мертвая, но живая.

Джонни встал на четвереньки – там, не в настоящем. Жизнь вытекала из Айны на мшистую землю, и он видел ее глаза, ее злость и страх, приближение смерти.

«Принеси лопату», – сказал он Айзеку. – *Потом иди к дочери»*.

Айзек ушел и скоро вернулся. А Джонни взял на руки тело и отнес туда, где предал земле.

– Боже... – Он сел на полу. В доме было сумрачно, на душе погано.

– Кто такая Мэрион?

Джонни открыл заплывшие глаза. На стуле возле узенького стола сидел Джек. Больше в комнате никого не было.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Джонни.

– Ты кричал во сне.

– А остальные?

– Их я не впустил.

Джонни устало поднялся и сел на второй стул.

– Долго я спал?

– Не знаю.

Джонни потрогал лицо. Знакомое – его, а не Джона.

– Что происходит, Джонни? Зачем мы здесь?

– Даже если расскажу, ты не поверишь.

– Попробуй.

– Не могу.

– Я сказал, что ты кричал. Это не совсем так. Ты орал и вопил.

– Джек...

– Когда я попытался войти в первый раз, Леон не пустил меня дальше порога. Старуха сказала, что начатое должно идти своим чередом, а если я разбужу тебя, то все испорчу. Я пригрозил, сказал, что позвоню в полицию. Только этот аргумент и подействовал.

Джек откинулся на спинку стула, приподнял край шторы на окне и увидел Вердину, Кри и Леона. Из всех троих довольной выглядела только старуха.

– Она сказала, что убьет меня, если я тебя разбужу. И знаешь, я ей поверил. По-моему, она опасна.

– Вердине нужно что-то от меня, вот и всё. Я за ней наблюдаю.

– А ты в глаза ей смотрел? Тут одного наблюдения мало.

– Приведи ее сюда, вот и все дела.

– Сначала скажи, что происходит.

– Не могу.

– Тогда я домой.

Джонни понимал друга. Джек был человеком логики и правил, образованным и связанным с системой, которой Джонни не доверял. Смог бы он принять правду? Нет, нет и нет. Там, где Джонни видел красоту, Джек усматривал риск, а то, что представлялось первому грандиозным и величественным, второму виделось опасным. И неважно, что прошлое было беспокойным и жестоким.

– Иди, если хочешь. Я понимаю.

– Черт возьми, Джонни... Не надо так.

– Как?

– Вот с этим твоим спокойным смирением. Можешь хоть раз показать, что тебе кто-то нужен? Один только раз признать, что мы одинаковые?

Обида звучала так явно, что Джонни и думать было не о чем.

– Конечно мы одинаковые. Как братья.

– И тебе действительно нужна моя помощь?

– Ты же мой лучший друг, Джек. У меня никого больше нет.

- Значит, мы вдвоем, вместе?
- Как в старые времена.
- Ну тогда ладно. – Джек поднялся, хмурый, но довольный. – И что? Разве так трудно было?

* * *

В комнату Вердина вошла медленно и бочком, и на Джонни посмотрела, как рыба-падальщица, вынюхивающая что-нибудьдохлое. Ей нужно было то, что он узнал, и она уже приготовилась вцепиться в добычу зубами и проглотить целиком. Темные глаза светились.

- Ну что? Мы все слышали твои крики.
- Я знаю, где она.

Опершись на палку, старуха шагнула к нему. Больше ничего не случилось, но перемену в настроении почувствовали все.

- Расскажи мне.
- Зачем вам так нужна ее могила?
- Об этом мы не договаривались.
- Я просто спрашиваю.

– Леон. – Вердина отступила в сторону, и в узкий дверной проем протиснулся широкоплечий хозяин бара. – Как я учила тебя разбираться с теми, кто нарушает сделку?

– Я предпочел бы не вмешиваться, – сказал Леон. – Джонни – друг.

– Твои друзья, как и твои пьянчуги, меня не касаются. Сделай так, как я тебе велела. – Он замаялся. – Не притворяйся, будто не понимаешь меня. Ты знаешь, чего я хочу. Давай.

Леон посмотрел на Джонни.

– Мне жаль, что все так оборачивается. – Он задрал рубашку, показывая засунутый за пояс револьвер. Большой и местами стертый до серебряного блеска.

- Не уверен, что работает, – заметил Джонни.
- Я стрелял из него двадцать лет назад. Думаю, и сейчас получится.
- А если я ей не скажу? Выстрелишь в меня?
- Не надо усложнять, Джонни. Ответь на ее вопросы. Она ответит на твои. Каждый получит, что хочет, и мы отправимся домой.

– Ладно. – Джонни взглянул на Джека и пожал плечами, потому что самого начала знал, что отведет Вердину на могилу Айны. Ему хотелось лучше понять старуху, и проверка прошла успешно.

Джек сказал, что она опасна.
Он был прав.

* * *

К месту отправились на том же пикапе, под тем же брезентом. Кри снова сосредоточилась на дыхании: вдох-выдох. Она видела разницу между Джоном и Джонни, но они были так похожи... Глядя на Джонни, Кри видела предательство и боль, черные глаза и падающую дождем землю. Она переключилась на старуху. Вердина пришла в поселок, когда Кри исполнилось семь. Было много крика, злости. Кри смотрела на всё от двери, еще не понимая, отчего поднялся переполох, но старухи говорили об этом всю ночь.

«Нечистые у нее желания». Так сказала, стоя у плиты, бабушка.

«Похотливые?» – спросила прабабушка.

«Не просто похотливые, нет».

«Распутные?»

«Да, вот-вот, то самое слово. – Бабушка взмахнула руками, и сковорода выстрелила жиром. – Бесстыдная, похотливая и распутная – вот она какая».

Кри по малолетству понимала не все слова, но неодобрительное выражение на старых, морщинистых лицах запомнила навсегда.

Распутная...

Однажды Кри посмотрела, что значит это слово. Значений оказалось много.

Распущенная.

Злонамеренная.

Несдержанная.

* * *

Объятая тем же, что и в детстве, религиозным трепетом, Луана смиренно опустила на колени под висельным деревом. Кора в том месте, где она коснулась ее, была сухая, и Луана почувствовала размах ветвей вверху, их переплетение и глубокую, прохладную тень. Дерево было такое огромное, такое уродливое, что оставалось только удивляться, как это оно еще живет. Древним оно было уже тогда, когда Луана увидела его впервые, а когда на нижнем суку вешали людей, оно тоже не выглядело самым

молодым. И даже теперь, увядая, оно оставалось деревом ее детства и держало на себе облака.

Обернув ладонь тряпицей, Луана думала о далеком детстве, ножичке и снах, которые, как ей говорили, сбудутся. С самых ранних лет ей твердили: «Мы чувствуем Айну как немногие другие женщины нашей ветви. Сны – наше бремя и наш дар».

Если жизнь в бедности, страданиях и неблагодарных трудах считать даром, то да, старухи познали благословение сполна. Но были ли счастливы? Да, конечно, они жили своей компанией и время от времени заводили мужчин. Луана помнила, как они улыбались и переглядывались, ведя бесконечные разговоры у плиты. Если б не дерево, она бы всем доказывала, что они – всего лишь безобидные, спятившие бабули, забытые и брошенные на болоте.

Но не замечать дерево было невозможно.

Дерево и сны.

Закончив с одним делом, Луана отыскала могилу матери – на солнечном «пяточке» возле восточной стены, с незамысловатой надписью на камне: ДИТЯ ТЕМНОЙ ЗЕМЛИ. Немногие понимали, какие струны отзывались в душе на эти слова. Они говорили об Африке и Айне, о долгой борьбе и топях Хаш Арбор. И Луана не выдержала.

– Мне так жаль... Так жаль, что я не пришла к тебе проститься...

Она коснулась камня ладонью, легла на траву и долго-долго лежала. Село солнце. Пришла ночь. Луана как будто ничего не замечала. Она была в огороде с матерями и дочерьями, что ушли раньше. Теперь их ветвь заканчивалась. Остались лишь она и Кри.

– Где ты, девочка моя?

Луана поднялась, перелезла через стену и направилась в лес. Мысли ее переключились на Вердину, изгнанную. Кри, должно быть, с ней. Удалившись от кладбища, она свернула на темную тропу и уже через пять минут увидела *это* далеко впереди, между деревьями.

Легкий шорох.

Проблеск света.

* * *

Хант еще оставался на обочине, когда солнце скрылось за горизонтом и что-то изменилось. Со стороны болота показался автомобиль. За ним следовал другой, а потом, растянувшись рваной, замызганной лентой, –

еще семь. На лицах сидевших внутри мужчин застыло одинаково угрюмое выражение, и никто из них не повернул голову, проезжая мимо выкрикивающих вопросы репортеров с камерами. Провожая их взглядом, Хант мысленно составлял собственный каталог: лесники, волонтеры, отставные копы. Он не спешил и, лишь узнав одного из водителей, поднял руку.

– Бринсон? Привет.

Машина выбралась на обочину и, качнувшись, остановилась.

– Привет, детектив.

Инструктор по строевой подготовке, Бринсон приехал в город из Форт-Беннинга десять лет назад. Даже перейдя на восьмой десяток, он оставался одним из самых крепких мужчин из числа знакомых Ханту. Вместе с ним в кабине сидели еще двое, оба помоложе, подтянутые и аккуратные. Ни одного, ни другого детектив не знал.

– Что происходит? Почему вас выводят?

– Твоего сына никто пока не видел, если ты это имеешь в виду.

– Не это, но спасибо за информацию. – Бринсон смотрел строго перед собой. Под обветренной кожей проступала странная бледность. – Так ты скажешь, что происходит?

– Я потерял парня.

– То есть как? Что ты имеешь в виду?

Бринсон наконец-то посмотрел на него.

– Он умер.

– Кто? Как?

– Помощник шерифа, Колсон Хайтауэр. Молодой парень. Женат. Знаешь такого?

Хант представил Колсона Хайтауэра: тридцать с небольшим, немножко полноват, чуточку ленив.

– Да, встречался с ним.

– Был в моей группе. Отстал. Когда хватились, лежал лицом вниз на мелководье. Глубина – восемнадцать дюймов^[21].

– Утонул?

– Капитан Ли считает, что ему помогли.

– Только не Джонни...

– Так говорят копы. Но я видел тело Хайтауэра вблизи. Я вытащил его из воды, и выглядел он, как ребенок на руках у матери. Богом клянусь, Клайд, на нем не было ни царапины. Бедняга почти улыбался.

Хант поместил картинку в ряд прочих у себя в голове. Сколько мертвых? Сколько раненых?

– Почему все выходят?

– Приказано вывести весь вспомогательный персонал. Сейчас к делу уже приступила полиция штата, и они планируют развернуться с утра большими силами. Привлечь вертолеты. Собрать больше людей. Сам понимаешь, три копа погибли...

– Понимаю.

– Послушай, Клайд, ты – парень прямой и честный, и я всегда это ценил, но те ребята, охотники и прочие... – он кивком указал на растянувшиеся вдоль дороги машины, – они не переживают. Для них и хорошая охота, и честная драка – одно удовольствие. Да я, признаться, и сам такой. Но здесь явно что-то не то. То взрослые люди исчезают, то вертолеты падают в безветренную погоду и в ясный день... Такого быть не должно, и те ребята, – он снова качнул головой, – все это видят и понимают.

– Перестань, Бринсон...

– Глубина – восемнадцать дюймов, Клайд. Скажи мне, как такое могло случиться?

* * *

Все снова разместились в пикапе, и Джонни, лежа под брезентом, видел, как оранжевый свет сменяется постепенно красным. Солнце садилось.

– Вот оно. – Он стукнул три раза по борту, и грузовик сбавил ход. Привстав на колени, Джонни наклонился над Кри и приник к открытому окну кабины. – Там слева начинается тропинка. Сворачивай и убери машину с глаз подальше. Да, да, вот здесь. – Кювета в этом месте не было, так что Леон просто проехал через обочину напрямик в лес. По кабине и бортам ударили ветки, но он не останавливался. Все понимали, что происходит. На дороге им уже встретились три полицейские машины. – Достаточно.

Джонни сбросил брезент и соскочил на землю. Он был в Пустоши, и сознание открывалось ей так быстро, что у него закружилась голова. Пройдя на ощупь вдоль борта, Джонни шагнул на траву и пошатнулся – мозг не успевал за потоком хлынувших вдруг впечатлений, информации, знаний.

Жизнь.

Столько жизни, что он едва не задохнулся.

– Ты в порядке?

– Да, дружище. Все хорошо. Идем. – Подойдя к кабине, Джонни наклонился к открытому окну, у которого сидела Вердина. – Вы готовы?

– Хочешь сказать, это здесь?

– Отсюда пойдем пешком.

– Дорог нет?

– На дорогах копы.

– Ты это *знаешь* или так *думаешь*?

Джонни посмотрел ей в глаза, окруженные сеточками морщин. Интересно, что она знает о жизни в Пустоши? Старуха так же пристально смотрела на него.

– Идемте.

Джонни открыл дверцу, и Вердина спустилась на землю.

– Леон. – Она кивком указала на кузов, и Леон взял оттуда кирку и лопату.

– Вы это серьезно? – спросил Джонни.

– Фонарь не забудь. – Она бросила взгляд на заднее сиденье. Леон потянулся за фонарем. – Вот теперь всё в порядке. Идем.

– Не отстанете? – спросил Джонни.

– Увидишь.

Джонни выбрал длинный маршрут, при котором копы оставались к северо-западу. Вскоре Вердина начала отставать, и он сбавил шаг. Джонни не доверял ей и не хотел оставлять ее одну.

– Как бы тебе не пришлось ее нести.

– Я за ней присматриваю.

– Насчет револьвера...

– Давай не будем сейчас, ладно?

Леон нарочно говорил бесстрастно, но Джонни знал, что он не хочет никого обидеть. Как-никак, Вердина была единственной его родственницей, и это следовало принимать во внимание.

– Она сумасшедшая?

– Разве не ты ведешь нас к старой могиле? – Леон переступил через упавшее дерево. – Вот и подумай, кто тут сумасшедший.

После этого Джонни ушел в себя и попытался добраться до мыслей Вердины, но обнаружил, что концентрация внимания притупляет восприятие. С Леоном и Джеком никаких проблем не возникало, но стоило закрыть глаза и сосредоточиться на Вердине, как она становилась чем-то вроде призрака. Еще хуже дело обстояло с Кри. В Пустоши она исчезла, и он вспомнил, как впервые встретился с ней в церкви. Как и тогда, девушка

оставалась практически незамеченной. Джонни слышал ее шаги, видел ее, мог протянуть руку и прикоснуться к ней, но не более того. Он посмотрел на Вердину – старуха наблюдала за ним с усмешкой на губах.

– Ты ведь понимаешь, да?

– Что?

– Да. Ты понимаешь. – Она кивнула сама себе и двинулась дальше.

Стемнело быстро. Вскоре старуха споткнулась, и Леон включил фонарь.

– Всего лишь ночная слепота.

– Далеко еще? – спросил Леон.

– Пока что достаточно. – Джонни остановился, и вместе с ним остановились остальные. – Кладбище вон там, в трехстах ярдах отсюда, за деревьями.

– Так мы уже близко?

Джонни опустил на землю, давая понять, что не торопится. Он отведет ее к могиле, но и ей придется сделать кое-что со своей стороны.

– Сначала поговорим.

– У нас нет времени!

– У меня его с избытком.

На ее лице отразились противоречивые чувства. Что бы ни было нужно ей на могиле Айны, она желала этого давно. Злость. Жгучая потребность. Нетерпение. Она приглушила все и сдержалась.

– Хорошо. – Вердина взяла себя в руки и присела на корточки. Рядом, в руке Леона, зашипел фонарь. Больше никто не сел. – Что ты хочешь знать?

– Всё.

– Джонни, мне это не нравится, – начал Джек, но тот поднял руку и остановил его.

– Продолжайте.

Вердина опустилась еще ниже.

– Ты любишь эту землю.

– Да.

– А знаешь почему?

– С какой...

– Ш-ш-ш... Думаешь, я выжила из ума? От тебя же воняет ею. Жадной власти, силы. Думаешь, я жадная? Загляни в себя поглубже. Я почувствовала это с первого нашего разговора. Ты убьешь ради того, чтобы сохранить то, что имеешь.

– Я не... Я...

– Что ты видишь, когда смотришь на него? – Старуха ткнула пальцем в

Джека. – Ты все видишь. Не отрицай. А как с ней? – Теперь очередь дошла до Кри. Девушка съежилась под его взглядом, но он не спешил отводить глаза. – Ты не видишь ничего. Ничего. Потому что сила, которую ты так любишь, принадлежит ей, как принадлежала раньше ее матери, а еще раньше – Айне.

– Не понимаю.

– Отведи меня к ее могиле, и я все тебе покажу.

– Нет.

– Сейчас же отведи меня к ней, или я ничего больше не скажу.

– Нет.

– Тогда я убью тебя сама, глупый, самолюбивый юнец! – Вердина вскочила, будто в ней распрямилась пружина, и теперь ее буквально трясло от ярости. – Вы, Мерримоны, – злобно прошипела она. – Воры и убийцы. Гадкие, дрянные людишки.

– Сядьте, – перебил ее Джонни.

– Нет.

– Хотите узнать, где она похоронена? Хотите или нет?

– Да, – процедила сквозь зубы старуха. – Да, да, да... будь ты проклят.

– Тогда сядьте. – Джонни указал на землю. – Пожалуйста.

* * *

Как и все рожденное к жизни на болоте, Луана легко находила дорогу в лесу. Даже ночью. Ноги сами ступали куда нужно. Она двигалась почти бесшумно. Сначала свет плыл, словно его несла невидимая рука. Блуждающий огонек, звездочка размером с кулак ребенка. В детстве Луана слышала множество историй об огоньках в лесной чаще. С ранних лет ей внушали, что бродить на болоте одной – это не просто детская шалость, что за этим обязательно следует наказание – порка или голодный вечер. Этому учили всех детей.

Но то были детские истории, а Луана давно уже выросла. И кроме того...

Никогда еще она не видела такой красоты.

И откуда взялось это знакомое влечение? Вечернее тепло, материнское прикосновение. Добрая история, рассказанная за ужином. Все это Луана знала так же хорошо, как собственные тайные надежды.

Огонек светил для нее.

Огонек...

Огонек пропал. Мигнул и исчез. После него осталась такая пустота, такая щемящая боль...

Единство.

Благополучие.

Дрожали ноги. Издалека донеслись голоса, в глубине леса вспыхнул другой огонек. Надежда встрепенулась, но огонек оказался обычным костром, вокруг которого сидели обычные люди. Наверное, полицейские. Ну и ладно. Ей был нужен другой свет. В нем – ее сила, жизнь, душа. Важнее этого нет. Если какая-то часть ее признавала безумие таких мыслей, то и пусть себе. Она была скорлупкой в ночи, уставшей, отчаявшейся женщиной со слезами на лице. Она расплакалась бы – но вдруг увидела повсюду свет. Он мерцал и плясал, удаляясь и слабея. Луана приглушенно всхлипнула и устремилась за ним. Не таясь, забыв об осторожности, она рвалась через лес, спотыкалась, падала и снова бежала. *Остановись, не сходи с ума*, шептал из глубины едва слышный голос. Луана не слушала. Она чувствовала свою мать, и лучшие дни, и надежду, такую, которая утолила бы любой голод.

– Подожди! Пожалуйста!

Луана поднялась на невысокий холмик и сбежала с другой стороны. Брызги полетели из-под ног, а впереди, в туманной пустоте покачивался огонек. Пустота вокруг него была, конечно, трюком ночи. Огонек – оказавшийся меньше, чем ей представлялось – смещался, уплывал. Луана замялась в нерешительности, потом протянула к нему руку. В первую секунду не случилось ничего, но потом пустота вдруг обвалилась, показывая то, что скрывалось под ней.

Страх и ужас.

Отведя взгляд от огонька, Луана посмотрела в жесткие черные глаза и поняла наконец, почему детей заставляли бояться. То, что она увидела, было извращением, порчей, однако ж оно двигалось ровно так, как и все прочее. Оно потянулось и дотронулось до нее, и Луана ощутила одиночество, отчаяние и страх еще одной сотни лет. Оно наполнило ее разум всей болью, какая только есть на свете, а потом показало, чего и почему хочет Вердина; оно открыло ее мозг голоду и ненависти, удержало, вливая в нее черноту, а потом расколело сознание. Этой бури внутри себя Луана уже не выдержала и, чтобы извергнуть из себя черноту, открыла рот. Но одного крика было мало.

Нагая под дождем.

Она тонула.

Глава 43

В старой церкви крик шел, казалось, отовсюду. Некоторые из полицейских сочли, что кричит человек, другие этому не поверили – уж слишком высокий и пронзительный, страшный, слишком много в нем боли.

– Господь Всемогущий...

Капитан Ли закрыл рот и закончил молитву про себя.

– Что будем делать?

Спросивший сидел у него за спиной, но капитан не обернулся. Крик продолжался и продолжался, тянулся на одной ноте, а потом внезапно оборвался. Целую минуту никто не двигался с места. Все молчали.

– Капитан?

Оглядевшись, Том Ли увидел на лицах те выражения, которых ждал. У одних – решительности и готовности, у других – растерянности и страха. Весь день он слышал эти разговоры шепотом: болото проклято, Джонни Мерримон – призрак...

– Кто-нибудь может сказать точно, откуда шел крик? Направление? Расстояние? Ну?

Никто не ответил. Никто даже не пошевелился. Только испуганные лица. Минуту-другую капитан всматривался в ночь.

Ни звука. Ничего.

Лишь туман поднимался между деревьями.

Первым на вырвавшийся из леса крик отреагировал Джонни. Он даже подумать ничего не успел. Когда его окликнул Джек, Джонни был уже в сотне ярдов от места. Женщину он нашел в лесу, возле ручья. Она уже не кричала, а только жалобно скулила, но чтобы отыскать ее в темноте, ему хватило и этого.

Джонни не чувствовал женщину и, пока бежал, не знал о ней ничего, ориентируясь только на всхлипы. Обнаружив мать Кри, он даже не удивился. Что привело ее сюда, как она добралась до Пустоши, Джонни не имел ни малейшего представления, но только Кри могла оставаться для него пустым местом.

– Мисс Фримантл?

Джонни тронул ее за плечо, но она лишь издавала короткие, горячечные звуки, как раненое или напуганное животное. Он не питал к ней теплых чувств, но и оставить в таком состоянии не мог.

– Здесь неподалеку ваша дочь. Я могу привести ее. – Джонни взял женщину за руку и почувствовал, как она напряжена. – Вы меня слышите?

Пристально глядя на Луану, Джонни заметил, что в ее глазах появился намек на осмысленность. Она уже не скулила, а пыталась что-то сказать.

– Бе... бе...

– Мисс Фримантл?

– Беги, – вырвалось у нее.

Но было уже поздно. За спиной у него что-то зашевелилось, задвигался воздух, дохнуло холодом. Он обернулся, но черные глаза приковали его к месту. *Вспомни*, сказал незнакомый голос в голове, и Джонни обратился к памяти.

Он увидел фрагменты сна.

Потерянные страницы другой жизни.

* * *

Дождясь возвращения посланного за лопатой Айзека, Джон наблюдал, как умирает девушка. Вытекавшая из перебитой руки кровь казалась черной в матовом свете утра. Вторая пуля вошла в грудь справа от центра и вышла через лопатку. Он видел похожие раны у оленей, которые умирали не сразу. Ненормально, но такое случалось.

– Не так должно было закончиться.

Джон опустился на колени рядом с ней, и она поняла. Черные глаза не моргали, губы оттянулись назад. Ей было больно, и она понимала, что умирает, но...

В этих глазах бушевала ярость.

– Мы договорились. Ты спасешь мою жену, а я даю тебе то, что хочешь.

– Твоя жена жива...

Между губами просочились струйки крови. Айна захлебывалась ею. Зубы уже покраснели.

– То, что ты дала ей, это не жизнь. Да, она дышит. Да, не умирает. Но и не живет.

– Ты сам виноват...

– Ты другое обещала! – Голос сорвался. Джон ненавидел себя. – Ты должна была встретиться со мной! Должна была все исправить!

В легких у нее захрипело, и Айна закрыла глаза.

Когда Айзек вернулся, Джон сидел на земле, положив локти на колени,

сжимая в руке револьвер. Услышав шаги, он поднял голову.

– Она мертва.

– Сомневаюсь.

– Мертва или вот-вот умрет. Неважно.

– Хотите бесплатный совет? – Айзек воткнул лопату в землю у ног Джона. – Закопайте ее поглубже, так, чтобы никто никогда не нашел. Даже я знать не хочу.

– Почему?

– Потому что видел такое, чего не видели вы. Потому что все эти люди поклоняются ей, как богу. – Айзек на секунду отвернулся. – И когда закончим, мы с вами в расчете. Надеюсь, наши дорожки больше не пересекутся. – Джон кивнул. Все это не имело уже никакого значения. – Я отправил всю деревню собирать кукурузу на северных полях. Будем там до ланча. Похороните ее и уходите.

Айзек ушел, и сон спутался. Джон узнал, как пахнет ее кровь, кожа и волосы. Узнал, как поскрипывает лопата. Каждый раз, когда он думал, что Айна умерла, на ее губах и ране на груди вскипали розовые пузыри. Закопать женщину быстро не получалось. Он хотел упрятать ее поглубже, так, чтобы никто не нашел. Многие боялись Айны, но были и такие, кто любил ее. Поклонялись ей, как сказал Айзек. Джон не хотел ничего такого. Он хотел быть рядом с женой, смотреть в ее пустые глаза, горевать и скорбеть. Может быть, когда-нибудь ненависть иссякнет. Может быть, он и сам уснет и не проснется.

Выкопав яму поглубже, Джон стащил в нее Айну. Под рубашкой у женщины что-то блеснуло. Отвернув край одежды, он увидел предмет с тонкими четкими гранями, вырезанный, похоже, из камня и висящий на кожаном шнурке. Трещинки сияли под солнцем, и, стерев кровь, Джон увидел украшение такого глубокого, насыщенного синего цвета, что оно казалось почти фиолетовым. Дотронувшись, он ощутил силу камня, которая, пройдя сквозь кожу, вошла в кости руки и, дальше, в сердце. Джон стоял в яме, но знал движение неба, течение вод, соков и крови. Знал, как несет семена ветер, чувствовал давление рождающейся жизни. Он ощущал шевеления мира и понимал их так же, как звезды в небе. Сила. Движение. Необъяснимый факт. Все прочие мысли в его голове воспринимались как греховные. Убийство. Воровство. Кража у мертвых. Он услышал, как пошевелилась в могиле женщина.

– Мое. Для моего народа. – Их взгляды встретились, и он понял, что она увидела и поняла. – Твою жену оно не спасет.

Но Джон уже ступил на дорогу в ад.

*Он сорвал камень с ее шеи.
И закопал женщину живьем.*

Глава 44

Видение исчезло. Джонни упал на колени. Та же земля под руками. Тот же вкус во рту.

– Это был не я...

Но оно было в нем, в сердце и под кожей. Джонни стиснул ладонями голову и попытался провести черту между тем, жившим, и собой, живым.

Я не убийца.

Не убийца.

Остальное вспомнилось через минуту. Джонни представил черные глаза и узнал их. Он видел их в снах, в зеркалах и в снах с зеркалами.

– Джон! – крикнул он в ночь, и голос сорвался.

– Джон Мерримон, это ты?

Он увидел лес и небо, потом какое-то движение вдаль, за деревьями, мелькнувший огонек.

Наверное, это и был ответ.

Наверное, ответом было «да».

* * *

Отвести Луану Фримантл к дочери оказалось не так-то просто. Она не сопротивлялась, но и почти не помогала.

– Можете переступить через бревно? Нет, нет. Вот так...

Джонни взял бы ее на руки, но каждый раз, когда пытался это сделать, женщина либо стонала, либо замирала, и у него ничего не получалось. В ее лице он видел Айну, слышал крики, когда на нее сыпалась земля.

Когда до фонаря оставалось уже немного, Джонни подал голос:

– Это я. Иду.

Он вышел в круг света, и Кри тут же бросилась к матери.

– Мама? Что случилось? Что ты здесь делаешь?

Луана моргнула и остановилась.

– Она видела что-то, – объяснил Джонни. – Что-то, что сильно ее напугало.

Вердина пристально посмотрела на него.

– Ты ведь тоже что-то видел, разве нет?

Но Джонни уже устал от снов, загадок и полуправды. Он хотел, чтобы

Вердина разговорилась, и надеялся, что знает, как ее расколоть.

– Идемте. Я покажу вам могилу.

* * *

Шли, растянувшись неровной цепочкой: Джонни впереди, за ним – Леон с Вердиной, потом Кри с матерью. Двигались медленно, но целеустремленно. Даже Леон понимал, что они идут к кладбищу.

– А как же копы? – спросил он.

– В полумиле отсюда. Ничего не поделаешь, другого варианта нет.

Рисковать, похоже, не пришлось. Выйдя из леса, они растянулись по краю и замерли в благоговейном молчании. Само кладбище выглядело довольно непритязательно, но за его стенами и камнями заканчивался мир.

– О боже, – вырвалось у Джека.

Поднявшийся от земли туман застыл густой, ровной и совершенно белой стеной, плотной массой, возвышавшейся даже над деревьями. Вердина первой шагнула вперед.

– Такое впечатление, будто что-то не хочет, чтобы полиция вмешивалась.

Джонни кивнул в сторону кладбища.

– То, что вам нужно, там.

– Не может быть.

– Вы хотели правду Джона Мерримона. Здесь ее и найдете.

– Ну что ж, ладно. Леон...

Старуха постучала палкой в каменную стену, и Леон легко перенес ее на другую сторону. Остальные последовали за ними. У висельного дерева Джонни остановился. Три камня отмечали могилы повешенных. По настоянию Айны, они провисели несколько долгих месяцев, пока Айзек не предал их наконец земле. Джонни указал на первый.

– Здесь могила надсмотрщика.

– Да.

– То, что вам нужно, под ней.

– Самые ранние могилы проверяли восемьдесят лет назад.

– Вы взяли недостаточно глубоко. – Старуха с сомнением посмотрела на него. – Я был с Джоном Мерримоном и видел, как он закопал ее.

– Не просто закопал, – вмешалась Кри.

– Я не имел в виду...

– Ваш предок застрелил ее.

– Да, но...
– Он закопал ее заживо!
– Хватит!
– Я пережила это! Прочувствовала!
– Я сказала, хватит! – Вердина с размаху ударила Кри палкой по икрам. – Не твоего это ума дело!

Девушка вскрикнула от боли.

Стоявшая рядом с дочерью Луана промолчала и лишь сверкнула глазами.

– Покажи. – Старуха ткнула палкой в Джонни. – И ты, Леон, тоже. Копай.

Джонни взял кирку. Леон устроился рядом.

– Ты, случайно, не ошибаешься, друг мой?

– Она похоронена здесь.

– А ты понимаешь, в чем тут дело? Потому что я, по правде говоря, ничего не понимаю.

– Сказать могу только одно: твоя бабушка – опасная женщина. Неужели ты не видишь?

Леон осторожно посмотрел через плечо. Вердина стояла, опершись на палку, подтянув плечи к морщинистой шее.

– Ну же, мальчики. Поцелуйтесь, и покончим с этим, – или начинайте копать. – Она хлопнула в ладоши от нетерпения, подгоняя мужчин. – Ну же, вперед, черт возьми. Никто из нас моложе не становится.

– Давай уж, – сказал Леон.

– Там, внизу, ничего хорошего.

– Я выдержу.

Джонни выждал еще секунду, потом кивнул и размахнулся киркой. Через несколько минут они подстроились друг к другу и нашли нужный ритм. Джонни разбивал землю, Леон орудовал лопатой – бросал черную землю в чистый ночной воздух.

* * *

Наблюдая за всем происходящим у темницы сознания, Луана обнаружила, что постигла его суть так широко и глубоко, как никогда прежде. Она знала, что блуждает в лесу и чего оно боится. Знала, что нужно Вердине и на что способна старуха, чтобы получить желаемое. Когда могила будет открыта, Вердина убьет Луану и Кри. Луана пыталась

помешать ей, но не смогла сдвинуться с места. Представляя лежащий в кармане револьвер, она напрягала все силы, чтобы заговорить, позвать дочь и сказать ей, чтобы взяла оружие.

Возьми револьвер.

Убей стерву.

* * *

Джонни точно знал, на какой глубине похоронен надсмотрщик. А значит, знал, когда нужно отложить кирку.

– Дай мне лопату. – Леон протянул лопату. – Можешь вылезти.

– Уверен?

– Положись на меня.

Леон выбрался из ямы, на дне которой остался теперь один Джонни. Выбросив кирку, он на секунду задержал взгляд на старухе. Почувствовать ее, понять полностью не удалось, но Джонни знал, что ей нужно. *Жизнь! Камень!* Это проступало в каждом взгляде и жесте. Теперь она стояла на краю могилы, и ее глаза походили на черные дыры с точками света.

– Уверены?

– А ты?

Ее губы дернулись в дерзкой усмешке, увидеть которую еще раз желания у него не возникло. Вскоре лопата ударилась об останки надсмотрщика, и Джонни, как и остальные, пережил несколько неприятных мгновений. От гроба осталось практически лишь темное пятно в земле, кости перемешались. Джонни увидел зубы, клочья волос...

– Ха. Я же говорила. Мы проверяли этот гроб, когда я была молодая.

– Вы его вскрывали?

– Да. То, что оставалось.

– А ниже смотрели? – Старуха резко выдохнула, и Джонни выпрямился и показал на шею. – Камень. Что он собой представляет?

– Ты его видел?

– Во сне. – Джонни не стал говорить, что вроде бы видел камень еще и в лесу. – Больше копать не буду, пока не расскажете всё.

– Леон... – Она показала на яму, но Джонни выставил лопату, как оружие.

– Ты же слышал, Леон. Сделка есть сделка. Она обещала ответить на все мои вопросы.

– Леон, вытащи его из чертовой ямы.

Джонни покачал головой.

– Камень. Что это такое?

– Леон! – рявкнула Вердина, но тот поднял руки и отступил в сторону. Старуха посмотрела на него так, будто хотела убить взглядом, но потом все же кивнула: – Это не камень.

– Вы лжете.

– Он полый и очень древний. И он не просто камень, а нечто большее.

– Хорошо. Продолжайте.

Вердина ослабилась, но ни на Джонни, ни на Леона это не произвело должного впечатления.

– На древнем языке камень называется *фенги*. Моя мать называла его камнем души.

– Что он делает?

– То самое и делает, глупый ты мальчишка. Хранит душу.

– Чью?

– Первого из нас.

– Первого из вашей семьи?

– Первой женщины. Массасси. Женщины в моей семье хранили его на протяжении тысячи жизней, передавали от матери к дочери, поддерживая непрерывную цепь.

– Камень принесла Айна?

– Не произноси ее имя так, будто знаешь ее.

Джонни попытался представить такое – и не смог.

Тысячи жизней...

– Здесь камня нет. Ты не найдешь его.

Джонни думал, что правда сломает ее, но ошибся – и понял свою ошибку по кривой ухмылке и злобному блеску в ее глазах.

– Выкопай мне ее, а твое невыносимое, оскорбительное невежество мы оставим без внимания.

Джонни взглянул на Джека, потом повернулся, взял лопату и начал копать. Нависнув над могилой, Вердина смотрела, как он убирает кости и зубы надсмотрщика. Углубившись дюймов на десять, Джонни отставил лопату и принялся разгребать землю руками. Пыль и комочки глины липли к коже, и в какой-то момент ему вспомнился сон: вкус и давление земли, ощущения погребенного заживо.

– Ну что?

Но душой и телом Джонни был там, в темном и тесном месте. Подгребая землю под себя, он уходил все глубже, пока не коснулся чего-то и от неожиданности отпрянул.

– Господи...

– Что такое?

– Тепло.

– Это она! Подними ее оттуда!

Джонни не шелохнулся. Присмотревшись, он увидел сустав пальца, сломанный ноготь.

– Леон, – подала голос Вердина.

– Нет, не надо. – Джонни поднял предостерегающе руку. – Вы можете нечаянно повредить ее.

– Она жива?

Джонни посмотрел на Кри, которая, обхватив себя руками, стояла на коленях у могилы. Судя по выражению лица, девушка чувствовала то же, что и он: панику, удушье, ужас. Он еще на секунду задержал на ней взгляд...

И в этот момент палец в земле пошевелился.

* * *

Для Кри это было уже чересчур. Сколько раз она переживала во сне этот запах земли во рту? Сколько раз видела это лицо и бездонную яму? Палец шевельнулся снова, и Кри поняла: да, это Айна, живая. Там, в этой теплой, склизкой красной земле.

Столько лет...

Она отвернулась, и ее вырвало в траву.

– Как такое может быть?

Ее шепот никто не услышал. На нее никто не смотрел. До нее никому не было дела. Стоя на четвереньках, она рискнула бросить в яму еще один взгляд.

Сломанный ноготь.

И не один. Сломаны были все ногти.

* * *

Разделить останки и землю оказалось не так-то просто.

Тело, как он называл это для себя, напоминало пугало. Одежда сгнила. Волосы спутались в бесформенный комок, похожий на измазанный глиной и слизью корень. Осторожно, как горшечник, пользуясь только кончиками

пальцев, Джонни очистил локоть, лопатку, ухо. Женщина лежала на боку, и он продолжил работу с той же осторожностью, потому что кожа могла порваться даже от легкого прикосновения. Того, что сохранилось, оказалось на удивление мало, так что даже фраза *кожа да кости* была бы в данном случае сильным преувеличением.

– Ну же! Поднимай ее!

Но Джонни не торопился. Откопав одну ногу, он пошел вдоль нее и обнаружил вторую, слегка согнутую в колене. Дальше проследовал по спине, перебираясь от позвонка к позвонку, и, очистив нижнюю руку, увидел, что пальцы ухватились за корень висельного дерева.

– Что она держит?

Джонни не ответил. Освободив с величайшей осторожностью все пять пальцев, он ощутил перемену даже раньше, чем понял ее.

Один глаз был открыт.

От неожиданности Джонни подался назад, глядя в безумный темный зрачок, окруженный пожелтевшим белком. Слепа она или зряча? В сознании или нет? Половина ее лица оставалась в земле, как и большая часть левой стороны тела.

– Господи... Боже мой... – выдохнул Джек, но Джонни даже не поднял головы. Налитый кровью, как будто слезящийся глаз смотрел на него в упор. Джонни снял рубашку и очистил от грязи губы, потом раскопал остальное и по мере возможности укрыл останки.

– Леон, давай поднимем ее.

Леон опустил на колени у края ямы. Джонни поднял тело.

Она была легкой, как пушинка.

Пучок хвороста.

* * *

Из темницы своего сознания Луана наблюдала за всем, что происходит: как достают из ямы жалкие останки, как вылезает сам Джонни. Айну положили на землю, и Луана увидела черный язык и пеньки зубов. Жившие в Пустоши женщины искали ее почти двести лет, и Луана считала их старыми дурами, запутавшимися в нелепых верованиях.

Оказалось, ошибались не они.

Пальцы шевелились. Желтый глаз закатился, потом остановился на Луане, и ее захлестнула сильнейшая волна ненависти и безумия. Она ненавидела все и всех, людей, жизнь и мир, обрекший ее на вечное

заточение в земле. Ненависть шла волнами и шипом вонзалась Луане в мозг. Возможно ли, чтобы такая ненависть не поглотила себя саму? Возможно ли, что Айна выжила? Ответ на вопросы Луана слышала в голосе бабушки. *Она носила камень долгие годы, на шее и в руке, а потом прятала в том месте, где может спрятать что-то только женщина.* Все это Луана поняла в миг озарения. Айна держалась за счет камня, дерева, всей живности в земле вокруг нее. Она высасывала из мира соки... ради чего? Ненависти? Презрения? Безумия? Какая чудовищная сила так долго поддерживала эту жизнь? Или все это время Айна хотела умереть? Желала ли она покончить с таким существованием, но не могла достичь цели?

Жуткий глаз сосредоточился на Кри. Луана знала, что чувствует дочь. Кри стояла на четвереньках, но дергалась и стонала, как будто тот же самый шип раскалывал и ей череп.

– Нет, – бормотала она. – Нет...

Луана знала, сколь опасна Айна для своих прямых потомков, для самой Луаны и ее дочери, но знала она и то, что Вердина хочет покончить с Айной.

Для этого они и пришли сюда.

Для этого и выкопали Айну.

Луане казалось, что она наблюдает за всем через разбитое окно. Вердина напоминала ей сжатую пружину, но этого никто почему-то не замечал. Старуха опиралась на Леона, но руку держала у пояса, рядом с пистолетом. Она не хотела ни спасти Айну, ни облегчать ее страдания, ни завершать поиски, предпринимавшиеся многими женщинами на протяжении многих лет. Вердина хотела только камень, и к цели вела единственная дорога. Женскую ветвь следовало обрезать. И это означало, что они – Айна, а за ней и Луана с Кри – должны умереть. После их смерти останется одна Вердина, последняя ветвь на единственном имеющем значение дереве. Ей достанется камень, а с ним – время, жизнь и власть.

Но только если умрут другие.

Кри...

Девушка лежала плашмя на земле, прижав к вискам ладони и словно пытаясь закрыться от волн ненависти. Луана потянулась к дочери.

– Беги, – сказала она, но никто ее не услышал, а между тем револьвер уже лежал в руке Вердины. В следующий момент он оказался перед лицом Айны, грохнул и подпрыгнул. Как и похороны, смерть была быстрой и жестокой. Голова разлетелась на кусочки, и темная кровь растеклась небольшой лужицей.

Массасси...

Первая женщина.

Первая мать.

Луана раскрылась, словно цветок. В неразрывной цепочке она была следующей и сейчас чувствовала душу Массасси далеко в ночи. Связь, мощная и прочная, установилась мгновенно, и Луана увидела всех, кто ушел раньше. Она была всеми ими одновременно, тысячей жизнью.

– Я – Массасси...

Секунду она была ею. Была Массасси, и ее бабушкой, и всеми женщинами, оставшимися не более чем именами в памяти несчастного ребенка. Луана узнала, каково стоять под звездами Африки, быть с мужчинами, которых никогда не встречала, купаться в незнакомых морях. Столько всего – жизни, знаний, времени! Она и представить не могла, что в состоянии получить такое. Она была большой и маленькой, самоотверженной матерью, которой так и не стала. Взяв дочь за руку, Луана оторвалась от всех тех жизней, чтобы произнести одно по-настоящему важное слово.

– Беги.

Вердина повернулась и выстрелила ей в грудь.

Луана упала на колени, но не потеряла из виду Кри.

Беги, подумала она и улыбнулась – Кри побежала. Она всегда хорошо бегала: по тротуарам и дворам, по городу. По жизни, предназначенной не для нее. За ней не могли угнаться ни мальчишки, ни наркотики, ни те слабости, которые до сих пор управляли ее матерью.

– Креола! Креола, черт возьми! – кричала Вердина, посылая пули в лес.

Но Кри послушала мать и теперь убегала.

У дальней стены девушка нырнула в туман, и Луана обратилась наконец к звездам. Теперь она смотрела на них множеством глаз и через множество ночей.

Массасси...

Она почувствовала камень далеко в ночи и улыбнулась, зная, что Кри тоже почувствует его. Не сейчас, но скоро.

Вердина возвращалась, бормоча горькие слова своим холодным, сердитым голосом.

– *Дрянь... паршивая дрянь...*

Столько злости, ненависти, жадности... Но Луану это не трогало. Легкая, как перышко, она лежала на мокрой от крови траве. Жизнь заканчивалась, но Луана чувствовала дочь, легкую, быструю, проворную. Она чувствовала ее страх, но это было нормально. В той цепочке женщин

таилась сила, которая достанется Кри.

Уже скоро, дочка.

Ты просто беги.

Луана в последний раз коснулась дочери и отпустила; на траве рядом с ней уже стояла на коленях Вердина. От нее пахло потом, землей и сырým хлопком; голос дрожал от жадности.

– Где он? Покажи.

Луана улыбнулась, чувствуя, как уходит из тела тепло.

– Кри – следующая после меня. Она найдет Массасси.

– Кри умрет, и камень достанется мне.

– Нет, если я умру первой.

– Ты не можешь умереть. Я этого не допущу.

– Тогда тебе не следовало стрелять в меня.

– У меня столько же прав, сколько и у тебя!

– Будь это так, *кузина*, тебе не обязательно нужно было бы убивать нас, чтобы найти камень.

– Отведи меня к Массасси! – Вердина ударила Луану по щеке. Раз, другой. – Отведи, черт бы тебя побрал! Отведи меня к Массасси!

Словно этого было мало, старуха схватила раненую за плечи и принялась трясти и бросать на землю. Это был настоящий приступ гнева, какие случаются у детей. При этой мысли Луана рассмеялась, и внутри у нее что-то лопнуло. В горле появилось жжение. Вердина сунула ей в лицо ствол револьвера, но сделать уже ничего не смогла. Кри стала последней в цепи.

– Ты опоздала, – сказала Луана и, по-детски улыбнувшись, умерла.

* * *

Когда это случилось, Кри лежала, свернувшись калачиком, под черным деревом. Смерть матери она ощутила как крик ястреба; сознание ее вдруг расширилось, охватив множество жизней с их памятью и мыслями. Кри будто увидела мир с огромной высоты, ощутила движение земли и неба, холмов и рек, ход времени, местоположение людей в Пустоши. Она познала огорчения и любовь матери, ее торжествующую предсмертную гордость. Познала безумие Айны и любовь Массасси, тьму войны, чудеса мира и семьи, стабильность империи. Кри была собой и другими, нитью, сплетающей тысячи жизней. Для начала она сосредоточилась на Массасси, ощутила ее тепло и готовность.

Дитя...

Она была словом. И слово было ею.

Приди ко мне.

Кри хотела этого, но голова шла кругом. Она коснулась земли под руками, а потом неба. Отыскав нужное место в вышине, направила туда мысленный посыл: *молчание, перспектива, расстояние*. Там, в тишине и покое высших пределов, она медленно раскрылась, ловя проблески прошлого и настоящего. Тысячи жизней и их память стали ее жизнями и памятью. Ее знанием и силой. Прокричал ястреб, и Кри была там.

Становилась им.

Кри излилась в птицу и ощутила чистоту ее цели. Ястреб крикнул второй раз, и этот звук был для Кри словами, обращенными к матери. Они означали «согласие», «понимание» и «любовь».

«Спасибо тебе за мою жизнь».

«Прощай».

Глава 45

Для Джонни все свелось к одному – бежать. Он не помнил первый шаг, не помнил даже второй, но дальше был только бег. Тьма, ветер и Джек, потянувший Джонни за руку.

– Какого черта? Что происходит? – Выстрелы ударили у них за спиной, и Джек рванул первым. Перевалившись через стену, он потащил за собой друга. – Зачем она это сделала? Зачем убила ее?

Джонни не ответил. Тварь из могилы была наконец-то мертва. Мать Кри тоже погибла. Они влетели в туман, когда грохнул еще один выстрел. Кри тоже убегала.

– Ты только не останавливайся, – сказал Джонни, и целых пять долгих минут оба следовали этому правилу. Шевелись. Смотри под ноги. Не думай. Остановились там, где кончился туман. Вывалились в ясную ночь.

– Что за черт, а? Что происходит? – прохрипел Джек.

Джонни рухнул на колени, уже готовясь к тому, что его вот-вот вывернет наизнанку. На руках стыла влажная, скользкая глина.

Сто семьдесят три года.

Потом свежий воздух...

Потом...

Джонни смахнул лезущий в глаза липкий пот.

Все липкое, склизкое, влажное...

Как кожа у той твари.

Как мешанина у нее в черепушке.

– Джонни?

– Не сейчас, Джек.

– Джей-мэн...

– Господи...

Джонни открыл глаза и еще успел увидеть, как рушится стена тумана. Она обваливалась сверху вниз, и клубы уползали по земле к деревьям.

– Что происходит? Что нам делать?

Ответа у Джонни не было. Он не знал даже, жив ли еще Леон. Луана – да, она точно умерла – он это чувствовал, – но Леон, как и Вердина, оставался неясным, размытым пятном. Он воспринимал их как мерцания, то вспыхивающие, то почти исчезающие. Задержавшись с минуту на них, Джонни попытался найти Кри, но не обнаружил ни малейшего ее следа.

– Копы зашевелились. – Джонни ощущал их страх как пульсацию

красного. – Они близко.

– Хорошо. Пойдем к ним.

Но страх полицейских беспокоил Джонни.

– Ну же, Джей-мэн. Копы, оружие. То, что нам сейчас надо. – Джек смотрел на друга умоляющими глазами. – Чего мы ждем?

Джонни ждал вдохновения, но, конечно, Джека такой ответ не устроил бы. Глядя на друга, он видел страх, который не проходит сам по себе. Джек пережил потрясение, опрокинувшее его мир, выбившее фундаментальные опоры.

– Ты прав. Это самое логичное решение.

– Вот именно. Логичное. Пожалуйста, бога ради, идем.

– Да, идем. – Джонни положил руку Джеку на плечи и повел его к церкви. Деревья по обе стороны тропинки будто отступили, чтобы дать им больше места. Вдалеке появились огни. Кто-то развел костер. – Видишь? Все хорошо. Идти надо прямо. Ты понял?

– Что мы им скажем?

– Не знаю. Ты же юрист.

– Да, юрист.

– Прежде чем войти, предупреди. Ясно? Подай голос. Ты понял?

– Подожди. Что?

Джонни почувствовал, как задрожал Джек, но мерцание костра придало ему уверенности. Повернув друга в нужном направлении, он подтолкнул его вперед, свернул с тропинки и исчез. Джек разозлится, ему будет страшно, но где-то тут разгуливал Джон Мерримон, и Джонни подумал, что знает место, где стоит поискать его. На третьем холме от начала гряды.

Место, помеченное дымом.

Место, помеченное огнем.

* * *

Старуха прямилась, и Леон застыл как вкопанный. Вердина была такая маленькая и сухонькая, но в руке она держала револьвер, и Леон не поручился бы за свою безопасность.

– Ты их отпустил, этих мальчишек.

– А надо было задержать?

– Свидетелей не оставляют. – Вот такие простые, но страшные слова услышал Леон. Старуха плюнула на землю и едва не попала в мертвое лицо

кузины. – Какого черта, малыш? Чего ты ждешь? Скидывай их в яму.

– Что?

– Хочешь, чтобы тела нашли копы? – Она махнула револьвером в сторону старой церкви, до которой было не больше полумили. – И пошевеливайся.

Неохотно, однако Леон взялся за дело. Мать умерла при родах, отец ушел, когда ему исполнилось семнадцать. Вердина как единственная родственница присутствовала в его жизни всегда. Наклонившись к останкам той, которую называли Айной, он опустил их на дно ямы.

– Эту тоже.

Леон замешкался. Луану Фримантл он знал. Бывал в ее доме.

– Это неправильно.

– Делай, что говорят. Нас ждет долгая ночь.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что тебе нужно работать быстрее.

Леон осторожно опустил в яму и второе тело.

– А теперь закопай.

Он подчинился.

– Быстрее, быстрее, – нетерпеливо подгоняла Вердина. – Быстрее, черт бы тебя побрал.

Он весь вспотел, и осевшая на кожу пыль превратилась в грязь. Мысль о револьвере не давала покоя.

– Хватит, сойдет и так. Надо найти девчонку.

– Кри?

– Далеко она уйти не могла.

– Этого ты не знаешь.

– Ее мать только что умерла. Дальнейшее займет какое-то время.

Этого Леон не понял. Происходящее давно уже потеряло для него всякий смысл.

– Что ты с ней сделаешь?

– Тебя это не касается.

– А с Джонни?

– Не переживай. Я обо всем позабочусь.

Леон посмотрел в высокое звездное небо.

– И как, по-твоему, я ее найду?

– Не дури мне голову! Ты с восьми лет по следу ходишь.

Насчет следов она была права. Искусство следопыта передалось ему от отца. След он мог найти везде. Хоть в глубоком лесу. Хоть на каменистом склоне.

– Кри побежала вон туда. Видишь? – Старуха протянула руку, и Леон кивнул. – Молодчик. А теперь отведи меня к этой сучке-воровке. Я хочу забрать свое.

* * *

Идти по следам девчонки было нетрудно даже в темноте, с одним лишь только фонарем. Кри бежала по сырой земле, густо усеянной лесным мусором. Довольно быстро Леон отыскал и место, где она лежала. Он коснулся двумя пальцами вмятин на дерне, оставленных бедром, локтем, плечом.

– Она тут отлеживалась. Боялась, наверное... Пряталась.

– Когда ушла?

Леон потер землю между пальцами и посмотрел в глаза своей бабушке, где уже мерцали знакомые искры неутоленного голода. Налегая на палку, старуха подалась вперед, привстав от нетерпения на мысочки.

– Недавно. Может, несколько минут.

– Найди ее.

– Чтобы ты ее убила?

– Меньше думай.

Но Леон думал. Выпрямившись, он поднял фонарь и повернул на запад. Следы вели на север, к холмам.

– Идем. Я отведу тебя, куда надо.

Никталопия^[22] помешала старухе вовремя понять обман. Лишь когда впереди замаячили огни, а под ними обозначились контуры машин, когда появились намеки на движение и проступили силуэты людей, Вердина сказала:

– Это же церковь.

– Да.

– Кри не подошла бы так близко.

– Ты просто иди.

Леон шел позади и, когда Вердина остановилась, шагнул вперед и крепко взял ее за руку.

– Отпусти меня.

– Ты убила тех женщин.

– Так было нужно.

– Ты планируешь убить Кри и Джонни.

Она презрительно рассмеялась.

– Не забудь про адвоката.

– Я эту ночь никогда не забуду. Никогда.

Только после этих слов Вердина поняла, насколько серьезно настроен внук.

– Убери от меня руку, мальчишка.

Но Леон лишь крепче сжал пальцы. Он тащил ее к церкви, и из-за деревьев уже доносились крики. Полицейские заметили свет и шли на него.

– Отпусти меня.

– Скоро все кончится.

Вердина взвела курок револьвера. Ствол ткнулся Леону в ребра.

– Ты не станешь в меня стрелять.

– Откуда тебе знать... Как был дурнем, так и остался.

– Если так, стреляй. Давай.

Он остановился и посмотрел на нее сверху вниз. Старуха ответила твердым немигающим взглядом и потянула за спусковой крючок. Ничего. Она повторила попытку. Леон забрал револьвер.

– Я же тебе говорил, что стрелял из него дважды двадцать лет назад.

– Ты уже должен был сдохнуть.

– Дело в том, – сказал Леон, – что у меня было всего шесть патронов.

* * *

Джонни увидел огонь с вершины своего «спального» дерева. Уловив запах дыма, он обнаружил огонек на третьем от начала холме. Только на этот раз, в отличие от прошлых, огонек не прятался. Костер пылал открыто, словно приглашая к себе, так что Джонни спустился с дерева и, следуя знакомым маршрутом, направился к месту. У подножия третьего холма перебрался через валуны и стал подниматься по каменистой осыпи. Костер развели примерно на второй трети подъема, и Джонни, помня, как едва не погиб здесь в прошлый раз, сбавил шаг. Но теперь тропинки не путались и не исчезали, огонь не перемещался, а оставался на одном месте. Подъем закончился на уступе, с которого открывался вход в пещеру со скошенным, уходящим вниз потолком. Обойдя костер, Джонни увидел слабый свет в самой глубине. Что-то двигалось там, какая-то тень.

– Джон Мерримон? – Никто не ответил, но желтый свет сделался ярче. Наверное, Джонни не смог бы сказать, что почувствовал в пещере, кроме, конечно, страха. – Я иду.

Впереди был поворот, но Джонни заметил его едва ли не в самую

последнюю секунду. В том месте, где пещера уходила в сторону, зияла уже знакомая ему пустота.

– Джон Мерримон?

Вздых тронул воздух, а потом прозвучал голос, такой усталый и тихий, что его было едва слышно:

– Так ты меня видишь?

– Вижу мерцание.

– Это трюк, которому я выучился. Обман. – Мерцание рассыпалось, и Джонни увидел каскад образов: старик, мальчик и нечто ужасное, скрюченное и переломанное. Они пробежали один за другим и исчезли, оставив только мерцание.

– Люди бесконечно предсказуемы. Игра света. Старая любовь. Еще более старый страх. Напрягаться почти не приходится, что, наверное, хорошо, учитывая все обстоятельства.

– Все обстоятельства?

– Время, усталость, возраст.

Вглядываясь в пустоту, Джонни подошел ближе.

– Уже достаточно близко.

Не подумав как следует, он сделал еще два шага вперед, и его вдруг схватила, подняла над землей и подвесила в воздухе невидимая сила. Шевельнуться он не мог и лишь едва дышал.

– Мой дом, – произнес голос. – Мои правила.

– Твой дом – да.

– Уверен, что понимаешь?

– Пожалуйста.

Невидимые пальцы разжались. Джонни упал на землю и потер горло.

– Это ведь Джон, да?

– Сейчас это имя мало что значит для меня.

– Но я тебя знаю.

– Ты знаешь, каким я был. Это не одно и то же.

Мерцание снова рассыпалось, и Джонни увидел согбенную фигуру старого во всех отношениях человека. Кривые, высохшие ноги, перекрученные руки. Серая, в пигментных пятнах кожа. Было и что-то еще, залегающее глубже, какая-то порча, выражающаяся в форме черепа, во вздутиях под кожей. С человеком, которого Джонни видел в снах, у него не было ничего общего.

– Что, и вправду так плохо? – Старик поблек, растаял, но появился Джон Мерримон, такой, каким знал его Джонни: чуть повыше, чуть пошире. Он даже попытался улыбнуться, но не получилось. – Какой образ

предпочитаешь ты?

– Я привередливым никогда не был.

– Это да, не был. – Перед Джонни снова возник старик. – Ты и не просил для себя ничего, и не брал лишнего. Я даже восхищался тобой одно время: твоим ощущением своего «я», твоей любовью к этому месту. Поэтому и принял тебя здесь. Исцелял твои раны. Сделал так, что Пустошь стала твоим домом. Я одарил тебя...

– Восприимчивостью...

– И снами.

– Почему?

– Ты любил бы эту землю, как любишь ее сейчас? Ты принял бы это все без дара предвидения?

Он имел в виду пещеру, себя самого, свою уродливость. Но Джонни видел картину немного по-другому. Он думал об Айне в грязной яме, о том, с какой яростью Джон сорвал камень с шеи женщины и как закопал ее заживо.

– И все это время ты пробыл здесь?

Глаза, смотревшие на него из темноты, прищурились.

– О чем ты спрашиваешь? – В голосе прозвучали опасные нотки.

– Я не... Просто...

– Она не твоя.

– Что? Кто?

Старик повернулся и раздраженно посмотрел куда-то вбок. Воздух в пещере пришел в движение, как перед грозой. Волоски на руке зашевелились. Дохнуло электричеством.

– Просто спросил, – попытался оправдаться Джонни. – Я... ну, стараюсь понять.

Скрыть страх было невозможно. В старых черных глазах ворочалось безумие, блеснул темный оскал, и Джонни невольно вспомнил Уильяма Бойда, скрученного, раздавленного, переломанного. Он даже представил, как ухмылялся старик. Представил его гнилые зубы, пляшущие глаза...

– Мэрион все еще моя жена, – процедил Джон.

– Хорошо.

– Думаешь, несколько снов сравнятся с этим? – Старик надвинулся на Джонни. – Думаешь, это что-то значит?

– Успокойся, ладно.

Старик не успокаивался. Что-то дикое, необузданное росло и бурлило в темных глазах. Если Джон Мерримон и был здесь, Джонни его не видел. Он видел ревность, возмущение и столетнее безумие.

- Она еще не твоя.
- Что?
- Прикоснешься к ней – убью.

Ни малейшего желания прикоснуться к чему-либо Джонни не испытывал. Здесь, в этой каменной пещере с затхлым воздухом, все казалось нереальным. Некоторое время сумасшедший старик распинался о призраке, тени, а потом повел Джонни вглубь пещеры. Потолок понижался, так что приходилось пригибаться, и свет сходил на нет. Джонни лишь видел перед собой кривые ноги и сгорбленную спину.

У последнего поворота старик остановился и нацелил на Джонни взгляд темных глаз, в которых еще кипела ярость. Слипшиеся в нити грязные волосы упали на лицо.

- Я не сумасшедший, – сказал он.
- Верю.
- Нет, не веришь.

Понимание пришло в тот момент, когда они оказались в помещении, похожем на комнату. Здесь горел второй костер, и в его свете Джонни увидел...

Мэрион.

Она лежала на постели из кож и мехов, совершенно не изменившаяся ни фигурой, ни лицом, и при виде ее Джонни испытал неожиданное чувство. Она была перекрестком прошлого и настоящего, отсветом сна, но Джонни помнил их общее детство и блеск в ее глазах, когда она сказала, что однажды они станут мужем и женой. На ней было голубое платье с цветком, который он сорвал у реки. Джонни помнил ее родителей и сестру, помнил колечко, которое купил для нее в Бостоне. Вообще-то воспоминания принадлежали Джону, но это не имело значения. Джонни знал ее надежды и мечты, тайные улыбки и обещания, тысячи ночей страсти.

Она была его – и не его.

Это уже слишком.

- Теперь ты понимаешь, почему я привел тебя сюда?
- Я не могу.

Тяжело, волоча ноги, Джон подошел к лежанке, провел ладонью по волосам лежащей женщины.

- Разве ты ее не любишь? Разве не знаешь так, как знаю я?

Джонни не знал, что сказать. Грудь ее поднималась и опускалась. На щеках лежал румянец.

- Зачем я здесь? – наконец спросил он.

– Затем, что я умираю.

– Но ведь камень...

Старик покачал головой.

– Не родился еще мужчина, который смог бы принять душу Массасси. Это, по крайней мере, я обязан тебе сказать. – Он вынул камень из-под рубашки, и последняя иллюзия развеялась. Кожа под одеждой, сшитой кое-как из шкур, сгнила сильнее, чем Джонни мог подозревать, и висела ключьями. Глаза затягивала мутная пелена. Джон Мэрримон умирал на глазах у Джонни.

– Разве ты не любишь ее? – снова спросил он. – Разве ты не заплатишь любую цену, чтобы уберечь ее от бед?

Джонни посмотрел на Мэрион, на вытянутые вдоль туловища неподвижные бледные руки. Его собственное детство, жизнь родителей, бабушек и дедушек – это же марш истории. И все это время, пока поколения сменялись одно другим, эти двое были здесь, вместе.

Столько лет...

Такое одиночество...

– Возьми камень.

Джонни покачал головой.

– Ты должен.

Он протянул камень, и даже на расстоянии Джонни ощутил его силу. В пальцы как будто воткнулись невидимые иголки; восприятие обострилось. Он ощутил запах разложения под старческой кожей и теплый румянец Мэрион.

– Я следил за тобой, – продолжал Джон. – Я наградил тебя дарами. – Он еще ближе поднес камень, и в его глазах снова вспыхнули огоньки безумия. – Ты у меня в долгу.

Взгляд Джонни проник еще глубже в тело старика. Рак изгрыз кости, но сила его была огромна, ужасна и темна. Словно ядом, она заполняла его кровь и постепенно убивала.

– Я не всегда был таким, – сказал Джон. – В твоём распоряжении десятки лет, прежде чем ты станешь таким, как я. Сто пятьдесят лет. У тебя будет земля, Мэрион и вся жизнь. Возьми камень. Береги ее. – Джонни отступил на шаг. Старик подался вперед. – Ты не представляешь, какую силу он даст тебе, какие возможности откроет. Ты думаешь, что знаешь Пустошь? Нет, ты ничего не знаешь. Возьми.

Джонни покачал головой.

– Просто прикоснись к нему.

– Нет.

- Я не позволю, чтобы она умерла из-за твоей слабости.
- Не подходи ко мне.
- Из-за твоей трусости и неуступчивости.
- Я же сказал, держись от меня подальше!

И все же Джонни промедлил. С невероятной быстротой старик метнулся вперед и железной хваткой сжал его запястье.

– Она важнее каждого из нас. – Джонни сопротивлялся, но старик оказался невероятно силен. В конце концов кулак разжался, и Джон всунул камень в раскрытую ладонь и предупредил: – А теперь тихо.

Но мир уже взрывался.

Джонни взрывался.

На мгновение, буквально на долю секунды, он почувствовал гниение и безумие старика, и уже в следующий миг прожил десятилетия чужой жизни. Он испытал любовь Джона к Мэрион, такую могучую и многообразную, что его собственные представления о любви выглядели на фоне этого чувства бледными, как роса. Столько лет жертв, нужды, заботы... Мир пролетел в чередой войн, перемен и угроз, и все это время Джон был здесь, с Мэрион, поддерживая в ней жизнь, оберегая ее, защищая от вторжений извне. Джонни узнал его мысли и глубины океанов одиночества. Великие перемены прошли перед его глазами: первый аэроплан в небе, первый автомобиль в Пустоши. Джонни увидел людей, убитых Джоном, и тех, кого он оставил жить и распространять страх перед болотом. Вместе с ним Джонни приходил к себе в хижину, всматривался в собственное лицо и думал о Мэрион. Преданность и нежность остались – но не любовь; надежда сохранилась, но только как тень. Джон боялся живших в поселке старух. Они могли отнять камень, забрать жизнь и у него, и у Мэрион. Он ненавидел этих женщин за их силу, но за ненавистью всегда шло чувство вины. Все, чем он владел, принадлежало им: украденные годы, неувядающее совершенство Мэрион. Вихрь красок и эмоций пронесся через Джонни, но с ним пришел и новый страх: понимание того, что со временем камень так или иначе убьет его. Убьет, но прежде одарит силой.

Господи...

Ничего такого Джонни не знал и ни о чем подобном никогда не мечтал. Он любил Пустошь и сам был Пустошью. Не обитателем ее, не каким-то живущим в ней существом, но всей Пустошью, каждым ее растением, каждым бьющимся в ней сердцем, каждой вибрацией в почве. Он знал место, где остановился Джек, и цвет его мыслей. Мог бы, если б постарался, найти Леона и Вердину и узнать цвет их мыслей: красный –

неистойой ярости женщины, бледно-серый – печали Леона. Джонни мог дотянуться до всего, ко всему прикоснуться. Такова была сила камня, и эта сила выходила за пределы обычного знания. Он мог стать обманщиком, как Джон, мог исцелять и убивать.

А есть ли границы?

Джонни снова сосредоточился на Джоне, опухолях и новообразованиях в его костях, печени и легких, на тех усилиях, которые требовались ему, чтобы и удерживать Джонни, и делать очередной вдох. Джон уже переступил черту.

Хватит...

Это слово прозвучало у него в голове, и он знал, что произнес его Джон. Старик пытался отступить, но Джонни чувствовал шрамы 1853 года, раны от потерь и гнева, отчаяние, пришедшее вместе с камнем. Он видел годы гнева и лишений, видел возвращение к земле. Джон любил Пустошь так же, как любил ее Джонни, и более сотни лет заботился о больших деревьях и милых сердцу существах. В этом они были одинаковы.

Да, да...

Он думал, что Джонни еще можно как-то убедить, и последние крохи воли пустил на то, чтобы объяснить, добиться своего. Пустошь будет принадлежать ему во всех отношениях и смыслах. Он сможет заботиться о ней, как делал Джон, сможет оберегать так, как он не мог и представить. И это касается не только Пустоши.

Я был привязан к этой земле так же, как и Айна. У тебя может быть по-другому.

Теперь задний ход дал уже Джонни. Появился соблазн...

Ты сможешь бывать, где только пожелаешь, становиться чем угодно.

Джонни уже представлял: далекие горы, бесконечные леса...

Единственная цена – забота о моей жене.

Здесь скрывалась ложь, и Джонни это почувствовал. Камень предназначался Кри. Она была последним и самым сильным звеном в цепи.

Тебе придется убить ее.

Нет.

Джонни попытался вырваться, но умирающий собрал всю свою силу.

Она почувствует Массасси. Она придет.

Она всего лишь девушка. Обычная девушка.

Она зарится на то, что принадлежит мне!

Усилием воли Джонни оттолкнул видения, навязанные злобой, алчностью и обидой. Он отшатнулся и едва не упал. Связь между ними

оборвалась, и Джон Мерримон заплакал.

– Если откажешься, она умрет. – Он уронил мокрое от слез лицо в чашу ладоней и жалобно взмолился: – Неужели ты не понимаешь? Неужели не видишь?

– Я не могу убить невинную девушку.

– Но ты ведь хочешь владеть тем, что я могу дать.

Джон был прав и знал это. Без камня Джонни оставался всего лишь собой, почти ничем. И все оставалось таким же, мелким и незначительным. Он смотрел на камень, вспоминал его жар на ладони, взрыв восприятия. Глядя на камень, он забывал обо всем, кроме Пустоши.

Обо всем, кроме того, что связывало их.

– Да, – сказал Джон.

– Не могу.

– Возьми камень. Возьми мою жену.

– Мне нужно...

– Что тебе нужно? Время, чтобы принять решение? Прекрати. Ты же не ребенок. Кри идет. Ты, должно быть, и сам это знаешь.

– Я не чувствую ее.

– Мы и не можем чувствовать детей Айны. Вот почему они так опасны. Возьми камень, пока еще есть такая возможность.

«Как было бы легко, – подумал Джонни. – Камень. Сила. Могущество».

Старик наклонился ближе, держа камень на открытой ладони. Глаза его затуманились еще сильнее. Каждый вдох давался с трудом.

– Пожалуйста...

Он взял руку жены. Заскорузлые, узловатые пальцы сплелись с изящными, бледными. Это было так неестественно и печально...

– Я не могу.

– То есть не хочешь.

– Я не стану убивать ради тебя.

Джонни отступил еще на шаг, и старик, собравшись с силами, последовал за ним. Ноги едва держали его, но воздух снова накалился, и у Джонни перехватило горло.

– Тогда я сам это сделаю, – сказал Джон. – Убью девчонку и загоню камень тебе в глотку. Я заставлю тебя любить ее.

– Мэрион это не понравилось бы.

– Не произноси ее имя. Ты слаб. Ты недостойн.

– Она не захотела бы, чтобы из-за нее умерла невинная девушка.

– Однако ж десятки уже умерли. Старые и молодые. Я убью столько,

сколько потребуется! Сделаю все, что придется!

– Она об этом не просила.

– Возьми камень!

Старик снова протянул камень, и Джонни отступил еще на два шага.

– Ей нельзя оставаться в живых. Ей здесь не место.

– Не вынуждай меня сделать тебе больно.

– Ее жизнь – не дар.

– Закрой рот!

– Это проклятие...

– Я сказал – замолчи!

И вот тогда что-то сломалось в сердце старика. Остатки терпения и выдержки вспыхнули и сгорели, оставив лишь гнев и безумие. Он схватил Джонни и швырнул на стену. Потом придавил ногой к каменному полу, сжал сердце и легкие.

– Я дал тебе Пустошь. Я спас тебя.

Джонни висел в воздухе, раскинув руки и ноги. Он попытался заговорить, но не смог. Старик закашлялся, и между его губами просочилась кровь, но он словно и не заметил ничего. Надежда сгорела. Мэрион умрет. Он повернул кулак, и руки у Джонни перекрутились. То же и ноги. Джонни закричал, но старик не закончил. Он заставил его страдать, предал боли и крику, чередуя попытки с короткими паузами.

– Ты умрешь первым.

– Пожалуйста...

– Раньше моей жены.

– Пожалуйста...

– Раньше меня.

– Пожалуйста, прекрати...

Но Джон не останавливался, выворачивал кости, и Джонни кричал от боли. В какой-то момент старик упал на колени, но не перестал давить на суставы и ребра. В паузе, успев сделать вдох, Джонни сказал то единственное, что оставалось сказать:

– Ты делаешь это не ради нее... – Он вскрикнул от боли, прокусил язык и ощутил вкус крови. – Ты боишься остаться один.

– Молчи!

– Она предпочла бы умереть, чем стать такой.

– Ты этого не знаешь!

– Знаю! Ты сам показал мне ее! Она возненавидела бы тебя за то, каким ты стал.

– Нет.

– Да. Взгляни на ее лицо.

Старик посмотрел на жену, заплакал и... В мозгу у него Джонни увидел красное пятно. Джон умирал. Он свалился на землю, и Джонни тоже упал. Попытка пошевелиться не удалась – боль была такая, словно в теле не осталось ни одной целой кости. Рядом с ним лежал старик с белыми, как молоко, глазами. Лежал неподвижно, так что шевелились только губы.

– Она была единственной невинной. Неужели ты не понимаешь? – Слезы текли по его лицу. Он снова закашлялся, сплюнул кровь и раскрыл ладонь, на которой лежал камень. – Возьми. Спаси мою жену.

– Не могу.

– Убей Кри – и весь мир твой.

– Она еще ребенок.

– Она – последняя цена.

– Где-то я это уже слышал...

Старик моргнул. Поперхнулся.

– Айзек...

– Ты ведь любил его.

– Любил.

– Он ведь тоже за все заплатил. Как и те, кого ты повесил. Как и Айна, которая была даже моложе, чем Кри сейчас. А твой сын? – Джонни снова попытался сдвинуться с места и снова не смог. – Что стало с ребенком Мэрион?

– Мне пришлось отдать его.

– И разве он не заплатил? Остался без отца. Без семьи.

Слова прозвучали как последние, но Джон покачал головой и едва слышно прошептал:

– Она хотела быть матерью и женой. И я хотел для нее того же.

– Она и была матерью и женой.

– Недолго.

– Неужели ты не понимаешь? – Джонни удалось схватить еще глоток воздуха. – Последняя цена будет всегда. Одна, другая... Айзек. Твой сын. Я не хочу убивать невинную девушку. Время Мэрион прошло. И твое тоже.

– Пожалуйста...

– Нет.

– Джонни...

– Все закончится здесь. Сейчас. Никто больше никого не убьет.

Старик закрыл глаза, и Джонни увидел, как все в нем сломлено: воля, сила, надежда.

- На холме... лужайка...
- «Умирает», – понял Джонни.
- Я ее найду.
- Рядом... бок о бок...
- Обещаю.
- Это все, что осталось.

Джон закрыл глаза, и воздух вокруг них пришел в движение. Джонни ощутил силу и тепло, теплый миг, бывший тенью смерти старика. Он коснулся руки Джонни и излил последнего себя в ту цепь, что связывала их. Джонни почувствовал ожог и боль, потом пришло исцеление. Когда все закончилось, камень скатился с ладони старика.

- Я хотел, чтобы у нее было все это.

Джонни открыл было рот, но слов, подходящих такому моменту, не нашлось. Старик кивнул, забрался под шкуры рядом с умирающей женой, взял ее за руку, поцеловал любимую в щеку и испустил дух.

* * *

Джонни еще долго сидел в пещере. Рядом лежал камень, но он не дотронулся до него, а думал о Джоне и Мэрион, их долгих годах вместе, о своей жизни и о камне. А потом в свете костра появилась Кри. Девушка шла спокойно и уверенно, и Джонни вдруг пришло в голову, что он ведь не знает о ней ничего и что она изменилась каким-то едва ли не волшебным образом.

- Он сказал, что ты меня найдешь.
- Я вижу тебя с закрытыми глазами.
- А душа Массасси?
- Она – восходящее солнце.

Впервые за все время Джонни присмотрелся к ней внимательнее. Глубокие, спокойные глаза. Сияющее, словно под лучами солнца, лицо. Сейчас она выглядела старше, мудрее. Подойдя к постели, Кри посмотрела на мертвого мужчину и его все еще дышащую жену. С Мэрион ее взгляд сместился на Джона, его деформированные члены, изношенное тело.

- Я могла бы сказать ему, что этим все и кончится.
- Откуда ты могла знать?
- До своей собственной я прожила тысячу жизней. – Кри опустилась на пол, но не слишком близко, так что Джонни при желании мог бы первым дотянуться до камня. – Я знала Джона Мерримона, когда он был молодым.

Знала его жену, когда у нее случилась лихорадка.

- Он просил меня взять камень.
- Возьмешь?
- Если не возьму, Мэрион умрет.
- Так пусть умрет.

Джонни задохнулся от неожиданной боли. Как бы там ни было, он знал Мэрион очень близко, как только может знать женщину мужчина. Пусть даже через сон. Он даже любил ее. Не так, как Джон, но все-таки...

– Та жизнь никогда не была твоей, – сказала Кри. – И сила тоже не твоя.

Джонни промолчал, но ощутил близость камня к руке. Камень предлагал другую жизнь, другие возможности, знания о самом важном и самом древнем. Кри слегка склонила голову, как будто видела эту внутреннюю борьбу. Может быть, и в самом деле видела.

– А ты знаешь, что Джон Мерримон первым нарушил слово? – спросила она. – Что если б не это, Мэрион жила бы полной, нормальной жизнью, как и обещала Айна?

Правда эта была столь безобразна, столь отвратительна, что Джон Мерримон так никогда и не признался в совершенном деянии. Но Джонни видел сны и понимал, что случилось.

- Он передал землю Айзеку, а не Айне.
- Он первым нарушил сделку.
- Думаю, он любил Айзека.
- Предательство имеет цену, разве нет?

Джонни посмотрел на Мэрион, не в первый уже раз думая об этой самой последней цене.

– Мне очень жаль, что так случилось с твоей матерью. Я остановил бы Вердину, если б мог.

– Со смертью моя мама обрела покой. В самом конце она все поняла. – Кри улыбнулась, и столько безмятежного достоинства было в этой улыбке, что Джонни еще раз подумал – да, она действительно сильно изменилась. Девушка не смотрела на камень, который по-прежнему лежал между ними. – Пора поступить как должно.

- Что тогда случится с Мэрион?
- Со временем она умрет.
- Когда?

– Джон Мерримон направил силу Массасси на то, что было ему всего дороже. Этой силой пропитана пещера, сама Мэрион, даже ты. Она протянет день или неделю, но не долго. В конце концов жизнь – это самое

большое, что есть в мире.

Джонни придвинул руку к камню. Он и хотел взять его, и боялся. Еще сильнее его страшило столкновение.

– Что, если я возьму его сейчас?

– Тогда мы поборемся за него, ты и я.

– И что?

– Я – последняя в цепи, самая сильная. Ты проиграешь.

– А если нет?

– Массасси – душа женщин. В конце концов эта истина решает все.

Их взгляды встретились. Кри сохранила полное спокойствие.

– Куда ты пойдешь, если я соглашусь?

– Мир велик, и страдания женщин велики. Массасси направит меня.

– А это место?

– Сейчас Хаш Арбор мало что значит для меня.

– А как же мы, наши семьи?

– Поступи правильно, и никаких «мы» не будет.

Джонни посмотрел на камень. Какой огромной силой он обладает... С его помощью Джон поддерживал жизнь в Мэрион, отпугивал и убивал, защищал Хаш Арбор, невзирая на цену. Не камень ли лишил его рассудка? Или причиной были одиночество, время и горе? Одно Джонни знал наверняка – есть и всегда будет последняя цена. Но об этом стоило беспокоиться не ему одному.

– Ты – хороший человек? – спросил он.

– Я такая, какой меня сотворил Господь и мой народ.

– Камень может изменить мир. Он опасен.

– Это зависит от того, в чьих он руках. – Кри улыбнулась во второй раз. – Айну ожесточила война, а потом, еще сильнее, – рабство. Другие мягки и добры. Нужно верить.

В этом она была права. Что еще оставалось у Джонни, кроме веры в себя и в то, что вселенная, в конце концов, существует не просто так, а для чего-то? Кри упомянула о тысяче жизней. Спорить с этим Джонни недоставало мудрости. Хуже того, у него и права такого не было. Это понимал даже Джон Мерримон.

Не родился еще мужчина, который смог бы принять душу Массасси.

– Мне жаль, что Джон так поступил с Айной, с твоей семьей...

– Некоторые слабы. Я постараюсь быть другой.

«Хороший ответ», – подумал Джонни. Несколько долгих секунд он наблюдал за ее лицом, потом взял в руку камень и ощутил его тепло и силу. Кри не шелохнулась, сохраняя полное спокойствие, и это, подумал он, было

самым лучшим знаком.

– Возьми.

Она поднялась, изящно и с достоинством, и приняла камень. Положила его себе на грудь – и как будто вдруг стала старше, выше и обрела еще большее достоинство. Повернувшись, как могла бы повернуться королева, вышла, не оглядываясь, из пещеры. Джонни последовал за ней, но медленнее. Возле костра остановился и окинул взглядом Пустошь, багровую в ночи. Он не обнаружил ни малейшего следа Кри, но почувствовал вдалеке Джека, копов, Вердину и Леона. Что будет с этим даром завтра? Он не знал. Но ведь Кри сказала, что сила Массасси пропитала и его, и Пустошь...

Готов ли он жить без этой силы?

Сможет ли?

Эпилог

Мэрион умирала целый месяц, и Джонни почти все время находился рядом. Первый раз он оставил ее, чтобы похоронить Джона на вершине холма над пещерой, в которой тот прожил так долго. Лужайка, о которой упомянул Джон, находилась на восточной стороне, над обрывом, и Джонни выкопал могилу так, чтобы лучи солнца касались ее рано утром. Оставить Джона одного в земле он не смог и просидел с ним большую часть тихого, теплого дня. Говорил мало и негромко; описывал вид с холма или ветер, объяснял, почему решил именно так. Усложнять не было смысла, так что Джонни излагал все просто.

Так было правильно.

Джон этого не понял бы, но Джонни несколько не переживал из-за принятого решения. Каждый день Мэрион становилась чуточку бледнее, однако каждое утро на ее лице была та же едва заметная улыбка. Она увядала, теряла свежесть, как это происходит со статуей, что укладывалось в естественный порядок вещей. Через неделю выглядела немолодой. Через три недели – старой. Но Джонни, когда мог, всегда держал ее за руку. Он рассказывал ей о Джоне, его верности, его одиноких годах. Он пообещал ей место на той же солнечной лужайке и сказал, что там ее ждет Джон. Услышала ли она, поняла ли, если услышала, – Джонни не знал, но надеялся. И не без основания.

Краски поблекли.

Улыбка осталась.

Раз в день Джонни садился у входа в пещеру и наблюдал за активностью внизу. Чаще всего в поисках участвовали тридцать или сорок человек, но иногда бывало даже больше. Разделившись на группы по шесть человек, они медленно переходили из одной части болота в другую, исполненные решимости найти Джонни. Какое-то время его это забавляло. Но потом ему надоело присутствие посторонних на его земле. Надоели вертолеты и репортеры, сомнения и страх, раскатывавшиеся по Пустоши, как туман по склонам. Оставив Мэрион во второй раз, он встретился с Джеком возле своей старой, сгоревшей хижины. Джек и раньше приходил на болото, разыскивая Джонни. Каждый раз за ним следили, будто Джонни мог вдруг появиться ниоткуда и беззаботно поздороваться.

Ничего такого, разумеется, не случилось.

И не могло случиться, пока Джонни чувствовал.

Но вопросы оставались. Кри сказала, что магия *впиталась* в Джонни, но слово звучало неубедительно. Получалось, что он не *владеет* магией, что она не *закреплена* за ним *навечно*. И Джонни жил в постоянной тревоге, словно ожидая слепоты, потери чего-то или ампутации. Наблюдая за Мэрион, он боялся и за себя самого. Становился ли он от этого лицемером? Может быть. Он ничего не мог с этим поделать. Примерно такой же – на два мира – была и жизнь в пещере, так что когда Джек появился наконец один, Джонни отправился на встречу с ним под низким, белым и жарким – для конца сентября – небом. Он хотел хотя бы коротко прикоснуться к прежней жизни, испытать себя, и Джек давал такой шанс.

– Обвинение они не выдвигают. Всего лишь прекращают поиски, – сообщил он.

Джонни расширил сознание и увидел, что так оно и есть. Поисковики уходили. Старая церковь уже опустела.

– Как? Почему?

– Джимми Рэй Хилл подключен к системе жизнеобеспечения. Он говорит. – Джек держался спокойно, но тронул Джонни за плечо. – Джимми Рэй не знает, что убило шерифа, но клянется, что это не был ты. Том Ли пытался надавить, но Джимми Рэй стоит на своем и в показаниях ничего не меняет. И это еще не самая хорошая новость. – Джек выдержал паузу, но недолгую. – Джеймс Киркпатрик тоже заговорил. Кое-что в его истории звучит не вполне рационально, но что бы, по его мнению, ни убило Уильяма Бойда, он не называет тебя. – Джек изобразил в воздухе знак кавычек. – «Он висел в воздухе... распятый». Понимаешь? Ты такое представляешь?

Вообще-то Джонни представлял, но, опять-таки, его это никогда не беспокоило.

– Мне нужно обратиться в полицию?

– У капитана Ли свои планы, – ответил Джек. – Но поскольку никаких обвинений они тебе не предъявляют, то что он может сделать? Капитан задаст свои вопросы, на которые ты либо ответишь, либо нет.

Джонни сомневался, что все будет так просто. Случившееся напугало сильных, влиятельных людей, а это было опасно. *Никаких обвинений*. Он улыбнулся, как того хотел Джек, но полного облегчения не испытал. Последние недели его мысли были далеки от этой жизни.

– Ладно. Слушай, мне надо идти.

– Что? Да я только пришел. Ты что, не понял? Человеческие останки в пещере слишком старые. Так что с одного крюка тебя сняли. Но только с одного. Горожане – дело другое. Ты не поверишь, какие ходят слухи. О

распятии, о тебе, об этом месте... Но главное – все хорошо. Давай отметим. Устроим ужин! С выпивкой! Хижина сгорела, но собраться можно и у меня, в городе. Или где-то еще. Дело закрыто. Точка.

Джек хотел что-то добавить, но Джонни уже смотрел на север. Мэрион старела быстрее, и осталось ей недолго.

– Мне нужны еще две недели.

– Две недели? Ты серьезно?

Джек не смог скрыть разочарования, и смотреть на него было больно, но ничего другого Джонни не оставалось.

– Передай Клайду, что у меня все в порядке, ладно? И маме тоже.

– Конечно, но...

– Спасибо. Ты молодец.

Джонни уже почти повернулся, но Джек не закончил.

– Послушай-ка. Не хотелось бы напоминать, но по налогам у тебя в запасе девять дней.

– Господи... – За всеми проблемами и тревогами Джонни совершенно забыл об этой. Неужели он все же потеряет Пустошь, причем из-за такой ерунды, как деньги? – Ты почему улыбаешься?

– Скорее, ухмыляюсь.

– Черт возьми, Джек...

– Ты мне доверяешь?

– Конечно.

– Тогда скажи, что я – твой адвокат.

– Ты – мой адвокат.

– Хорошо. Отлично.

– Что происходит, Джек?

– Не беспокойся. Но обед через две недели... не пойдет. Восемь дней, ладно? В хижине. Я все принесу.

* * *

Встреча состоялась через пять дней после этого разговора. Четверо собрались в конференц-зале на верхнем этаже, в три часа пополудни. Джек пришел в джинсах, льняной рубашке и легких туфлях на резиновой подошве и со стертymi мысками. Мужчины, его недавние коллеги по фирме, выглядели представительно и серьезно в дорогих костюмах. Лесли была, как всегда, прекрасна.

– Джентльмены. Леди. – Бодро пройдя через комнату, Джек занял

место по центру стола. Уронив на полированную поверхность старый рюкзак, с которым ходил еще в школу права, он обвел взглядом присутствующих. За все это время улыбка на его лице ни разу не дрогнула.

Первой отозвалась Лесли.

– Похоже, частная практика идет тебе на пользу.

– Главное – иметь правильных клиентов.

Майкл Эдкинс сплел толстые пальцы и слегка подался вперед.

– Ты имеешь в виду «клиента»?

– Все верно. – Джек расстегнул рюкзак, достал файл и вытащил четыре копии одного документа. – Наши требования по урегулированию претензий. Обсуждению не подлежат.

Эдкинс посмотрел на документ, но трогать его не стал.

– Один миллион долларов.

– Только при условии выплаты всей суммы в течение трех дней. По истечении срока сумма утраивается. – Эдкинс презрительно хмыкнул. Его коллеги своих чувств не выдали. Джек широко улыбнулся. – Вы ведь представляете округ, или я не туда попал?

Ответить улыбкой – такой же ослепительной, как и прежде, – на улыбку сумела только Лесли.

– По-моему, советник, вы немного торопитесь.

– Ваш вертолет упал на дом моего клиента...

– Точнее, на хижину.

– На дом, построенный собственными руками. Творение любви.

– Тем не менее ответственность пока не установлена, – напомнила Лесли.

– Это, несомненно, будет сделано в ходе судебного заседания. Разрушение частной собственности. Применение чрезмерной силы. Намеренное причинение эмоциональных страданий. Злонамеренное судебное преследование. Не вынуждай меня начинать.

– Пожалуйста...

– Ваша служба шерифа преследовала моего клиента с детского возраста. Это нетрудно установить.

– Ваш клиент, – перебил его Эдкинс, – неоднократно нарушал закон. То, что вы называете преследованием, я называю принуждением к порядку.

Джек посмотрел на старшего партнера с выражением, не обещающим ничего хорошего.

– Капитан Ли использовал гражданских лиц...

– Гражданских *следопытов*, – снова вмешался Эдкинс.

– *Вооруженных* гражданских следопытов.

– Что? Нет! Они никогда бы...

Джек вытряхнул из файла еще несколько листков.

– Показания под присягой. Тимми Бич. Боб Бринсон. И еще несколько человек. – Все четверо юристов принялись листать страницы. – Два надзирателя в тюрьме подтвердили, что мой клиент, будучи задержанным по подозрению в убийстве Уильяма Бойда, содержался в не соответствующих его статусу условиях и что шериф Клайн незаконно отказывал моему клиенту в праве на юридическую помощь. Вот их показания. – Джек положил на стол очередной документ. – Я еще не брал показания у Бонни Басби, но она в курсе враждебного отношения шерифа к моему клиенту. Басби – хороший человек, и я думаю, что она скажет правду, когда ее вызовут повесткой в суд. В принципе, если дело дойдет до суда, округ потеряет изрядную сумму. Вы это знаете. Я это знаю. Давайте даже не обсуждать, как это отразится на имидже округа и к каким приведет политическим последствиям.

Никто не затронул еще один вопрос, имевший ко всему этому прямое отношение. Жюри присяжных в округе Рейвен набиралось обычно из рядовых рабочих, «синих воротничков», мужчин и женщин, живших за городской чертой. Для этих людей Джонни был героем, а власти округа – врагом. Каждый раз, представляя себя перед жюри, Джек довольно улыбался. Майкл Эдкинс тоже понимал, что и как.

– Миллион долларов...

– Вы еще легко отделаетесь.

– Все это слишком быстро... – Эдкинс помахал рукой, будто хотел удалить документы с помощью некоего фокуса. – Весьма необычно.

– Да. – Джек поднялся и застегнул рюкзак. – Вам нужно время, чтобы все обсудить. Я подожду внизу.

Времени им потребовалось даже меньше, чем рассчитывал Джек. Лесли нашла его у большого окна с видом на центр города. Идеальная кожа, бледная, с легким румянцем. Глаза, когда на них падал свет, сияли.

– Хорошая работа, советник. – Джек пожал плечами. Дело еще не закончилось. – Они хотят, чтобы вы довольствовались половиной.

– Не обсуждается.

– Я им так и сказала, что ты не согласишься. Предполагается, что я сыграю по жесткому варианту.

– Значит, договариваемся на миллион?

– Эдкинс сделку не одобрит, но деваться некуда. Миллион плюс обычная сопутствующая мелочовка.

– Соглашение о неразглашении, отказ от прав?

- Да, как всегда.
- Деньги нужны мне через три дня.
- Я подготовлю все бумаги завтра.

Джек кивнул. Первый настоящий клиент. Первое дело. Он уже повернулся, но Лесли не закончила.

– Ты видел его? Ну, после того, как... сам знаешь. – Она тронула его за руку, но Джек промолчал. Лесли придвинулась ближе. Те же ароматы. Парфюм. Волосы.

– Что там произошло? В смысле, на самом деле? Все эти останки в пещере. Истории. Говорят, им сто и даже больше лет. Говорят, никто не знает наверняка, как умерли Бойд и шериф и как Колсон Хайтауэр ухитрился утонуть в луже глубиной в восемнадцать дюймов. – Джек покачал головой, и Лесли придвинулась еще ближе. – Говорят, кое-что даже коронер не хочет обсуждать. Люди передают слухи – мол, место проклятое и Джонни не такой, как мы...

– Перестань...

Но она не унималась.

– У меня есть знакомые в службе шерифа, да и в полиции штата тоже. Кое-кто рассказал про Вердину Фримантл и старую могилу, в которой нашли нечто такое...

– Лесли...

– По их словам, то, что лежало в могиле с Луаной Фримантл, не поддается никакому объяснению, и что не зря коронер держит рот на замке. Люди напуганы, взрослые люди. Они не знают, чему верить.

– Что ты предлагаешь?

– Эти ребята – опытные полицейские, детскими сказками их не проймешь.

– Послушай, ничего особенного нет, а слухи – это только слухи.

– Да, но кто бы смог жить в таком месте? Кто бы согласился? Ну же. Ты был там. Ты знаешь, что произошло. Ты все видел.

Джек посмотрел в окно на город. Она была права. Он много чего видел.

– Я бы с удовольствием тебя послушала. Ну, ты знаешь. Когда это закончится.

Лесли стиснула его деформированную руку, и именно об этом думал Джек, отправляясь за двенадцать кварталов, чтобы купить бурбон и сигары. Он думал об их ночах, об этих глазах в сумраке. Торговка по натуре, Лесли жила, ни о чем не жалея. Может, он встретится с ней, а может, нет. В любом случае решать будет сам.

* * *

У себя в квартире Джек подумал о деньгах, которые выиграл для Джонни. Следующий шаг – убедить друга в том, что передача земли для общественного использования – идея очень даже разумная. Такая мера позволит изрядно сэкономить на налогах. Джек даже улыбнулся, прикидывая, какие аргументы можно предъявить. Для этого он и учился в школе права: чтобы знать ответы, чтобы помогать людям, которые тебе дороги.

Плеснув в стакан бурбона, он поднялся с ним на крышу. Далеко на севере лежала Пустошь. Через два дня они встретятся за обедом, и он спросит насчет тел в пещере и прочих штук, о которых только и говорят в городе. Интересно будет узнать обо всех этих смертях и необъяснимом страхе, о котором рассказывают выжившие. Спросит он и о том, о чем никто другой не знает: что за древнее существо обнаружилось в яме, выкопанной на старом кладбище. Что за секреты хранили Вердина и Джонни, и чем так чертовски особенна Пустошь. Ответов он, конечно, получит мало, но это не главное. Рано или поздно они всплывут. Или не всплывут. Главное – и это Джек знал наверняка, – что Джонни Мерримон – его лучший друг. Так было и так есть с самого детства. А на то, чтобы получить ответы, у них впереди годы. Целая жизнь.

Джек умел ждать.

И когда-нибудь он все узнает.

Опрокинув стакан, Джек допил бурбон и наклонился за камешком, маленьким, белым и гладким, – чтобы было больно, но не до крови. Подбросил камешек на ладони и опустил в карман.

* * *

Мэрион умерла в последний час перед рассветом, и Джонни был с ней, когда это случилось. Он поплакал, пустив больше слез, чем позволяла признать гордость, но память Джона осталась с ним, и ему было грустно оттого, что она, прожив так долго, так мало пожила по-настоящему. Пятнадцать месяцев в браке. Мгновения с ребенком. Вторая могила была готова к полудню, но Джонни не спешил. Денек в Пустоши выдался жаркий. Холм – хорошее место для Мэрион, думал он. Столько лет пролежала в пещере. Хотя... так ли это важно? Здесь с ней рядом Джон.

Одна земля. Засыпав могилу и выровняв холмик, Джонни впервые задумался о том, чем ее отметить. На семейном кладбище, в бывшей усадьбе, до сих пор стояло старое надгробие. ДУШИ, НАВЕКИ СВЯЗАННЫЕ ЛЮБОВЬЮ. Джонни запомнил эти слова – пожалуй, более подходящих и не найдешь.

Может, перенести ту плиту сюда...

Может, вырезать даты...

Джонни провел в холмах еще два дня, и когда на третий солнце уже клонилось к горизонту, отправился наконец к хижине. От нее практически ничего не осталось, и вертолет до сих пор не убрали. Но ни то ни другое его не беспокоило. Он построит другой дом. А пока есть пещера. Поправив складной стул, Джонни вытер сиденье, а потом и стол, подставил лицо теплым солнечным лучам и в тишине наступившего вечера направил мысли в будущее. До этого момента он думал главным образом о Мэрион и Джоне, о прошлом и Кри, которая была где-то там. И лишь к сумеркам, в свой самый слабый час, вспомнил о себе.

Что, если сила ушла?

Джонни глубоко вдохнул, мысленно потянулся к Пустоши и ощутил всю ее ширь. Он узнал, что Джек в полумиле от церкви, идет себе, посвистывая. Узнал, что завтра будет дождь и что камень остывает в тени, в паре миль к северу. Кри сказала, что земля пропитана силой, и Джонни пропитан ею тоже.

Может быть, это слово значит больше, чем он думал.

Сидя лицом к солнцу, с закрытыми глазами, Джонни наблюдал за Джеком, который брел через болото, поскользываясь и чертыхаясь, но определенно с хорошими новостями. Может быть, это продлится вечность, думал Джонни. А может, испарится. Впрочем, вот сейчас, в данный момент, он был совершенно счастлив. У него есть Пустошь, и друг уже на подходе. Они будут пить бурбон, курить сигары и трепаться. Засидятся допоздна, но утром зарядятся кофе и отправятся ловить рыбу в темных водах. Джонни увидел, как Джек достает камешек из кармана. Он подождал еще немного, а когда рука пошла назад, улыбнулся и сказал:

– Не надо, дружище.

1

Об этих событиях рассказывается в романе Дж. Харта «Последний ребенок».

Манчего – испанский твердый сыр из пастеризованного овечьего молока; производится из молока овец породы манчегга исключительно в Кастилии.

3

Ради общественного блага, на безвозмездной основе (*лат.*).

4

Корд – единица измерения сухого объема, используемая в США и Канаде для измерения объема дров и древесины. Корд – это количество аккуратно сложенных дров, которые занимают объем 128 куб. футов, или приблизительно 3,6 куб. м.

5

Соотв. 5,4 кг и 6,8 кг.

Мисдиминор – категория мелких уголовных преступлений, граничащих с административными правонарушениями. Наказанием за большую часть таких преступлений обычно является штраф или лишение свободы на срок до 1 года.

Рейнмейкер (*англ.* rainmaker) – букв. «вызывающий дождь»; влиятельный сотрудник фирмы, создающий новые бизнесы, привлекающий крупных клиентов и инвестиции, используя нетрадиционные каналы и методы, добиваясь результатов словно магическим образом. Ключевая фигура в бизнесе.

Ассоциат – младшая ученая степень, присваиваемая выпускнику колледжа.

ИПС (*англ.* IRA) – индивидуальный пенсионный счет.

«Омаха-Бич» – кодовое название одного из пяти секторов вторжения сил союзников на побережье оккупированной нацистами территории Франции в ходе операции «Оверлорд» во время Второй мировой войны (6 июня 1944 г.).

11

Так на Западе называют Первую мировую войну.

12

По Фаренгейту, т. е. – 12,2 градуса по Цельсию.

13

Сорт ямайского пива.

Джу-джу – запрет, табу, налагаемое считающимся магическим амулетом джу-джу.

15

По Фаренгейту, ок. 35 градусов по Цельсию.

«Правило Миранды» – юридическое требование в США, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах.

17

Ок. 155 см.

Букв. «то за это»; услуга за услугу (*лат.*).

Круглые каблучки – идиома, обозначающая неразборчивость в выборе сексуальных партнеров и частую их смену.

«Щит пустыни» и «Буря в пустыне» – названия наступательных операций американских войск в Ираке в 1990–1991 гг.

21

Ок. 46 см.

Никталопия – расстройство зрения, при котором затрудняется или пропадает способность видеть в темноте.